Арон РАЛЬСТОН
Международный бестселлер, основа номинированного на шесть «Оскаров» нового фильма Дэнни Бойла — постановщика знаменитых хитов «На игле», «Пляж», «Миллионер из трущоб» (восемь «Оскаров» 2009 г.)
ЧИТАЙТЕ КНИГУ – СМОТРИТЕ ФИЛЬМ!
ВАЖНА КАЖДАЯ СЕКУНДА
127 ЧАСОВ
МЕЖДУ МОЛОТОМ И НАКОВАЛЬНЕЙ
АЗБУКА

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Впервые на русском — удивительный международный бестселлер, основанный на реальной драме выживания, основа номинированного на шесть «Оскаров» нового фильма Дэнни Бойла — прославленного постановщика таких хитов, как «На игле», «Пляж», «Миллионер из трущоб» (восемь премий «Оскар» 2009 г.); главную роль исполнил Джеймс Франко.

Арон Ральстон трудился инженером в компании «Интел», но пожертвовал престижной работой и высокой зарплатой ради удовлетворения своей всепоглощающей страсти к дикой природе и неприступным горам. Поселившись в живописном штате Колорадо, он поставил перед собой беспрецедентную цель — зимой, в одиночку покорить все 59 колорадских вершин, превышающих 14 000 футов, а также взойти на высочайшие горы всех штатов в стране. И вот однажды, отдыхая от подготовки к восхождению на аляскинский пик Мак-Кинли (самая высокая вершина Северной Америки), Арон отправился в пустынный штат Юта — покататься на велосипеде и полазать по каньонам. Там в узком ущелье на него скатился тяжелый валун, придавив к стенке его правую руку. 127 часов — столько Арон проведет в каменной ловушке, практически без воды, еды и сна. Рассчитывать на спасателей особенно не приходится — ведь никто не знает, куда именно он поехал; поднять валун — невозможно, весу в нем, наверное, полтонны; что же остается — попробовать самому ампутировать руку?..

- Арон Ральстон
  - ПРОЛОГ
  - ГЛАВА 1
  - ГЛАВА 2
  - ГЛАВА 3
  - ГЛАВА 4
  - ГЛАВА 5
  - ГЛАВА 6
  - ГЛАВА 7
  - ГЛАВА 8
  - ГЛАВА 9
  - ГЛАВА 10
  - ГЛАВА 11
  - ГЛАВА 12
  - ГЛАВА 13
  - ГЛАВА 14

- ГЛАВА 15
- ЭПИЛОГ
- КРАТКАЯ БИОГРАФИЯ

- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19
  - 20
  - 21
  - 22
  - 23
  - 24
  - 25
  - 26
  - 27
  - 28
  - 29
  - 30
  - 31
  - 32
  - 33
  - 34
  - 35
  - 36
  - 37
  - 38
  - 39
  - 40

- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83
- ○ 84

- ○ 85
- ○ 86
- ○ 87
- ○ 88
- ○ 89
- ○ 90
- ○ 91
- ○ 92
- ○ 93
- ○ 94
- ○ 95
- ○ 96
- ○ 97
- ○ 98

Арон Ральстон
127 ЧАСОВ: МЕЖДУ МОЛОТОМ И НАКОВАЛЬНЕЙ

СТРАСТЬ ж. страсти мн. (страдать):

1) страданье, муки, маета, мученье, телесная боль, душевная скорбь, тоска; особ, в знач. подвига, сознательно принятые на себя тяготы, мученичества;

2) страсть, душевный порыв к чему-либо, нравственная жажда, алчба, безотчетное влеченье, необузданное, неразумное хотенье.

…После того как сирен товарищи сзади оставят,
Дальше тебе ни за что говорить я не стану, какую
Выбрать дорогу тебе. Умом своим собственным должен
Это решить ты. А я расскажу об обеих дорогах.
Встретишь на первой утесы высокие. Яро пред ними
Волны кипят синеглазой богини морской Амфитриты.
Планктами эти утесы зовут всеблаженные боги.
<…>
Все корабли, к тем скалам подходившие, гибли с пловцами;
Доски одни оставались от них и бездушные трупы,
Гибельным вихрем огня и волною носимые в море.
<…>
Два на дороге второй есть

утеса. Один достигает
Острой вершиною неба, вокруг нее тучи теснятся
Черные. Прочь никогда не уходят они, у вершины
Воздух ни летом, ни осенью там не бывает прозрачным.
<…>
Мрачная есть в середине утеса большая пещера.
Обращена она входом на мрак, на запад, к Эребу.
Мимо нее ты направь свой корабль, Одиссей благородный.
<…>
Страшно рычащая Сциллa в пещере скалы обитает.
Как у щенка молодого, звучит ее голос. Сама же —
Злобное чудище. Нет никого, кто б, ее увидавши,
Радость почувствовал в сердце, — хоть если бы бог с ней столкнулся.
Ног двенадцать у Сциллы, и все они тонки и жидки.
Длинных шесть извивается шей на плечах, а на шеях
По голове ужасающей, в пасти у каждой в три ряда
Полные черною смертью обильные, частые зубы.
<…>
Из мореходцев никто похвалиться не мог бы, что мимо
Он с кораблем невредимо проехал: хватает по мужу
Каждой она головой и в пещеру к себе увлекает.
Там и другую скалу, Одиссей, ты увидишь, пониже,

Близко от той. Отстоит от нее лишь на выстрел из лука.
Дико растет на скале той смоковница с пышной листвою.
Прямо под ней от Харибды божественной черные воды
Страшно бушуют. Три раза она их на дню поглощает
И извергает три раза. Смотри же: когда поглощает —
Не приближайся! Тебя тут не спас бы и сам Земледержец!
К Сциллиной ближе держися скале и как можно скорее
Мимо корабль быстроходный гони. Несравненно ведь лучше
Шесть людей с корабля потерять, чем всех их лишиться.

Гомер. Одиссея, песнь двенадцатая.[1]

ПРОЛОГ
Вместе с бандитами из Руста

По натуре он был скорее лодочником, чем ковбоем, и готовить ему удавалось лучше, чем грабить поезда. И все же Джон Гриффит (особые приметы: один глаз голубой, другой — карий) стал незаменимым членом «Дикой шайки» Бутча Кэссиди. Это было в те времена, когда банда скрывалась в Восточной Юте, в Робберз-Руст.[2] Блю-Джон — Синий Джон, как называл его первый работодатель, — впервые появился здесь в качестве повара на ферме Харриса — неподалеку от Циско, милях в шестидесяти к западу от Гранд-Джанкшн. Но, не проработав в согласии с законом и двух лет, этот тридцатипятилетний парень связался с Джимом Уоллом, известным также как Серебряный Мундштук, и Эдом Ньюкомом по кличке Индеец. Дело было весной 1890 года, при сборе скота для родео. Ковбои рыскали по просторам Руста под предводительством Джека Мура, человека с дурной репутацией. Мур нередко принимал банду Кэссиди на своей территории, ограниченной реками Дерти-Девил, Сан-Рафаэль, Грин и Колорадо. И всякий раз, когда «Дикая шайка» располагалась в Русте на зиму, разбивала лагерь до или после очередного набега либо заглядывала сюда, чтобы помочь со сбором скота, их ждал радушный прием.

Серебряный Мундштук, Синий Джон и Индеец Эд бродили вместе с шайкой на ролях подсобных рабочих и брались за все подряд, будь то конокрадство, разбой или выпас скота. В 1898 году они помогали Муру ловить остатки стада Джей Би Бура, а затем отправились воровать лошадей в Вайоминг. Перестрелка на обратном пути стоила Муру жизни. В начале следующего года, доставив ворованных лошадей в Колорадо для продажи, компания вернулась в Приют и разжилась новой партией отборной конины, ограбив ранчо близ Моаба и Монтичелло. Поисковые отряды, надо сказать, старались держаться подальше от Руста, поэтому парни из «Дикой шайки» не очень-то их боялись. И в то же время разбойники знали: после всех этих шалостей слуги закона охотятся за ними.

Однажды преступная троица вместе с запасом краденого добра — двумя вьючными мулами и полудюжиной лошадей — встала на ночевку в боковом отроге каньона Руст. Поздним февральским утром Индеец Эд карабкался по камням к укрытию, и тут утреннюю тишину взорвал ружейный выстрел. Пуля тридцать восьмого калибра расплющилась о скалу и,

отрикошетив, пробила Эду ногу над коленом. Эд упал на песчаную промоину и, скрываясь за кустами, пополз в укрытие, откуда его приятели уже обменивались выстрелами с полицейскими. Поисковый отряд нашел их по следам и вчерашнему кострищу. Пока Синий Джон отвлекал внимание полицейских, Серебряный Мундштук выбрался на край каньона и трижды пальнул по людям шерифа. Пули просвистели у них прямо над головами. Стражи закона отступили из каньона к своим лошадям и помчались по домам, разнося весть о перестрелке с «Дикой шайкой».

После этого случая сообщники разошлись и более никогда не участвовали в преступных операциях. Бандиты повесили ружья на стену, и каждый мирно ушел с исторической арены, оставив подвиги другим. Индеец Эд Ньюком подлечил ногу и, как принято считать, вернулся в Оклахому, где и канул в неизвестность. Серебряный Мундштук сбежал из-под охраны, отсидев два года из десяти положенных ему в тюрьме округа Уэйн, штат Юта. В конце концов он поселился в Вайоминге, дабы тихо провести остаток дней своих. Синего Джона — Гриффита — в последний раз видели осенью 1899 года, когда он отбывал из Хайта вниз по реке Колорадо, в сторону Лиз-Ферри, по одному из самых красивых и опасных речных участков на Западе. Никто не видел, как он прибыл в Лиз-Ферри, поэтому считают, что он покинул реку на полпути, дабы отправиться в Аризону или даже в Мексику. Во всяком случае, о нем больше никто никогда не слышал.

Из этой троицы лишь один смог оставить след на земле. Каньон Блю-Джон и источник Блю-Джон, рядом с местом роковой засады, названы в честь именно этого — не то повара, не то скотовода, не то конокрада, что с добрый десяток лет рыскал по Русту на исходе девятнадцатого века.

ГЛАВА 1
«Геологическая эпоха включает настоящее время»

Это самое красивое место на земле.

Таких мест много. В сердце каждого человека, мужчины или женщины, запечатлен образ идеального места, знакомого или незнакомого, реально существующего или воображаемого дома… И нет предела стремлению человека вернуться домой. Богословы, пилоты, астронавты слышат этот зов, обращенный к ним свыше, из холодной черной пустоты между звездами.

Для меня такое место — Моаб, штат Юта. Я, конечно, не имею в виду сам город, я говорю о той местности, которая его окружает, — о каньонах. Пустынные гладкие скалы. Красная пыль, обожженные солнцем склоны, небо над головой — там кончаются все дороги.

Эдвард Эбби. Пустынный отшельник

И снова расплывающийся инверсионный след самолета в синем, как птица счастья, небе над красным пустынным плато. Остается только гадать, сколько дней под палящим солнцем видела эта бесплодная земля со дня Сотворения. Субботнее утро, 26 апреля 2003 года. Я еду на горном велосипеде по бугристой грунтовке в дальнем юго-восточном углу округа Эмери, что находится к востоку от центра штата Юта. Час назад я оставил свой пикап на парковке в начале тропы на каньон Хорсшу, в укромный уголок национального парка Каньонлендс, расположенный в двадцати пяти километрах к северо-западу от легендарного Мейз-Дистрикт, в шестидесяти пяти километрах к

юго-востоку от зазубренного хребта Сан-Рафаэль, в тридцати двух километрах от Грин-Ривер и примерно в шестидесяти пяти километрах от шоссе I–70 — последнего оплота цивилизации и коммерции («Ближайший автосервис — 176 километров»). Разогнавшись на сотнях километров плато, ограниченного на западе снежными горами Хенрис (последним горным хребтом в США, который был исследован, назван и нанесен на карту), а на востоке — горами Ла-Сал, сильнейший ветер дует с юга — мне навстречу. Он не только снижает мою скорость — я еле ползу по пологому склону на самой низкой передаче, — но и заметает дорожную колею сугробиками красно-коричневого песка. Я стараюсь ехать там, где его поменьше, но временами песок покрывает всю тропу, и колеса вязнут. Уже три раза мне приходилось брести пешком через особенно длинные песчаные топи.

Ехать было бы значительно легче, если бы не тяжелый рюкзак на спине. Я не потащил бы с собой двенадцать килограммов снаряжения и продуктов в обычную велосипедную вылазку, но сегодня я двигаюсь по кольцевому пятидесятикилометровому маршруту. И часть его лежит по дну узких и глубоких каньонов. Эти развлечения займут у меня почти весь день. Помимо воды, припасенной в трехлитровом терморюкзаке-кэмелбэке[3] и в литровой бутылке из лексана, у меня есть пять шоколадок, два буррито и шоколадный кекс в полиэтиленовом пакете. К пикапу я приду голодным, но на день должно хватить.

Самая тяжелая часть моего груза — полный комплект скального снаряжения: три муфтованных карабина и два карабина без муфт, облегченное комбинированное устройство для страховки и спуска по веревке, две оттяжки из полудюймовой ленты, такая же полудюймовая лента, только длинная, с десятью простроченными петлями («лесенка»), обвязка, шестидесятиметровая динамическая страховочная веревка диаметром 10,5 миллиметра, восемь метров дюймовой стропы-трубы и, наконец, купленный на распродаже мультитул[4] «Лезерман» с двумя складными лезвиями и пассатижами. Мультитул я ношу с собой на случай, если понадобится отрезать кусок стропы для организации страховочной станции. Еще в рюкзаке лежат налобный фонарик, наушники, CD-плеер, несколько дисков *Phish,* запасные пальчиковые батарейки, цифровой фотоаппарат, мини-видеокамера, футляры к ним и запасные элементы питания.

Со всем снаряжением вес великоват, но я считаю, что взял только необходимое, включая камеру со всем ее хозяйством. Мне нравится снимать неземные цвета и формы, скрытые в глубоких

извивах каньонов, и доисторические рисунки, сохранившиеся в их уголках. У этого путешествия есть бонус: впереди четыре археологических памятника в каньоне Хорсшу, на его стенах можно увидеть сотни петроглифов и пиктограмм. Конгресс США специально включил этот изолированный каньон в состав прилегающего к нему национального парка Каньонлендс, чтобы защитить наскальную резьбу и рисунки пятитысячелетней давности, идущие вдоль русла Бэрриер-Крик на дне каньона Хорсшу, как немое свидетельство жизни древних народов в этом районе. В Большой галерее десятки гигантов, до трех метров ростом, огромным эшелоном нависают над кучками неопределимых животных. Люди превосходят размерами и зверей, и наблюдателей, у них длинные темные тела, широкие плечи и взгляд, который трудно потом забыть. Эти великолепные огромные призраки — самые старые и лучшие в мире образцы подобных рисунков, настолько выдающиеся, что антропологи назвали тяжеловесную и несколько зловещую манеру их создателей стилем бэрриер-крик. Несмотря на отсутствие письменных источников, позволивших бы нам расшифровать замысел художников, некоторые из фигур кажутся охотниками — у них в руках копья, дубинки; большинство же безноги, безоружны и рогаты, они парят над головой, как демоны из ночного кошмара. Какой бы смысл они ни имели, загадочные фигуры примечательны способностью заявлять о своем «я» даже через тысячелетия и ставить современного наблюдателя перед фактом: эти рисунки прожили дольше и сохранились лучше, чем старейшие артефакты западной цивилизации. Возникает вопрос: что останется от нынешнего, якобы продвинутого общества через пять тысяч лет? Вряд ли наши художественные работы. И уж точно не доказательства нашего небывало долгого досуга (хотя бы потому, что большинство из нас растрачивают эту роскошь, сидя перед телевизором).

Я знал, что в каньоне может быть сыро и грязно, поэтому надел толстые полушерстяные носки и потрепанные кроссовки. Из-за этого ноги не дышат и потеют, когда я давлю на педали. Потеют они и потому, что обтянуты велосипедками с лайкрой, поверх которых надеты бежевые нейлоновые шорты. Пятая точка ощутимо бьется о седло, несмотря на двойную защитную набивку. Выше — любимая футболка с *Phish,* на голове — синяя бейсболка. Штормовку я оставил в пикапе: день будет теплым и сухим, как вчерашний, когда я сделал двадцатикилометровую петлю по тропе Слик-Рок, к востоку от Моаба. Если бы прогноз обещал дождь, я отправился бы куда угодно, только не в узкий каньон,

что в штормовке, что без.

Мой любимый стиль — путешествия налегке, и я вычислил, как обходиться самым малым, так что могу пройти большее расстояние за тот же промежуток времени. Вчера я брал с собой только маленький кэмелбэк, минимальный набор инструментов для велосипеда, фотоаппарат и видеокамеру — каких-то четыре килограмма на четырехчасовую кольцевую поездку. Вечером я избавился от велосипеда и прогулялся пешком — восемь километров туда-обратно к природной арке в Кэстл-Вэлли, и с собой у меня было всего три кило груза: запас воды и аппаратура для съемки. Днем раньше, в четверг, мы с Брэдом Юлом, моим другом из Аспена, совершили восхождение на главную вершину Западного Колорадо — Соприс, гору высотой почти 4000 метров, — и спустились с нее на лыжах. Я нес запасную одежду и лавинное снаряжение и тем не менее вписался в семь килограммов.

В воскресенье вечером настанет кульминация моего пятидневного отпуска. Я попытаюсь в одиночку, без поддержки, проехать на горном велосипеде кольцевую тропу Уайт-Рим в национальном парке Каньонлендс. Протяженность маршрута — 170 километров. В первый раз, в 2000-м, на эту тропу у меня ушло три дня. Если сейчас я возьму с собой столько же припасов, сколько израсходовал тогда, у меня получится тридцатикилограммовый рюкзак, и спина разболится раньше, чем я пройду первые пятнадцать километров. На этот раз я планирую взять с собой всего семь килограммов и уложиться в сутки.

Это означает, что мне придется аккуратно соблюдать режим потребления воды и не упускать ни одной из редких возможностей пополнить ее запасы, ехать без сна и с минимумом остановок. Больше всего я боюсь не за ноги, я знаю, что они устанут, и знаю, как с этим бороться. Больше всего я боюсь, что моя… э-э-э… ходовая часть откажется терпеть дорогу. «Кома промежности», как это называют, — падение чувствительности в результате чрезмерной стимуляции. Я с прошлого лета никуда далеко не ездил, и привычка соответствующей части тела к седлу угасла. Если бы я спланировал путешествие раньше чем за две ночи до отъезда, я бы, по крайней мере, покатался как следует в окрестностях Аспена. Но так получилось, что в среду, в самый последний момент, сорвался выезд на восхождение в компании нескольких друзей. Образовалось время свершить хадж в пустыню, к теплу, мне захотелось увидеть еще какой-нибудь пейзаж, кроме заснеженных гор. Я уехал из Аспена, не имея представления, где и чем я буду заниматься в эти дни. Все, что я мог сказать друзьям, уместилось в одно слово: «Юта», хотя

обычно я оставлял соседям по комнате детальное расписание своих передвижений. В этот же раз я изучал путеводитель ночью, когда ехал от горы Соприс до Юты. Получился отпуск-экспромт, и даже, может, я загляну сегодня вечером на большой пикник в окрестностях национального парка Гоблин-Вэлли.

Около половины одиннадцатого утра. Я въехал в тень одинокого можжевельника и изучаю выжженные солнцем окрестности. Пустыня, вся в шарах перекати-поля, постепенно превращается в край ярких скальных куполов, потайных утесов, выветренных и деформированных обрывов, наклонных и искривленных каньонов, расколотых монолитов. Это колдовская земля, это шаманская земля, это святая земля — красная пустошь, лежащая там, где кончаются все дороги. Вчера, когда я прибыл в эту землю, было темно, и я мало что мог разглядеть из машины. Изучая средний план в поисках нужного мне каньона, я достаю шоколадный кекс, купленный в моабской пекарне, и кое-как давлюсь им: и кекс, и мой рот пересохли от сильного ветра. Вокруг обильно наследили коровы — еще один владелец ранчо пытается заработать себе на хлеб, несмотря на все сопротивление пустыни. Стада протаптывают извилистые тропинки сквозь местную растительность, вольготно рассыпавшуюся по открытому пространству: там пучки травы, эхинокактусы высотой мне по щиколотку и черная микробиотическая корка на красной земле. Я запиваю остатки кекса несколькими глотками из трубки кэмелбэка, притороченной к наплечному ремню.

Потом опять сажусь на велик и качусь вниз по дороге под прикрытием горного хребта, но уже на вершине следующего холма меня снова ждет схватка с порывами встречного ветра. Еще двадцать минут я методично давлю на педали над дорогой, больше похожей на доменную печь, и тут меня обгоняет группа мотобайкеров. Они едут куда-то в сторону Мейз-Дистрикт. Пыль, поднятая мотоциклами, летит мне прямо в лицо, забивает нос, глаза, слезные протоки, даже прилипает к зубам. Я гримасничаю, пытаясь сбить с губ песчаную корку, облизываю зубы и снова жму на педали, размышляя о том, куда эти байкеры едут.

Я бывал в Мейзе только однажды, на полчаса, лет десять назад. Когда наша команда рафтеров, сплавлявшаяся по каньону Катаракт, остановилась, чтобы разбить лагерь у реки Колорадо, на берегу Спэниш-Боттом, я решил добраться до места, которое называлось Доллс-Хаус. Для этого мне пришлось подняться на триста метров и перелезть через скальный выступ. Как лилипут, я карабкался по песчаникам и граниту, а надо мной нависали огромные худу,[5] от пятнадцати до тридцати метров высотой. В конце подъема я обернулся, увидел реку, замер — и сел на

ближайший булыжник. Впервые ландшафт пустыни и процессы его развития заставили меня остановиться и задуматься. Я думал о том, насколько мы — человеческая раса — маленькие и смелые.

Внизу, на Спэниш-Боттом, лежали лодки, а ниже их неистовствовала река. Я вдруг осознал, что коричневатый поток высекает этот каньон из тысячи квадратных миль пустынного плато — прямо сейчас, в эту минуту. Я стоял на Доллс-Хаус, смотрел вокруг, и мне казалось, что я вижу рождение ландшафта, будто стою на краю кратера извергающегося вулкана. Это ощущение не отпускало меня — ощущение рассвета времен, изначальной эпохи, когда нет еще ничего, кроме пустынной земли. Так смотришь в телескоп на Млечный Путь и гадаешь, одни ли мы во Вселенной. Ослепительный свет пустыни со всей ясностью показал мне, как хрупка и тонка наша жизнь, как ничтожны мы перед силами природы и измерениями пространства.

Если бы моя группа, в миле отсюда, погрузилась на эти два рафта и отчалила, я оказался бы настолько отрезан от всего человечества, насколько это вообще возможно. Через пятнадцать, самое большее — тридцать дней я умер бы одинокой голодной смертью, пробираясь меандрами каньонов вверх по реке к Моабу, и больше никогда не увидел бы ни единого признака человеческого присутствия, ни одного человеческого следа. И все же, несмотря на скудность и безлюдие пустыни вокруг, мне в голову пришла торжествующая мысль, стирающая слой самомнения и самозаблуждения. Нет величия в том, что мы находимся в конце пищевой цепочки или умеем менять окружающую среду, — окружающая среда переживет нас благодаря своим непостижимым силам и неподатливой мощи. Но ничтожность не связывает нас и не лишает нас сил, мы отважно следуем своей воле, несмотря на эфемерное, хрупкое присутствие в этой пустыне, на этой планете, в этой Вселенной. Я просидел там еще десяток минут, а затем, глядя на мир по-новому, так же широко, как широк был вид с обрыва, вернулся в лагерь и очень быстро приготовил обед.

Я миную металлическую трубу, отмечающую высохший источник Западного рукава каньона Блю-Джон. Затем на моем пути перекресток с указателями, где одна из грунтовок уходит на Хэнксвилл — маленький городок в часе езды на запад, у входа в национальный парк Кэпитол-Риф. Хэнксвилл — ближайшее поселение к Робберз-Руст и Мейз-Дистрикт, здесь же находится ближайший телефон-автомат. Еще полмили спустя я проезжаю заросшую травой пологую поляну — она служила взлетно-

посадочной полосой до тех пор, пока какая-то мелкая катастрофа не заставила тех, кто здесь летал, поискать чего-нибудь понадежнее. Свидетельство того, что маленькие самолеты и вертолеты — характерное для этих мест и зачастую единственное средство передвижения. Хотя иногда с точки зрения финансовых затрат не стоит покидать одно место ради другого, даже если можешь летать. Лучше просто остаться дома.

В свое время мормоны прилагали все усилия, чтобы расчертить эту пустыню дорогами, но и они отступили в города — Грин-Ривер и Моаб. Сегодня почти все мормонские тропы заброшены, их сменили такие же труднопроходимые дороги. Забавно, что на автомобилях здесь ездят гораздо реже, чем на лошадях или на повозках сотню лет назад. Предыдущей ночью, направляясь к месту старта, я проехал почти сотню километров по единственной грунтовке в восточной части двух округов — два с половиной часа по глубокой колее — и за все время не встретил ни одного дома, ни одного огонька. Фермеры времен Фронтира, конокрады, добытчики урановой руды и нефти — все они оставили свой след на этой земле, но отказались от своих планов — все козыри забрала пустыня.

Эти искатели состояний не были первыми, кто пересек границу края, только чтобы превратить его в бесплодную пустошь: во все времена волны древних поселенцев накатывали и исчезали в каньонах. Обычно о том, что горы и отдаленные части пустыни более гостеприимны, люди задумывались во время сильной засухи или вражеского вторжения. Но порой ничем невозможно объяснить внезапную эвакуацию целой культуры с того или иного места. Пять тысяч лет назад жители Бэрриер-Крик оставили свои пиктограммы и петроглифы в Большой галерее и в галерее Элкоув, а затем исчезли. Поскольку письменных свидетельств они не оставили, причина, по которой они ушли отсюда, так и не разгадана, давая пищу для воображения. Глядя на их рисунки, заходя в их дома и сады, стоя на кучах хлама, я чувствую связь с коренными первопроходцами, заселявшими эти каньоны давным-давно.

Выкарабкавшись на открытое плоскогорье, я сразу получаю сильный шлепок ветра по лицу и ловлю себя на том, что жду не дождусь последнего участка пути — похода по каньону Хорсшу. Мне не терпится скрыться от этого мерзкого ветра.

Судя по тому, что я увидел во время своего путешествия, с того времени, как здесь жил Джон Гриффит, местность мало в чем изменилась. Бюро земельного управления США грейдировало лошадиную тропу столетней давности, кое-где появились дорожные указатели, но даже вездесущие заборы, разделяющие

большинство территорий Запада, здесь ощутимо отсутствуют. Возможно, именно из-за отсутствия колючей проволоки этот край кажется таким оторванным от цивилизации. Я много времени — два-три дня в неделю, включая зиму, — провожу в официально диких местах, но б*о*льшая их часть не рождает и вполовину меньшего ощущения изоляции от мира, чем эта пустынная дорога. Как только я осознал сей факт, изолированность превратилась в одиночество и стала ощущаться еще сильнее. В городах этого региона жизнь могла бить ключом с тех самых пор, когда Робберз-Руст зарабатывал свое имя, но эта пустыня остается такой же дикой, как и в начале времен.

Через полтора километра после перевала Бёрр мучительная борьба со встречным ветром, дующим со скоростью 13 метров в секунду, подходит к концу. Я слезаю с велосипеда, отвожу его к ближайшему можжевельнику и фиксирую заднее колесо U-образным замком. Я не очень волнуюсь за свой маунтбайк в этой глуши, но, как говорит мой отец, не стоит искушать честных людей. Я кладу ключи от велосипедного замка в левый карман и направляюсь к главной цели — каньону Блю-Джон. Я иду кратчайшим путем по оленьей тропе, включив CD-плеер, — противный свист ветра в ушах больше не мешает мне слушать любимую музыку. Перебравшись через несколько дюн с мельчайшим красным песком, я попадаю в рыжеватый овраг — здесь зарождается каньон. Отлично, думаю, я на правильном пути! И тут замечаю, что в каньоне, метрах в тридцати отсюда, есть люди. Двое движутся прочь от меня и пропадают из виду. Я перемахиваю через дюну в мелкий песчаный овраг и, обогнув дальний край дюны, снова вижу туристов. На таком расстоянии видно, что это две девушки.

«Почему бы и нет?» — думаю я, изумленный тем, что встретил кого-то в этой пустыне. После трех часов, проведенных наедине с самим собой, я, пожалуй, не прочь стряхнуть чувство одиночества, подобранное где-то в дороге. Я останавливаюсь, снимаю наушники и мчусь вперед, чтобы догнать девушек. Их скорость почти равна моей, если не переходить на бег, и добрая минута уходит у меня на то, чтобы понять, сокращается ли расстояние между нами. Конечно, я уже настроился на самостоятельный спуск в Главный рукав каньона Блю-Джон, но если есть возможность поболтать с единомышленниками в столь диком и отдаленном месте, такую возможность надо использовать, особенно если эти люди могут идти быстро. В любом случае нам тут все равно не разминуться. На следующем изгибе они оглядываются, явно видят меня, но ждать не собираются. Наконец я их догоняю, но не могу пройти мимо них,

пока они не остановятся (а они явно не собираются этого делать). Понимая, что нам предстоит некоторое время идти вместе, я беру на себя инициативу беседы.

— Привет! — начинаю. — Как дела?

Не понятно, готовы ли они знакомиться с первым встречным в такой глуши. Отвечают без энтузиазма, привет-привет. Не теряя надежды на чуть более содержательную беседу, я пробую еще раз:

— Не ожидал, что встречу в каньоне кого-нибудь еще.

Сегодня, конечно, суббота, но это место весьма и весьма затеряно и малоизвестно. И даже я не мог бы точно сказать, где оно находится, стоя на подъездной грунтовой дороге к Робберз-Руст, а ведь моя карта четко показывает начало каньона.

— Да, мы тоже удивились, когда ты подкрался сзади, — говорит шатенка и улыбается.

— О, простите. Я слушал плеер и слегка задумался, — объясняю я и, улыбнувшись в ответ, продолжаю вступление: — Меня зовут Арон.

Они заметно расслабляются и называют свои имена: Меган — шатенка, которая отвечала мне и показалась более общительной, — и Кристи. У Меган вьющиеся волосы до плеч, они красиво обрамляют карие глаза и розовощекое лицо. На ней синяя футболка с длинным рукавом и молнией на вороте, синие спортивные штаны, на плечах — синий рюкзак. Похоже, что она питает слабость к синему цвету. Белокурые волосы Кристи забраны в хвост и открывают миру солнечные веснушки на лбу и глубокие серо-голубые глаза. Из одежды на ней — простая белая футболка с коротким рукавом и голубые шорты поверх длинного черного термобелья, зато довольно много аксессуаров: небольшие серебряные серьги-кольца, темные очки с оправой «под черепаховый панцирь» и тесемкой, имитирующей змеиную кожу. Серьги в каньонах не носят, но и сам я одет не наилучшим образом, так что на тему моды предпочитаю не высказываться. Девушкам лет по двадцать пять, и первое, что я о них узнаю, — это что они родом из Моаба. Я быстренько запоминаю их имена, а также кто есть кто, чтобы потом не путаться.

Судя по всему, Меган не против поболтать со мной. На одном дыхании она выдает историю о том, как они с Кристи проскочили мимо стоянки Грэнери-Спрингс и целый час блуждали по пустыне, пока не нашли начало каньона. Я говорю, что, как мне кажется, гораздо легче ориентироваться при езде на велике, чем на автомобиле, поскольку пейзаж меняется не так быстро.

— Господи, да если бы мы были на великах, мы высохли бы на этом ветру раньше, чем добрались сюда, — вставляет Меган, и на этом лед в наших отношениях сломан.

Каньон — все еще мелкое арройо[6] — узкое сухое ущелье, спрятавшееся между двумя десятиметровыми песчаными дюнами. Пока маршрут не стал технически сложным, мы мирно болтаем, рассказывая друг другу о жизни в Моабе и Аспене, где «курортное общество» очень сильно разделено на слои. Я узнаю, что они, как и я, работают в индустрии активного отдыха, — как менеджеры-логистики фирмы «Аутворд баунд» снабжают продовольствием походы, отправляющиеся из Моаба. Я рассказываю им, что работаю в Аспене продавцом и сейл-менеджером в магазине «Ют маунтинир», продаю туристское снаряжение.

Добровольно обедневшие налогоплательщики наших городов негласно сходятся в том, что лучше быть бедным в финансовом отношении, но иметь богатый опыт и делать свою мечту реальностью, чем быть богатым в обычном смысле слова, но жить в отрыве от своих страстей. У пролетариев высокогорной страны есть тайное убеждение, что стремиться к курортному образу жизни — это позорная алая буква.[7] Лучше быть местным жителем без гроша в кармане, чем обеспеченным посетителем. (Правда, местные жители выживают только благодаря посетителям, таким образом, скрытое высокомерие, как минимум, несправедливо.) Мы понимаем, что принадлежим к одной и той же стороне этого уравнения.

То же применимо и к нашей позиции по поводу экологии. Как и они, я считаю Эдварда Эбби — активного защитника окружающей среды, эссеиста, выступавшего против развития, туризма, разработок полезных ископаемых; пивного пьяницу, воинствующего экотеррориста, любителя дикой местности и женщин (особенно женщин из дикой местности, хотя они там редко встречаются) — мудрецом от энвайронментализма. Я припоминаю чудную цитату из него, свидетельствующую о любви к крайностям.

— Кажется, в одном из эссе он написал: «Конечно, все мы — лицемеры. Единственное, что должен сделать истинный защитник окружающей среды, — застрелиться. Пока он этого не сделал, он все еще загрязняет землю своим присутствием». Цитата неточная, но сказал он примерно это.

— Отвратительно. — На лице Меган появляется гримаска притворного стыда за то, что она все еще не застрелилась.

Обсудив Эдда Эбби и его идеи, мы обнаруживаем, что у каждого есть опыт покорения узких каньонов. Кристи спрашивает, какой из них я люблю больше всего, и я без всяких колебаний вспоминаю путь по Неоновому каньону — так неофициально называется русло речной системы Эскалант-Ривер, к югу от центральной части штата Юта.

Я становлюсь поэтичным, рассказывая о его пяти дюльферах. [8] О воронке — глубокой дыре на дне каньона с очень крутыми и гладкими стенками, там можно застрять и не вылезти, если у вас нет напарника. О Золотом Соборе, где умопомрачительный спуск через песчаный туннель сквозь крышу купола размером с собор Святого Петра. Сначала вы свободно болтаетесь на веревке в двадцати метрах от стенок, потом приземляетесь в подземное озеро и плывете к берегу. Завершаю я свой рассказ утверждением:

— Это феноменально, вы должны туда сходить.

Кристи рассказывает мне о своей любимой дыре — одном из верхних ответвлений системы водотока Робберз-Руст, по ту сторону грунтовки от стоянки Грэнери-Спрингс. Друзья Кристи из «Аутворд баунд» прозвали эту щель «Глюкогеном». Кристи описывает проход, где каньон клинообразно сужается, и вы идете, упираясь в стенки каньона, на высоте пяти метров от земли, а щель под вашими ногами сужается до десятка сантиметров, и чем ниже, тем ***у***же. Мысленно я заношу это место в список обязательных к посещению.

Несколькими минутами позже, незадолго до полудня, мы подходим к крутой и гладкой, уходящей вниз скальной стенке — вестнику первой щели и других, еще более глубоких, ради которых мы приехали в каньон Блю-Джон. Я съезжаю метров на пять вниз, тормозя подошвами кроссовок — на розовом песчанике за моей спиной остаются две черные полоски, — и почти падаю на песок у подножия стенки. Кристи, выворачивая из-за угла, слышит шум и, видя, как я сижу на корточках в куче песка, думает, что я упал:

— Эй! У тебя все в порядке?

— Да, все отлично, это я так специально съехал. — Я говорю серьезно, ведь так оно и было.

Я ловлю ее взгляд — доброжелательный взгляд; видно, что она мне верит, но считает, что более умный человек нашел бы путь полегче. Оглядевшись, я действительно вижу менее рискованный спуск и чувствую себя идиотом.

Через пять минут мы подходим к первому технически сложному участку — крутому спуску, где лучше всего повернуться лицом к скале и двигаться так же, как при подъеме, но в обратном направлении. Я спускаюсь первым, затем переворачиваю рюкзак на живот, чтобы достать свою камеру и заснять Меган и Кристи. Кристи вытащила из красного альпинистского рюкзака красную же, в тон, пятиметровую стропу и пропускает ее сквозь металлическое кольцо, оставленное предыдущими каньонерами на петле из другой стропы. На вид все эти веревки достаточно надежно заклинены, чтобы

выдерживать вес человека. Меган, крепко держась за стропу, спускается к подножию сброса. Ей приходится маневрировать, обходя камень, пробкой застрявший между стенками каньона. Без него спуск был бы совсем легким. После Меган спускается Кристи; она нервничает, поскольку не до конца доверяет стропе и кольцу. Затем я снова карабкаюсь наверх и достаю их стропу.

Мы проходим метров десять до следующего сброса. Здесь стенки гораздо ближе — полметра-метр друг от друга. Меган сначала сбрасывает вниз свой рюкзак, потом начинает спускаться, упираясь то в одну, то в другую стенку. Кристи в это время фотографирует. Я смотрю, как Меган спускается, и помогаю ей, подсказывая удобные зацепки для рук и для ног. На дне сброса Меган обнаруживает, что ее рюкзак изрядно подмок. Трубка ее кэмелбэка вылезла из загубника в тот самый момент, когда Меган перебрасывала его через выступ, и вода утекает в песок. Меган быстро находит синий пластиковый загубник и затыкает течь, чтобы не пришлось возвращаться к стоянке. Беда не в том, что рюкзак промок, — жалко терять драгоценную воду. Я спускаюсь последним, ненадолго застревая в нескольких местах из-за рюкзака на спине и хрупких камер. Протискиваясь между стенами, обходя камни-клинья, следую ныряющему дну каньона. В одной из щелей застряло бревно, и я использую его вместо лестницы на скользком участке «спуска для тощих».

За краем каньона день становится все жарче, но здесь, внутри, похолодало — мы входим в ту часть каньона, длиной около четырехсот метров, где высота стен составляет больше семидесяти метров, а расстояние между ними — всего около пяти. Солнце никогда не достает до дна этой щели. Мы находим несколько вороньих перьев, втыкаем их в кепки и останавливаемся, чтобы сфотографироваться.

Метров через восемьсот в Главное русло каньона впадает несколько боковых отростков. Стены раздвигаются, открывая небо и отличный вид на скальные утесы нижней части каньона. Выбравшись на солнце, мы останавливаемся, чтобы разделить мои тающие шоколадки. Кристи предлагает кусочек Меган, та отказывается.

— Не могу же я одна съесть весь шоколад, — говорит Кристи. — Хотя ладно, могу…

И мы дружно смеемся.

Мы более-менее соглашаемся на том, что вот это ответвление — налево от Главного русла — и есть Западный рукав. Это значит, что Кристи и Меган пора поворачивать назад, чтобы замкнуть кольцо и вернуться на грунтовку, которая находится примерно в шести с половиной километрах отсюда. Мы долго и

неловко прощаемся, и тут Кристи говорит:

— Арон, пойдем с нами. Мы найдем твой пикап, заберем его, а потом где-нибудь выпьем пива.

Но я настроен завершить намеченный маршрут, поэтому предлагаю свой вариант:

— А может быть, так? У вас есть обвязки, у меня есть веревка — мы можем вместе пройти через нижнюю часть каньона к дюльферу Большого сброса. Прогуляемся оттуда до Большой галереи… А потом я подвезу вас к вашему пикапу.

— А это далеко? — спрашивает Меган.

— Еще километров тринадцать, наверное.

— Что? Ты же не успеешь вернуться до темноты! Давай, пошли с нами!

— Я действительно очень-очень хочу пройти тот дюльфер и увидеть петроглифы. Но я могу приехать на стоянку Грэнери-Спрингс, когда закончу.

На том и порешили. Мы достаем каждый свой путеводитель, благодаря которому нашли эту неприметную щель, и садимся, чтобы еще раз внимательно посмотреть на карту и уточнить наше положение в каньоне Блю-Джон. У меня в руках новейшее издание «Описания каньонов плато Колорадо», в котором автор Майкл Келси перечислил больше ста каньонов и на каждый нарисовал кроки, основываясь на собственном опыте его прохождения. Технические карты и описания маршрутов в этом путеводителе — настоящие произведения искусства. Там есть пересечения коварных расщелин, указатели труднонаходимых наскальных рисунков и различных исторических артефактов, детально описано снаряжение, необходимое для дюльферов в этих каньонах, места, где закреплены стационарные крючья, глубокие ямы с водой. В книге есть все, чтобы ты смог с точностью ищейки отыскать свой путь и сориентироваться на местности, и при этом ничего лишнего. Мы закрываем карты, встаем. Кристи говорит:

— На картинке из твоей книги эти рисунки выглядят как призраки, они пугают меня. Как ты думаешь, какой энергией ты зарядишься в галерее?

— Хм… — Я задумался над вопросом. — Кто ж его знает. Когда я раньше смотрел на петроглифы, я чувствовал с ними духовное родство. Это очень приятное ощущение. Мне не терпится их увидеть.

Меган повторяет вопрос:

— Ты уверен, что не хочешь вернуться с нами?

Но я точно так же уверен в своем выборе, как и они — в своем.

За несколько минут до их ухода мы утверждаем план вечерней встречи в их лагере в Грэнери-Спрингс. Друзья моих друзей из Аспена устраивают этим вечером Скуби-вечеринку,[9] и мы договорились поехать туда на двух машинах. Вечеринка проводится примерно в восьмидесяти километрах отсюда, к северу от въезда в национальный парк Гоблин-Вэлли. Большинство групп используют бумажные тарелки в качестве маркеров по пути к подобным местам встречи; мои друзья у съезда с шоссе ставят огромное чучело Скуби-ду. После того как я закончу однодневную вылазку — двадцать пять километров на маунтбайке и двадцать пять по каньонам, — я позволю себе немного расслабиться и даже выпить холодного пива. Было бы неплохо увидеть там и этих двух симпатичных леди. К планам на завтрашнее утро мы добавили короткий поход в каньон Смол-Уайлд-Хорс — технически простую расщелину в Гоблин-Вэлли. Вдоволь поулыбавшись и помахав друг другу руками, в два часа дня мы расстаемся — друзьями.

Я снова один и продолжаю двигаться. По пути я думаю о том, как проведу остаток отпуска. На воскресенье в планах стоит прогулка в Смол-Уайлд-Хорс, значит, примерно к семи часам вечера я буду в Моабе. Времени останется ровно столько, чтобы снарядиться, купить еду и воду для велосипедного броска по Уайт-Рим в Каньонлендс, и успеть еще немного поспать перед стартом, который я наметил на полночь. Проехав первые пятьдесят километров при свете налобника и звезд, я смогу закончить 170-километровую гонку к вечеру понедельника и как раз успею к вечеринке, которую мы с соседями по комнате наметили на понедельник.

Внезапно я спотыкаюсь на куче мелких камней, образованной последним паводком, и взмахиваю руками, чтобы восстановить равновесие. В этот миг внимание полностью возвращается к каньону Блю-Джон.

Вороново перо все еще воткнуто в мою синюю бейсболку, его тень на песке смотрится довольно комично, и я останавливаюсь, чтобы сделать фото. Затем, уже на ходу, расстегиваю поясной и грудной ремни рюкзака, переворачиваю его на грудь и роюсь во внешнем кармане, пока мне не удается нажать кнопку «play» на CD-плеере. Приветственный шум зрительного зала сменяется медленным мягким гитарным вступлением и затем песней:

> How is it I never see
> The waves that bring her words to me?[10]

Это вторая часть концерта *Phish,* на котором я был три месяца назад, 15 февраля, в Лас-Вегасе. Музыка проникает внутрь меня, и я улыбаюсь. Я люблю весь мир, я счастлив здесь. Отличная музыка, уединение, никакой цивилизации, никаких мыслей в голове. Одиночное путешествие, движение в собственном ритме вдохновляют меня, проясняют сознание. Ощущение бессмысленного счастья — счастье не от чего-то конкретного, а просто оттого, что счастлив, — одна из причин, по которым я хожу один в длинные маршруты, мне нужно время, чтобы сосредоточиться на себе. Ощущение гармонии в теле и разуме восстанавливает мою душу. Иногда я становлюсь высокопарным и думаю, что путешествия в одиночку — это мой метод достижения некоего трансцендентального состояния, медитация на ходу. Я не могу достичь этого состояния, когда сижу на месте и пытаюсь медитировать, произнося «Ом»; это происходит только тогда, когда я путешествую в одиночку.

К сожалению, как только я осознаю свое состояние, ощущение тает, возвращаются мысли, трансцендентность испаряется. Я изо всех сил пытаюсь настроиться на это мимолетное ощущение совершеннейшего счастья, но рассуждения о чувстве заменяют само чувство. Пусть полное благополучие, сопровождающее такие моменты, эфемерно — мое настроение улучшится на несколько часов или даже дней.

Времени четверть третьего, погода застыла в хрупком равновесии — солнце чередуется с тонкими слоистыми облаками. На открытых участках каньона температура градусов на восемь выше, чем на дне глубокой расщелины. В небе несколько пышных кучевых облаков, похожих на потерянные парусные клипера, но никакой тени от них нет. Я пересекаю широкое желтое сухое русло, впадающее в каньон справа, и решаю свериться с картой — это Восточный рукав. Теперь я точно вижу, что Кристи и Меган не ошиблись и выбрали для возвращения нужное русло. В тот момент их решение казалось очевидным, но любое очевидное решение в дикой местности требует двойной проверки. Ориентирование в глубоком каньоне может оказаться обманчивым и очень сложным. Иногда я думаю, что в этом нет ничего сложного, нужно просто идти вперед. Слева и справа от меня стометровые скальные стены, находящиеся всего на расстоянии полутора метров друг от друга. Я никуда не могу подеваться со дна каньона, это тебе не склон горы. Но бывало и так, что с пути я сбивался.

Надолго мне запомнился шестидесятикилометровый маршрут по каньону Пария. Я прошел уже около трети каньона, когда обнаружил, что совершенно не понимаю, где нахожусь. Мне

пришлось пройти по каньону около восьми километров, прежде чем я нашел ориентир, обозначенный на моей карте. Положение было близко к критическому, нужно было найти выход из каньона до наступления темноты. А когда вы ищете вход или выход из каньона, ошибка при привязке к карте на какой-то десяток метров может дезориентировать вас полностью. Поэтому сейчас я с особым вниманием изучаю карту. Забравшись в самую глубь системы каньонов, я сверяюсь с картой даже чаще, чем когда я в горах, — бывает, что и каждые двести метров.

> If we could see the many waves
> That float through clouds and sunken caves
> She'd sense at least the words that sought her
> On the wind and underwater.[11]

Музыка превращается во что-то атональное и ускользает от моего внимания — я миную еще одно мелкое русло, впадающее справа. Судя по карте, это арройо Келси называет Малый Восточный рукав, он идет с высокой части плато, обозначенной в книге как Козлиный парк.

Справа от меня террасы и покрытые зарослями можжевельника плоскогорья Козлиного парка возвышаются над Кармель-Формейшн — переплетающимися слоями пурпурного, красного и коричневого леврита, известняка и глинистых сланцев. Этой геологической формации около 170 миллионов лет. Покрывающая порода более устойчива к эрозии, чем более ранний, открытый всем ветрам песчаник Навахо, формирующий гладкие красноватые утесы живописных каньонов. Кое-где эрозия создает высокие причудливые худу, обособленные скальные башни и конусы, высокие дюны из цветного камня, испещрившие верхние части утесов. Наложенные друг на друга текстуры, цвета и формы горных слоев Кармель и Навахо отражают различные ландшафты, сформировавшие их, — море раннего юрского периода и пустыня позднего триаса. Осадок великого моря, отложения Кармель похожи на затвердевшую грязь, высохшую месяц назад. По другую сторону от меня пересекающиеся узоры в песчанике Навахо отображают его происхождение от движущихся песчаных дюн: одна полоса тридцатиметровой высоты демонстрирует мозаичные линии, наклоненные вправо; слои следующей полосы наклонены влево; над ними линии пластов лежат совершенно горизонтально. С ходом геологических эпох дюны постоянно меняли форму под воздействием господствующего ветра, дувшего через древнюю пустыню, подобно Сахаре, лишенную растительности. В зависимости от

того, что сильнее ударяло по фигурам из песчаника, ветер или вода сегодня они похожи либо на грубо высеченные песчаные купола, либо на полированные утесы. При виде всей этой красоты я не перестаю улыбаться.

По моим оценкам, метров через восемьсот я дойду до узкой щели, ведущей к двадцатиметровому дюльферу Большого сброса. Эта щель длиной около двухсот метров — ориентир, отмечающий середину моего маршрута по каньонам Блю-Джон и Хорсшу. Я отошел уже на одиннадцать с лишним километров от того места, где оставил велосипед, и до моего пикапа шагать еще километров тринадцать. В узкой щели меня ждут несколько коротких участков спуска, где придется пролезать под и над многочисленными каменными пробками. Затем около ста двадцати метров очень тесной щели, расстояние между стенами там кое-где всего полметра. Затем выход на полку, где забиты два шлямбура и организована станция для дюльфера. Чтобы устроить станцию, в скале — ручной или аккумуляторной дрелью — проделывают отверстие, в которое вбивают шлямбурный крюк для дюльфера. Обычно это расклинивающийся шлямбур длиной около восьми сантиметров и диаметром сантиметр. Головка шлямбура, выступающая из скалы, держит Г-образную металлическую пластину, которая называется «проушина». В проушине два отверстия, одним отверстием она держится на шлямбуре, во вторую можно прощелкнуть карабин, либо карабином же прикрепить лесенку, либо просунуть в нее спусковую стропу. Когда шлямбурный крюк правильно забит в твердую скалу, он выдерживает в рывке до полутора тонн. Но в узких каньонах скалы нередко крошатся вокруг шлямбура из-за частых наводнений. Безопаснее использовать два шлямбура с проушинами на одной станции на случай отказа одного из них.

У меня с собой есть веревка, обвязка, страховочно-спусковое устройство[12] и спусковая стропа.[13] Также я взял налобный фонарь, чтобы внимательно исследовать на предмет наличия змей зацепки,[14] за которые собираюсь схватиться рукой. Мыслями я уже за Большим сбросом, возле Большой галереи. Путеводитель Келси называет ее лучшим собранием пиктограмм на всем Колорадском плато, а стиль бэрриер-крик[15] — стилем «вне всякого сравнения». Эта фраза будоражит мое воображение с тех пор, как я прочитал ее пару дней назад по дороге в Юту.

> Gold in my hair
> In a country pool
> Standing and waving
> The rain, wind on the runway.[16]

Увлеченно слушая следующую песню, я лишь краем сознания отмечаю, что стенки каньона сблизились в щель, больше похожую на глухой переулок между двумя пакгаузами, чем на улицу между двумя небоскребами, как это было в верхней части каньона.

Под аккомпанемент торжественного гитарного риффа я слегка пританцовываю на ходу, выбрасывая в воздух правый кулак. Затем выхожу к сухому водопаду — это первый сброс. Если бы в каньоне была вода, это был бы настоящий водопад. Твердая порода, вкрапленная в песчаник, успешно противостояла эрозии, вызванной наводнениями, и этот темный конгломерат сформировал выступ у сброса. От полки, на которой я стою, до продолжения дна каньона около трех метров, еще шестью метрами дальше по каньону между стенками зажато S-образное бревно. Там было бы легче спускаться, но туда труднее добраться по узкой и наклонной конгломератной полке справа от меня, чем спуститься по трехметровому сбросу с уступа прямо передо мной.

Руками я цепляюсь за отличные зацепы, натуральные «дверные ручки» — проделанные водой в песчанике дыры, — и спускаюсь под козырек. Я повисаю на руках, и мои ноги болтаются в полуметре или даже метре от дна каньона. Я разжимаю ладони и приземляюсь в песчаной промоине, выдолбленной льющейся с козырька паводковой водой. Ноги ударяют по сухой грязи, которая крошится и трескается под подошвами, как штукатурка, и кроссовки доверху погружаются в это сухое крошево. Сделать прыжок было просто, но с этого места я уже не смогу подняться обратно наверх. Я должен следовать дальше, обратной дороги нет.

В наушниках начинает играть новая песня, я прохожу под S-образным бревном, и каньон углубляется еще на сто метров от вершин песчаных куполов наверху.

> I fear I never told you the story of the ghost
> That I once knew and talked to, of whom I never boast.[17]

Бледное небо все еще можно разглядеть над головой, в четырехметровом разрезе на теле земли. Я подхожу к двум каменным пробкам размером с микроавтобус каждая, между ними метров тридцать. Первая находится всего в тридцати сантиметрах от дна каньона, вторая застряла прямо на дне коридора. Перелезаю через оба препятствия. Каньон сужается, теперь его ширина всего около метра, волнистые, извилистые стены ведут меня то вправо, то влево, затем по прямой, затем

снова влево и вправо, все глубже и глубже.

Мощный паводок вырвал здоровенные булыжники из песчаника, заклинил бревна между стенами в десятке метров над головой. Узкий каньон — последнее место, где стоит находиться во время грозы в пустыне. Небо прямо над каньоном может быть абсолютно чистым, но извергающие ливень тучи в пятнадцати-двадцати километрах отсюда легко утопят неосмотрительного каньонера. В восточной части Соединенных Штатов земля насыщается водой медленно, ей могут понадобиться дни и даже недели, сантиметры и даже десятки сантиметров осадков, чтобы реки вышли из берегов. Здесь во время наводнения вода с неба прибывает быстрее, чем земля успевает ее поглотить. Почва пустыни выжжена солнцем до состояния глиняной черепичной кровли, наводнение может начаться после пятиминутного дождя из одной-единственной грозовой тучи и пары сантиметров осадков. Ливень стекает с непроницаемой скудной почвы, начинается потоп. Вода моментально собирается из боковых притоков, вскоре ее глубина в каньоне шириной двенадцать метров достигнет тридцати сантиметров. В ограниченном пространстве это же количество воды влечет за собой катастрофу. Там, где стены каньона сходятся до метра, поток превращается в трехметровой глубины хаос, болтанку из грязи и обломков камня, поток тащит булыжники, высекает стены каньона, собирает заносы из всего, что дрейфует в нем, и любой, кто не сможет быстро подняться над потоком, погибнет.

В этой извилистой части каньона все стенки до четырехметровой высоты покрыты слоем ила, нанесенного недавними наводнениями, и десятками промоин усеяны красные и пурпурные наплывы обнаженной породы. Изгибы стенок искажают горизонтальные линии пластов, мое внимание приковывает место, где противостоящие стенки ныряют, образуя узор, похожий на двойную шпильку. Я останавливаюсь, чтобы сделать фото. Замечаю, что индикатор времени фотоаппарата на минуту отстает от моих часов, — часы на экране показывают 14:41, субботу, 26 апреля 2003 года.

Покачивая головой в такт музыке, я прохожу еще двадцать метров и перелезаю через серию из трех каменных пробок. За ними вижу пять других пробок, каждая размером с большой холодильник, пробки втиснуты в каньон на разной высоте от дна, как строй каменных солдат. Довольно необычное зрелище — каменные пробки в таком количестве и примерно на равном расстоянии друг от друга. Между первым камнем и дном каньона всего около полуметра, и я проползаю под ним на животе. В других каньонах я обходился без подобных маневров, но сейчас

вариантов нет. Следующий булыжник висит чуть выше первого. Я встаю, отряхиваюсь, затем сажусь на корточки и двигаюсь дальше гусиным шагом. Еще под одним пришлось ползти на четвереньках, еще под двумя — гусиным шагом, и я преодолеваю эти пробки. Глубина ущелья здесь — более двадцати метров, я опустился на пятнадцать метров по сравнению с куполами из песчаника — в шестидесяти метрах по прямой отсюда.

Я подхожу к следующему сбросу, что-то около трех — трех с половиной метров высоты. Этот сброс на полметра выше и иной по геометрии, нежели тот, что я преодолел десять минут назад. Еще один камень размером с холодильник заклинился между стенками на той же высоте, что и полка, в трех метрах от нее. Из-за него пространство под сбросом напоминает короткий туннель, пробуждающий клаустрофобию. Стенки каньона, вместо того чтобы расшириться после сброса или перейти в широкую промоину на дне каньона, сближаются, и метровая ширина прохода сохраняется от края сброса метров на пятнадцать в глубь каньона.

Иногда в подобных узких колодцах мне удается упереть ноги и спину в противоположные стенки. Контролируя противодавление ног, рук и тела, я могу без труда перемещаться по таким расщелинам хоть вверх, хоть вниз, пока действует сила трения. Этот прием называется каминным, можно представить, как с его помощью трубочисты поднимаются вверх по каминной трубе.

Прямо под полкой, на которой я стою, видна еще одна пробка размером с большое автобусное колесо, накрепко застрявшая между стенами примерно на метр ниже края сброса. Если я использую ее как опору, мне придется спуститься всего на два с половиной метра — меньше, чем в предыдущий раз. Я повисну на пробке и спрыгну на округлые булыжники, лежащие на дне каньона. Встав враспор между стенами каньона около края сброса — одной ногой и рукой упираясь в каждую стенку, — я спускаюсь к пробке. Я упираюсь спиной в южную стену и фиксирую левое колено, которое прижимает ногу к северной стене. Правой ногой я пинаю камень, чтобы проверить, крепко ли он держится. Похоже, что мой вес он выдержит. Из распора я встаю на пробку. Камень выдержал меня, но слегка качнулся. Спускаться дальше в распоре не получается, я сажусь на корточки и обхватываю камень, повернувшись лицом вверх по каньону. Если скользнуть на животе по переднему краю, я смогу спуститься и повиснуть на вытянутых руках, примерно так же, как спускаются с крыши дома.

Я повисаю на руках и слышу, что камень со скрежетом проворачивается, моего веса оказалось достаточно для того,

чтобы сдвинуть его с места. В тот же миг я понимаю, что происходит неладное, и инстинктивно спрыгиваю с крутящегося булыжника. Подняв глаза, вижу, как прямо на голову мне валится освещенный сзади камень, заслоняя собой все небо. От страха я выбрасываю руки вверх, прикрывая голову. Мне некуда деться с маленькой полки, шаг назад — и я упаду. Единственная надежда — оттолкнуть камень, заслонив от него голову.

Следующие три секунды длятся вдесятеро дольше обычного, время растягивается, как во сне, реакция заторможена. Как в замедленной съемке: камень припечатывает мою левую руку к южной стенке, я регистрирую это глазами, выдергиваю левую руку, камень рикошетит, бьет по правой руке и захватывает правую кисть в капкан. Ладонь развернута внутрь, большой палец торчит вверх, остальные пальцы растопырены. Камень съезжает по стене еще на несколько десятков сантиметров, волоча за собой мою руку, обдирая кожу с боковой стороны предплечья. Затем — тишина.

Я впадаю во временный паралич, не веря своим глазам: я вижу свою руку, исчезающую в неправдоподобно маленькой дыре между упавшим камнем и стенкой каньона. Через несколько мгновений реакция нервных окончаний преодолевает первоначальный шок. Боже! Моя рука! Я в панике, ярости. Я гримасничаю от боли и пронзительно рычу: «Бля-я-я!» Мой мозг командует телу: «Вытащи ее немедленно!» Я три раза дергаю руку в наивном желании вытащить ее. Но руку заклинило.

Мозг охвачен беспокойством, горячая боль стреляет от запястья по всей руке. Я во всю глотку кричу: «Бля! Бля! Бля!» Мой паникующий разум взывает к апокрифической, возможно, истории о том, как под воздействием прилива адреналина мать подняла перевернувшуюся машину, чтобы спасти ребенка. С той же вероятностью это выдумка, но я знаю, что наибольшие шансы освободиться с применением силы — сделать это *прямо сейчас,* пока в организме бушуют химические реакции. Я наваливаюсь на этот огромный камень, упираясь в него всем телом, толкаю его левой рукой, поднимаю коленями, упертыми в скальную стену. Перед моими ногами — тридцатисантиметровая полка, значит, я могу использовать тело как рычаг. Стоя на этой полке, упираю бедро в камень и толкаю его вверх, еще раз, много раз, я хрюкаю от напряжения: «Давай! Давай, пошел!» Безрезультатно.

Чуть передохнув, я вновь начинаю бороться с булыжником — и опять без толку. Я переставляю ноги в другую позицию. Ощупываю камень в поисках места, за которое можно ухватиться, на основании пробки. Развернутой кверху левой рукой берусь за удобную зацепку на камне, делаю глубокий вдох и набрасываюсь

на камень изо всех сил, гораздо сильнее, чем при всех предыдущих попытках. «А-а-р-р-р-г-х-х!!! У-у-у-р-р-рг-г-гх-х!» Мощное усилие выталкивает воздух из моей груди, но не заглушает тихого шкрябанья покачивающегося камня. Движение каменной пробки едва заметно, все, чего я добился, — новый пик и без того острой боли, и я с хрипом выдыхаю: «Твою мать!»

Я сдвинул камень на какие-то миллиметры, и теперь он еще сильнее давит мне на запястье. Эта штука весит гораздо больше, чем я, что лишь свидетельствует о том, насколько я не в себе, если вообще смог его сдвинуть, но теперь все, чего я хочу, — это вернуть его на место.

Я встаю в исходное положение, левой рукой тяну за верхнюю часть камня и чуть-чуть сдвигаю его обратно, отменяя собственные достижения. Боль немного уменьшилась. В процессе я набил себе синяки и исцарапал кожу на четырехглавой мышце левой ноги над коленом. Пот катится градом. Левой рукой я поднимаю правый рукав футболки и вытираю лоб. Грудная клетка ходит ходуном. Хочется пить, но, пососав загубник кэмелбэка, я обнаруживаю, что резервуар пуст.

У меня есть еще литр воды в лексановской бутылке в рюкзаке, но через несколько секунд я понимаю, что не смогу снять лямку рюкзака с зажатой руки. Я снимаю фотоаппарат с шеи и кладу его на камень. Высвободив левое плечо из лямки, растягиваю правую лямку, просовываю голову в образовавшуюся петлю и натягиваю лямку на левое плечо так, что она охватывает всю верхнюю часть тела. Под тяжестью веревки, снаряжения для спуска дюльфером, видеокамеры и бутылки с водой рюкзак съезжает вниз. Остается только переступить ногами через лямку. Я вытаскиваю темно-серую бутылку со дна рюкзака, отвинчиваю пробку и, не осознавая значения своих действий, совершаю три больших глотка. Затем останавливаюсь, чтобы отдышаться. Тут до меня доходит: за пять секунд я выхлебал треть всего запаса воды.

«О черт! Чувак, закрой бутылку и спрячь. Воды больше нет». Я плотно завинчиваю пробку, кидаю бутылку в рюкзак, лежащий у меня на коленях, и делаю три глубоких вдоха.

«Так, пора расслабиться. Адреналин не поможет тебе выбраться отсюда. Осмотрись, подумай, что можно сделать». Поразительно — прошло всего полчаса с того момента, как камень рухнул. Принятое решение — прекратить метаться от одной бессмысленной попытки освободиться к другой и объективно оценить ситуацию — гасит мою энергию. Все идет к тому, что быстро это не закончится, значит, я должен хорошенько подумать. Чтобы подумать, я должен успокоиться.

В первую очередь я решаю исследовать ту область, где камень

прижимает мою кисть. Силы тяжести и трения втиснули камень в новое место, примерно в метре с небольшим от дна, с новым набором точек сжатия. Три из них — противоположные стены каньона. Четвертая точка опоры пробки — со стороны нижней части каньона — моя кисть и запястье, пойманные в дьявольское рукопожатие. Я говорю себе: «Моя рука не просто застряла там, она удерживает этот камень от контакта со стенкой. Да, мужик, ты в заднице».

Я просовываю пальцы левой руки туда, где видна правая, у северной стены каньона. Через небольшую дырку около места сжатия я касаюсь большого пальца. Палец неестественно вывернут, к тому же приобрел болезненно-серый цвет. Я выпрямляю большой палец при помощи указательного и среднего пальцев левой руки. Нигде в правой кисти нет чувствительности. Я принимаю эту ситуацию отстраненно, как будто диагностирую чью-то чужую проблему. Клиническая объективность успокаивает меня. После потери чувствительности этот предмет больше не кажется мне моей рукой — как он может быть моей рукой, если я ничего не чувствую, когда ее касаюсь? Максимум, до чего я дотягиваюсь, — запястье, в том месте, где булыжник прижимает его. Судя по внешнему виду, по тому, что во время катастрофы не было слышно никакого треска костей, и по тому, какова правая рука на ощупь, переломанных костей у меня нет. Но, исходя из самой природы несчастного случая, с большой вероятностью внутренние ткани правой руки сильно повреждены и что-нибудь могло сломаться в кисти. В любом случае ничего хорошего.

Исследуя нижнюю сторону камня левой рукой, я могу пощупать мизинец правой руки и определить его положение. Он повернут в сторону ладони, в положение частично сжатого кулака, и мышцы, похоже, находятся в состоянии вынужденного сокращения. Я не могу ни расслабить руку, ни распрямить какой-либо палец. Пытаюсь пошевелить ими по очереди — и тоже не могу. Пытаюсь напрячь мышцы, чтобы сформировать более крепкий кулак, — но не могу добиться даже малейшего подергивания. Остается только повторить: «Ничего хорошего».

Я пытаюсь просунуть указательный палец левой руки вдоль стены, на уровне грудной клетки, так чтобы он коснулся правого запястья снизу, — не выходит. В пространство между скалой и камнем с трудом пролезает только мизинец, едва касаясь правой кисти сбоку, там, где выступает косточка. Я оставляю попытки протолкнуть палец в щель и разглядываю левое запястье. Его толщина, по моим оценкам, сантиметров семь. Правое запястье сжато примерно до одной шестой нормального размера — если бы не кости, камень расплющил бы его окончательно. Судя по

бледному цвету кисти и по отсутствию кровотечения, кровообращение в сдавленной части руки полностью отсутствует. Потеря чувствительности и неспособность двигать пальцами, вероятно, признак повреждения нервов. Какая бы травма там ни была в действительности, правая кисть, похоже, полностью изолирована от моего тела — от системы кровообращения, нервной системы, моторики. И это третья галочка в графе «ничего хорошего».

Прогноз плохой. Внутренний голос взрывается ненормативной лексикой: «Твою мать, ну как же так? Какого черта? Как тебя угораздило, блин, попасть под этот гребаный камень? Полюбуйся! Тебе отдавило руку, чувак, она умирает, и ты ничего не можешь с этим сделать. Если кровообращение в ближайшие пару часов не восстановится, все, руке трындец».

«Нет! Я выберусь! Если я не смогу ее вытащить, я потеряю гораздо больше, чем просто руку. Я должен выбраться!» Это отвечает рассудок, но рассудок тут не главный — адреналин еще не полностью рассосался. «Ты застрял, ты попал, ты пропал». Я не люблю впадать в пессимизм, но черт за левым плечом чихать хотел на мои попытки бодриться. Этот ублюдочный рифмоплет прав: перспективы безрадостные. Но предаваться отчаянию рано.

«Эй, там! Заткнись! Не болтай без толку!» Полезнее продолжать анализировать ситуацию и все, что я уже узнал. Кто бы там ни лез в спор из-за правого плеча, он прав в одном: беспокоиться нужно не о руке. Есть более серьезная проблема. Психуя по поводу внешней ее стороны, я только силы растрачу. Сейчас я должен сосредоточиться на том, чтобы собрать максимум возможной информации. Приняв это решение, я успокаиваюсь.

Я смотрю направо. На северной стенке каньона, сантиметров на тридцать выше валуна, я вижу крошечные кусочки своей кожи, остатки волос с руки и пятна крови, размазанные по песчанику. Пока булыжник волок мою руку вниз, гладкий песчаник Навахо сработал как кухонная терка, сняв внешние слои кожи с кисти тонкими стружками. Я смотрю, нет ли крови снизу, под рукой, но ее нет, даже одиночных капель.

Я снова поднимаю голову и задеваю за камень козырьком кепки. Темные очки падают прямо на рюкзак у моих ног. Подняв их, я вижу царапину, она появилась за минувший час, с тех пор как надевал очки в открытой солнечной части каньона. «Не так уж это важно», — говорю я себе и все же аккуратно кладу очки на верхушку валуна, с левой стороны.

Наушники давно вывалились из ушей, но сейчас, успокоившись, я слышу в них шум аплодисментов. Диск

заканчивается, шум стихает, и наступившая тишина еще более отчетливо обрисовывает мое положение. Я окончательно и бесповоротно попал в ловушку. Я стою на слабо освещенном дне каньона. Я не могу двигаться, не считая нескольких сантиметров вверх-вниз и вправо-влево. Дело усложняется тем, что никто из знакомых, могущих меня хватиться, не знает, где я. Я нарушил самые элементарные правила путешествия в дикой местности: не оставил подробного плана своих перемещений ни одному ответственному человеку. Я застрял в тринадцати километрах от моего автомобиля, я один в глуши и не могу связаться ни с кем, до кого не долетит мой крик. Я один в ситуации, которая очень быстро может стать фатальной.

Мои часы показывают 15:28, прошло минут сорок пять с того момента, как камень упал мне на руку. Я обстоятельно изучаю, что же у меня есть с собой, левой рукой по очереди вынимая из рюкзака вещи. В полиэтиленовом мешке, помимо оберток от шоколадок и пакета из булочной с крошками от шоколадных кексов, лежат два небольших буррито из фасоли — запасы примерно на пять тысяч калорий. Во внешнем сетчатом кармане хранятся CD-плеер, диски, запасные пальчиковые батарейки, маленькая цифровая видеокамера. Там же лежат мультитул и налобник на три светодиода. Порывшись в электронике, я вытаскиваю мультитул и налобник, кладу их на верхнюю часть булыжника, рядом с очками.

Камеру я засовываю в тряпичный чехол от солнечных очков, который служит мне защитой всякой мелочи от песка, и опускаю в карман вместе с остальными гаджетами. За исключением лексановской бутылки и пустого кэмелбэка, в рюкзаке остались только желто-зеленая веревка, упакованная в черный мешок на молнии, обвязка и горсть железяк, предназначенных для дюльфера с Большого сброса.

Следующая мысль — устроить мозговой штурм, набросать идей, которые могли бы помочь мне выбраться отсюда. Первыми приходят простые идеи, хотя некоторая их часть выдает желаемое за возможное: какой-нибудь другой каньонер будет спускаться по этому участку, найдет меня и поможет освободиться. Или же он оставит мне запас одежды, еды и воды, а сам отправится за помощью. Может быть, Меган и Кристи обеспокоятся, когда я не присоединюсь к ним в условленное время, доедут до моего пикапа, увидят, что я его до сих пор не забрал, и известят администрацию национального парка. Может, мои друзья из Аспена — Брэд и Лия Юл — сделают то же самое, когда не увидят меня на большой вечеринке Скуби-ду этой ночью. Но они не

знают наверняка, что я собирался на вечеринку, потому что я вчера не позвонил им из Моаба. Завтра воскресенье, — может быть, кто-нибудь захочет провести здесь свой выходной. Если я не вернусь до понедельника, соседи наверняка хватятся меня; может быть, даже сообщат в полицию. Или, когда я во вторник не выйду на работу в магазин, начальник позвонит моей маме. Для того чтобы вычислить, куда я отправился, людям может понадобиться несколько дней, но к среде поиск уже должен быть объявлен, и, если спасатели найдут мой пикап, после этого они должны отыскать меня достаточно быстро.

Главная проблема в том, что у меня слишком мало воды, чтобы дожидаться помощи. Всего около полулитра, после того как я несколько минут назад выхлебал ощутимое количество. Среднее время выживания в пустыне без воды — два-три дня, иногда всего день, при физических нагрузках на сорокаградусной жаре. По моим расчетам, я протяну до вечере понедельника. Если помощь придет раньше, это может быть только случайный каньонер, который пойдет тем же путем, но не организованный поиск специально обученных людей. Иначе говоря, спасение выглядит как лотерея с небольшими шансами.

По складу характера я очень нетерпелив, и, когда мне приходится чего-то ждать, я обязательно должен что-то делать, чтобы время текло быстрее. Возможно, я — дитя века немедленного поощрения, или воображение мое притупилось от любви к телевизору, но я до сих пор не могу и минуты просидеть спокойно. В нынешней ситуации это, пожалуй, даже неплохо. У меня есть задача, которую надо решить, — я должен выбраться отсюда. Значит, нужно сосредоточиться на том, как освободиться из этой ловушки. Отбросив несколько идиотских идей (например, разбить пальчиковые батарейки на камне в надежде, что кислота разъест камень, но не успеет спалить мне руку), я расставляю оставшиеся варианты в порядке предпочтения: расковырять скалу вокруг руки при помощи мультитула; укрепить веревку и крюк надо мной так, чтобы поднять камень; ампутировать руку. На первый взгляд все три способа неприменимы. У меня нет инструмента, чтобы выломать достаточное количество камня вокруг руки. У меня нет сил, чтобы поднять этот камень, даже если удастся сочинить полиспаст. И наконец, хотя это и кажется наилучшим вариантом, у меня нет инструментов, навыков и моральных сил на то, чтобы отрезать собственную руку.

Скорее для того, чтобы отложить размышления о необходимости ампутации, чем для достижения реального результата, я решаю поработать над более простым вариантом — выкрошить кусок скалы. Большая удача, что я прихватил-таки с

собой мультитул! Я беру его с камня и вытаскиваю самое длинное из двух имеющихся в нем лезвий.

Найдя наиболее удобное место на камне напротив груди и в нескольких сантиметрах от правого запястья, я кончиком ножа провожу царапину сантиметров десять длиной. Если я смогу выбрать камень ниже этой линии и назад, к пальцам, сантиметров на пятнадцать, я смогу освободить руку. Намеченная к отделению полоса камня местами достигает шириной семи сантиметров, то есть мне нужно выковырять больше кубического дециметра, почти литр двести. Это значит — очень много камня, а песчаник, я знаю, обеспечит меня нудной и тяжелой работой.

Первая попытка пропилить камень вдоль отмеченной линии едва оцарапала скалу. Я пробую еще раз, нажимая сильнее, но ручка ножа гораздо охотнее режет мне пальцы, чем лезвие — скалу. Я перехватываю нож иначе, на манер Нормана Бейтса,[18] и бью по камню в том же месте. Без какого-либо видимого эффекта. Я пытаюсь найти структурные расслоения в камне, какие-то трещины, которыми я мог бы воспользоваться, но не нахожу ничего подходящего. Даже если я сосредоточу все усилия на небольшом кристаллическом вкраплении в камне чуть выше кисти, где я мог бы отколоть крошечный кусочек, на это уйдет несколько часов тяжелой работы.

Я бью по камню кулаком, не выпуская ножа, и ору во весь голос: «Какого черта этот камень такой твердый?!» Сколько я ни лазал по каньонам, сложенным из песчаника, я всегда с легкостью выбивал в нужном месте зацепки и ступеньки. Сейчас же я не смог сделать и небольшой выбоины на камне. Я решаю по-быстрому проверить относительную твердость скальной стенки. Держа ножик, как карандаш, я с легкостью вывожу крупную заглавную «Г» на северной стенке каньона, в тридцати сантиметрах над правой рукой. Медленно выцарапываю еще несколько печатных строчных букв: «е-о-л-о-г-и-ч-е-с-к-а-я». Затем делаю паузу, чтобы оценить имеющееся в моем распоряжении пространство и разместить в нем остальные буквы. Через пять минут готовы еще несколько слов, я подправляю их, теперь фразу можно прочесть целиком: «Геологическая эпоха включает настоящее время».

Это цитата из «Классических заповедей альпиниста» Джерри Роуча, восходителя и автора книги «Тринадцатитысячники Колорадо». Красивый способ сказать: «Следи за падающими камнями». Большинство людей, живущих на линии тектонического разлома, прекрасно знают, что формирование земной коры происходит постоянно. Тектонические плиты движутся, спящие вулканы просыпаются, склоны гор крошатся и

рушатся.

Я помню, как мы с моим другом Марком ван Экхортом шли по каменистой осыпи и наткнулись на булыжник размером с дом. «Вау! Какой огромный!» — переглянулись мы и представили, как это могло бы выглядеть, когда камешек подобного размера отваливается от скалы где-нибудь тремястами метрами выше и падает, разрушая все в апокалиптическом хаосе, направо и налево сея каменные осколки.

Однако скалы формируются не по ночам, когда на них никто не смотрит. Мне приходилось видеть, как обрушивались берега рек, как раскалывались ледники, порождая огромные обвалы, как камни вылетали из своих гнезд на склоне. Заповеди Джерри Роуча напоминают восходителям, что камни падают всегда. Иногда они внезапно отваливаются от скал; иногда их что-то сшибает с места. Иногда они падают так далеко, что слышен только их грохот; иногда они падают, когда ты и твой напарник лезете на гору под ними. Иногда какой-нибудь, камень начинает шататься в гнезде от одного прикосновения. Иногда камень упадет после того, как ты на нем постоял… когда ты нашел на нем зацепку, он двигается… твоя голова оказывается на его пути, и ты поднимаешь руки, чтобы ее защитить…

Так бывает редко, но бывает. Так все и произошло.

Этот камень, прежде чем зажать мою кисть, долгое время сидел на месте, застряв между стенками. Потом он не только упал на меня, он еще и зажал мою руку в ловушку. Я расстроен и потрясен, как будто камень поставили специально для меня, как капкан на зверя. Я-то планировал простое путешествие, с минимумом риска. Я не собирался в одиночку покорять какую-нибудь вершину посреди зимы. У меня обычный отпуск. Почему тот, кто шел здесь до меня, не сдвинул этот камень? Ведь он должен был проделать те же самые движения, что и я, чтобы пересечь каньон. Почему именно мне повезло и камень, лежавший здесь с незапамятных времен, вдруг решил шевельнуться именно в тот момент, в ту долю секунды, когда мои руки оказались на его пути? Несмотря на очевидные доказательства обратного, вероятность происшедшего кажется исчезающе маленькой.

А дальше — какие шансы?

ГЛАВА 2
Начало

Горы — средство. Цель — человек. Смысл не в том, чтобы достичь вершины горы, а в том, чтобы человеку стать совершенным.

Вальтер Бонатти[19]

В 1987 году, когда мне было двенадцать, отец поменял работу, и переезд всей семьи из Индианы в Колорадо наметили на август. Мне было очень интересно посмотреть, что это за новое место, где мне предстоит жить. И в июле, гостя в Восточном Огайо у друга нашей семьи, я обнаружил справочник, рассказывающий обо всех пятидесяти штатах, Я стал изучать, что такое Запад, на который мы собирались переезжать. За всю предыдущую жизнь мне ни разу не довелось побывать дальше десяти миль к западу от Миссисипи, и я хотел знать, что ждет меня на новом месте. Мое мнение о Колорадо было предвзятым: я воображал себе сплошных наездников, и лыжников, и снег, покрывающий весь штат круглый год.

То, что я увидел в книге, не только укрепило мои подозрения — оно ужаснуло меня. Это был Пайкс-Пик, вид с которого, если верить подписи к снимку, и вдохновил авторшу «Прекрасной Америки» написать эту песню.[20] На взгляд двенадцатилетнего мальчика, пик смотрелся как карикатура на дикую природу, но выглядел чрезвычайно сурово. Тогда я еще не знал, что к вершине горы ведут железная и шоссейная дороги, что там есть парковка, ресторан и магазин сувениров. Я испуганно перевернул страницу: в моем привычном мире горы практически отсутствовали и уж никак не сочетались с понятием «путешествия для удовольствия», особенно горы высотой четырнадцать тысяч футов.[21] Прежде чем задуматься о переезде в Колорадо, прежде чем увидеть этот справочник, «путешествие» я понимал весьма ограниченно. Это могла быть прогулка по ближайшему лесу, или велосипедная покатушка по грунтовке около дома моего друга Криса Лэндиса, или выезд на водохранилище Игл-Крик в окрестностях Индианаполиса.

В испуге я перевернул страницу и увидел людей, катящихся на лыжах по невообразимо крутому склону со скоростью, опасной для жизни. На своих санках «Флаер» я лихо гонял со всех плотин,

берегов карьеров и по улицам Индианаполиса. Но на санях я всегда мог притормозить ногой, а как тормозить на лыжах?

То, что я увидел на следующей странице, поразило меня в самое сердце: по улице Денвера, засыпанной снегом после бурана люди шли на лыжах. Не было видно ни машин, ни самой дороги, только цепочка людей на лыжах. Я захлопнул книгу, и мое воображение тут же начало рисовать картины жизни в Колорадо: жители этого штата не ездят на машинах, они везде — в школу, на работу, в магазин, да куда угодно — ходят только на лыжах. Совсем как в какой-нибудь скандинавской стране. Даже в середине лета они все равно ходят на лыжах. Я родился в Огайо и всю сознательную жизнь провел как типичный хузир,[22] для меня существовала только одна святая троица: баскетбол, баскетбол и индикар-гонки. Катание на лыжах, да еще у порога дома, было мне так же чуждо, как езда на верблюдах.

Колорадский лыжный ужас рос и креп в моем воображении, я уже верил, что в Колорадо, кроме лыж, нет вообще ничего, все посвящено только им. В пейзаже нет других следов, кроме лыжных, люди разделяются по общественным группам исключительно в зависимости от умения кататься на лыжах. Как я буду жить там, если по какой-либо причине не смогу кататься на лыжах? Прочитанное так поразило меня, что потом я целую неделю ночами плакал в кровати. Мои друзья, хоть и печалились из-за расставания, убеждали меня, что кататься на лыжах — это здорово, что в Колорадо будет хорошо. Но их уговоры цели не достигали, я только еще больше паниковал. В какой-то момент и родители обратили внимание на мои красные глаза и шмыганье носом. Они забеспокоились, и вот однажды за ужином отец поинтересовался:

— Ты плакал, что ли? Что стряслось-то?

— Я боюсь, — ответил я.

Это была ложь: я не просто боялся, я был в совершенном ужасе от необходимости ехать в Колорадо.

Отец попытался меня успокоить:

— Я знаю, переезд это — тяжело. Трудно расставаться с друзьями, но ты обязательно найдешь себе новых друзей, верно?

— Да, но я боюсь другого.

— И чего же?

И тут я рассказал им про то, что вычитал в книге и что себе навоображал. Родители посмеялись и заверили меня, что ходить на лыжах в школу мне совершенно точно не придется, вряд ли снега будет так много. Им удалось меня успокоить, и мое настроение резко улучшилось. Перед тем как переезжать окончательно, мы слетали туда на разведку, и Колорадо проявил

себя вполне гостеприимным штатом, не считая того, что я умудрился здорово обгореть на солнце в аквапарке. После переезда я почти сразу записался в лыжный клуб при школе и уже на второй день клубных занятий, в декабре, мчался по не самым сложным, но и не самым простым склонам, обгоняя своих новых друзей. Уже потом я обкатал все сложнейшие трассы в зоне Мэри-Джейн Уинтер-парка, и это место стало моим самым любимым в мире из тех, где можно заниматься лыжным могулом.[23]

Адаптация к новому окружению продолжилась в конце июня следующего года, когда я сходил в поход в национальный парк Роки-Маунтин. Это путешествие, две недели в отрыве от цивилизации в компании сверстников — тринадцати-четырнадцатилетних ребят, — дало мне первый важный опыт: я понял, что могу носить тяжелый груз, способен ночевать более чем в пяти минутах ходьбы от дома или от трейлера. Вдобавок перед походом я уже откатал полный лыжный сезон, что несколько убавило мой страх перед горами. Тогда я совсем не знал г***о***ры, но уже был готов их полюбить.

В один из первых дней нашего похода в западной части парка я в совершенной эйфории от окружающей природы скакал по тропинке впереди всех. Из-за такой кипучей энергии меня очень быстро прозвали Зверем, по аналогии с барабанщиком у Маппетов. Два наших инструктора все время пытались меня как-то притормозить, заставить идти со всеми и даже после обеда добавили мне груза в рюкзак. Это был наш запас орехового масла, несколько банок, столько, сколько нужно на пять перекусов на пятнадцать человек. Но дополнительный груз не укротил меня — я все равно бежал до следующего поворота тропинки и пропадал из виду, пока один из руководителей не начинал кричать: «Зверь! Подожди нас!»

В первый вечер мы поставили лагерь на высоте 3000 метров в Биг-Мидоу и уже в наступающих сумерках разбрелись по поляне. У каждого из нас был блокнот и огромное желание записать или зарисовать все, что мы встретим. Я сел в высокой траве на берегу каменистого ручейка и стал играть с водой. Так я просидел несколько минут и вдруг увидел, как из леса вышла оленуха и легкой походкой направилась к ручью. Она шла, потряхивая головой и прядая ушами, чтобы согнать насекомых, а я застыл в полном обалдении. Все наши были ближе к палаткам, и я один видел это зрелище. Оленуха прошествовала через долину с левого края на правый (это если смотреть на юг), подошла к ручью и начала пить. Я потянулся к блокноту, очень осторожно открыл его, боясь каким-либо звуком вспугнуть животное. Следующие пять минут, которые прошли как пять часов или пять секунд,

оленуха пила из ручья, а я пытался зарисовать то, что вижу. Потом она повернулась и ушла обратно в лес.

Шли пятнадцать минут личного времени, предоставленные каждому, все вели себя тихо, занимаясь своими делами, и тут я с шумом ворвался в лагерь и начал рассказывать об увиденном. Я всем показывал свой набросок — он был далек от художественного шедевра, но смог передать эмоции и мое впечатление. Остальные ребята очень впечатлились. Через два дня мы поднялись на каменистую осыпь на высоте 3350 метров, и там я впервые попробовал скалолазание, почувствовал удовольствие, залезая на скалу с дом высотой. Потом мы окунались в небольшую заводь, столь холодную, что заснеженный берег не таял в воде. И в ту же ночь я получил личный наглядный урок в том, что нельзя оставлять на ночь промокшие отпотевшие ботинки у палатки снаружи, если поблизости водятся дикобразы. Эти животные съели кожаное голенище, шнурки и язычок, превратив мои ботинки в шлепанцы на вибрамной подошве.

Следующим летом, в 1989 году, я поехал в спортивно-приключенческий лагерь. Мероприятия и их география поражали разнообразием: скалолазание около Ист-Пика, рафтинг по порогам реки Колорадо у Гранд-Джанкшн, уроки верховой езды на ранчо недалеко от Гуннисона. Нет, я не стал сразу мастером, но что-то такое росло во мне, и четыре года спустя, когда начал учиться в питсбургском университете Карнеги-Меллон, я уже однозначно идентифицировал себя с Западом. В сердце я стал колорадцем, «пересаженным» индейцем. В Пенсильвании, когда я чувствовал ностальгию, это была тоска по огромным пространствам, солнцу и горным пикам моей западной родины. На вопрос, откуда я родом, я отвечал, что из Колорадо, и радовался, если в глазах спросившего загорался свет. Два года я был обычным студентом университета Карнеги-Меллон, родом из Колорадо. Не имея соучеников-колорадцев, с которыми можно было бы разделить мою страсть к Скалистым горам, я безутешно тосковал по снежным лыжным склонам.

Свой первый четырнадцатитысячник — пик Лонгс — я покорил в июле 1994 года в компании лучшего друга, Джона Хейнриха. Всего в Колорадо насчитывается пятьдесят одна гора, чья высота переваливает магическую цифру четырнадцать тысяч футов. Пик Лонгс расположен к северу от Боулдера и возвышается над всей северной частью Колорадского хребта. По высоте (4345 метров) он занимает в Колорадо шестнадцатое место, а по популярности первое. Крутая восточная стена, известная как Даймонд, соблазняла альпинистов-скалолазов мирового класса

своими гранитными маршрутами. А сравнительно простой пешеходный маршрут Хоумстреч (Домашняя прогулка) позволял тысячам пешеходов-хайкеров[24] каждое лето подниматься на вершину. Дик Риго, отец нашего друга Брэндона, лидер бойскаутов и восходитель на несколько десятков четырнадцатитысячников, выдал нам массу ценных советов. Он рассказал о нескольких базовых принципах восхождений на высокие горы: стартовать рано, взять с собой защиту от дождя, еду и воду, взять каргу, быть на вершине не позже полудня, чтобы избежать удара молнией во время обычной вечерней грозы. Так получилось, что большинством из этих советов мы пренебрегли.

Джон нес в руке галлоновую флягу[25] с водой, в рюкзаках у нас лежали бутерброды, сладкие батончики и лыжные куртки. Через какое-то время мы дошли до высоты 3300 метров, где проходила граница леса. Здесь, сняв футболки, мы намазались защитным кремом. Утром на станции рейнджеры[26] дали нам фотокопию карты, сверяясь с которой мы отмечали, в какое время проходим какие ориентиры. Темп нашего продвижения был далек от рекордного, но мы легко успевали вернуться до темноты. Сначала широкая тропа поднималась на Гранитный перевал, оттуда серпантином шла выше. Пройдя несколько изгибов, мы вышли на Боулдерфилд — большое, с шестьсот квадратных метров, поле, заваленное камнями. Большие валуны, некоторые размером с диван, лежали друг на друге. В Кейхоле — крутой зазубренной расщелине на северном гребне горы — мы остановились перекусить, а я поднялся по северному краю расщелины и с большим трудом вылез на скальную башню метрах в десяти от Джона. Он сфотографировал, как я болтаю ногами над пропастью, после чего я спустился и сделал Джону ответную любезность. Пока нам везло, и погода была ясная.

Мы уже подходили к высоте 4000 метров, но основные трудности восхождения оставались впереди. Сначала нам предстоял опасный траверс по гранитным плитам, обрывающимся на западную сторону северного ребра. Затем — крутой подъем по 150-метровому скальному желобу кулуара Корыто. Там мы столкнулись с большим количеством туристов — все они шли с трудом и тяжело дышали, карабкаясь по скалам. Джон предложил устроить соревнование и посмотреть, сколько человек мы сможем обогнать. Он стартовал первым и обогнал всех, кто был в кулуаре. Когда Джон был примерно на середине подъема, я тоже включился в гонку. Я попытался обогнать пару восходителей до того, как кулуар сужался к узкой скальной ступени высотой полтора метра. Но у меня практически не было акклиматизации (воздух на высоте 4300 метров — 14 000 футов — примерно вдвое

разреженнее, чем на уровне моря, и кислорода сильно меньше), дыхание стало тяжелым, участилось, в легких был натуральный пожар, и у скальной ступени мне пришлось остановиться. Тем не менее я обогнал всех остальных туристов и поднялся всего на несколько минут медленнее Джона. Это было важно для меня, я теперь знал, что могу делать такие рывки на пределе возможностей организма, что я могу себя заставлять работать на высоте.

И я, и Джон на такой высоте были в первый раз, поэтому нас охватила легкомысленная эйфория. Но мы заглянули за перегиб и посмотрели на Хоумстреч — это был внутренний угол, сформированный двумя вершинными стенками, развернутыми, словно открытая книга.

До вершины оставалось преодолеть последнюю трудность — гладко отполированную плиту, по ней пришлось лезть, ставя ноги на трении и цепляясь двумя руками за скалу. От плиты вниз обрывалась шестидесятиметровая стенка, оттуда временами задували порывы сильного ветра, усугубляя ощущение пустоты, что чрезвычайно нас нервировало. С вершины по плите спускался турист в синих джинсах, и мы остановились посмотреть на него. Он спускался спиной к склону, сначала переставляя ноги, а потом съезжая к ним на заднице. Турист явно чувствовал себя неуверенно в достаточно опасном месте, и мы с Джоном начали шутить, какой, мол, получится альпинистский боулинг, если он сорвется сам и собьет нас. Но нам удалось разойтись с этим туристом с плоской внутренней стороны откола — большого зуба, отделенного от стены. Мы пошли дальше и уже через три минуты достигли большого плоского плато на вершине Лонгса и обнялись. Джон написал на оборотной стороне карты: «Я люблю тебя», это теперь был сувенир для его девушки Ники. Затем он сфотографировался с картой, развевающейся на ветру, его лицо лучилось улыбкой, хотя и слегка искаженной гипоксией.

Утром мы стартовали поздно, но уже в два часа дня ушли с вершины и начали спуск по Хоумстреч. Несколько облаков надвигалось с северо-запада, но пока с погодой нам везло. В Кейхоле мы опять решили перекусить и тут на восточной стороне северного ребра, справа от нас, обнаружили снежный склон. Похоже, что идея пришла нам в голову одновременно, мы посмотрели друг на друга и чуть не хором сказали: «Давай съедем!» — хотя никто из нас не знал, как правильно глиссировать. Склон был достаточно крутой, с него вполне могла сойти лавина — но не в середине же лета, решили мы. Поэтому, мол, ничто не помешает нам съехать по всему склону до самой границы с полем Боулдерфилд. Мы надели лыжные штаны и

перелезли через верхушку самого длинного (около двух сотен метров) снежного языка. Первым поехал Джон. Весело ухая, разбрызгивая сыпучий снег каблуками, он лихо завершил свое тридцатисекундное путешествие. Я крикнул ему, чтобы он сделал фото, когда я буду достаточно близко, шлепнулся на склон и очертя голову понесся к Джону. Благодаря проделанной им канаве и моим негнущимся капроновым штанам я очень быстро набрал скорость, на которой уже не мог контролировать спуск. Проскакав через несколько засыпанных препятствий, оставив на них клок штанов, я уже сильно рисковал тем, что камни внизу окрасятся моей кровью. Пора было тормозить. В панике я воткнул в снег руки и каблуки и тут же получил в лицо заряд мокрой белой гадости. Крутизна склона к концу уменьшалась, я цеплялся пальцами все более цепко, потом наполовину вбил ботинки и остановился справа от Джона, не доехав до скального выхода всего пару метров. Мы немедленно разразились буйным смехом, крича друг другу: «Давай еще раз!» Пока мы поднимались к тому месту, где оставили наши рюкзаки, я пытался вернуть чувствительность окоченевшим пальцам, растирая их снегом, а заодно додумался, что при следующем таком спуске надо будет прихватить с собой пару острых камней и тормозить ими.

Пугая друг друга, мы спустились с Гранитного перевала и траверсировали восточный склон горы Леди Вашингтон, а когда вышли к зоне леса, набежали облака и грянул дождь. Мы бежали под секущими струями, шлепая по тропе ботинками, и придумывали название нашей эскападе — первому спуску с горы бегом. Мы так ее и прозвали — Спуск Бегом с Горы, или сокращенно СБГ. Когда мы спустились к оставленному «лендкрузеру», я был сам не свой от возбуждения, ведь я взошел на свой первый четырнадцатитысячник! И я знал, что обязательно пойду еще.

В 1993 году мы с отцом неделю сплавлялись на рафтах, и мне так это понравилось, что два года спустя, используя отцовские связи в компании «Индепендент уайтвотер», устраивающей рафтинг-туры в Колорадо, недалеко от Буэна-Висты, я устроился туда гидом. В конце мая 1995-го, закончив второй курс колледжа, я прибыл в мотель, совмещенный с лодочной стоянкой, который мой работодатель Билл Блок использовал в качестве базы. Наша фирма была одной из самых маленьких на реке, у нас ходило в день всего две или три лодки, тогда как у наших крупных конкурентов — иной раз вдесятеро больше. В «Индепендент уайтвотер» работало три гида, включая меня и Пита — моего соседа по домику, и работали мы почти каждый день. Вначале я

рассчитывал взять за лето в общей сложности семь дней выходных, а потом понял, что мог бы, конечно, и больше, но работа доставляла мне огромное удовольствие и отвлекаться совершенно не хотелось. В тот год была очень снежная зима, и уровень осадков превысил среднюю норму вчетверо, поэтому в летний сезон 1995 года в реках была очень высокая вода. Пожалуй, самая высокая во всей истории сплава по этой реке. Пороги, которые обычно классифицировались по категории сложности от тройки до четверки плюс, в то лето стали пятерками. Пятая категория — самая сложная, если, конечно, исключить вообще непроходимые пороги. Что касается мелких шивер, таких как Грейв-ярд и Рафт-Риппер, то они просто исчезли под водой. В том году в реке мы наблюдали рекордную скорость потока — двести кубометров в секунду, это в четыре раза больше, чем в обычный год, и в два раза больше, чем предыдущий рекорд. Летом 1995 года утонуло три человека — два независимых водника и один клиент коммерческой компании. Я чувствовал, что упущу что-то важное, если не буду работать на сплаве при такой воде, как в тот год.

Обычно даже после того, как мы делали два полудневных коммерческих сплава, нам было мало. Собрав компанию из гидов разных фирм — как правило, по вечерам недостатка желающих не было, — мы грузили все необходимое снаряжение в минивэн и отправлялись вверх по долине к другим порогам. На полиэтиленовых каяках и надувных рафтах мы по нескольку раз проходили разные пороги по самым сложным вариантам. Сообщество каякеров и рафтеров из верхней части Арканзасской долины составляло свою субкультуру, где очень ценился риск, как разумный, так зачастую и чрезмерный. Особенно нам удавалось отрываться в те дни, когда начальство считало, что река слишком опасна для клиентов. Тогда мы устраивали еще и ночные сплавы, проходя пороги в ярком свете полной луны. Как-то июльским вечером я и наш третий гид Стив поехали в хозяйственный магазин и там купили две надувные детские игрушки для бассейна. Этот детский рафт метрового диаметра, с гибким пластиковым днищем, имел надувной бортик из тридцатисантиметровой трубы. Они стоили по десять долларов каждый и не годились для сплава по реке. С того самого момента, как Пит рассказал нам об этих игрушках, мы шутили: а не сплавиться ли на них по каньону Браун? Но вместо этого мы поехали в южную часть города и спустили их в могучую реку Арканзас выше тринадцатикилометрового участка порогов первой-второй категории — самых простых на реке, но весьма серьезных для наших неадекватных плавсредств. В спасжилетах, с

обрезанными пластиковыми бутылями для аварийного вычерпывания и с каячными веслами, Стив и я сплавились по самой большой реке штата на потешных лодчонках, под девизом «Не пытайтесь повторить это самостоятельно».

В конце августа я взял троих лучших друзей — все были новичками на реке — на сплав по Брауну на одном рафте. Это было гораздо более круто, чем когда я сплавлялся в компании с другими гидами на нескольких лодках. Самым большим вывертом стало то, что я спланировал сплав ночью в новолуние вместо полнолуния. В такой темноте, когда река, берега, стенки каньона сливались в чернильном мраке, самым важным становилось ориентирование: неожиданный толчок — и кто-нибудь из моих друзей мог бы вылететь в реку, без остатка раствориться в темноте.

На спокойных участках звезды отражались в зеркальной глади воды. Как только звезды переставали отражаться, значит, в этом месте бурление, либо камень, либо перекат. Поначалу света было достаточно, чтобы видеть белые гребешки волн, но после входа в каньон высокие стены еще больше приглушили окружающий свет, и на протяжении дальнейших четырнадцати километров выбор маршрута был исключительно игрой памяти. Недалеко от первого порога — Руби-Риффл, вторая категория сложности, — я задел передним левым краем рафта за большую скалу. Но потом мы удивительно — если не сказать, сюрреалистически — чисто прошли все оставшиеся тринадцать порогов, включая длинный порог третьей категории и технически сложный четвертой категории. После того как река стала спокойной, мы долго не могли нарушить тишину. Прежде чем заговорить, мы посмотрели наверх: множество звезд — больше, чем я и мои друзья когда-либо видели, — проплывали, мерцая, перед нашими глазами, и я тогда впервые понял, что космос — это не плоское полотно, а трехмерный мрак.

В 1997 году я закончил колледж с первыми результатами на курсе, получив диплом бакалавра по машиностроению (параллельная специализация — французский язык, вторая специализация — игра на фортепиано), и в мае начал работать инженером-проектировщиком в корпорации «Интел». Офис располагался в Окатило — обширном пригороде на юго-восточной окраине разросшегося аризонского мегаполиса. Финикс. Потом-то, в марте 1999-го, меня переведут в Такому, штат Вашингтон, а затем, в сентябре того же года, — в Альбукерке, Нью-Мексико. Но в 1997 году, сразу после окончания, моя застоявшаяся страсть к дикой природе

американского Запада вспыхнула с новой силой. Перед тем как переехать в Аризону, я хотел вознаградить себя за успехи в учебе и за то, что я, как тогда полагал, нашел хорошую работу. И ради такого случая думал устроить себе не просто каникулы, а суперканикулы — автомобильное путешествие туда, где заканчиваются все автомобильные дороги. Я сел на свою «Хонду CRX» 1984 года выпуска и поехал на север. Сначала моей целью были национальные парки Гранд-Тетон, Йеллоустон и Глейшер. А затем я собирался направиться в Канаду — национальный парк Банф и Айсфилд-Парквей, затем в Ванкувер и оттуда прямиком в Каскадные горы, в парки Олимпик и Маунт-Рейнир. И, уже завершая гигантский круг, — Кратер-Лейк, Йосемити и Зион. Всего тридцать дней, девять с половиной тысяч километров, десять национальных парков.

Но далеко уехать не получилось. В конце мая было еще очень много снега, и мне приходилось добираться пешком туда, куда я думал проехать на машине. Зато во время достаточно рискованной поездки на озеро Фелпс в Тетоне я встал на ночевку в фантастическом месте. В первый вечер на фоне заката мимо меня пронесся силуэт лосихи, следующим утром я увидел двух белоголовых орланов, парящих над водопадом, а днем позже наблюдал из укрытия за медведем гризли в лесу рядом с дорогой. На руинах фермы Антилоп-Флэтс я сфотографировал Тетонские Альпы, отражающиеся в разбитом стекле. Я планировал взойти на самую технически простую вершину парка — Мидл-Тетон. Базовый лагерь я установил на озере Брэдли и планировал уложиться со всем мероприятием за три дня. Когда в конторе по выдаче разрешений на въезд я спросил рейнджера, как мне лучше взойти на один из пиков, он смутился, видимо понимая, что за приключение мне предстоит. Его взгляд, казалось, говорил: «Если вы спрашиваете, я должен отвечать. Но мой разум протестует против этого». Тем не менее он показал на карте, как добраться до озера Брэдли на плато Плексиглас, рассказал, что многие маршруты покрыты глубоким снегом, и предостерег: «Если у вас нет снегоступов — забуритесь по пояс». Я не знал, что значит «забуриться», поэтому просто заполнил разрешение и промолчал.

Утром я вышел на маршрут. Это был мой первый одиночный поход более чем на день, и к тому же зимой. Основное снаряжение я нес в большом рюкзаке, а еду и все для готовки — в фиолетовом школьном рюкзачке на груди. Пройдя примерно милю от стоянки на озере Тэггет, я уперся в глубокий снег. Следов вокруг не было никаких, — очевидно, я был первым туристом, который пришел сюда за достаточно долгое время, возможно, что здесь никого не было всю зиму. Под тяжелым

рюкзаком я тащился по глубокому снегу, высоко извлекая ноги после каждого шага. Я вылез на край морены, принесенной сюда еще в ледниковый период, и начал проваливаться еще глубже. С каждым шагом я проваливался на метр или около того, острый ледяной наст больно резал голени, но минут через пятнадцать снег набился в ботинки и штанины, и ноги перестали что-либо чувствовать. Противное ощущение холода и сырости пропало. Через час таких мучений я вышел к лесу на краю морены и там изменил свою тактику — последние пятьдесят метров к гребню морены я полз. На гребне характерного сугроба я с облегчением шлепнулся верхом прямо на уплотненный снежный край, тяжело дыша от усталости. И тут, после того как я, оглянувшись через левое плечо, увидел серию прорытых мной глубоких ям, до меня дошло, что же это значит — «забуриться».

До южной оконечности озера Брэдли по карте выходило около километра, а затем еще километра полтора огибать озеро до места стоянки. Сначала, поскольку я вышел из леса, снег оказался более твердым, но потом по короткому и крутому склону я скатился на заднице в низину и опять провалился по пояс. «Да-а-а, — громко сказал я, делая первый шаг и уходя в снег по самое некуда, — это будет длинная миля». Следующая мысль была о снегоступах, хотя у меня их никогда не было и я никогда на них не ходил, но очевидно, что здесь они мне здорово помогли бы.

Через два часа тяжелой пахоты в глубоком снегу я вышел к пешеходному мосту на северной стороне Брэдли. Над кронами деревьев висели облака, и я мог видеть только горные склоны, уходящие на сотню метров вверх на западе, где ветви хвойных деревьев исчезали в тумане.

Отойдя от моста вдоль берега на несколько сотен метров, и нашел место для стоянки, в основном скрытое под снегом. Наконец-то я добрался, и что удачно — до наступления темноты, на что я после четырех часов такой пахоты не больно-то и рассчитывал. Я поставил зеленую двухместную палатку прямо за знаком стоянки, на присыпанном сосновыми иглами пятачке замерзшей земли. Помороженные ноги болели.

Ввалившись корпусом в палатку, я стал расшнуровывать свои вконец промокшие туристские ботинки, из которых хлынула талая вода. С носков тоже накапало немало, причем в основном внутрь палатки, но я уже настолько устал, что не обратил на это особого внимания. Я сидел и растирал сведенные ноги и вдруг вздрогнул от звука ломающейся ветки. Я прислушался и различил всплески в озере, доносящиеся из-за густого кустарника в десятке метров слева. Наверное, это в сумерках вышел на берег

американский лось, такой же, какой встретился мне на озере Фелпс. Заинтригованный, я откинул полог палатки и наклонился вперед, чтобы рассмотреть получше. И тут я увидел, что не очень крупный, но и не мелкий черный медведь пробирается через кусты, растущие у мелководья. Зверь был абсолютно черный, на первый взгляд трех- четырехлеток, и тянул где-то на сотню килограммов.

Я поспешно выхватил из рюкзака фотоаппарат и щелкнул спуском. Вспышка отразилась от кустов, и я боялся, что медведя это спугнет до того, как он выйдет и я смогу его четко разглядеть. Однако вместо того, чтобы испугаться и бежать, он невозмутимо сменил курс и направился прямо к моей палатке. Один шаг, два шага, три шага — он совершенно точно направлялся к моей палатке! «Ё-о-о-о! Медведь! — заорал я. — Хей, хей, хей!» Он все так же шел к палатке, через кусты, прочь от берега. Может быть, я стою под ветром и зверь меня еще не унюхал? Я попытался свистнуть, чтобы предупредить неуклюжее животное, мол, я тут и я опасен. Но я был слишком напуган, чтобы правильно сложить губы, и только забрызгал слюной фотоаппарат.

Теперь, когда медведь был от меня в нескольких метрах, я точно знал: он не просто вознамерился нанести мне визит вежливости. Он был худ и явно нацелился на мою еду — свой первый хороший обед после зимней спячки. Мой фиолетовый рюкзачок валялся у входа в палатку; я уставился на него. Медведь пристально смотрел туда же. И тут я понял, что нужно делать. Когда медведь был всего в полутора метрах, я схватил рюкзак с едой и рванул из палатки вправо. Босые ноги стукаются о мерзлую землю, я проношусь за палаткой и, перепрыгивая через упавшее дерево, приземляюсь в сугроб. Сначала левая, а потом правая нога пробивают ледяной наст, и жгучая боль пронизывает всю левую ногу. Я вытаскиваю ее и вижу, что раскроил стопу о торчащую ветку упавшего дерева. Но у меня не было времени оказывать себе первую помощь, надо было торопиться, и я на разбитых немеющих ногах погнал прочь в снежный лес.

Мне срочно требовалось дерево с веткой метрах в двух от земли, длиной метра полтора и достаточно толстой, чтобы выдержала мой рюкзачок с продуктами. Но на соседних деревьях я не увидел ничего подходящего. Если бы не моя форс-мажорная ситуация, я взял бы тонкую веревку и втянул рюкзачок на высокую ветку, но сейчас времени на такие маневры не было. Я покружил по часовой стрелке, остановился перед палаткой, а затем сделал несколько шагов на запад. В лесу медведь следовал за мной по пятам, и я старался держать между нами дистанцию не меньше десяти метров. Наконец я заметил большое,

поваленное, должно быть, несколько лет назад дерево с мешаниной корней. Они торчали не очень высоко, но я мог, по крайней мере, привязать рюкзачок к корням стяжками и пойти надеть ботинки, а потом вернуться и найти для своих продуктов место получше. Я метнулся к поваленному дереву, обмотал лямки вокруг трех скрюченных корней, торчащих на полтора метра вверх, и завернул рюкзачок за четвертый, надеясь, что медведь не сможет легко до него добраться. После этого я на онемевших ногах осторожно допрыгал назад к палатке.

У палатки я быстро осмотрел порезы на левой ноге, натянул промокшие насквозь ботинки и сходил еще раз к упавшему дереву. За тридцать секунд моего отсутствия медведь схватил зубами рюкзачок с едой и, дергая его туда-сюда, стряхнул ремни с корней. Насколько же легко он достал до корня, к которому я вроде бы так надежно примотал лямку! До меня начало доходить, как я влип. Если медведь сбежит с моей едой, я попал — мне ведь нужна энергия, чтобы двигаться, нужно питание, чтобы вернуться к машине. Медведь удирал с фиолетовым рюкзаком в зубах, вот он уже отбежал метров на пять вдоль поваленного ствола. Я понял, что моя жизнь под угрозой, а значит, рюкзачок надо вернуть во что бы то ни стало. Тогда я отломал от корня метровую палку, запрыгнул на ствол упавшего дерева и, размахивая своей дубиной над головой, заорал что есть мочи: «Медведь! Отдай рюкзак!» Не знаю, какой реакции я ожидал, но, когда медведь остановился, повернул голову, глядя через правое плечо, а затем встал на задние лапы в каких-то десяти шагах, меня затрясло от страха. Отлично, я привлек его внимание, теперь мы могли обменяться мнениями.

Я скалился и кричал, размахивал в воздухе палкой, снова вопил во всю мощь легких и даже громче: «Отдай мою ЕДУ!» Медведь озадаченно наклонил голову влево — ну вылитый строптивый пес, не желающий выполнять команду хозяина, — и мне даже почудилось, что у него на лбу появилась морщинка. В этой паузе я собрал все свое мужество в кулак — и как затопал! Сделал шаг в сторону медведя, потом другой, третий — и вопил: «Ты не на того напал! Ты напал на голодного туриста, у него нельзя отнимать еду! БРОСЬ ЕЕ!» С последним словом я подпрыгнул и громко впечатал башмаки в ствол дерева. Медведь бросил рюкзачок с едой, неуклюже развернулся и стал уходить в лес. Я не мог в это поверить. Проорав: «Кыш, медведь!» — я подошел к фиолетовому рюкзачку и, прежде чем поднять его, бросил вслед медведю мой корень; тот сломал несколько сосновых веток у него над головой, и зверь свалил на запад.

Через пять минут я уже с нетерпением ждал, когда же чайник,

полный озерной воды, закипит на горелке, и с ужасом думал, что медведь может в любой момент вернуться. Через две минуты после того, как вода все-таки закипела, я установил личный рекорд по скорости поедания супа с лапшой. Пока я паковал еду, горелку и миску, я внимательно изучил фиолетовый рюкзачок и увидел четыре отчетливые дырки от медвежьих зубов. К тому времени, как я спрятал рюкзачок в безопасное место, опустилась ночь. Я свернулся в палатке калачиком, но медведь все-таки отомстил мне: психологический стресс не давал отдохнуть. Было уже совсем темно, я лежал в спальном мешке, и моя паранойя вспыхивала с новой силой, когда из леса доносился малейший звук. Семь часов подряд — падал ли на снег листик, падала ли в озеро сосновая иголка, скрипело ли на ветру дерево — мое воображение заводилось с пол-оборота, как ревущий гоночный автомобиль. Всплеск — рыба плеснула в озере, и тут же я мысленно вскидывался: «Огосподимедведьвернулсяонменясъестяумру!» Я был уверен, что это мой последний вздох. Ужас не уходил до трех утра, когда я все-таки ненадолго закрыл глаза.

На следующий день я вышел поздно и в снегу по пояс сумел пробраться через каньон Гарнет на возвышенность, метров до 3200. Из-за постоянных дождевых облаков видимость была нулевая. Я находился в цирке, пытаясь принять принципиальное решение по поводу маршрута, и не мог найти ни одного ориентира. Было уже слишком поздно, чтобы искать дорогу методом проб и ошибок, поэтому я спустился траншеей, которую выкопал на подъеме. Через два часа я вернулся на берег озера Брэдли и под дождем потопал назад к стоянке. Там меня ждал сюрприз: палатка была разорена, тент разодран, две из четырех дуг перекушены, передний полог порван и полностью откинут, мой спальный мешок плавает в озере, внутри палатки все мокрое и пропитано грязью. «Что за нафиг?» — поначалу удивился я, но очень быстро понял: это медведь. Он вернулся, пока я ходил на гору, и перерыл мое барахло, пытаясь найти еду. Но рюкзачок с едой был не тронут — висел на своем месте, на дереве, вне досягаемости зверя. Оставалось лишь предположить, что медведь разорил стоянку со злости. Я спустил рюкзачок с едой, веткой выудил из озера спальник и упаковался. Все барахло было абсолютно мокрым, я не мог остаться на ночевку, а вернуться к машине до наступления темноты было просто нереально. Но выбора нет, надо возвращаться, надо идти в темноте. Взвалив на себя тридцать килограммов промокшего снаряжения, гнущего меня к земле, повесив, как и днем раньше, рюкзачок с едой на грудь, я двинулся обратно. И тут заметил медвежьи следы,

идущие поверх моих старых следов. Господин Медведь следовал за мной на стоянку, как охотник, по запаху.

Приглядевшись к глубокому снегу за пешеходным мостиком, я понял, что медведь шел с севера и пересекал проделанные мною вчера ямы. Я медленно проследил глазами цепочку его следов: она поднималась на холм высотой метров десять… И там под сосной сидел медведь и с интересом наблюдал за мной. «Срань господня!» — пробормотал я севшим голосом. Гнев на медведя, сдерживаемый последние полчаса, быстро обернулся уже знакомым страхом. Оставалось одно: идти как шел, надеясь, что не провалюсь в снег, и молясь, чтобы медведь свалил. Я вытащил мокрую карту из кармана и вместе с компасом взял ее в левую руку — права на ошибку у меня уже не было.

Метров через десять я свернул с тропы и, спотыкаясь, пошел к вершине холма южнее медведя. Зверь так и не шевелился. Я представил себе, как он там злорадствует, пока я изо всех сил стараюсь удрать от него. Я успел рассмотреть снежный покров на холме, и мне показалось, что на востоке снег мельче; я рассудил, что мог бы сократить путь и выйти прямиком к шоссе, избежав купания в сугробах на моренном гребне. Я пересек гребень холма, спустился к лесной ложбине и оглянулся через левое плечо: медведь ушел, спустился с другой стороны холма к озеру. Я с облегчением прошел шагов пятнадцать, затем снова проверил обстановку сзади — и вот он, медведь, все так же прогуливается на вершине холма по моим следам, всего-то метрах в ста от меня.

Десять минут я ломился по азимуту на восток, поочередно посматривая на компас, ориентируя карту по местности и оглядываясь через левое плечо на медведя. Пару раз он подходил ко мне ближе, метров на десять, что чрезвычайно нервировало меня. Я боялся, что не смогу найти правильный путь, что не смогу обогнуть участки самого глубокого снега, и воображал себе, что сотворит медведь, дабы заполучить рюкзачок с едой, висящий у меня на груди. И результат не замедлил сказаться — в какой-то момент я потерял все ориентиры и понял, что ландшафт больше не соответствует тому, что говорит карта. К счастью, я быстро догадался о магнитном склонении — разнице между истинным севером на моей карте и тем севером, на который показывал компас. Через минуту, решив, что определился достаточно точно, я полез в небольшой подъем и вдруг увидел внизу озеро. Откуда оно здесь? Здесь не должно быть никакого озера! Но у берега были видны следы. Отлично! Я оживился, — наверное, там есть люди, которые помогут мне сориентироваться, а то и отпугнуть наконец медведя. Я радостно затопал по снегу, и тут до меня дошло: это мои же следы… а это озеро Брэдли… я сделал полный

круг!

Медведь был передо мной в десяти шагах; до сих пор он останавливался, когда я останавливался. Но теперь он спускался с холма — прямо ко мне. Я чувствовал, что готов сдаться, бросить ему рюкзачок с едой — к черту правило не кормить медведей![27] — и еще больше мне хотелось плакать.

Медведь был уже в пяти метрах, когда мое отчаяние переросло в гнев. «Пошел вон!» — заорал я ему прямо в морду. Он снова остановился. Вспоминая самую зверскую угрозу, которую когда-либо слышал в кино, я переиначил несколько строк из «Криминального чтива»: «Я позову самых обдолбанных рейнджеров, и они устроят инквизицию твоей медвежьей заднице! Они тебя усыпят и отправят в Айдахо!» Я снова принялся махать руками над головой и кричать, но это медведю уже было знакомо. Он поднял голову, совсем как во время нашего вечернего противостояния на бревне. Слева от меня в коническом углублении, окружавшем сосну, лежал камень. Я добрался до дерева и схватил булыжник размером с мяч — у меня появилось средство самообороны. Затем я поспешно двинулся на юг по своим старым следам.

Медведь не отставал, тормозя лишь тогда, когда я кричал, и был уже слишком близко. Я прикинул, что смогу запустить в него камнем, если зверь подойдет ко мне на два метра. Чтобы бросить камень намного дальше, мне пришлось бы снять рюкзаки и выпутаться из всех лямок. Я сосредоточился на том, чтобы стоять прямо, хотя все глубже погружался в снег, который из-за постоянного дождя превращался в жидкую кашу. В какой-то момент я проломил наст и, промокнув по бедра, крепко застрял. Медведь быстро оценил такой шанс и сократил расстояние — теперь от моей головы до его морды было всего метра три. Я пытался нащупать в снегу камень, но только напрасно шарил руками. Тогда я корпусом развернулся налево и через плечо перекатился на спину, вытаскивая ноги из ям. Я был как черепаха, перевернутая на спину, рюкзаки не давали мне двигаться. Я очень боялся, что медведь не преминет воспользоваться моей беззащитностью и нападет именно сейчас. Кое-как поднявшись и удержавшись на ледяной корке наста, я поднял каменный снаряд к плечу, раскачал его вверх-вниз и метнул в смутный силуэт медведя. И я, и медведь с интересом наблюдали, как мое единственное оружие, прочертив крутую параболу, ухнуло в снег неподалеку от левого медвежьего плеча. Я промазал. Медведь остался на месте.

Я постарался встать поустойчивее у ближайшего дерева и нашел еще два камня поменьше. Вооружившись заново,

направился к морене по моим недавним следам, но шаге на пятнадцатом провалился в таком месте, которое до этого выдерживало мой вес. Мы заново проделали привычные маневры: я шлепнулся на спину, медведь подошел очень близко, я с трудом поднялся и бросил в него камень. Правда, на этот раз попал медведю в задницу — и зверь как ракета взмыл на ближайшую сосну. У меня отпала челюсть и глаза выкатились из орбит: за три прыжка он взлетел на десять метров. Я никогда в жизни не видел, чтобы такое большое животное двигалось столь спортивно. Похоже, если дойдет до борьбы в партере, мне ничего не светит. Я снова взял в руку тот же камень и двинулся к югу. Через полминуты услышал за спиной треск веток, оглянулся и увидел, что медведь спускается с дерева. Тут же я снова провалился по пояс, и мы повторили наш отработанный номер. Моя роль: падаю, перекатываюсь, встаю, кидаю камень; роль медведя: лезет на дерево, ждет, спускается, идет за мной. И так раз за разом. Морена была уже близко, так что вдобавок я принялся костерить медведя во всю глотку, надеясь выиграть больше времени для пропахивания глубокого снега. У медведя, конечно, не было со снегом вообще никаких проблем, его вес распределялся по насту на четыре лапы более разумно, чем мой на две.

Я вылез на главный нанос морены ползком, как и вчера, и облизнулся, разглядев чистую грунтовку примерно через полмили. Медведь все не отставал и сократил дистанцию метров до четырех, если не меньше. Но вниз с морены я двигался быстрее и, поскольку глубина снега уменьшалась, сумел набрать хорошую скорость. Через двадцать минут на краю снежного покрова я остановился и подождал, пока медведь подойдет ближе. Он немного отстал — нас разделяло метров десять, — но за считаные секунды опять оказался метрах в четырех. Моя рука уже устала, поэтому с первым броском, в голову, я промазал — взял слишком высоко. Но второй попал в цель — в медвежий загривок слева. Зверь завопил и кинулся к ближайшему дереву. На этот раз я изменил привычному сценарию и, сбросив рюкзаки, направился к дереву следом. Вокруг было полно камней, и я смог наконец отомстить зверюге, устроил натуральный артобстрел; по крайней мере каждый третий камень размером с бейсбольный мяч попадал в цель — медвежью задницу. Я вопил во всю мощь легких, освобождаясь от напряжения и ужаса последних суток. Когда медведь залез на дерево совсем уж высоко, так что я промазал пять бросков подряд, я снова надел рюкзаки и, больше не оглядываясь, пошел по грунтовке в ту сторону, где оставил машину.

Я покончил с Вайомингом и дождем, с ямами на снегу и, что

важнее всего, покончил с медведями. Перспектива запланированной ранее поездки в национальный парк Глейшер абсолютно не привлекала. Горы там выше, снега там больше, а главное — там гораздо больше медведей. На выезде из парка я зашел к рейнджерам и рассказал им, что произошло. Им, оказывается, доводилось слышать о подобных случаях в других национальных парках (возможно, в Глейшере, подумал я, мысленно ставя последнюю точку над «i» — не поеду, мол), но в Тетоне я нарвался на голодного хищника первым. Еще они мне сказали, что, если кричать на медведя, махать руками, запугивать его и кидаться камнями, девять шансов из десяти, что окажешься искалеченным. Очко моему ангелу-хранителю, подумал я. Затем поехал в город и снял номер в гостинице — мне надо было высушить вещи и позвонить родителям. Я хотел рассказать им обо всем случившемся и предупредить, что приеду завтра. Потом обошел несколько ресторанов, спрашивая, как у них насчет стейка из медвежатины, но такого нигде не подавали. И перед тем как лечь спать, я не стал смотреть ни одного из двух фильмов, которые шли в кинотеатрах Джексона: ни «Парк Юрского периода — 2» (динозавры гонятся за Джеффом Голдблюмом), ни «На грани» (медведь гонится за Энтони Хопкинсом).

ГЛАВА 3
Ночная смена

Всем известно, что осужденный человек в конце концов перестает сопротивляться, а пассивно, почти с благодарностью, подчиняется своему палачу.

Эдвард Эбби. Пустынный отшельник

Я смотрю на часы — 16:19. Застрял я часа полтора назад и половину этого времени пытался разбить ножом валун. Светло будет часов до девяти вечера, но я уже нацепил налобник поверх синей кепки. Да, прямо сейчас он мне не нужен, но я рад, что взял его, как и нож, который обычно в однодневные вылазки не беру. Спасибо путеводителю Келси, предупредившему об опасности наткнуться на змей и пауков. Мне не попались ни те ни другие, но книга подсказала взять с собой фонарь. Фонарик мне уже пригодился — подсвечивать сантиметровую щель, в которой зажато мое правое запястье, и исследовать руку со всех сторон.

Один из наиболее важных вопросов, который я пытаюсь решить, — это определить, какую часть веса валуна держит моя рука. Если совсем небольшую, мне придется отколоть меньший кусок камня. Чем больший вес валуна принимают моя кисть и запястье, тем больше он будет оседать, если я начну убирать поддерживающий его материал. На самом деле, для того чтобы освободить руку в этом случае, мне придется долбить, пока валун целиком не упрется в стену. К сожалению, достаточно высока вероятность того, что, поскольку между валуном и северной стеной каньона есть зазор — непосредственно под и *над* моим запястьем, — валун не опирается на стену. Он будет оседать, постепенно двигаться под моим нажимом. Остается только гадать, насколько это уменьшит мои шансы освободить запястье, поэтому я откладываю решение этого вопроса и продолжаю расковыривать камень ножом.

О том, что влип серьезно, я пытаюсь не думать. Такова реальность, но мысли о ней ничем не помогут в моем положении. Вместо них я сосредотачиваюсь на поиске каких-нибудь слабых мест в камне чуть выше и левее застрявшего запястья. Сначала я инстинктивно наметил линию отреза над куском камня —

размером с мяч для игры в софтбол,[28] — я решил, что его мне хватит для освобождения кисти. Сейчас я разглядываю дефект в структуре камня, небольшую выемку над бугром — сантиметрах в пятнадцати над моей рукой. Демаркационная линия проходит через эту выемку. Я начинаю от линии, в нескольких сантиметрах ниже верхушки камня, и бью вниз, так близко к своей отметке, как только сумею. Восьмисантиметровое лезвие из нержавейки против камня; при каждом ударе я стараюсь попадать в одно и то же место.

Все лишнее — боль, мысли о возможном спасении, обдумывание непосредственно несчастного случая — прочь из головы. Сейчас работаем. Я полон решимости найти и использовать любые швы, любые расколы, чтобы ускорить процесс и победить камень. Каждые несколько минут я останавливаюсь, чтобы осмотреть всю поверхность валуна и удостовериться в том, что не пропускаю какой-нибудь более очевидной цели.

Но продвигаюсь я медленно, почти неощутимо для глаза. Раскрываю в мультитуле напильник, еще пять минут пилю им валун. Это ненамного лучше, чем лезвием, и то только если пилить боковой стороной вдоль линии. Камень явно прочнее, чем мелкие насечки напильника. Когда я в очередной раз останавливаюсь, чтобы очистить инструмент, то вижу, что пазы напильника заполнены металлической крошкой, содранной с него самого. Лезвие изнашивается, а камню хоть бы что. Опять осматриваю валун и тут замечаю, что он нетиповой окраски, тверже стен каньона и моего ножа и напоминает другие валуны — те, что я проходил выше по каньону. До меня доходит, что этот валун вовсе не из песчаника. Похоже, он упал из слоя более темной окраски, зажатого в песчанике Навахо и сформировавшего нависающий выступ метрах в ста выше по течению каньона, недалеко от S-образной деревяшки. Я свисал с него в начале щелевого участка каньона, перед тем как спрыгнуть в песок — пару часов тому назад.

«Плохие новости, Арон, — думаю я. — Тот нависающий выступ образовался потому, что сформирован более стойкими к эрозии породами, чем весь каньон. Этот камень — самое твердое, что здесь есть». Не проще ли будет выдолбить кусок стенки? Я решаю попытаться. Заменив напильник на восьмисантиметровое лезвие, бью мультитулом по скале чуть выше правого запястья. Нож скользит по розоватой наклонной стенке, при каждом ударе я очень близок к тому, чтобы проткнуть себе руку. Прихожу к выводу, что геометрия против меня: я не могу долбить ножом в нужном месте, потому что как раз там находится моя рука.

Я останавливаюсь, чтобы левая рука и плечо могли немного

отдохнуть, смахиваю песчаную пыль, припорошившую правое предплечье. Я не вижу никаких изменений в позиции валуна и возвращаюсь к прежнему занятию — долблю по впадине в камне. Тюк-тюк-тюк… Тюк-тюк-тюк-тюк… Звук удара ничтожно тих, но стенки каньона отражают его. Я не могу долбить скалу с большей силой, иначе нож сорвется и я разобью себе костяшки пальцев или же просто промахнусь по нужному месту. Я надеюсь расшатать кристаллы вокруг серого выступа и отколупать кусок размером с квотер.[29] Если получится, это сильно поднимет мне настроение. Но даже крошечный бугорок смотрится неприступным, как банковский сейф, — я пробую и так и эдак, но не могу взломать его.

Еще час прошел, уже шесть вечера — чуть более трех часов с того времени, как меня зажало. Пока тепло, но уже на несколько градусов холоднее восемнадцати — максимальной дневной температуры, зафиксированной в полчетвертого моими часами, привязанными к левой лямке рюкзака. Я сдуваю каменную пыль, которую накрошил мультитулом, и ищу признаки того, что хоть сколько-нибудь продвинулся. Всматриваюсь в скалу еще и еще раз рассматриваю особенности ее строения, скова и снова пытаюсь найти участок с более рыхлой кристаллической структурой. Но, видя ничтожность результатов, понимаю, что вопрос этот скорее гипотетический, чем практический и раскрошить этот камень могла бы разве что геологическая кирка, если бы вдруг она волшебным образом материализовалась в моей руке.

Я понимаю, что попал в камеру смертников, самую крепкую из всех вообразимых. Правда, имея про запас всего шестьсот миллилитров воды, можно не сомневаться, что заключение будет недолгим, — необходимый минимум для путешествия по пустыне составляет четыре литра на человека в день. Я снова прикидываю, сколько смогу протянуть на своих скудных запасах, — до понедельника, максимум до утра вторника. Единственный способ выжить — выбираться отсюда. В любом случае таймер уже тикает, и все, что у меня есть для борьбы с камнем, — копеечный складной нож. Все равно что добывать уголь в шахте детским совочком.

Внезапно я чувствую, что разочарован, устал от долбежки. Я оцениваю, сколько уже удалось наковырять (почти ничего) и сколько я потратил на это времени (больше двух часов). Вывод прост: я занят бесполезным трудом. Обсуждаю сам с собой оставшиеся варианты, и напряжение перерастает в пессимизм. Уже очевидно, что я не смогу надежно закрепить полиспаст для подъема камня. Скалы образуют трехметровую полку в двух

метрах выше моей головы и почти в трех метрах от меня. Даже с двумя действующими руками построить полиспаст в такой ситуации было бы невозможно. У меня нет воды, чтобы ждать помощи, у меня нет инструмента, чтобы расколоть камень, у меня нет возможности устроить полиспаст… У меня остался только один возможный вариант освобождения из плена.

Я медленно и четко произношу вслух: «Ты должен будешь отрезать себе руку». От этих слов бунтуют все инстинкты и чувства, и даже голос срывается на октаву.

«Я не хочу отрезать себе руку!»

«Арон, тебе придется отрезать себе руку».

Я понимаю, что спорю сам с собой, и неуверенно хихикаю. Это безумие.

Я отлично понимаю, что никогда не смогу перепилить собственные кости тупым ножом, поэтому возвращаюсь к прежнему занятию — пытаюсь долбить камень. Пусть это бесполезно, но это лучший из имеющихся вариантов. Продолжая долбить камень, я представляю себе вечернее солнце над пустыней, удлиняющиеся тени. Синева неба становится все глубже, а я весь последующий час безрезультатно стучу по камню, делая редкие и краткие перерывы. Выцарапанная над моей правой рукой фраза — «Геологическая эпоха включает настоящее время» — приобрела другой смысл. Сначала это было просто предупреждение Джерри Роуча. Теперь это мотивирующий призыв. Я полон надежды на то, что я, будучи частью геологической эпохи, смогу разрушить этот камень настолько, чтобы освободить правую руку от смертельного рукопожатия. Тем не менее нож очень быстро затупился о камень. Я опять меняю его на напильник и продолжаю пилить по линии над сероватым выступом, у ближайшего края выемки.

Пока пилю, я вспоминаю, как первый раз попал в Юту, — уж и не знаю, с чего вдруг это приходит мне на ум. Возможно, воспоминания — попытка ответа на терзающие меня вопросы: как я здесь оказался, как меня угораздило попасть в ловушку? В ту первую поездку мы отправились всей семьей. Это был 1990 год, первый мой год в средней школе. Мы ездили к каньонам Кэпитол-Риф, Брюс и Зион, а потом свернули на юг, к Гранд-Каньону. Сначала я не был сильно воодушевлен этой поездкой: за несколько недель до нашего отъезда мои друзья взволнованно обсуждали предстоящие лыжные путешествия или каникулы в Мексике. А я? А я ехал с родителями в Юту.

К счастью, с нами была друг нашей семьи, Бетти Дарр из Огайо. Она была самым начитанным человеком из всех, кого я

когда-либо знал, и ее любовь к чтению уступала разве что любви к путешествиям. Эти качества делали ее идеальным попутчиком для подобных поездок. Бетти была также среди самых проницательных, заботливых и позитивно настроенных из всех, кого я когда-либо имел удовольствие называть своим другом. Еще маленькой девочкой, в тридцатые, Бетти заболела полиомиелитом, и все, что ниже талии, было у нее парализовано. Я уж не знаю, то ли из-за своей борьбы с полиомиелитом она была отчаянной оптимисткой, то ли наоборот — врожденный оптимизм помогал ей преодолевать последствия паралича, как бы то ни было, Бетти могла найти хорошее и светлое в каждом человеке, она всех любила. Несколько дней в неделю она добровольно проводила в тюрьме округа, обучая заключенных читать и писать, она приносила им журналы и занималась с ними один на один. Ее человечность видела в этих людях скрытый потенциал, все остальное значения не имело.

С того самого момента, как Бетти заболела, она каждый день пользовалась костылями и носила сплошной корсет, поддерживающий спину и ноги. Но иногда она перемещалась по своему деревенскому дому в Огайо на пятой точке, выталкивая себя вперед руками, волоча ноги за собой. Ездила она на специальном автомобиле с ручным управлением, а для прогулок в национальных парках брала с собой инвалидное кресло с электрическим моторчиком. Свое кресло она называла Пони. Иногда, если до красивого места было недалеко, ее переносил мой папа. Делать это было несложно: хрупкая Бетти весила всего сорок пять килограммов. Иногда холмы, попадающиеся нам по дороге, были слишком круты для моторчика Пони, и мы с сестрой чуть ли не дрались за право толкать Бетти вверх. В каньоне Брюс выиграл я и толкал Бетти и ее Пони к заключительной обзорной точке. И вот, когда я шел наверх — руки вытянуты вперед, голова утоплена в плечи — и разглядывал полку для аккумуляторной батареи, я услышал восторженный голос Бетти: «Ах, Арон, ты только посмотри на это!»

Я поднял глаза и чуть не упустил кресло. Перед нами открывался роскошный вид ка сотни оранжевых и розовых башен из песчаника, заполняющих стометровой глубины каньон, распахнувшийся прямо перед нами и простирающийся на сотни метров во все стороны, куда ни посмотри. Я был потрясен. Теперь я понимаю, что мое увлечение каньонами началось именно с эмоций, которые я испытывал на этой смотровой площадке. Мне хотелось мчаться вниз в каньон, дотронуться до башен, готовых, казалось, обвалиться в любой момент, пройти по каждой тропинке, вьющейся вокруг каменных формаций, пока я не

потеряюсь в лабиринте. Я представлял себе, что стою на вершине башни, которая называется Молот Тора, а затем с помощью каких-нибудь сверхчеловеческих способностей переношусь на вершину следующей башни, оттуда — на следующую. Когда пришло время уходить, моя душа опустела. В четырнадцать лет я не понимал своих чувств, но это была встреча с призванием, хотя до служения ему должно было пройти еще немало лет.

Двумя днями позже мы приехали в Гранд-Каньон и уже в темноте заселялись в свой коттедж. А на следующий день, чтобы увидеть восход с Южной границы, мы встали в полшестого утра. Вышли мы еще ночью, самого каньона я не видел, было холодно, я злился на необходимость вставать так рано и постоянно ворчал: «Зачем это все нужно?»

Из номеров мы забрали толстые одеяла, впятером загрузились в минивэн, чтобы доехать до обзорной точки. Ехать было минут пять.

Я очень хотел завалиться спать на заднем сиденье и почти уже убедил отца, чтобы он разрешил мне остаться в минивэне, пока все ходят к перилам на смотровой площадке. Но тут Бетти обставила меня со свойственной ей утонченной проницательностью: «Мы будем ждать тебя на скамейках, когда ты созреешь посмотреть на восход». Мама и сестра забрали одеяла, папа подхватил Бетти, и все они отправились к обзорной точке. С неработающей печкой я замерз в минивэне через пять минут, отправился догонять семью и забрался под одеяло рядом с сестрой.

Я никогда прежде не наблюдал рассвет ради самого процесса и не был готов к тому, насколько величественным будет зрелище. Я видел Гранд-Каньон — чудо света длиной больше шестидесяти километров, глубиной больше полутора и около двадцати пяти километров в ширину. Он начинался прямо от наших ног и упирался в растущую на горизонте вертикальную радугу. Каменные слои внутренних стен каньона под действием таинственной химии сумерек меняли цвета, темная умбра и черные тени превращались в огромные полосы пастельно-желтого, белого, зеленого и сотен оттенков красного. В конце концов сияющий полумесяц вырвался из-за далеких базальтовых столбов в эпицентр радуги, и каньон засиял целой армией храмов и башен, ущелий и пирамид, румяных от нежно-розовых лучей восхода на фоне стен каньона.

Я не знал, как сильно Бетти хотела увидеть этот восход. Она и не чаяла исполнения этой мечты, ведь, чтобы попасть в каньон, ей нужно было преодолеть тысячи миль. Бетти научила меня кое-чему такому, что я, должно быть, усвоил, несмотря на

подростковую дерзость. И благодаря ее урокам я возвращался сюда и в сотни других мест на Западе США, просто чтобы посмотреть на восход солнца. Это было далеко не все, что я узнал от Бетти; ее оптимизм, ее жизнелюбие так засели во мне, что и у меня появились и страсть, и потребность исследовать и постигать мир, — страсть на грани одержимости.

Но сейчас Гранд-Каньон — лишь далекое воспоминание. Я застрял в этой дыре и пропущу восход. Во время очередного перерыва, около семи вечера, я кладу нож на ту же полочку, где уже лежат поцарапанные очки. Я поднимаю плечи, вытягиваю вверх левую руку, встряхиваю одеревенелой кистью и вздыхаю. Сжимая и разжимая пальцы, я разглядываю левую руку с некоторым ужасом. От сокрушительного удара камнем, перед тем как он отрикошетил и прижал правую, и кисть, и пальцы раздулись почти вдвое против обычного размера. Отек так изуродовал пальцы, что суставы больше не выступают над фалангами, на тыльной стороне кисти не видно ни одной вены — воздушный шарик, а не рука. Самое странное, что я совсем не чувствую боли, но вполне вероятно, что мне просто не до нее. Столько других вещей не в порядке, что опухоль на левой руке вообще не заслуживает внимания организма.

Левое бедро болит больше, чем раздутая рука, и, задрав штанину шорт, я понимаю почему. Кожа, покрывающая нижнюю часть четырехглавой мышцы, вся в синяках и ободрана в нескольких местах. Это плоды моих отчаянных попыток поднять камень сразу после того, как я застрял. Я вижу несколько небольших кровяных сгустков, но сейчас кровотечения нет. Сами шорты тоже порваны в пяти местах, там, где их зажало между ногой и нижней стороной валуна. Правый нижний угол кармана шорт разорван достаточно сильно, и в дыру высовывается кольцо брелока с ключами от велосипедного замка.

Мне почему-то кажется важным не потерять эти ключи, ведь, если я каким-то чудом отсюда выберусь и вернусь к своему велику, нужно будет снять большую скобу замка, которым я заблокировал заднее колесо. Решаю вытащить ключи из дырявого кармана и переложить в рюкзак, но не успеваю вынуть руку из кармана, как кольцо цепляется за его подкладку, и я теряю хватку. Ключи падают в дырку между округлыми булыжниками под моей левой ногой.

— О черт! — ору я.

Мало того что ключи упали вне зоны моей нынешней досягаемости, так они еще и проскользнули в щель, откуда выковырять их будет проблематично, даже если я окажусь на

свободе.

Я наклоняю плечи влево, чтобы встать максимально широко, но мне едва удается коснуться верхушки нужного камня носком кроссовки. Опускаю ноги вниз, в мелкий круглый гравий каньона. Так я дотягиваюсь до этого камня с меньшим трудом и вижу слабый блеск ключей нестандартной формы в песчаной трещине. Однако зажатое запястье не позволяет мне сдвинуть камень или залезть руками в дыру. В этот момент в памяти всплывает слабое воспоминание о том, как в телевизоре безрукий человек пальцами ног печатал на клавиатуре. А что, если попытаться залезть под скалу и вытащить ключи босыми ногами? Я стаскиваю с левой ноги кроссовку и носок, снова спускаюсь на песчаное дно каньона и начинаю разгребать веточки, сухие стебли растений и прочий мусор под левой частью камня, у стены.

Я расчистил дырку, но все равно она слишком мала для моей ноги сорок третьего размера. Я не падаю духом; эта проблема приобретает дополнительное значение. Погоня за ключами символизирует для меня тот факт, что я не сдался, что борюсь против своей ловушки. Я хватаюсь за новую идею. Беру одну из длинных веток, вытащенных мною ранее из щели, — это стебель полыни, полметра длиной, тонкий и хрупкий, с удобным изгибом на конце, — им я смогу зацепить кольцо брелока. Чтобы стало чуть светлее, я включаю налобник и свечу им в выемку, а затем засовываю туда изогнутый конец палки. Стебель легко подхватывает кольцо, но сгибается и ломается под весом связки, когда я начинаю тащить его через дыру. С громким звяканьем ключи падают обратно, в кучу песчаного мусора.

— Блин! — бормочу я.

Без крюка на стебле я могу только тыкать в ключи сломанным концом, но мне удается придвинуть их чуть ближе к пальцам ног. Я пока не могу дотянуться до кольца ногой, поэтому зажимаю стебель большим и указательным пальцами ноги и просовываю в дыру сбоку. Подсвечивая эту щель налобником, я направляю палку аккуратными резкими движениями и продеваю ее в кольцо сантиметров на пять. Тяну палку с ключами, пока они не соскальзывают. Я не сумел целиком вытащить их из дырки, но теперь они находятся гораздо ближе к краю трещины — можно бросить палку и зажать ключи пальцами ног. Не желая случайно уронить их снова, я поднимаю левую ногу и дотягиваюсь до нее левой рукой. Ура! Первая победа с момента моего заключения, и вкус ее сладок. Я прячу ключи в правый карман шорт, предназначенный для всяких мелочей, и закрываю его на молнию.

После этого я надеваю носок и кроссовку, не утруждая себя

завязыванием шнурка. Теперь я хочу постучать по валуну новым способом. Из груды камней я выбираю булыжник размером примерно с мяч для софтбола и подталкиваю его ногой к вершине кучи. Когда он оказывается достаточно высоко, я хватаю его рывком — не без острого приступа боли в зажатом запястье — и кладу наверх своего валуна, рядом с ножом. Камень весит около пяти килограммов. Я уже отказался от идеи раскрошить валун булыжниками из-за того, что все доступные мне инструменты сделаны из более мягкого, чем сама каменная пробка, розового песчаника, как и стены каньона. Вместо этого я хочу загнать нож в валун булыжником, как стамеску — молотком.

Готовясь к удару, я устанавливаю кончик ножа в борозду, которую проковырял в выемке на верхней правой части валуна, чуть выше пойманного запястья. Ручку ножа я прислоняю к стенке каньона. Крепко берусь за каменный молоток: я должен очень точно попасть по ручке ножа для пробного, легкого удара. Больше всего я боюсь того, что булыжник собьет нож за валун или в кучу камней под моими ногами. Конструкция устойчива ровно настолько, насколько это возможно, но стопроцентной уверенности нет, поэтому и во второй, и в третий раз я ударяю по ножу легонько, дабы убедиться в том, что он не соскочит. Нож стоит, но мне нужно бить сильнее.

Пошел… Я ударяю каменным молотом по ножу с удесятеренной силой. Хрямс! Камень взрывается в руке, распадаясь на один большой и десяток мелких кусочков, шрапнель брызжет мне в лицо, в ладони остается лишь горсть крошащегося песчаника. Под силой удара нож слетает с валуна, рикошетит от штанов и шмякается в песок в полуметре от моих ног. «Я не смогу победить, ничего не получается», — думаю я, но, к счастью, мимолетное уныние быстро проходит.

Я облизываю губы и чувствую вкус мельчайшей пыли, прилипшей к высохшему на моем лице поту. Я не могу достать нож левой рукой, а ногой только глубже закапываю его в песок (но, во всяком случае, я теперь знаю, что смогу достать его). Я тяжело вздыхаю, оглядев каменные обломки, рассыпанные по валуну и моей правой руке. Остатки каменного молотка я бросаю себе под ноги, не теряя нож из виду. Опять снимаю левую кроссовку и носок, подтягиваю к себе мультитул вытянутыми пальцами и легко поднимаю.

«Эй, Арон! Больше не делай таких глупостей! — укоряю я себя; очевидно, что попытку с каменным молотком повторять не стоит. — Последнее дело — потерять в такой ситуации нож». Я почему-то уверен, что мультитул сыграет ключевую роль в моем освобождении. Нож слишком тупой, чтобы пилить кости, но он

может пригодиться для массы других вещей: отрезать стропу, сделать из рюкзака что-то вроде куртки для сохранения тепла ночью.

Уже почти восемь вечера. В каньоне дует легкий бриз. С каждым порывом он становится все сильнее. Песок с каменной полки летит прямо мне в лицо, и я наклоняю голову, пытаясь защититься козырьком кепки. От большей части песка я спасен, но чувствую песчаную пыль на контактных линзах. После нескольких порывов ветра я ловлю себя на том, что стою на полке, ни о чем не думая и ничего не делая. Как только я сосредотачиваюсь, задумчивость улетучивается. Возвращая себя к текущей реальности, смотрю на рыхлую грязь и песок, засыпавшие правую руку. Сначала пальцами, а потом ножом — пролезая лезвием туда, куда иначе не дотянуться, — я счищаю грязь.

Сморщив губы, сдуваю с руки оставшиеся частички пыли. В моем положении этот порыв — содержать правую кисть в чистоте — смешон, но это одна из немногих вещей, которые я могу сделать, чтобы хоть как-то контролировать ситуацию.

Пора продолжать раскопки. Темнота просачивается из моей норы вверх и растекается по пустыне, превращая сумерки в ночь. Включаю налобник и выбираю на валуне очередную цель. На сей раз это бежево-розовая сердцевина из песчаника, окруженная твердыми черными вкраплениями. Пятно песчаника расположено на несколько сантиметров выше моего правого запястья, и я бью предельно осторожно, пока не выдалбливаю достаточно большое отверстие, из которого нож уже не соскальзывает. Я устанавливаю ритм работы: два удара в секунду и перерыв на то, чтобы сдуть пыль, каждые пять минут. Время летит стремительно. Теперь я вижу медленный прогресс: рядом с мелкой впадиной, которую я выцарапываю на валуне, появляется маленькая розоватая пластинка. Если я угадал, то смогу выковырять достаточно породы вокруг этой пастельной крупинки и потом вытащить ее одним куском.

Я весь в работе, не успеваю оглянуться, как проходит три часа, — уже почти полночь. Я изолировал пластинку с трех сторон — слева, сверху и снизу — канавкой шириной в три миллиметра. Уже можно выковыривать ее из валуна. Опасаясь отломать кончик ножа, я опять вытаскиваю из мультитула напильник. Помимо того что напильник толще и крепче, его не так жалко, если сломается. Я вставляю наконечник напильника в прорубленный паз и начинаю поднимать ручку ножа в направлении к скале, внимательно следя за пластинкой, чтобы она не отлетела мне в глаз. Ручка мультитула врезается в ладонь,

и пластинка отламывается. Ура! Кусок камня размером с мелкую монетку откалывается от валуна и падает на зажатое запястье. Конечно, кусок не такой большой, как мне хотелось бы, но я рад, что метод верен, пусть результат и мал. А главное, что, удалив эту пластинку, я обнажил более мягкую породу внутри валуна, мне будет проще выкрошить ее. Колупаю еще час и отковыриваю примерно столько же камня, сколько и в первый раз. Я ловлю самые большие куски, которые падают на мою зажатую руку, и складываю их в ряд на верхней части валуна. Воронка расширяется, коллекция кусочков растет, но вместе с коллекцией растет и усталость. Ноющая боль в руке слишком сильно терзает мой разум, чтобы я поддался сонливости: надо выбираться отсюда, пока еще есть силы, а значит, надо работать. К тому же, даже если бы я и решил поспать, я не смог бы. Пронизывающий холод ночного воздуха и порывы ветра вынуждают бороться со скалой хотя бы для того, чтобы не замерзнуть. Иногда мое сознание угасает, колени подгибаются, и я всем весом повисаю на правой руке. В ту же секунду дикая боль будит меня.

Вероятно, от растущей усталости в моей голове звучит одна и та же мелодия, замыкаясь в бесконечное кольцо. Эта музыка сопровождает титры первого «Остина Пауэрса» — фильма, который несколько дней назад я смотрел с соседом по комнате.

«Неужели тебе еще не надоело, Арон? — иронизирую я над собой. — Закажи что-нибудь другое в этом музыкальном автомате». Но что бы я ни пытался напевать, даже песни с любимых альбомов, я не могу избавиться от «Остина Пауэрса», завладевшего моим сознанием.

Во время очередного перерыва я вытаскиваю из большого отделения рюкзака мешок с веревкой, обвязку, все альпинистское железо, кэмелбэк и бутылку с водой. Затем надеваю рюкзак на спину — в первый раз за время заточения. По моим расчетам — и они верны, — сейчас подкладка рюкзака поможет мне сохранить тепло. Затем я вытаскиваю из кэмелбэка голубой резервуар для воды и прокладываю пустой мешок вдоль правой руки. Изоляция толщиной в пару сантиметров пролезает не дальше локтя зажатой руки. От кисти до середины предплечья рука крепко прижата к стенке каньона. Но остальная часть руки и плечо теперь защищены от соприкосновения с холодным камнем. Я вытаскиваю веревку из упаковки, не разматывая бухты, и кладу ее на камень возле моих коленей. Теперь я могу согнуть их и опереться на прокладку из мягкой веревки, слегка разгружая ноги. Расслабиться по-прежнему не удается, но есть хотя бы возможность время от времени менять позу и стимулировать кровообращение в ногах.

Незадолго до половины второго ночи я второй раз достаю бутылку и позволяю себе сделать один маленький глоток. О глотке воды я мечтал уже как минимум два часа, но преднамеренно откладывал этот момент до середины ночи. Четыре с половиной часа прошло, четыре с половиной осталось. Как я и ожидал, глоток освежает меня как награда за долгое ожидание и труды после того, как я изрядно отхлебнул из бутылки восемь часов назад. Однако меня сильно волнует проблема — как сложить водяной пазл? Все, что осталось — чуть больше полулитра, — ключ к моему выживанию. Как их распределить? Сколько стоит выпить, сколько сохранить, на какой срок пытаться растянуть имеющееся количество? Обдумав этот вопрос, я решаю делать по маленькому глотку каждые полтора часа. Это даст мне какое-то занятие посреди ночи, мне будет чем отмечать время, будет чего с нетерпением ждать.

От усталости у меня периодически подгибаются колени. Я решаю сделать какое-нибудь сиденье, чтобы полностью снять вес с ног. Надеть обвязку — самая простая часть задачи. Я пролезаю ногами в ножные петли, подтягиваю толстый широкий ремень до поясницы и пропускаю толстую тесьму в пряжку. Когда надеваешь обвязку для того, чтобы лазать по скалам, поясной ремень обязательно нужно протащить через пряжку второй раз. Но из-за ограниченной подвижности единственной руки я пропускаю этот шаг: повышенный уровень надежности в нынешней ситуации мне не нужен. Теперь предстоит самая сложная часть: что-то из моего небогатого альпинистского арсенала надо закрепить на нависании над моей головой и закрепить так, чтобы оно выдержало мой вес.

Я облюбовал себе систему трещин, которая начинается на южной стене выше и левее моей головы метра на полтора. Это даже не трещина, а зазор между стеной и большой — около двух с половиной метров в диаметре — каменной пробкой, застрявшей передо мной метрах в двух. Валун, образовавший четырехметровый сброс, к которому я вышел после того, как преодолел ряд каменных пробок. Именно по этому сбросу я спускался, когда наступил на камень, зажавший мое запястье. До сих пор я к нему не приглядывался, а сейчас вижу две особенности, позволяющие закрепить якорь. Первое, что я вижу, — большая трещина, которая конусом спускается от дыры между камнем и стенкой к самому узкому месту, точке зажима. К сожалению, она мне не подходит, потому что широко распахивается как раз в мою сторону. Второе — явно выступающий откол, на который я могу забросить либо веревку, либо кусок своей желтой стропы и на ней закрепить якорь. Но как

сделать блок, чтобы бросить его в трещину, а потом тянуть вниз, пока не заклинится в точке зажима? Варианта два: либо встегнуть в узел на веревке связку карабинов, либо навязать несколько узлов непосредственно на веревке или же на стропе. Связка или узел застрянут в точке зажима. В любом случае будет очень трудно забросить веревку так, чтобы попасть прямо в щель и заклиниться там. Но стоит попытаться. Сначала я отматываю десяток метров веревки, затем вяжу несколько простых узлов, чтобы получился веревочный блок с кулак размером. Еще несколько колец я выложил на валун. Я бросаю блок вверх, в трещину, но он отскакивает от стены. Я понимаю, что сложилась неудачная комбинация нескольких факторов: я очень неловко и неуклюже бросаю левой рукой, а увеличивающийся вес брошенной веревки все сильнее тянет ее вниз. Необходим снайперский бросок. Может быть, получится с более тяжелым предметом? Я решил встегнуть в узел-восьмерку на конце веревки три карабина из своих запасов.

Каждый бросок требует двух минут на подготовку. Первый десяток бросков неудачен: карабины отскакивают либо от стенки, либо от лицевой части валуна либо проскакивают через трещину прежде, чем успевают плотно в ней заклиниться. С каждым разом я бросаю все точнее и укладываю веревку аккуратнее, чтобы она разворачивалась с наименьшим усилием. Во время следующих попыток пять раз карабин застревает в трещине, но, как только я тяну, он вылетает. Я добавляю еще один — четвертый — карабин к своему импровизированному якорю. И вот — удача, следующий бросок выходит просто замечательно, просто великолепно. Связка карабинов ударяется о край трещины и падает в самую узкую точку, а затем, в самый правильный момент, блок заклинивает. Я проверяю конструкцию, тяну веревку и вижу, как карабин закусывает скалу. Я беспокоюсь, что песчаник в точке сжатия не выдержит напряжения и сломается, а карабины вылетят, но они встают жестко друг относительно друга, а скала держит нагрузку без проблем. Волна счастья охватывает меня. Второй конец жестко закрепленной веревки свисает с валуна и болтается где-то около моего пояса. Я вяжу на своем конце еще одну восьмерку и пристегиваю ее к системе. Пару раз узел пришлось перевязывать, поднимая точку крепления обвязки выше, для того чтобы не нагружать правую руку. И вот наконец я могу откинуться назад и хотя бы частично расслабить ноги. О-о-о-ох-х-х. Больше двенадцати часов я провел стоя, сейчас тело блаженствует.

Я достаю бутылку с водой и ровно в три часа ночи делаю маленький глоток. Мое блаженство абсолютно, но разочаровывающе кратко — минут через пятнадцать петли

обвязки передавливают сосуды на ногах, и ноги начинают затекать. Приходится опять встать. Если долго висеть в обвязке, есть риск повреждения сосудов, может даже образоваться тромб. Но и задолго до того, как это может произойти, начинают нестерпимо болеть подколенные сухожилия в тех местах, где я всем весом давлю на ножную часть обвязки. Остается только одно: менять положение через короткие интервалы, и я встаю или повисаю каждые двадцать минут.

От трех до шести утра — самое холодное время ночи. Я беру нож и начинаю снова рубить валун. Хорошо, что я могу работать в любом положении — что стоя, что сидя в обвязке. Мое продвижение внутрь камня незначительно, но все-таки заметно. В половину пятого и в шесть я делаю по глотку. После второго глотка я опять изучаю валун и смотрю, сколько же мне удалось вырубить за пятнадцать часов напряженной утомительной работы. Результат не очень утешителен: по моим прикидкам, для того чтобы выковырять достаточное количество породы и освободить руку, мне предстоит долбить скалу полторы сотни часов кряду. Я обескуражен. Придется срочно придумывать что-то еще.

В восемь утра я слышу шум, идущий сверху вниз по каньону, как будто порыв ветра, повторившийся три раза. Поднимаю глаза и вижу, как большой черный ворон пролетает над моей головой. Он летит вдоль каньона, и с каждым взмахом крыла до меня докатывается эхо. На третьем взмахе ворон издает громкое: «Кар-р-р-р!» — и исчезает в просвете наверху. В глубинах каньона все еще хранится липкий ночной холод, но на северной стене, выше меня на двадцать метров, уже виден солнечный свет. Над головой проплывают изломанные пряди слоистой облачности. Пора выключать фонарик. Я пережил эту ночь.

Около половины десятого утра первый луч солнца, узкий, как клинок кинжала, проникает в мою нору и ложится на дно каньона. Этот луч соблазнительно близок, но все-таки в метре от меня, а я еще не отогрелся от ночного холода и тоскую по малейшему прикосновению солнечного тепла к своей коже. Через пять минут кинжал луча перемещается и оказывается достаточно близко для того, чтобы, шагнув назад, в сторону трещины, из которой вчера вытаскивал ключи, и откинувшись настолько, чтобы не напрягать правую руку, я смог подставить теплу лодыжку и икру левой ноги. В течение десяти минут я стою на месте, вытягивая поочередно то левую, то правую ногу. Эта растяжка похожа на позу йоги, я приветствую новый день. Сколько еще дней я буду встречать солнце этим утренним обрядом, спрашиваю я себя, но гоню эту мысль прочь и просто

наслаждаюсь успокоительным ощущением тепла на икрах. Поднимаясь по северной стене, кинжал света проходит, меняя форму, по бугристому песчанику, пока не поднимается настолько, что мне уже не достать его ногой. Пучок света проходит еще метр, затем его пресекает каменная пробка, и я понимаю, что это единственное открытое солнце, которое достанется мне за весь день.

Солнечные лучи поднимают мне настроение, на какое-то время я чувствую прилив сил. Пользуясь этим, беру нож и начинаю очередной двухчасовой цикл долбежки. Мысленно прикидывая, какие шансы, что меня найдут. Сколько времени пройдет, прежде чем начнется поиск? Шансы, увы, невелики со всех точек зрения. С Кристи к Меган мы едва знакомы. Вчера, когда я не пришел к их пикапу, они, должно быть, подумали, что я их надул. Они даже не знают, что у меня за машина, как она выглядит. Даже если бы они подъехали к стоянке в начале каньона Хорсшу, то не смогли бы определить, стоит там мой пикап или нет. Я не говорил Брэду и Лии буду ли я точно на вечеринке Скуби-ду, поэтому они не начнут беспокоиться. Мои соседи могут хватиться меня, но они не знают, куда я поехал. Даже если они забеспокоятся настолько, чтобы поставить в известность полицию Аспена, все равно власти не начнут никаких поисков, пока не пройдут еще сутки, то есть до вечера вторника.

Скорее мой начальник в магазине «Ют маунтинир» позвонит родителям, чтобы выяснить, почему я не вышел на работу. Возможно, что в этот момент они через полицию и банк проследят по платежам кредитной картой мои перемещения до Моаба. Здесь остается только мысленно аплодировать моей везучести — я использовал кредитную карту только на заправочной станции в Гленвуд-Спрингс, в том месте, где шоссе из Аспена пересекается с трассой между штатами. Оттуда я мог поехать хоть на восток, хоть на запад. Прежде чем поехать к Хорсшу, в Моабе я наполнил бак и покупал еду. Но там я платил дебетовой карточкой. Вроде бы… Или нет? Возможно, я использовал кредитную карту, но теперь уже не могу вспомнить подробностей. Остается только надеяться, что проверка платежей по дебетовым картам тоже является частью поиска пропавшего без вести.

Если полиция уведомит службу национальных парков и поиск объявят в среду, сначала они сосредоточатся на окрестностях Моаба и вряд ли сразу отыщут мой автомобиль. Согласно информационному стенду, установленному на подходе к Хорсшу, рейнджеры в выходные дни водят группы по каньону, к пиктограммам. Поэтому наиболее вероятно, что рейнджеры

отыщут мой автомобиль в субботу, когда придут к стоянке у Хорсшу, если к тому времени поиск уже будет объявлен. Большая удача или тщательнейший поиск с опросом населения позволят им найти пикап в первый день поисков — это будет четверг. Потом еще спуск по каньону и поиск меня во всех трещинах каньона Блю-Джон — это пятница.

Только в пятницу, может быть, кто-то просунет голову над этим валуном в трех метрах выше меня.

Только в пятницу.

Но это самое раннее. А если учесть график рейнджеров, то спасатели доберутся до меня только в воскресенье. Воскресенье — это через неделю, считая от сегодняшнего дня. Люди умирают от обезвоживания гораздо раньше, чем через неделю. Это будет большая удача, если я протяну до утра вторника. Никаких шансов дожить до пятницы нет. Никаких.

А к воскресенью я уже буду мумией.

ГЛАВА 4
Как стать отставным инженером всего за пять коротких лет

Глубокая игра: азартная игра, в которой приобретение в случае выигрыша значительно уступает по масштабу потере в случае проигрыша.

Джо Симпсон. Падение темных теней

Через год после нападения черного медведя в Гранд-Тетоне я выбрал три альпинистских проекта, которые потребовали бы всего моего внимания и свободного времени. Я решил взойти на все четырнадцатитысячники Колорадо, причем зимой и в одиночку, — никто и никогда не делал этого раньше. Еще я решил взойти на высшие точки всех штатов США.

В конце июня 1997 года я начал работать в «Интеле», и это выглядело сущим пустяком после того, как на меня охотился голодный медведь.

Компенсируя обыденность карьеры проектировщика, я пустился во всевозможные приключения — исследовал общественные земли Аризоны: горы, каньоны, вулканические конусы, метеоритные кратеры, пустыни и леса. Благодаря однокашнику по колледжу я встретил Марка ван Экхута — человека, который стал мне и другом, и наставником. Мы работали в одной и той же чистой зоне[30] в Южном Финиксе и за обедом планировали будущие прогулки и походы.

Подруга времен колледжа, Джейми Зейглер, дала мне книжку Эдварда Эбби «Пустынный отшельник», и та раздула во мне огонь страсти к приключениям в пустыне.

В 1998 году я основал приключенческий клуб «Интела». Тогда четверо моих приятелей с работы, включая Джейми Стутенберга и Джадсона Коула, разработали план пешего похода через Гранд-Каньон. Планировалось пройти каньон в обе стороны за два дня. Стартовав с Южной границы, мы должны были пройти по тропе Южный Кайбаб — спуск на полторы тысячи метров и одиннадцать километров пути по горизонтали. Затем следовало переправиться через Колорадо около ранчо Фантом и далее по тропе Брайт-Энджел, пройдя двадцать три километра по горизонтали и

поднявшись на тысячу восемьсот метров, выйти к Северной границе, где и заночевать. После ночевки разворот и повторение пути в обратном порядке от Северной границы к Южной. Этот план мы называли «Граница-граница-граница», или, если коротко, «Г в кубе».

Как раз перед поездкой я прочитал книгу Джона Кракауэра «Навстречу дикой природе». Это история молодого Криса Маккэндлесса, который оставляет привычную жизнь для того, чтобы путешествовать по стране. Книга очаровала меня, и я начал мечтать о жизни на колесах и «резиновой поступи» через все США. Я так вдохновился приключениями Алекса Супертрампа (кличка Криса), что таскал книгу через Гранд-Каньон все путешествие «Г в кубе».

Одно место в этой книге, из письма Криса другу, которого он встретил в пути, звучало как манифест:

> Так много людей несчастны и при этом не в состоянии изменить ситуацию, поскольку слишком привыкли жить в безопасности, комфорте и консерватизме, что на первый взгляд умиротворяет, но на самом деле нет ничего вреднее для ищущего человеческого духа, чем обеспеченное будущее. Основой жизненных сил человека является его страсть к приключениям. Удовольствие от жизни черпается из наших встреч с новым, а потому нет большего счастья, чем постоянно менять свои горизонты, встречая каждый день под иным солнцем.[31]

Я хотел отбросить уютную безопасность службы в корпорации, освободить свою душу и испытать эту радость — радость приключения. Но прежде чем отправиться в серьезную экспедицию, мне следовало набраться опыта, научиться выживать. Чтобы свести риск моих предприятий к минимуму, я должен был быть подготовлен. Если говорить о более приземленных вещах, следовало для начала купить пикап, а уже потом оставлять работу. В общем, всех дел — начать и кончить.

«В разреженный воздух» — еще одна книга Кракауэра, которая поразила мое воображение в 1998 году. Это описание трагедии на Эвересте, в результате которой погибло одиннадцать человек. Книга меня настолько затянула, что я ощущал себя участником группы Нила Бейдельмана, спускающейся на Южное Седло после штурма вершины и заблудившейся на высоте восьми тысяч метров, в нескольких сотнях метров от Четвертого лагеря. Я спрашивал себя: что я делал бы на их месте? Может, просто лег бы и умер — обмороженный, вымотанный до предела,

оставшийся без кислорода, после почти суток в лютой пурге выше восьми тысяч метров? Или оставил бы других, чтобы спастись самому? Возвратился бы я к умирающим товарищам, если бы добрался до лагеря? Как бы я вел себя в ситуации, которая полностью обнажила бы всю сущность моего характера? Эта трагедия вдохновила меня на то, чтобы проверить самого себя. Я хотел твердо знать, кто я есть: человек, который сдастся и умрет, или человек, который преодолеет все неисчислимые трудности и выживет и сможет спасти себя и других? Нет, я не хотел отправиться в Гималаи, чтобы подняться на самую высокую в мире гору, я хотел исследовать глубину своего духа.

Эти размышления привели к тому, что 8 марта 1998 года я вышел на соло-восхождение на пик Хамфрис — самую высокую гору Аризоны. Марк одолжил мне снегоступы, ледоруб и справочник по альпинизму «Свобода на высоте», — мол, я должен овладеть ледовой техникой и навыками использования ледоруба именно так, как там написано. К северу от горнолыжного курорта Сноубоул, в восьми километрах к северо-западу от Флагстаффа, [32] я встал на снегоступы и двинулся через сосновый лес. Через два часа я достиг высоты три тысячи метров и вышел к широкой долине, от которой начинался длинный снежный склон. Там я взял в руки ледоруб Марка и, поднявшись по пологому склону почти на восемьсот метров, вышел на вершинный гребень, где и оставил снегоступы, быстро занесенные пургой. Гребень покрывали кучевые облака, и я не мог видеть крутых обрывов с правой стороны. Но я надежно стоял на жестком, уплотненном ветрами снегу левой стороны гребня. Через полчаса хождения по усыпанному скальными обломками краю вулканического кратера, содрогаясь от сильных порывов ледяного ветра, я все-таки вышел на вершину. Там, на высоте 3850 метров, я пристроился на корточках под защитой стенки, сложенной из камней. С юга донеслись три далеких раската грома, блеснули молнии.

Я не мог оставаться на вершине, рискуя попасть под удар молнии, но также не мог и покинуть свое убежище за стенкой. На минуту я глубоко проникся ощущениями тех альпинистов, заблудившихся и замерзающих на Южном Седле. Я и сам был в белой вьюжной мгле, растерянный, напряженный и апатичный. И вот я на личном опыте осознал, как это соблазнительно: угодив в экстремальную ситуацию, ждать, когда обстоятельства переменятся к лучшему, впасть в смертельное бездействие. Собравшись, я вылез из-под защиты стенки, и ветер сразу ударил мне в лицо. Борясь со встречным ветром, я шел в мутно-сером покрывале, окутавшем все вокруг. Чтобы не потерять направление гребня, я постоянно сверялся с компасом, потому что мои следы,

оставленные при подъеме, замело в считаные секунды.

Спускаясь, я постоянно шарил глазами по склону в поисках снегоступов Марка, оставленных мной перед вершинным гребнем. Они отмечали поворот с гребня к снежному полю, по которому я спущусь к лесу и наконец смогу укрыться от пурги. И вдруг через вой ветра и рев пурги до меня донесся свист. Звук шел из моего рюкзака. Я остановился, покрутил головой — и увидел, что между концами моих лыжных палок проскакивают синие искорки. Палки я засунул в рюкзак весьма по-дурацки — концы их на метр торчали над моей головой и притягивали молнии. Я сбросил рюкзак и нырнул в снег быстрее, чем вообще сегодня делал что-нибудь на горе. Задыхаясь, волоча рюкзак за собой, я полз по гребню, а когда почувствовал, что можно встать, припустил со всех ног, спасая свою жизнь. Через минуту я притормозил: облака на мгновение разошлись, и чуть выше себя я увидел Марковы снегоступы. Я бросил рюкзак, вернулся к ним, а потом за два часа спустился к своему пикапу без каких-либо еще приключений.

Восхождение на Хамфрис помогло мне понять многое в себе как в горном туристе: что я предпочитаю лезть в одиночку, не боюсь пурги, умею принимать сложные решения по выбору маршрута в экстремальных условиях и что мне везет с молниями. Это восхождение придало мне веру в себя: мое понимание жизни было подтверждено, и это понимание делало мою жизнь более полной.

После этого приключения на Хамфрисе мы с Марком часто обсуждали мой проект одиночного зимнего восхождения на все четырнадцатитысячники Колорадо. Марк считал, что я еще слишком неопытен, но он видел, насколько серьезно я настроен. Он преподал мне первые уроки по скалолазанию, работе с веревкой, снежной технике, пониманию лавин и их опасности. В Центральной Аризоне мы совершили несколько выездов с восхождениями начального уровня. Мы тренировались на скалолазных стендах в залах Темпе и других. На День труда[33] Марк сводил меня и моего друга Говарда на первое настоящее скальное восхождение с несколькими техническими участками — это был пик Вестал в колорадских горах Сан-Хуан.

Пик Вестал особо запомнился тем, как Марк учил нас справляться со страхом перед шестисотметровой гранитной стеной, заканчивающейся на высоте 4300 метров. На полпути подъема по северной стене подошвы моих альпинистских ботинок начали отрываться, и в течение минуты оторвались обе. Держались они только на пятках, и таким образом я оказался на верхней части горы в чем-то вроде тяжелых шлепанцев.

Несмотря на такое неподходящее снаряжение, мы вылезли на вершину, и я даже жалел о том, что все уже кончилось, — так хотелось еще. Марк устроил свой любимый вершинный ритуал — копченая рыба и крекеры. Потом на любой совместно взятой вершине мы эту традицию поддерживали. На общей фотографии моя сияющая улыбка с полным ртом недожеванной рыбы ясно показывала, как потрясающе чувствовал я себя на вершине в тот день, когда вместе с лучшими друзьями сумел преодолеть страх.

Когда осенью 1998 года Соня начала учиться в колледже, она переехала в ту часть Северо-Восточного Техаса, где и луговая собачка могла бы впасть в депрессию. Я же хотел разделить с сестрой мои туристские радости и предложил ей посетить одно из самых красивых мест, какие я только знал, — водопады каньона Хавасупай. Этот каньон находится недалеко на юго-запад от национального парка Гранд-Каньон. На языке индейцев, живших в каньоне сотню поколений, «Хавасупай» значит «люди сине-зеленой воды». Именно такой цвет у водопадов в нижней части каньона. В каньоне четыре основных водопада, самые большие из которых обрушиваются с шестидесятиметровых утесов и падают в промоины, заполненные темно-бирюзовой водой, раскинувшиеся через весь каньон от берега до берега.

Мы с Соней вышли к началу пятнадцатикилометровой тропы в День благодарения 1998 года и двинулись с плато вниз, в каньон Хавасупай. По пути нам встретилась деревня жителей на двести, к которой не ведет никакой автомобильной дороги, — все необходимое завозят либо на легких вертолетах, либо караванами мулов. Деревня Хавасупай уникальна — там находится единственное в США почтовое отделение, куда почта доставляется на мулах. У жителей есть наземная линия телефонной связи, водопровод и электричество — достаточной мощности для того, чтобы крутить регги. Эта музыка пробивается через большие портреты Боба Марли, которыми забраны окна в доброй трети муниципальных домов-трейлеров. Судя по заросшим участкам перед ними, молодых жителей поселка натуральное хозяйство не привлекает, хотя их родители и бабушки с дедушками еще выращивали себе пропитание сами.

Пройдя деревню и водопад Навахо — менее впечатляющий, но самый широкий из четырех, — мы в первой половине дня встали на стоянку около знаменитого водопада Хавасупай: ярко освещенный поток срывается там с темно-бордовой известняковой ступени и с высоты пятидесяти метров падает в глубокую чашу, прогреваемую солнцем. Через это волшебное место проходят толпы туристов и отдыхающих, основной интерес

привлекает самый большой из водопадов — семидесятиметровый Муни, который находится выше по течению. Для лагеря мы выбрали место в самой середине отведенной площадки, после чего, оставив рюкзаки и все вещи, отправились исследовать каньон.

Когда мы вышли к Муни, бушующие краски, потрясающий пейзаж и огромный поток буквально заворожили нас, так что прошло не меньше минуты, прежде чем мы смогли сказать хотя бы: «Ну ничего ж себе!» Сверху нам открылись острова пышной зеленой травы, желтые башни огромных пирамидальных тополей отражали сияющее солнце. Острова из камней и нанесенного песка были усыпаны выбеленными стволами плавника. Выходы вишнево-красного травертина украшали весь каньон, свисая вдоль его стенки, как занавеси, под лазурным небом.

Вдоль Муни мы спускались при помощи системы пещер, навешенных цепей и нескольких дюльферов. Под водопадом едва различимая тропинка затерялась в высокой траве, которая росла на наносных островках. Мы прошли еще пять километров через тополиные заросли и оказались у Бивера, пожалуй одного из наименее посещаемых водопадов этой системы. Бивер представлял собой систему небольших водоемов, разделенных дамбами из травертина. Эти дамбы перегораживают поток таким образом, что получаются несколько подковообразных бассейнов, которые тянутся на шестьдесят метров, а падение воды на этом участке составляет пятнадцать метров. По своему виду они очень напоминали горячие водоемы в Йеллоустонском парке, куда мы ездили всей семьей лет десять назад. Через восемь километров ниже по течению от Бивера бирюзово-чистый ручей Хавасупай впадает прямо в грязно-коричневые воды реки Колорадо недалеко от Гранд-Каньона. Но у нас не было времени на то, чтобы пройти к месту их слияния. Соня уселась на камне над Бивером, а я отправился прыгать по дамбам, чтобы перейти на западный берег. Идти в мокрых сандалиях было скользко и неудобно, но я нашел скальную полку, которая вела вдоль заросшей кактусами дамбы. По полке нужно было продвинуться вверх по течению, чтобы как-то обойти полутораметровый кактусовый барьер и достичь ряда более широких дамб, по которым будет легче вернуться на восточный берег. Я решил, что лучший способ преодолеть кактусовую преграду — подняться примерно на метр выше полки. Так я и сделал, хотя мои мокрые сандалии очень плохо держались на крутом и мокром травертине.

Я залез на высоту человеческого роста над зарослями колючих груш,[34] сделал пять шагов по скальной стенке справа налево и застыл в позе Иисуса, схватившись левой рукой за

зацепку. И вот когда я вытянул левую ногу и начал переносить на нее вес тела, кусок травертина под ней отломился. Я повис на руках — и выступ, за который я держался правой рукой, тоже отломился. Я не сорвался, просто поехал вниз — лицом к склону, скользя носками сандалий по скале. У меня было достаточно времени, чтобы оценить колючую грушу, приближающуюся к моей заднице. Ветки и колючки двух стоящих рядом на краю полки кактусов сплетались в стенной нише так, что сверху мне виделся большой гротескный смайлик. Как будто гигантская мухоловка готовилась проглотить зазевавшуюся муху. За миг до того, как мои пятки уткнулись в верхушку кактуса, я оттолкнулся от стены, пытаясь сделать что-то вроде полусальто, дабы избежать встречи с самой высокой частью колючего забора.

Я спрыгиваю на песок рядом с зарослями — примерно на нос того смайлика, что я видел сверху, расставив ноги по обе стороны от него. И все бы хорошо, но, смягчая приземление, я невольно присел, и жесткие иглы впились в чувствительную кожу внутренней стороны бедер. Резким рывком я освободился и замер на полке над дамбой из травертина, раскорячив ноги, как сброшенный с лошади ковбой. Надо было искать спуск через кактусы, но крик сестры: «У тебя все в порядке?» — позволил отложить это удовольствие на пять секунд.

— Да, все хорошо, — ответил я, — просто упал на кактус.

Я выдрался из зарослей и снял шорты: мое длинное серое термобелье было все в кровавую крапинку. В центре каждого темно-красного яблока мишени торчала полудюймовая острая игла кактуса. Двадцать минут я выковыривал крупные иголки, потом снял белье и начал охоту за более мелкими, тонкими, как волосинки. Сначала я попробовал их считать, но, перевалив за сотню, сбился и перестал. А где-то через час Соня, перекрикивая шум воды, сообщила мне, что неплохо бы надеть шорты, поскольку приближаются какие-то люди. Это были первые люди, которых мы увидели после того, как прошли деревню. Я засунул термобелье в карман и пошел посмотреть, что это за туристы сюда добрались. Это были Жан-Марк и Чед — два парня моего возраста, и также из Финикса. Они спускались вдоль Хавасупай, чтобы вечером встать лагерем уже на реке Колорадо. Мне тоже хотелось посмотреть низовья Хавасупай, но в Сонины планы двадцатипятикилометровая прогулка туда и обратно не входила. Так что с Жан-Марком и Чедом мы договорились встретиться на Колорадо завтра в десять утра, чтобы возвращаться вместе.

К Муни мы с сестрой вышли уже в сумерках. На ужин, кроме традиционных макарон с сыром, мы достали заранее приготовленную индейку и крекеры. Для походной кухни это

необычное блюдо, но нам хотелось устроить традиционный праздничный ужин в честь Дня благодарения. Мы были очень благодарны в тот день, поскольку оказались вдвоем в таком потрясающем месте. На десерт по шоколадке, а потом мы подвесили нашу еду, чтобы до нее не добрались еноты и какомицли,[35] и заползли под тент — кроме нас, на всей огромной, километр в поперечнике, стоянке никого не было. Соня заснула, а я еще почти час пинцетом при свете налобника выковыривал занозы. Сильно облегчило задачу то, что на весь каньон мы с пинцетом были, считай, одни и никто не наблюдал этого ритуала с его сопутствующими ужимками. Последнюю занозу — из ягодицы — я удалил уже через неделю у себя дома в Чандлере, сидя на диване и глядя футбол по телевизору.

На следующее утро в семь часов я, светя себе налобником, уже спускался вдоль Муни по всем цепям и дюльферам. Потом через тополиные заросли, через травы и тростники, травянистые банки наносных островов у Бивера — вниз и вниз. У Колорадо, на стоянке Жан-Марка и Чеда, я был в точно оговоренное время. И как раз успел к их утреннему кофе, закипавшему на горелке. Мы погуляли по сланцевым полкам берегов нижнего течения Хавасупай, посмотрели, как она впадает в огромную Колорадо, и прикинули, нельзя ли сплавиться вдоль южного берега. Чед хотел сфотографировать, как прозрачная Хавасупай смешивается с ревущим безумием черно-опаловой Колорадо, и зашел в воду.

Что двигало мною, когда я, с гиканьем плюхая по мелководью, обогнал Чеда, влез на скалу, возвышающуюся над водоворотом, и пушечным ядром бросился прямо в Колорадо, во всей одежде, без спасжилета? Не знаю, но в тот момент это показалось мне отличной идеей. И у Чеда вышла отличная фотография моей глупо ухмыляющейся рожи. Когда я погрузился в воду, у меня перехватило дыхание — по сравнению с теплой, почти тропической Хавасупай, Колорадо была просто ледяной. Если в Хавасупай температура воды была вполне терпимые шестнадцать-семнадцать градусов, то в Колорадо — не больше десяти, что уже грозило очень быстрым переохлаждением. Поток подхватил меня и закрутил, толстая рубашка с длинными рукавами и штаны мгновенно стали пятикилограммовыми гирями, потянувшими вниз. Скинув обувь, я начал упорно бороться с водоворотом. Берег находился всего в полутора метрах, но завихряющийся поток был слишком силен. Я делал гребок за гребком, но берег все так же проносился мимо.

Чед и Жан-Марк сначала наблюдали за мной, а потом кто-то из них спросил:

— Арон, тебе нужна помощь?

Гордость не позволила мне просить о помощи.

— Не, я ее сделаю! — ответил я и принял внутрь первую порцию речной воды.

Чед, должно быть, услышал панику в моем голосе, потому что вскочил на скальный выступ и бегом бросился к их лагерю, разбитому метрах в десяти от берега и от того места, где я крутился в водовороте. Поток отпихивал меня от берега, потом меня подхватывало основное течение — и цикл начинался снова; рубашка тянула меня на дно, и я попытался стащить ее, но, погруженному в воду, на каждую пуговицу мне требовался отдельный вдох. Дважды нырнув и хорошо нахлебавшись, я оставил рубашку в покое. Ледяная лапа Колорадо сдавливала грудь, дыхание мое сделалось мелким и частым. Чуть ниже по течению прямо из воды на триста метров мощным утесом вставали стенки каньона. Этот утес тянулся на километр, и дальше река поворачивала. Я отлично понимал, что, как только меня вынесет из водоворота, образовавшегося при впадении Хавасупай в Колорадо, мои шансы будут минимальны. Я утону задолго до того, как у меня появится хоть какая-то возможность вылезти. А потом еще долгие мили, добрая сотня миль, пока наконец река не выплюнет мое тело в озеро Мид. Перед глазами вспыхнул газетный заголовок: «В Гранд-Каньоне утонул слабоумный инженер. Тело выловлено в озере Мид».

Изо всех оставшихся сил замолотив руками и ногами, я вынырнул на краю водоворота и крикнул:

— Помогите! Помогите!

Чед, прибежавший со стоянки, встал на выступе и крикнул:

— Жан-Марк! Лови!

После чего кинул смотанный репшнур Жан-Марку, который был метрах в четырех от меня.

— Арон, хватай! — И он бросил конец, но тот упал в водоворот выше меня по течению и мгновенно уплыл за пределы досягаемости.

«Ур-р-ргх-х-х», — проворчал я, продолжая изо всех сил грести к берегу. Мучительный холод сковывал мне ноги и руки, сводил все внутренности. Жан-Марк выбрал шнур и бросил его снова. Но снова промазал, потому что водоворот протащил меня мимо пляжа и поволок в основное течение Колорадо. Нацелившись на воронку, я заставлял шевелиться свои безвольные ноги и греб как мог, работая руками в вольном стиле. Я не видел, как Жан-Марк отдал шнур Чеду, — меня опять закрутило в воронку. В этот момент Чед кинул моток и заорал:

— Хватай его, Арон! Ну же! Он справа от тебя!

Я повернулся направо и нашарил тонкую черную веревку, дрейфующую рядом. Тут Чед дернул шнур, чтобы вытащить меня, и тот выскользнул из моей мокрой руки. Разочарование было такое, что я чуть не пошел ко дну. Уверенный, что следующего оборота уже не переживу, я крикнул:

— Помогите! Бросайте! Бросайте еще раз!

Я греб отчаянно, но слабел; бросок должен быть очень точным, любая ошибка — и я тону. Еще три секунды — и веревка падает на мое правое плечо. Чудо! Я схватился за нее обеими руками и дважды обмотал вокруг левого запястья, поскольку на слабое тело надежды уже не было никакой. Сделав вдох (возможно, что один из последних), я нырнул и почувствовал, как веревка больно тянет мою кисть, но это меня уже не волновало. Оставалось только надеяться, что веревка не порвется. Сначала руки, а затем и грудь выползли на песок. Жан-Марк и Чед подхватили меня под мышки и потащили. Мне было больно и холодно, я чувствовал себя полностью обессиленным и безразличным ко всему. Тут я услышал голос:

— Ты дышишь?

Я кивнул:

— Спа… сибо… Вы…

Я тяжело дышал, уронив голову на вытянутые руки и уткнувшись лицом в песок.

— Господи! Ты чуть не погиб!

Жан-Марк места себе не находил, Чед выглядел спокойным:

— Все будет о'кей. Ты спасен. Как ты себя чувствуешь?

— Мне холодно. — Я умолк, меня била дрожь. — Думаю… я проглотил… слишком много воды.

Я застонал, перевернулся, сел и медленно вытянул ноги из воды. Мой живот раздуло, он сильно болел, наметились позывы к рвоте, но я был слишком слаб, чтобы их стимулировать. Я сидел и смотрел на водоворот, где чуть было не насладился последним в жизни глотком воздуха. Чед предложил мне сухую трикотажную рубашку, но, даже обсохнув, я все равно мерз; надо было двигаться, чтобы согреться. Только через пять минут я наконец-то смог встать и некоторое время бродил покачиваясь, с трудом сохраняя равновесие. При помощи Жан-Марка я поднялся на первую сланцевую полку, где и сел немного отдохнуть и прийти в себя, пока ребята собирали лагерь. Мы расслабились, адреналин схлынул, настроение было дурашливое.

— Нет, но какой снайперский бросок! — Я до сих пор был ошарашен тем, что буквально несколько секунд и сантиметров только что отделяло меня от смерти.

— Нет, но как ты сначала: «Да нафиг вашу помощь — я тону,

но как-нибудь разберусь», — поддразнивал меня Чед.

Я поднял взгляд и улыбнулся, а потом все мы начали ржать.

— Ну что, готовы топать? Мне надо раскочегарить метаболизм.

— Да, — сказал Жан-Марк, — мы готовы, надевай кроссовки.

— Ха, я скинул их, когда крутился в водовороте. Придется идти назад в носках.

Кроссовки в данный момент проделали полпути в Мексику, а сандалии лежали в лагере Хавасупай.

— Мужик, нам тринадцать километров переть, возьми мои сандалии.

Чед передал мне обувь, и я расстегнул липучки. Его резиновые сандалии были мне велики, но всяко лучше, чем ничего.

Чем больше мы шли, тем лучше я себя чувствовал — организм согревался, речная вода в животе рассасывалась. Мы снова и снова обсуждали мое спасение, и я спросил Чеда, успел ли он меня сфотографировать. Чед подтвердил:

— Ты получился, как раз когда с диким воплем прыгал со скалы.

— Ну, тогда оно того стоило, раз успел щелкнуть, — сказал я с сарказмом, но на самом деле был рад, что у меня будет фотография, запечатлевшая самый идиотский поступок в моей жизни.

В какой-то момент Жан-Марк вдруг упомянул, что в их закладке над Муни спрятана бутылка «Столичной», и весь остаток пути мы только об этой бутылке и говорили. В предвкушении водки мы устроили финишный рывок на последние пять километров и одолели их за час, плескаясь в ручьях, прыгая по сланцевым полкам, абсолютно счастливые. Потом мы ретиво выпили почти всю водку и, когда уже темнело, отправились за Соней, чтобы составила нам компанию в ночном купании под водопадом Хавасупай. Мы вспоминали и заново переживали историю с моим прыжком, исчезая в темноте и опять возникая в лунном свете, как персонажи из «Голубой лагуны». После того как с водкой было покончено, наша четверка выбралась из воды и не очень твердо двинулась в темноту. Потом мы составили письмо — зов о помощи, запечатали в бутылку и отправили по реке навстречу судьбе. Мы представляли, как бутылка доплывет до озера Мид, где ее выловит какой-нибудь катальщик на водном мотоцикле и прочитает наше сообщение: «Помогите! Чрезвычайная ситуация! Мы в лагере Хавасупай, вышлите нам немедленно еще водки! Жан-Марк, Чед, Арон. 29 ноября 1998».

Через час, когда все отправились на боковую и мы с сестрой

залезли в спальники, я ей рассказал, каково мне пришлось в действительности. Уже без всякого юмора я признался: «Соня, мне было страшно. Я уже видел заголовки в газетах, сообщающие о моей смерти. Я уже считал себя покойником». После такого признания мы вместе всплакнули и наконец заснули. А наутро собрали вещи и двинулись в путь — до автомобиля было шестнадцать километров. Но сперва снялись вместе на фоне водопада Хавасупай, радуясь, что мы есть друг у друга. Из всех наших с сестрой фотографий эта — моя любимая.

На 1 декабря 1998 года у меня на счету было уже семь вершин выше 14 000 футов, но все из них я брал летом. Ни одного зимнего восхождения, а тем более соло, на четырнадцатитысячник я тогда еще не сделал. Я планировал начинать этой зимой с самых технически простых вершин, но все равно мне пришлось бы сперва освоить массу специфических навыков. Перед тем как я уехал на зимние праздники, мы с Марком сделали тренировочный выход и попытались взойти на гору Инжинир в Юго-Западном Колорадо, недалеко от Дюранго. Условия были тяжелые: пурга, мелкий снег, летящий в лицо, видимость — пятнадцать метров. Примерно с трети пути мы повернули назад, после чего провели все утро и часть дня, копая снежные ямы. На этих ямах Марк учил меня оценивать состояние склона и его твердость, смотреть разные слои — насколько высока вероятность того, что они поедут относительно друг друга и вызовут лавину. Для моих будущих зимних соло-восхождений подобное умение представлялось воистину неоценимым.

Затем у нас было катание по метровой целине в Вольф-Крик — и оно стало одним из самых лучших в моей жизни. А потом мы поехали на моем до предела загруженном спортивном купе в Аламозу, чтобы снять комнату в отеле и немного отдохнуть от наших снежных развлечений. В предыдущем сезоне, в очень снежную зиму 1997/98 года, мы много путешествовали вместе и много катались на лыжах. На стоянках горнолыжных курортов мы ночевали на заднем сиденье Марковой «тойоты-такомы». А потом любили сидеть на откидной дверце багажника его пикапа, есть только что приготовленную на походной горелке овсянку и смотреть на спускающихся лыжников. Нынешняя вылазка была особенной — Марк собирался всю зиму работать в Аламозе.

Утром мы попрощались, и я поехал на север, к Фэйрплей в Центральном Колорадо; я собирался подняться на пик Куондэри. Я хотел успеть сделать свое первое зимнее соло перед тем, как поеду к родителям на Рождество.

Восхождение на Куондэри — одно из самых простых зимних

восхождений: легкие для этого времени года подходы и короткий нелавиноопасный гребневой маршрут. Самое то, чтобы испытать мои зимние навыки и сольные методы. Рассвет 22 декабря выдался ясный, холодный и очень ветреный. У Марка я приобрел его старые снегоступы и, привязывая их к своим непромокаемым кожаным туристским ботинкам, дрожал от волнения. Мне предстояло не просто восхождение: подъем на Куондэри высотой 4348 метров был первым этапом моего проекта и одним из самых важных. Я стоял на кромке леса, балансируя руками, и буквально чувствовал, как стадия «задумка» переходит в стадию «исполнение».

Подъем был достаточно пологий, и больше всего сил отнимал ветер, секущий лицо. Приходилось постоянно очищать очки от нарастающего льда. Наконец я добрался до возвышения, покрытого можжевеловыми кустами, которые росли скорее горизонтально, чем вертикально. Я довольно быстро прошел их и оказался на участке, где ветер хорошо уплотнил снег на усеянной камнями замерзшей земле. Здесь снегоступы были без надобности, и я оставил их на широком снежном гребне у приметного холмика, на высоте около 3650 метров. На юго-западе хорошо просматривались четырнадцатитысячники группы Линкольна. Но ветер проникал через вентиляционные отверстия моих очков, вышибал слезу из глаз, и поэтому вершины в моих глазах расплывались на фоне голубого неба.

На всем протяжении подъема, по мере того как воздух становился все разреженнее, небо меняло свой цвет от нежно-голубого, как Средиземное море, до кобальтового, а потом до индиго. Я подумал, что могу подниматься до тех пор, пока небо не станет совсем черным, и в течение нескольких часов оно имело для меня особенный цвет, не такой, как для остальных людей. Не исключено, думал я, что я сейчас нахожусь выше всех в Колорадо, поскольку вряд ли кто-то еще зимой лезет на четырнадцатитысячник. А если учесть, что сейчас вообще не сезон для восхождений и на другие горы Северной Америки, то, может быть, я сейчас нахожусь выше всех на континенте.

Температура была под минус тридцать, и поэтому я рассовал все запасы еды и воды по карманам штанов. Но на вершине я обнаружил, что мой план не сработал: бутылки с водой, купленные в магазине, замерзли, а шоколадки намертво схватились с упаковкой. Они были практически несъедобны, хотя одну из них я все-таки одолел — я буквально слизал шоколадный слой с арахисовых ядрышек.

На спуске ветер был в спину, и с вершины я, можно сказать, сбежал, потом надел снегоступы. Из-за легкого и быстрого спуска

праздничное настроение, ощущение победы пришло ко мне до того, как я закончил восхождение. Но я понимал: надо непременно что-то придумать, чтобы продукты и вода не замерзали. Сейчас восхождение было коротким, и я обошелся без еды и питья, но в будущем это не прокатит. Уже сейчас я чувствовал сильный голод, живот подводило, и рот наполнялся голодной слюной. К тому же меня злил тот факт, что я все восхождение протаскал бестолковый груз и не сумел извлечь из него никакой пользы.

Я возвратился к автомобилю, и всю двухчасовую поездку до родительского дома меня переполняло чувство успеха — я был безумно рад удачному началу своего проекта. Я четко видел, что мне нужно улучшить и изменить, чтобы зимние соло-восхождения проходили более успешно. Тем не менее пришлось ждать почти целый год. Свой второй зимний четырнадцатитысячник я сделал только в декабре 1999-го.

Переезд в штат Вашингтон, куда меня перевели по работе, дал мне хорошие возможности потренироваться в технике альпинизма, и я немало продвинулся. Теперь я мог подниматься со скоростью километр высоты в час с двадцатикилограммовым рюкзаком. Я получил опыт в использовании кошек на снежном, ледовом и скальном рельефах. С напарниками мы провели тренировочные восхождения на несколько покрытых льдом вулканов в Каскадных горах — Райнир, Бейкер и Шуксан. Во время этих тренировок я освоил работу в связке, спасработы на леднике по вытаскиванию из трещины и прохождение закрытых ледников. За все полгода, что я провел в Вашингтоне, не было ни одних выходных с хорошей погодой — к концу лета на горе Бейкер был зарегистрирован рекордный за год объем осадков. Но ни одни выходные я не провел дома, а лазал и лазал. Если бы я сидел и ждал хорошей погоды, мне не удалось бы вообще ничего сделать, поэтому я боролся с сырой одеждой, заплесневелой палаткой, терпел холодные ночи в середине лета и спокойно относился к не очень впечатляющим видам, открывающимся с вершин сквозь сплошную облачность.

На горе Райнир я впервые понял, что такое холодная ночевка. С моим напарником Полом Баддом мы поднялись на вершину по ледосбросу Каутца, но из-за того, что у нас было мало ледобуров, [36] а также из-за сильной грозы спускаться пришлось стандартным маршрутом по ребру Разочарования. Таким образом, все наши запасы еды и воды, все наше бивачное снаряжение лежали на высоте 3300 метров с одной стороны горы. А мы сами стучали зубами на высоте 3000 метров с другой стороны. Восьмичасовая холодная ночевка при температуре

минус двадцать три градуса буквально высосала из нас все тепло. Во время той эпопеи мы за сутки поднялись в общей сложности на четыре с половиной тысячи метров — нужно было второй раз перелезть через вершину, чтобы вернуться к снаряжению и продуктам. При этом мы шестьдесят шесть часов не спали из-за постоянной пурги.

Приключение на Райнире и те усилия, которые мы с Полом смогли выдать, неплохо продемонстрировали мне возможности моего организма. Это пригодилось уже на следующие выходные, когда из Аризоны приехал мой друг Джадсон Коул и мы сделали скоростное восхождение на Райнир по стандартному маршруту через ребро Разочарования. От приюта Парадайз до вершины и обратно мы сбегали за четырнадцать часов. На следующем скоростном восхождении я присоединился к команде из альпклуба «АКМЕ», шедшей на северную стену Шуксана, пожалуй одной из самых красивых гор в мире, и, пожалуй, это было одно из самых классных моих восхождений. Но подходы к горе наглядно иллюстрировали пословицу: «Если хочешь добраться до небес, ты должен пройти через ад». Мы вчетвером продирались через такой густой подлесок, что один из моих ледовых инструментов[37] оторвался от рюкзака, а я этого даже не заметил. Нам пришлось подниматься по крутому склону холма, сплошь покрытому пятисантиметровым слоем скользких ольховых веток. Я оступался на каждом втором шаге — и где-то там потерял нашу единственную карту. К счастью, мы запомнили описание и поэтому не сошли с маршрута. За восьмичасовой ночной переход мы одолели всего одну милю и к утру вымотались до предела, но уже при свете могли нормально ориентироваться.

Мы поднялись на северное плечо горы на высоту 1500 метров и на час вырубились. В полдень мы растолкали друг друга и двинулись дальше на закрытый ледник, где нам пришлось связаться попарно для страховки от провала в трещину. Я и мой напарник Брюс шли через лавинный конус, когда в трехстах метрах над нами, в середине склона, где сходились два ледника Северной стены, раздался грохот.

Остальные начали орать, чтобы мы бежали, и мы действительно рванули с Брюсом от лавины, но только в разные стороны. Нам удалось сделать три шага до того, как связывающая нас веревка натянулась, и мы рухнули на снег. Потом, конечно, когда мы вспоминали этот момент, то дружно ржали — очень уж комично это выглядело. Но тогда мне было не до смеха, я чуть не запаниковал. Повернувшись к Брюсу, я рванул нашу веревку и заорал, перекрикивая приближающийся грохот: «СЮДА!!!»

В тяжелых горных ботинках, кошках, с двадцатикилограммовыми рюкзаками, ослепленные ужасом, мы бежали через снежное поле. Это был какой-то кошмар: мы мчались изо всех сил, но время замедлилось, и казалось, что мы стоим на месте. Грохот наверху резко усилился, потом вдруг внезапно затих, как будто я вошел в звукоизолированную комнату.

Я быстро оглянулся через плечо и увидел как огромный — размером с автобус и такой же по форме — камень отделился от висячего ледника наверху и медленно пошел вниз. Он летел, вращаясь, как резко выбитый мяч в американском футболе. В испуге я замер и заорал Брюсу: «БЕГИ! НЕ ОСТАНАВЛИВАЙСЯ!» Со своего места я не мог четко определить, попадает Брюс под камень или нет. У нас оставалось всего две секунды до того, как мы получим точный ответ на этот вопрос. Я кинул провисшую веревку вниз по склону и начал быстро выбирать ее, таща Брюса и следя, чтобы веревка не запуталась в зубьях его кошек.

В эти секунды Брюс и не думал оборачиваться, только бежал ко мне, бежал как мог; лицо его было перекошено адреналиновым выбросом. Валун завершил свой полет гигантским снежным взрывом на пятьдесят метров выше и, слава богу, на сорок метров позади Брюса. А после удара качнулся, словно сошедший с рельсов железнодорожный вагон, и поехал по снежному полю к ближайшей ледниковой трещине. Импульс был лишь частично поглощен ударом, и по снегу камень ехал со скоростью автомобиля на хайвее.

Грохот утих. Ни один из нас не мог поверить, как стремительно все произошло. Брюс не видел падения, он не видел камня вообще, и, когда тот нырнул в трещину, Брюс все еще бежал. Опасность миновала, можно было перейти к шуточкам и похлопыванию по плечам.

— Вы уверены, что никому не нужно сменить нижнее белье? — сострил один из парней.

После такого потрясения нам, с одной стороны, хотелось отдохнуть и прийти в себя. Но с другой стороны, мы были сильно настроены на то, чтобы продолжать подъем и установить лагерь в намеченном месте прежде, чем стемнеет. Единственное, что мы себе позволили, — это уступить право работы первой связкой нашим товарищам. Все же нам требовался хоть такой условный отдых.

Ребята отработали первый километр по высоте, а потом вперед вышли мы. Брюс не до конца отошел от эмоционального шока и не был готов работать первым. Ему было тяжело топтать ступени, вбивать снежные якоря, а главное — психологически

напрягаться, работая на нижней страховке.[38] Я забрал у него якоря, позаимствовал ледовый молоток[39] — вместо того, который я потерял в лесу, — и полез. Как только я проходил одну веревку, за мной поднимались остальные. Я вбивал передние зубья кошек в жесткий летний фирн и поочередно работал молотками, держа их, как кинжалы, обхватом верхней части ручек.

Я вошел в четкий ритм: сначала воткнуть правый молоток над плечом в ледяную корку, затем поставить правую ногу, сделать шаг. После этого я стоял уже на правой ноге, и весь цикл повторялся с левой. На старте передо мной было шестьсот метров нетронутого ледового склона, крутого, белого и чистого, без каких-либо ориентиров, так что и не поймешь, двигаюсь ли я вообще. Линия горизонта, обозначенная нижним краем верхних ледопадов, казалась неподвижной. Единственное, чем я мог отсчитывать пройденное расстояние, — это сигналами Брюса, который сообщал, что я прошел очередную веревку и пора забивать очередной якорь.[40] По его сигналу мне следовало произвести несколько не очень простых для человека, стоящего на крутом скользком склоне, действий. Сначала я доставал из внешнего кармана рюкзака якорь — полуметровую Т-образную дюралевую конструкцию. Потом ударами ледового молотка (на одной его стороне был клюв для лазания, на другой — молоток для забивания крючьев) загонял конструкцию в фирн почти до конца. В верхнюю часть якоря вщелкивался карабин, через который пропускалась наша связочная веревка. Такая конструкция страховала меня и Брюса на случай падения. Вторая связка использовала для страховки те же якоря, а после прохождения очередной веревки тот, кто шел последним, вытаскивал их и складывал в свой рюкзак.

Крутой склон с левой стороны вел к тому самому ледопаду, с которого слетел так напугавший нас камень. Я был полностью сосредоточен на том, чтобы двигаться максимально ритмично. Я не бил сильно клювом молотка, а, скорее, погружал его — устанавливал кончик на склоне и плавно нагружал. И тело работало в четком ритме: погружение клюва, два удара кошкой, смена сторон, погружение клюва, два удара кошкой. Погружение, удар, удар, погружение, удар, удар — чудесный вальс, который я танцевал с горой на протяжении этого восхитительного часа.

Закат солнца за облачную гряду где-то в полусотне километров над заливом Пьюджет-Саунд разлил темно-рубиновый кларет по зубчатому краю хребта Пикет и островерхим пикам северных Каскадных гор. Океан парил, и закатное солнце, преломляясь в призрачной призме, одело

Шуксан в изысканное вечернее платье. Огни Виктории обозначили береговую линию острова Ванкувер россыпью ярких точек. Самое время выйти наверх. Я начал активнее работать молотками и вот через десяток-другой ударов клювом вдруг понял, что уже могу не опираться на передние зубья кошек, могу просто стоять. Я был на верхнем плато ледника, на высоте 2743 метра над уровнем моря. Передо мной из ровных снежных полей выступала восхитительная симметричная пирамида вершины. Как только Брюс приблизился и веревка перестала ограничивать движения, я перешел на небольшое покатое возвышение. Оттуда открывался прекрасный вечерний вид на гору Бейкер, Пьюджет-Саунд, северные Каскадные горы и всю Британскую Колумбию. К тому же там нашлось отличное место для лагеря. И если хорошее восхождение можно было считать наградой за те мучительные подходы к горе, то безопасный лагерь в красивом месте — наградой за страх от пролетевшего мимо огромного булыжника. Уставшие товарищи по очереди подходили ко мне и поздравляли за отличную работу на склоне и выбор отличного места. Пора было ставить палатку и готовить ужин.

Утро порадовало ясной и спокойной погодой, наши приключения на Шуксане продолжались. Мы находились на сто пятьдесят метров ниже вершины и по другую сторону от простейшего маршрута к ней. Сложность заключалась в отсутствии карты и описаний, поэтому нам следовало побыстрее пролезть вершинную башню и заняться поиском спускового маршрута. С вершины Шуксана на южную сторону вели три ледовых кулуара, и мы, судя по всему, выбрали далеко не самый простой. Нам пришлось пролезать крутой ледовый туннель и потом мучиться, преодолевая широкий бергшрунд (трещина в том месте, где ледник отделяется от прилегающей скалы).[41] Потом была крутая скала Камина Фишера и долгий изнурительный переход, чтобы успеть выйти на горнолыжные склоны горы Бейкер до наступления темноты.

Через неделю после восхождения на Шуксан меня по работе перевели в Нью-Мексико, и там я сразу же присоединился к ребятам из горноспасательной службы Альбукерке, лучшей в штате. Заочно я их знал, потому что Марк пять лет отработал в SAR.[42] Общение со спасателями было необычайно важно и полезно для меня. Мало того что они, как могли, передавали мне свой бесценный опыт, вдобавок именно через них я все последующие три года знакомился со своими напарниками по восхождениям. Но самое главное преимущество жизни в Альбукерке — это была близость колорадских гор. В среднем пять

дней в месяц круглый год я проводил на восхождениях.

Благодаря активному летнему сезону в штате Вашингтон и целому году колорадских восхождений к зиме с 1999-го на 2000 год я набрал достаточно альпинистского опыта, чтобы наконец-то всерьез приступить к зимним соло на четырнадцатитысячники. Но горные боги решили испытать меня на прочность. 22 декабря на вершинном плато горы Бросс я попал в жуткий ураганный ветер. Порывы, несущиеся со скоростью 150 километров в час, валили меня с ног, я продвигался ползком и безуспешно пытался встать. От металлического корпуса налобника я получил обморожение кожи головы, и на лбу у меня образовалась здоровенная отметина совсем как у Горбачева. К родителям в Денвер я прибыл тем же вечером с экзотическим фиолетовым пятном на лбу, которое через четыре дня покоричневело и стало похоже на средней силы солнечный ожог.

За три дня после Рождества я одолел пять четырнадцатитысячников, а два дня спустя уже встречал миллениум в болотистых равнинах Флориды на концерте *Phish* (пятидесятом на моем счету) вместе с двадцатью своими друзьями и еще восьмьюдесятью тысячами фанов. Концерт был долгим чудесным марафоном, *Phish* играли с полуночи до рассвета. Позже, уже весной, мы впятером поехали в Японию, где *Phish* давали клубное турне. И мы нашли время подняться на Фудзи — это был первый случай, когда я стоял на самой высокой точке какой-либо страны.

До конца этого зимнего сезона я совершил одиночные восхождения еще на шесть четырнадцатитысячников, включая технически не очень простой Кит-Карсон и пик Бланка в южном хребте Сангра-де-Кристо. 16 января 2000 года я спускался после первого зарегистрированного восхождения тысячелетия на Бланку и более простую соседнюю вершину Эллингвуд-Пойнт. Я быстро шел по каменистой осыпи, присыпанной снегом, и постоянно проваливался сквозь наст, попадая в ямы вокруг камней. Приблизительно на 3600 метров я провалился, наверное, уже в сотый раз. Не ожидая подвоха, я потянул ногу, но не смог ее вытащить: камень сдвинулся и придавил лодыжку, нога застряла. Большого давления камня на ногу я не чувствовал, но вытащить ногу не мог, и сдвинуть камень тоже не получалось. Вариант оставался один: обкопать снег, растащить соседние камни и только после этого можно вытаскивать ногу. Но копать и все прочее будет затруднительно с пойманной в капкан ногой. Поэтому я прокопался к ботинку, развязал шнурок и, извиваясь, чтобы не вступить носком в снег, вытащил ногу. Через пятнадцать

минут я вытащил и ботинок. Этот случай заставил меня задуматься: а что, если бы я не сумел быстро извлечь ногу? Смог бы я пережить ночь без палатки? Да, у меня был с собой спальник, рассчитанный на минус тридцать, у меня были горелка и топливо. Но с другой стороны, морозы по ночам стояли лютые, так что кто его знает… Хоть и посчитав этот случай не более чем досадной неурядицей, на остальном участке спуска я старался избегать крупных осыпей, едва присыпанных снегом.

В ту зиму я осознал для себя понятие «глубокая игра», основанное на дисбалансе между риском и наградой за него. Человек, не желая или не имея возможности следовать по пути, приводящему к реальным выгодам — славе и известности, помещает себя в рамки игры, где за реальный риск получает только какие-то личные выгоды, исключительно для себя — удовольствие, например, или обретение нового опыта. В правила глубокой игры очень хорошо вписывается мой проект с зимними соло-восхождениями. Особенно когда я иду на гору в пургу и воспринимаю жестокую бурю просто как некое условие, как некий приобретаемый опыт. Страдание, головная боль, тошнота, голод, усталость — ничего не значат, это просто часть приобретаемого опыта. То же самое касается и высотной эйфории, радости победы, удовлетворения оттого, что хорошо сделал дело, оттого, что сумел выжить. Я понял, что не могу отправиться на восхождение, точно рассчитав, какой же опыт получу — оценку рисков оставляем в стороне, — я должен быть открыт, я должен просто ждать, что мне принесет восхождение, и быть готовым принять это. Если я ожидаю чего-то конкретного, то могу в итоге разочароваться, но если я полностью открыт, то, несмотря на любые трудности, приду к пониманию себя, к осознанию мира. Марк Твайт — американский альпинист-экстремал, знаменитый как своими победами, так и неудачами, — написал однажды: «То, что не должно приносить удовольствие, приносит удовольствие». Абсолютно точно.

Два следующих зимних сезона я поднимался на все более и более технически сложные четырнадцатитысячники, хотя самые-самые я все-таки оставил на финальную часть. Я приобретал опыт, набирал физическую форму, лучше акклиматизировался, у меня появлялось более адекватное снаряжение — все это позволяло мне делать более долгие и выматывающие восхождения. Планируя выезды, самое пристальное внимание я обращал на то, чтобы избежать лавин, пожалуй главной реальной опасности зимних восхождений. Я всегда сообщал либо родителям, либо соседям по комнате, куда я направляюсь и когда рассчитываю вернуться.

К концу сезона 2002 года на моем счету было тридцать шесть из пятидесяти девяти четырнадцатитысячников. Но мои достижения не сводились к чисто количественным: главное — это было приобретение некоего уникального опыта, которого не имел больше никто в мире. Часто случалось так, что, регистрируясь на въезде, я видел: предыдущий восходитель был здесь три-четыре месяца назад. Бывало и так, что я возвращался к вершине летом и понимал: кроме меня, здесь никого не было за все эти семь-восемь месяцев. Можно было подумать, эти горы принадлежат мне одному. Я ощущал себя частью холодных высоких пиков, занесенных снегом ледниковых озер, изломанных ветром лесов. Я чувствовал и родство с лосями, оленями, бобрами, горностаями, куропатками и снежными козлами. Чем чаще я посещал их родной дом, тем ближе я к ним становился.

В ивовых зарослях западного цирка горы Эванс я чуть было не наступил на куропатку — она отпрыгнула с моего пути в последний момент. Я наклонился и, глядя в ее чернильные глаза, впал в транс. Вселенная расширилась; мы не двигались, я чувствовал связь с этим комочком перьев, замершим в снежной лунке, и мне казалось, эта связь сильнее, чем со многими представителями рода человеческого. Мы сосуществовали в этом зимнем пейзаже, разделяя между собой больше, чем я разделял с людьми, которые никогда здесь не побывают. Я сделал фотографию и потом пытался как-то объяснить друзьям свои мысли и чувства, но они видели только куропатку, не усматривая никакой особой связи.

Путешествия, восхождения, одиночество в зимних горах — все это создавало вокруг меня совершенно особенный мир. Увы, его невозможно было ни с кем разделить, как я ни старался. Я очень хотел внушить кому-нибудь те же ощущения, которые испытывал в своих путешествиях. Я пытался фотографировать и выкладывать снимки в Сети, но всё без толку: для того чтобы по-настоящему понять ту или иную фотографию, нужно было повторить мое путешествие. Для человека, сидящего в офисе или гостиной, фотография зимнего заката в горах — всего лишь красивая картинка. Для меня же она неотделима от воспоминания о том, как я делал этот снимок. Например, однажды я восемь часов шел на снегоступах, с двадцатикилограммовым рюкзаком, по глубокому сыпучему снегу через лес в долине Коттонвуд-Крик. Пройдя несколько ледовых каскадов, я вылез на 4000 метров, на перевал между вершинами Электрик и Брокен-Хэнд. Пейзаж был достоин кисти Альберта Бирштадта[43] — красный закатный свет первого зимнего солнцестояния в новом тысячелетии окатил заснеженные

скальные ребра Крестон-Нидл пурпуром. Это было столь грандиозно, что я закричал. Но снимок не передавал всего великолепия этой картины, и не в том дело, что я плохой фотограф, просто я при всем желании не смог бы заставить зрителя ощутить эту усталость, это кислородное голодание, этот восторг и удовлетворение от хорошо проделанной работы — словом, все, что я чувствовал, глядя на столь величественный пейзаж в столь живописных сумерках.

От четырнадцатитысячника к четырнадцатитысячнику, этот мой собственный мир значил для меня все больше. Из проекта, который я просто хочу довести до конца, зимние соло-восхождения стали неотъемлемой частью меня. Нет, я не испытывал иллюзий по поводу своих достижений и не ставил себя в один ряд с элитой мирового альпинизма. Но каждый раз, выходя зимой в одиночку на очередную вершину, я познавал и развивал некую часть себя.

Серпантин лыжных следов, которые я оставил своими телемарками[44] под южной стеной Гарварда, был единственным признаком человеческого присутствия здесь за полгода. На западном склоне горы Массив я видел, как трое волков перебегают снежное поле, проваливаясь по брюхо, и больше, чем их мощь и грация, меня поразил другой факт: до сего дня, до марта 2002 года, последнего волка в Колорадо видели шестьдесят лет назад. Я шел сквозь вьюгу на пик Гумбольдта, и сосульки росли на моем лице, а поднявшись на пик Торрейс, я расправлял руки на диком ветру, подобно крыльям. Не по сезону теплое солнце грело меня на вершине горы Йель, а на Снеффелсе я дрожал в самой толстой своей пуховке.

Жажда восхождений была такой острой, что меня неудержимо тянуло переехать в Колорадо и жить поближе к горам. К тому же работать на большую корпорацию я, честно говоря, замаялся. И тут весной 2002 года мне выпал шанс поехать на Денали[45] вместе с командой просто суперспортсменов. Разумеется, никто на работе не дал бы мне такого длинного отпуска, и пришлось выбирать, что важнее: счастье в жизни или верность «Интелу». В конце концов я пожертвовал работой, продал большую часть домашней утвари и упаковал туристский инвентарь в трехлетнюю «тойоту-такому». Мой пикап, помимо других преимуществ, был оборудован кроватью и прорезиненным тентом для ночевки в кузове. 23 мая 2002 года, в последний рабочий день, я разослал мейлы всем друзьям, объявляя о начале новой жизни. В письме я цитировал Гёте: «На что бы ты ни был способен, о чем бы ты ни мечтал, начни осуществлять это. Смелость придает человеку силу и даже магическую власть».[46]

Большинство коллег одобрили мой выбор, но некоторые не могли поверить тому, что я ухожу не на какую-то другую работу и не для того, чтобы вернуться к учебе. «Интеловские» инженеры так не поступают! Но в двадцать шесть, после скромной пятилетней карьеры, я взял и уволился. В списке тех вещей, которые я поклялся никогда не делать, значилось теперь два пункта: «не работать на корпорацию» и «не жить восточнее Скалистых гор». Так начался путь, который привел меня к вершине Денали — высшей точке Северной Америки, который провел меня через тридцать восемь штатов и Канаду и закончился через полгода в городе под названием Аспен, штат Колорадо, высота 2400 метров.

ГЛАВА 5
День второй: вариантов не остается

Рассвет в пустыне.
Встань рано и заведи свою песню.
В дыхании жизни, что поднимается
От пылающего камня,
Почувствуй твердыню вечности, гладкую на ощупь,
Почувствуй дыхание цветов, танцующих на ветру,
Танцующих на ветру.

The String Cheese Incident

На стихи Кристины Калликот «Рассвет в пустыне»

Утренний воздух нагревается, и мне больше не нужно без толку долбить камень только лишь для того, чтобы не замерзнуть. Натруженная левая рука настойчиво требует смены занятия, и я оставляю долбежку камня на другой раз. Я совсем не спал, но чувствую прилив сил от света, проникающего в каньон. Примерно так бывало на рассвете после ночного похода. Но сейчас я не вижу конца. Это не восхождение, завершающееся взятой высотой, и не утомительный пеший поход, который рано или поздно закончится. Исход моей битвы с камнем неизвестен. Я буду здесь, пока не смогу решить эту проблему или пока не умру.

Из всего, что я читал о выживании в пустыне, я знаю, что есть несколько более или менее сходных сценариев, по которым обезвоживание убивает человека. Внутренние органы не получают нужного количества питательных веществ и прекращают работать. Кто-то умирает оттого, что отказывают почки и перестают выводить токсичные отходы из тела; кто-то дотягивает до остановки сердца. Под воздействием горячего солнца и высокой температуры воздуха обезвоживание ведет к общему перегреву, и мозг фактически поджаривается. Я не знаю, каким способом смерть подберется ко мне, но подозреваю, что первыми

признаками будут конвульсии и судороги. Я начинаю размышлять…

Интересно, как люди чувствуют себя во время почечной недостаточности? Вряд ли хорошо. Очевидно, что наоборот. Может, это похоже на судороги в спине от переедания? Нет, могу поспорить, что намного хуже. И вообще, в этом случае меня ждет весьма неприятная смерть. Гипотермия гораздо лучше, особенно если она наступит быстро. Тогда, по крайней мере, я потеряю сознание и ничего не почувствую. Однако вчера вечером температура падала ненамного, было градусов двенадцать, этого недостаточно для полноценной хорошей гипотермии. Может, смерть из-за внезапного наводнения была бы лучше? Нет, непонятно. Легче ли умирать, когда твой крик обрывается под напором грязной ледяной воды, или приятнее тихо соскользнуть в кому переохлаждения? Или лучше пережить опыт последних спазмов останавливающегося сердца? Уж и не знаю…

Но я готовлюсь к действию, а не к смерти. Пора установить наверху хороший якорь, годящийся для подъемной системы, тогда я попытаюсь выдернуть свой валун. Если мне удастся повернуть переднюю часть валуна кверху хотя бы на пару десятков сантиметров, у меня получится освободить руку, хотя сдвинуть камень такого размера на такое большое расстояние — дело непростое. Может быть, я смогу сместить валун назад сантиметров на пять. Этого будет достаточно, чтобы вытащить костяшку большого пальца из зажима. Да, я понимаю, что это будет медленная пытка, и при этом боль будет гораздо сильнее, чем во время самого удара. Правой кисти конец, я ее уже списал со счетов, но меня волнует вопрос: что будет, когда кровь снова начнет циркулировать во всей правой руке? Не принесет ли она яд гниения в организм и не отравит ли сердце? Я не изучал медицину и плохо знаю о том, какую угрозу несут токсины, но мне кажется логичным их быстрое распространение, если я вдруг освобожу руку. Это риск, который я принимаю и, мало того, мечтаю столкнуться с ним в действительности.

Я начинаю сооружать второй якорь. Первым делом отстегиваю яркую желтую стропу с карабина на задней части обвязки и полностью ее разматываю. Развязываю узел, скрепляющий оба ее конца, и растягиваю во всю восьмиметровую длину, вперед и назад, через верхнюю часть валуна. Я максимально аккуратен, потому что не хочу перепутать стропу с веревкой, на которой сейчас крепится моя обвязка. При взгляде вверх от того места, где меня зажало, я могу только догадываться о контурах и формах существующего рельефа на верхней части каменных пробок, формирующих полку впереди и выше меня.

Вчера днем при спуске я почти не обращал на них внимания. Похоже, что посреди полки, примерно в двух метрах над моей головой, торчит небольшой треугольный зуб. И если верхняя задняя часть зуба имеет достаточную для этого выемку, то стропа может лечь по обе его стороны, принять на себя нагрузку и не соскочить с вершины зуба.

Мои попытки закинуть стропу на зуб безуспешны — материал стропы плохо подходит для точного метания вверх. Если мне удается закинуть достаточно высоко, желтая стропа соскальзывает с зуба и чуть ли не отскакивает от скалы. Поломав голову над проблемой, я решаю связать стропу и свободный конец веревки, на которой сейчас висит моя обвязка, затем попытаться набросить все это на зуб. Протащив веревку, можно с ее помощью уже протащить вокруг зуба стропу. Еще с десяток неудачных попыток. После каждой много времени и сил уходит на то, чтобы опять аккуратно выложить и веревку, и стропу относительно друг друга и самому встать удобно для броска. Мне удается забросить веревку за зуб, но узел, проскальзывая сверху, теряет драгоценные сантиметры. Стропа находится слишком далеко на полке, чтобы надежно закрепиться на песчанике. Раз за разом стропа сильно тянет конструкцию и падает в песок с обратной стороны моего валуна.

Тут мне на глаза попадается трещина, которая идет по правому боку зуба. Надо попробовать просунуть стропу в эту трещину, чтобы она шла под более удачным углом и более надежно скользила вокруг задней части зуба. В следующий раз я бросаю и тяну веревку вправо и, когда узел вот-вот застрянет на верхней части выступа, беру конец веревки в зубы и мягко дергаю стропу. Стропа соскальзывает в щель. Ага! Теперь я тащу узел по краю полки и вижу, как стропа протягивается с обратной стороны розоватого зуба. Я понимаю, что получил рабочий вариант для якоря. Развязываю соединительный узел веревки и стропы, пропускаю желтую стропу в дюралевое спусковое кольцо, после чего навязываю на стропе большое количество простых узлов, и она повисает в петле с кольцом на конце. Левой рукой тяну за петлю, затягивая узел, и делаю сильный рывок, проверяя, насколько надежно система закреплена вокруг нависания. Стропа не ползет, хотя я давлю на нее сильнее и сильнее, наконец, даже всем своим весом. Готово.

Смотрю на часы: двенадцатый час, воскресенье. Два часа я потратил на то, чтобы сделать еще один якорь, но результат пока оправдывает все усилия. Я делаю законный глоток воды, который только повышает чувство удовлетворенности собой: я хорошо поддерживаю водную дисциплину, я доволен тем, как сделал

работу. Я сумел, имея в своем распоряжении только одну руку, закрепить якорь на не самом подходящем для этого месте.

Хорошая работа, Арон. Теперь осталось только сдвинуть валун. Давай не останавливайся.

Отрезав от веревки конец метров в десять, я завожу его петлей вокруг своего валуна. Другой конец я пропускаю через спусковое кольцо на петле — я еле-еле могу дотянуться до него левой рукой, — а затем обвязываю вокруг валуна. Не ожидая какого-либо положительного результата, я дергаю веревку. Разумеется, ничего не происходит.

Ну, по крайней мере, якорь держится.

Нужно сделать систему блоков, чтобы создать механическое преимущество и увеличить усилие рывка. С одним перегибом, с одним блоком мне не удастся поднять валун, как бы я ни увеличивал силу рывка. Получается, все равно что я просто тяну за веревку. Трение в спусковом кольце создает скорее *механическое антипреимущество.* К сожалению, у меня нет с собой специальных блоков, только карабины, а в них система будет терять на трении гораздо больше усилия. Теперь мне надо снять якорь, на котором до сих пор висела моя обвязка. Я пускаю волну много раз, пока наконец клубок из веревки и связки карабинов на конце не выпадает из трещины.

Время летит незаметно, я полностью сосредоточен на том, чтобы сделать эффективную систему. Я призвал на помощь все свои знания по поисково-спасательным работам и в уме конструирую систему, аналогичную той, с помощью которой пострадавших альпинистов эвакуируют с вертикальных стен. Спасатели из Альбукерке в свое время рассказывали мне о двух стандартных схемах полиспаста, и я выбираю одну из них: полиспаст Z-схемы с дополнительной тягой. Изменяя стандартную схему под имеющиеся у меня условия и снаряжение, я решаю добавить несколько петель со схватывающим узлом Прусика[47] и карабинами, чтобы закреплять веревку саму на себя. Таким образом, с двумя элементами полиспаста я теоретически утраиваю усилие, получая в точке применения силы, то есть на валуне, соотношение механического преимущества 3:1. Трение импровизированных элементов полиспаста уменьшает это преимущество раза в два, но 1,5:1 — это все-таки лучше, чем соотношение во время моей первой попытки — 0,5:1.

Однако система слишком слаба. Валун игнорирует мои усилия. В конце грузовой линии я вяжу несколько скользящих узлов, которые, заклиниваясь в основном стопорном узле, создают петли для ног. Теперь я смогу наваливаться на полиспаст

всем своим весом. Встав в петли, я становлюсь выше на полметра, и, хотя из-за зажатой правой руки поза получается дурацкая, мне удается увеличить усилие в три, а то и в четыре раза по сравнению с тем, которое я могу создать, хватаясь за веревку одной рукой. Грузовая линия напряжена и работает, как задумано, несмотря на то что построена не на блоках, а на карабинах. Но я использую динамическую веревку, способную тянуться и поглощать большее количество энергии рывка при срыве со скалы. Из-за этого я теряю немалую долю энергии моего полиспаста. Тянутся часы утомительной работы, я делаю несколько неудачных попыток приподнять якорь, завязываю еще один узел выше спускового кольца, чтобы добавить несколько сантиметров пространства для подъема… Все напрасно, камень не двигается с места. Я прилагаю все свои усилия, я сделал все, что мог, из имеющегося у меня снаряжения. Наверное, можно было бы построить систему 5:1, мне хватит на это карабинов и веревки, но, чтобы уложить все изгибы большей системы, еще несколько колен полиспаста, понадобится еще несколько десятков сантиметров пространства между якорем и скалой, а его у меня нет. Уставший, обессиленный и разочарованный отсутствием результатов, я останавливаюсь. Я вспотел, я задыхаюсь. Время — второй час.

Внезапно я слышу отдаленные голоса, отзывающиеся эхом в каньоне. В мозгу вспыхивает радостное изумление, дыхание замирает в пересохшей глотке.

Реально ли это? Да, конечно, сейчас как раз то самое время, когда группа туристов, вышедшая рано утром, может добраться до этой части каньона и успевает еще вернутся к Западному рукаву или к началу тропы Хорсшу засветло. Как ты и рассчитывал, больше всего шансов на то, что кто-то другой пройдет здесь до конца выходных. В конце концов, ты так же оказался здесь вчера днем.

Даже рассуждая таким образом, я боюсь, что уже брежу, что звуки слышны только в моей голове. Я прислушиваюсь, затаив дыхание.

Да! Шумы искажены и далеки, но знакомы мне: обувь шуршит по песчанику. Вероятно, это группа любителей походить по каньонам спускается по первому сбросу у S-образной деревяшки.

— Помогите!

Эхо моего крика замирает в каньоне. Не дыша, я прислушиваюсь, жду ответа. Ничего.

— ПО-МО-ГИ-ТЕ!

Отчаяние, слышное в срывающемся крике, расстраивает меня.

Я снова задерживаю дыхание. После того как стихает эхо, не слышно больше ничего, кроме бешеного стука моего сердца. Критический момент проходит, надежды испаряются, и я понимаю, что в этом каньоне нет никаких людей.

Мой боевой настрой рушится, это так же больно, как было в первый раз, когда девушка разбила мне сердце. И тут я снова слышу шум. На сей раз слушаю внимательнее и жду. Звуки, которые я принял за шаги приближающихся туристов, издавала сумчатая крыса в своем гнезде, устроенном в мусоре над очередной каменной пробкой сзади меня, выше моей головы. Я разворачиваюсь и успеваю увидеть ее хвост в кучке сухих стеблей, потом зверек исчезает в норе.

В этот момент я даю себе клятву, что звать помощь буду только один раз в день. Очень уж напугал меня мой собственный дрожащий голос, и, если вопить слишком часто, я рискую подорвать шаткое спокойствие и здравомыслие, которые с таким трудом поддерживаю. Трезво глядя на вещи, я понимаю, что никаких людей здесь не появится до следующих выходных, — это самое раннее, когда спасатели пойдут по каньону в поисках моего тела. Мой голос слышен на расстоянии максимум пятьдесят метров, а люди не подойдут ближе чем восемь, а то и одиннадцать километров. Поэтому орать и взывать о помощи не имеет никакого смысла. Это меня только пугает.

Часа в два дня я еще раз обдумываю свое положение и имеющиеся варианты. Ожидание помощи, попытка разбить или поднять камень не привели к успеху. Впервые я серьезно рассматриваю перспективу ампутации руки, продумываю процесс и последствия. Я вынул и разложил вокруг себя все, что у меня есть, и оцениваю возможное применение каждого предмета при операции. Две самые большие проблемы: режущий инструмент, которым можно сделать ампутацию, и жгут, который спасет меня от потери крови. В моем мультитуле есть два лезвия: четырехсантиметровое — более острое, чем семисантиметровое. Длинное лезвие я оставляю для того, чтобы долбить им валун, короткое — для потенциальной операции.

Я инстинктивно понимаю, что даже острым лезвием не смогу распилить свои кости. Я видел ножовки, которыми доктора времен Гражданской войны[48] ампутировали ноги и руки пациентов в полевых госпиталях, у меня же нет ничего, что хотя бы приблизительно напоминало элементарную пилу. К тому же мне хочется обойтись минимальными потерями, отрезать как можно меньше. Поэтому я думаю только об операции на костях предплечья и не рассматриваю самый простой вариант — разрезать мягкий хрящ локтевого сустава. Эта возможность

просто не приходит мне в голову.

Ярко вспоминается героиновый наркоман из какого-то фильма, который кололся, обмотав руку длинной резиновой трубкой. У меня появляется идея попробовать в качестве жгута трубку от пустого кэмелбэка. Я выдираю шланг из резервуара, и мне удается завязать его прямым узлом вокруг верхней части предплечья, чуть ниже локтя. Расположение жгута я выбираю, не обдумав точки давления рядом с бицепсами. Я рассчитываю, что закручу его так сильно, что повредится часть руки, значит, нужно расположить жгут максимально близко к месту разреза, где рука уходит в каменную трещину. Узел довольно слаб, мне не удается затянуть его после трех попыток. Пластик, из которого состоит трубка, слишком жесткий, чтобы шланг передавил руку. Жгут свободно болтается на руке. Я ищу палку, чтобы вставить в него, но не нахожу достаточно толстой. Чтобы затянуть узел, потребуется усилие, которое сломает любую палку из имеющихся.

Оставим пока эту затею.

У меня есть часть связанной в кольцо фиолетовой стропы, я развязываю узлы и два раза оборачиваю вокруг предплечья. Через пять минут мне удается завязать двойной узел, но все равно петли слишком свободны, чтобы остановить кровообращение. Итак, мне опять нужна палка… Да, но я же могу затянуть петли карабином, я буду крутить его и с достаточной силой сожму петли на руке. Я протаскиваю защелку последнего неиспользованного карабина через петли и поворачиваю дважды. Давление растет, петля глубоко врезается в кожу предплечья, запястье бледнеет и приобретает цвет рыбьего брюха. У меня получилось соорудить вполне приличный жгут. При виде плодов своего кустарного медицинского труда я испытываю некоторое удовлетворение.

Хорошая работа. Молодец, Арон.

Что еще мне понадобится? Согласно основам первой помощи нужно оказать прямое давление на рану, значит, придется чем-то обернуть обрубок. Жгут не удержит всю кровь, что-то в любом случае просочится, и нужно предотвратить кровопотерю. Из набивки в промежности моих велосипедных шорт получится отличная мягкая впитывающая подкладка. Я могу отрезать от желтой стропы на якоре метра полтора и примотать набивку к обрубку. А сам обрубок можно засунуть в мини-рюкзак от кэмелбэка, лямки накинуть на шею, как перевязь, — и рука будет надежно зафиксирована на груди. Отлично.

Несмотря на весь оптимизм и успех со жгутом, какое-то затаенное чувство мешает мозговому штурму. Я не перестаю думать, что все это сплошная теория. Да, мой мозг вовсю

работает над сценарием ампутации, но в глубине души я рассматриваю ее только в теоретическом аспекте. Я просто думаю: «Если я отрежу руку, как остановить кровь?» или: «Если я отрежу руку, как перевязать и закрепить обрубок?» Мой нож слишком туп, и остальная часть плана — не более чем праздные умственные упражнения. Пока я не пойму, как прорубить кости, ампутация — не вариант. Это всего лишь теоретическое допущение, мысленная проработка возможностей. Интересно, хватит ли у меня мужества, терпения и воли осуществить это и как изменится мое внутреннее состояние, если я теоретически решу все задачи, связанные с ампутацией? В порядке проверки я прикладываю короткое лезвие к коже на запястье и нажимаю. Кончик лезвия продавливает кожу между сухожилиями и венами в нескольких сантиметрах выше зажатого запястья. Зрелище отвратительное.

Что ты делаешь, Арон? Убери немедленно нож подальше от запястья! Ты что, смерти хочешь?! Это же самоубийство! Мало ли что у тебя получился хороший жгут, у тебя в руке слишком много артерий, чтобы пережать их все. Ты истечешь кровью. Резать ножом запястье — это все равно что пырнуть себя в брюхо. Если ты распилишь кости и освободишься, то доползешь максимум до сброса. Хороший или плохой у тебя жгут, какая, к черту, разница! В следующем месяце спасатели найдут твое истощенное, исклеванное канюками тело где-нибудь внизу в каньоне. Отрезать себе руку — не более чем совершить медленное самоубийство.

Меня слегка мутит, я опускаю руку вместе с ножом. Нет, я никогда не смогу это сделать. Может быть, именно сейчас, в настоящее время, я не готов провести ампутацию. Может быть, внутренний голос прав, и это самоубийство. Сперва я должен окончательно отчаяться. Возможно, потом, через какое-то время, я наберусь достаточной смелости? Но что должно произойти со мной, чтобы я оказался готов? И не исключено, что внутренний голос прав: ампутация — это самоубийство. Кто знает, вдруг уже завтра сюда придет какой-нибудь случайный путник? Все, в чем я сейчас хочу быть уверен, — это в том, что, если возникнет необходимость для долгой и мучительной операции — если мне придется пилить свои собственные кости так же, как я пилил каменную пробку, — мне нельзя терять присутствия духа, моя моральная готовность должна быть на необычайной высоте. Я содрогаюсь от одной мысли об этом, глаза закрываются, рот распахивается. Я представляю себе пятна крови на стенах каньона, обрывки плоти и мышц, свисающие кровавыми ошметками с двух белых костей, рябых от последствий всех

усилий прорубиться через руку. Я вижу, как голова моя безжизненно падает на грудь, тело оседает, повисая на костях, едва-едва оцарапанных ножом. Это похоже на то, как смотришь заключительную сцену фильма, но затемнения нет. Нет режиссера, который уведет в черноту самое страшное. Кошмар, вызванный моим воображением, заставляет меня положить ножик на валун. Меня мутит.

Я медленно моргаю, кровавый образ начинает кружиться в тошнотворном водовороте, но затем состояние стабилизируется, и я постепенно прихожу в себя. Закончив отвратительные медицинские опыты, я снова оцениваю свою ситуацию. Я перепробовал все варианты, и каждый из них оказался или неэффективным, или смертоносным. У меня не осталось больше вариантов. Каждый из них я исследовал и попробовал все сценарии, но не могу продвинуться дальше ни по одному. По каждому пути я прошел так далеко, как смог, и я не могу реализовать ни один из них. Я умру раньше, чем придет помощь, я не могу вытащить кисть, не могу сдвинуть камень, не могу его раскрошить, не могу его поднять. Я не могу отрезать себе руку. Впервые я впадаю в глубокую депрессию. Я загнан в угол, оптимизм, поддерживавший мои силы в течение предыдущего дня, улетучивается. Мне страшно и одиноко, я злюсь, я начинаю ныть: «Я умру». Видимо, это случится не прямо сейчас, через ближайшие пару дней, но какая разница, когда именно.

Я умру здесь.

Я загнусь здесь.

Я иссохну здесь, когда обезвоживанию надоест ходить вокруг да около и оно убьет меня.

Зачем я тогда вообще пью эту воду? Так я только продлеваю свои мучения. В порыве малодушия я мечтаю о наводнении, которое прекратит все страдания разом. Меня посещает мысль вскрыть себе вены. Отчаяние вдруг оборачивается подростковой яростью. Я ненавижу этот булыжник! Ненавижу его! Ненавижу этот каньон! Ненавижу эту холодную могильную плиту, сдавившую мою руку. Ненавижу слабый затхлый запах зеленоватой слизи, тонким слоем покрывающей основание южной стены каньона за моими ногами. Ненавижу ветер, метущий песок мне в лицо. Я ненавижу тусклую тьму этой ловушки для клаустрофобов, где даже песчаник выглядит угрожающим.

«Я! Ненавижу! Все! Это!» Отбиваю каждое слово ударом левой ладони по валуну, и на моих глазах выступают слезы. Эхо моих страданий отражается от стен каньона и растворяется в дневном воздухе. И тогда внутренний голос — голос моего разума — произносит холодно и спокойно:

Этот валун всего лишь сделал то, что он должен был сделать. Все камни падают. Такова их природа. Валун сделал ту единственную вещь, которую он мог сделать. Валун стоял здесь и ждал тебя. Если бы не пришел ты и не толкнул его, он еще бог знает сколько времени простоял бы в трещине. Ты сделал это, Арон. Ты создал эту ситуацию. Это был твой выбор — приехать сюда вчера, это был твой выбор — полезть в узкий каньон в одиночку, это был твой выбор — никому не говорить, куда ты собираешься. Ты отказался пойти вместе с девушками, которые могли помочь тебе не попасть сюда. Ты сам создал этот несчастный случай. Ты сам хотел, чтобы все было так. Ты очень давно шел к этой ситуации. Смотри, как далеко ты заехал, чтобы найти свою ловушку. Дело не в том, что ты получил по заслугам, — ты получил то, чего хотел сам.

Ко мне приходит отчетливое понимание ответственности за свое положение, и это усмиряет мой гнев. Отчаяние никуда не девается, но я перестаю лупить по камню. Одна и та же мысль ходит кругами у меня в голове: «Кристи и Меган были ангелами, посланными, чтобы спасти меня от меня самого, а я отверг их». Ничего не происходит просто так, но одна из прелестей жизни заключается в том, что нам не дано понимать причины происходящего, — хотя в данном вопросе моя уверенность становится все сильнее. Да, у этих девушек не было ни крыльев, ни арф, но очевидно, что Кристи и Меган вошли в мою жизнь для того, чтобы выполнить определенную миссию. Они пытались предостеречь меня от несчастного случая. Они откуда-то знали, что случится со мной, — я убежден в этом. Снова и снова я вспоминаю последний вопрос, который задала мне Кристи: «И какую такую энергию ты думаешь там отыскать?» Они несколько раз звали меня с собой, но мое упрямство, самоуверенность и амбиции не позволили мне их услышать. Я действительно сам загнал себя в эту ловушку. И, как ни странно это звучит, я всю свою жизнь нарывался на что-то похожее. А как еще я мог оказаться здесь? Мы сами создаем свои жизни, и всю свою жизнь я так или иначе получал то, чего хотел, хотя не очень и понимаю, как это происходит. Значит, я хотел, чтобы со мной что-то подобное произошло. Я искал приключение, и я его нашел.

Я вспоминаю разговор с Меган, когда она рассказывала, как заблудилась в районе Сидар-Месы, на юго-востоке Юты, в местности, изобилующей каньонами и осыпающимися скальными утесами. Меган рассказывала, как вместе со своим другом пережидала ночь у костра из можжевеловых веток. В свою очередь, я рассказывал ей историю, как в компании Джейми Зейглер тоже заблудился в Сидар-Месе, выйдя из каньона после

наступления темноты. Мы не могли отыскать следы, по которым рассчитывали вернуться к машине, и битый час тупо плутали по окрестностям. Каким-то чудом мы неожиданно увидели мой пикап на плоской вершине горы. А потом я рассказал Меган о происшествии в феврале, когда вместе с Рейчел Палвер я попытался пройти тридцатипятикилометровое кольцо двух каньонов в Центральной Юте. Эти каньоны — Чут и Крэк — расположены в хребте Сан-Рафаэль-Риф. Пройдя по кольцу двадцать пять километров, мы уткнулись в склон из песчаника, на который Рейчел никак не могла подняться. Целый час я уговаривал ее, подбадривал, подталкивал, подтягивал, я показывал ей, как надо, я даже подставлял ей собственную спину. Но все было без толку, Рейчел не смогла преодолеть трехметровый сброс. Мы шли обратно, пока в двухстах метрах от склона не нашли бревно весом килограммов семьдесят. Мы отволокли его к сбросу, и Рейчел смогла подняться по нему, как по лестнице. И теперь я думаю, что вся наша беседа о том, кто и как может заблудиться или застрять в каньоне и что при этом делать, — это все было невольным предчувствием моей ловушки. После этого разговора я должен был понять, что рискую жизнью, что этот каньон принесет мне несчастье, и вернуться вместе с Кристи и Меган.

Да, такие мысли о предчувствиях смешны, но мой разум уже затуманивает усталость, я бодрствую больше тридцати двух часов. Я ощущаю вялость, глупею. Недостаток сна усиливает и без того истощенное состояние. Не давая себе впасть в дремоту, чтобы не повредить при этом правую руку, я встегиваю лесенку в веревку, подвешенную к спусковому кольцу, и снова располагаю ее так, чтобы веревка сняла нагрузку с моих ног. Теперь обвязка закреплена на якоре, ноги не нагружены и опасность дернуть руку меньше. На часах — 14:45.

Не знаю, чего я ждал, какого случая, но именно после трех я решаю вытащить свою мини-видеокамеру и сделать первую запись. Повторяя ставшую уже стандартной процедуру, я распускаю лямку, и рюкзак съезжает к моим коленям. Помимо буррито, камера — самое ценное, что осталось в рюкзаке. Там, на дне, перемешанные в кучу, валяются еще CD-плеер, запасные батарейки и пустой бурдюк от кэмелбэка, все остальное уже пущено в ход. Я включаю прибор размером всего с ладонь, отщелкиваю экранчик, поворачиваю его так, чтобы наверняка попасть в видоискатель, и нажимаю кнопку записи. После этого ставлю камеру на верхнюю полку валуна.

Что ж, начинаем сначала. Допусти, что, кто бы ни увидел эту запись, он ее увидит уже после твоей смерти. Можешь оставить

камеру на камне и нацарапать на стене: «Включи меня». Может быть, наводнение отделит камеру от твоего тела. Расскажи им все.

Включаю запись:

— Сейчас три часа пять минут, воскресенье. Прошло двадцать четыре часа с того момента, как я застрял в каньоне Блю-Джон, выше Большого сброса. Меня зовут Арон Ральстон. Мои родители — Донна и Ларри Ральстоны из Энглвуда, Колорадо. Кто бы ни нашел это послание, пожалуйста, постарайтесь передать камеру им. Сделайте это. Я был бы вам очень признателен.

Я подолгу моргаю и почти не смотрю в экран камеры. Выгляжу жутко неопрятно из-за щетины, я зарос — в последний раз я брился дома в Аспене, четыре дня назад. Но что меня действительно пугает — это мой измученный взгляд. Глаза мои — два огромных, широко распахнутых шара, в которых отражается все мучительное напряжение последних суток. Огромные мешки оттягивают нижние веки.

Слова я произношу невнятно, вяло, в паузах между тяжелыми вздохами. Изо всех сил пытаюсь говорить разборчиво:

— Итак… Вчера я проходил через каньон Блю-Джон… В субботу… приблизительно без пятнадцати три, где-то близко к тому, я добрался до места, где Блю-Джон снова сужается в щель. Прошел несколько сбросов вниз свободным лазанием… Нормально пролез… добрался до второй группы каменных пробок… Здесь я сейчас и нахожусь. Один из валунов выскочил, когда я, спускаясь, нагрузил его. Он соскользнул, раздавил и зажал мою руку в капкан.

Подняв камеру, я снимаю то место, где мое предплечье и кисть уходят в камень, исчезают в невообразимо узкой щели между валуном-пробкой и стенкой каньона. Потом делаю панораму, поднимаю камеру выше, чтобы голубовато-серая рука была видна целиком.

— То, что вы видите, — это моя рука, входящая в скалу… и там она зажата. Кровообращения нет уже двадцать четыре часа. С большой вероятностью рука уже погибла. — Потом я поворачиваю камеру так, чтобы были видны якорь, стропа и спусковуха. — Эти веревки и вся эта система, которую вы сейчас видите, сделаны для того, чтобы я мог иногда садиться, чтобы мне не приходилось стоять все время. Когда произошел несчастный случай, я не спускался по веревке, я надел систему уже позднее, чтобы сесть. Я прикладываю массу сил, чтобы уберечься от переохлаждения. У меня осталось очень, очень мало воды. У меня было меньше литра, когда я оказался здесь. Сейчас у меня осталось примерно треть литра. С такими темпами вода кончится еще до утра.

Налетает порыв ветра, и секунд на пять я прерываюсь, неостановимо дрожа всем телом.

— Мне очень трудно сохранять температуру своего тела. Уф… И вообще, я в глубокой заднице.

Я морщусь, лицо мое перекошено, я прибит весом собственных слов.

— Никто не знает, где я, за исключением двух девушек — Кристи и Меган из Моаба, из тамошней «Аутворд баунд». Я встретил их вчера, когда шел к Блю-Джону. Потом они вышли Западным рукавом, а я пошел дальше… Я приехал на велосипеде, который оставил километрах в полутора к востоку от перевала Бёрр, у дерева, метрах в ста пятидесяти от дороги, с левой стороны, если ехать на юго-восток. Это красный «Тинн эйр Роки маунтин», он должен быть на месте. Велосипед пристегнут к дереву, ключ здесь, в моем кармане.

Опять начинает дуть ветер, его шум заглушает голос, и я прерываю запись. Жмурюсь так, чтобы песок не летел в глаза. Потом собираюсь с мыслями и запускаю запись снова — мне нужно рассказать о том, какие варианты спасения я перепробовал.

— Вот как я все это вижу… происходит одновременно четыре вещи… четыре способа освободиться. Э-э-э… Я тут дрожу. Э-э-э… Я попытался переместить валун веревками. Установил якорь и привязал веревки так, чтобы я мог вставать в них ногами. Пытался сдвинуть валун, но ничего не вышло.

Я трясу головой, борясь с волнами усталости, и зеваю.

— Я попытался раздробить валун. Судя по успехам, которых я добился за сутки напряженной работы, можно посчитать: чтобы разбить камень, понадобится сто пятьдесят часов работы. Если это вообще возможно. Одна из трудностей в том, что моя рука фактически поддерживает скалу. Это значит, что каждый раз, когда мне удается подрубить валун, он немного оседает, и камень точно так же продолжает давить на руку. Я не чувствую, как это происходит, движения микроскопические. Но промежуток между валуном и стенкой — вот тут — я вижу, что он становится меньше с тех пор, как я начал эту работу. Здесь видны следы осколков под веревкой. Там вы можете увидеть, что осколки засыпали веревку. Я сумел выкрошить довольно много в этом месте, где сейчас лежит веревка. И там, где вы не видите, тоже выкрошил, моя рука теперь накрывает следы. Это тоже потому, что камень сдвинулся.

Я остановился, чтобы облизать сухие губы и сделать большой и тяжелый вздох. Перечисление неудавшихся вариантов спасения наводит на меня уныние, и я слышу тоску в своем голосе.

— Так, про два варианта я сказал. Третий… Третий

заключается в том, чтобы отрезать себе руку.

Лицо перекашивает от недавних воспоминаний, приходится прерваться на десять секунд, прежде чем я могу продолжать неприятное объяснение плана, который ненавижу всем сердцем.

— Я сделал жгут и пару раз примерил его, думая о своих планах… Я был настроен сделать это… Но ампутация — это почти наверняка самоубийство. Отсюда — э-э-э… четыре часа хода до моего пикапа. Это получилось бы… Если бы это вообще было возможно на скальном участке четвертой категории… Мне пришлось бы идти тем путем, которым я сюда пришел, — это четыре часа, но там у меня нет никакого транспорта. Ну, в общем, у меня есть байк, но… мм… Выйти Западным рукавом — это было бы на два часа позже… спустя… меньше… два часа, возможно, два с половиной часа. Но там снова четвертая категория, которую мне, вероятно, не пройти с одной рукой. Выбирая между потерей крови и обезвоживанием, я исключаю первый вариант. Я думаю, что умру, если отрежу себе руку… Та-а-а-ак… Четвертый вариант — это если сюда кто-то придет. Это место — часть каньона, который сам по себе не особо популярен у туристов, а его продолжение и того меньше. Так что, думаю, вряд ли кто-то здесь появится раньше, чем я умру от обезвоживания и переохлаждения… Забавно… Температура — восемнадцать градусов, во всяком случае так было вчера в это же время. Сейчас, я думаю, на градус или два холоднее. Ночью было градусов двенадцать, терпимо. Но я долго трясся от холода. А когда просыпался, то начинал опять долбить валун. Но на самом деле я не спал — сидел и пытался заснуть.

Я начинаю излагать наиболее вероятный сценарий поисков:

— Итак, или кто-нибудь задастся вопросом, где я, потому что я не появлюсь на понедельничной вечеринке, или меня хватятся во вторник утром, когда я не выйду на работу. Но никто ничего не знает, кроме того, что я где-то в Юте. Возможно, найдут мой пикап. Но я думаю, что самое раннее, когда кто-то догадается, где я мог бы быть, — это среда или четверг. С сегодняшнего дня до того, как кто-то доберется до меня, пройдет как минимум трое суток. Судя по тому, как ухудшается мое состояние, будет удивительно, если я доживу до вторника.

Я с обреченностью понимаю, что прощаюсь со своей семьей и что, независимо от того, как ужасно я страдал и еще буду страдать в этой дыре, им будет гораздо хуже. Долгая пауза. Теперь самое трудное — мне надо как-то попрощаться с родными, как-то перед ними извиниться.

— Простите меня.

Тут на глаза наворачиваются слезы — приходится остановить

запись и вытирать их костяшками пальцев. Потом снова жму на кнопку:

— Мама, папа, я люблю вас. Соня, я люблю тебя. Ребята, я горжусь вами. Не знаю, что такое во мне привело меня к этой ситуации. Но это… это все, что я искал в этой жизни. Я вечно ухожу из дому в поисках риска и приключений, и только так я чувствую себя живым. Но я ухожу один и не говорю никому, куда иду, — это ужасно глупо. Если бы кто-то знал, где я, если бы со мной был кто-то еще, вероятно, помощь уже пришла бы. Даже если бы я просто сказал смотрителю или оставил записку у машины. Глупо, глупо, глупо.

Я в последний раз останавливаю запись, выключаю видеокамеру и убираю ее. Как я и сказал на пленку, наилучший вариант состоит в том, чтобы ждать возможного спасения. Я меняю стратегию. Я должен беречь тепло, строго контролировать потребление воды и, что наиболее важно, сохранять силы и рассудок. Теперь, вместо того чтобы активно пытаться освободить себя, я буду ждать, когда меня найдут.

ГЛАВА 6
Зимняя рапсодия

В конце концов меня затошнило от людей, включая меня самого, которые ничего не пытались добиться в жизни, которые делали только то, что были обязаны, а совсем не то, что могли бы. Они заражали меня этим одиночеством, что приходит в конце каждого дня, потраченного впустую. Я знал, что способен на большее.

Марк Твайт.

Мне больно, следовательно, я существую

Самое счастливое время в моей жизни — год, прошедший после того, как я уволился из корпорации.

Во время экспедиции на Денали мне повезло присоединиться к одной из сильнейших команд по приключенческим гонкам — «Бродячим псам», в которую входили Маршалл Ульрих, Чарли Энгл и Тони Дизинно. Я помогал руководителю команды Гэри Скотту во всем — от заказа продуктов и бронирования билетов до готовки, мытья посуды, переноски грузов, установки лагеря и принятия решений на восхождении. «Бродячие псы» были отлично подготовлены физически и морально, быстро осваивали ледовую технику и преподали мне несколько полезных уроков по работе в команде. В этом путешествии я получил опыт, благодаря которому был уверен, что смогу быть лидером команды и обучать людей туризму.

Когда я вернулся с Аляски в Колорадо, желание стать горным гидом по диким местам Запада только укрепилось. Двух малоопытных друзей из Чикаго я в окрестностях Аспена сводил в поход, совмещенный с пик-баггингом.[49] Еще одни мои друзья, из Флориды, впервые увидели дикую природу, когда вместе со мной путешествовали по колорадской пустыне Эскаланте. Я носил снаряжение в экспедиции известного пейзажного фотографа Джона Филдера. Он посол дикой природы в мире людей, своими фотографиями он пытается донести до человека ее очарование.

Он и разжег во мне желание стать гидом.

На летний сезон 2003 года я запланировал вернуться на Денали с несколькими друзьями из Нью-Мексико, Колорадо и Калифорнии и совершить скоростное рекордное восхождение по Западному контрфорсу. Текущий рекорд принадлежал Гэри Скотту, руководителю нашего мероприятия в 2002-м. В 1985 году он взошел с ледника Калхитна (2190 метров) на вершину высотой 6193 метра за восемнадцать с половиной часов. Я ходил на гору вместе с Гэри, знал, как ходит он, знал, как могу ходить я. Сладкоголосые горные сирены напевали мне, что я сумею побить его рекорд. Сделать соло я собирался в 2003-м после нашего группового восхождения — подняться на гору и спуститься менее чем за сутки. Для того чтобы вписаться в рекордный график, нужно было войти в сезон 2003-го в отличной форме, наилучшей, чем у меня была когда-либо.

В ноябре 2002 года я переехал в Аспен и немедленно нашел себе работу продавцом в магазине «Ют маунтинир»; там приходилось в основном очень много говорить с клиентами о телемарке, лыжных гонках и хождении на снегоступах, хотя мне самому очень хотелось заниматься телемарком, лыжными гонками и хождением на снегоступах. Разумеется, самые интересные байки я приберегал для коллег и начальства. Аспен оказался городом моей мечты: помимо того, что, живя здесь, я мог тренироваться, фактически не отходя от дома, помимо того, что вблизи находилось девять непростых четырнадцатитысячников, еще казалось, что город наполнен моими единомышленниками.

Самой приятной трудностью этой зимы была борьба между желанием пойти развлечься (по барам, на вечеринку или на концерт) и необходимостью тренироваться. Довольно часто я пытался втиснуть трехчасовую тренировку на беговых лыжах в перерыв между полусменами или же успеть перед работой лыжное восхождение на одну из четырех вершин Аспен-Сноумасс. Кульминацией таких попыток были дни, когда я отправлялся на вечернюю тренировку на снегоступах сразу после работы, а затем с друзьями зависал в клубе до поздней ночи. Если в Аспене не находилось приличного концерта, мы могли всей компанией рвануть в Вейл, а то и в Денвер или Боулдер, оттянуться и вернуться той же ночью. Никакой рутины, ни минуты скуки.

Аспен — город лыжников, и мне там очень нравилось. Мы с друзьями сумели устроить так, чтобы жизнь стала как мечта, а мечта стала жизнью. Мы получали мизерную зарплату в одном из самых дорогих городов мира, но знали множество хитростей и

умели находить возможности для бартера. Например, на работе нам выдавали пропуска на подъемник на три дня в неделю, но мы исхитрялись кататься по ним все пять дней — надо было просто подняться своим ходом к самым верхним подъемникам, а там не было автомата для сканирования пропусков. Я быстро понял, куда надо пойти, чтобы покататься по целине, если после снегопада кто-то уже раскатал трассу. Перед тем как метнуться в лес, на присмотренный крутяк с полуметром пухлого снега, я мог небрежно бросить кому-нибудь проплывающему мимо на подъемнике: «Места надо знать».

За пределами лыжных трасс и курорта безграничные общественные земли предлагали массу возможностей для активных развлечений. Когда не получалось на халяву, мы находили всяческие скидки: промоушен-цены на высококачественное снаряжение; знакомые в кафетерии брали с нас меньше как с постоянных клиентов; друзья организовывали щедрые вечеринки с ужином; вышибалы и бармены благосклонно кивали, видя знакомое лицо, а то и наливали на халяву. И вдобавок — лучший снег в этих краях за последние пять лет.

Как только зимний сезон наступил официально, я сосредоточился на соло-восхождениях. Чем дальше, тем более сложные четырнадцатитысячники и более сложные маршруты я выбирал. Мне повезло: помимо работы, соседей по квартире и друзей, с которыми я развлекался и ходил на концерты, я мог похвастать еще и ангелом-хранителем, который, судя по всему, не возражал поработать сверхурочно, когда я выходил на маршрут.

Через день после Рождества я отправился на первое восхождение, на смежные четырнадцатитысячники Кэстл и Конандрам, и дважды прошел маршрутом, который Лу Доусон, местный гуру лыжных походов и автор путеводителя, назвал «путешествием в долину смерти».

9 января я поставил свой лагерь под северной стеной живописного пика Северный Марун. Так как после Нового года лавинная опасность в горах сильно возросла, мне пришлось отказаться от стандартного маршрута на Северный Марун. Взамен я пошел на пик Пирамид по западной стене, хоть это и было рискованно: в крутой западный цирк высотой 4206 метров пургой намело очень много свежего снега. Лавины были готовы к взрыву и ждали только, когда спусковой крючок по имени Арон ступит на опасную часть склона.

Я спускался по вершинному гребню. Чтобы преодолеть пятиметровый скальный сброс, я взялся за зацепку, перекатился, балансируя на разрушенных сланцевых плитках, и отпустил руки. Пролетев метр с небольшим, приземлился на широкой —

примерно метр — плоской полке. Перекатившись через второй скальный сброс, я закрепился, прежде чем медленно подползти еще три метра к верхнему краю заснеженного цирка. Отсюда и до самого леса вел спуск, от которого замирало сердце. Чтобы не идти по скользкому участку, покрытому тридцатисантиметровым слоем лавиноопасного снега, я попробовал спускаться не тем путем, каким поднимался. Спуск прошел без приключений, иногда мне приходилось спускать перед собой этакие мини-лавины, чтобы уплотнить снег, и только потом ступать на него. Я никогда не срывался на зимних восхождениях, и в этот раз мне тоже повезло. Оступись я с полки — и наверняка вызвал бы лавину, наверняка покалечился бы. Но я был напуган и соблюдал предельную осторожность.

Весь январь я лазал на четырнадцатитысячники, начиная с пика Пирамид, и каждый раз едва избегал смертельной опасности. При восхождении на Холи-Кросс безумно холодная ночь застала меня на высоте четыре тысячи метров из-за ошибки в описании траверса горы Нотч. Я ночевал на полочке шириной в полметра чуть ниже седловины между двумя четырехтысячными вершинами и чуть выше обрыва в пятисотметровый крутой снежный кулуар. Мне нужно было только одно — горячая еда и питье, я потратил очень много сил, и нужно было обязательно их восполнить. Организм требовал горячего «Гаторада»[50] и разведенного кипятком сухого картофельного пюре. Путь в девятнадцать километров привел меня на вершину Нотч, но так как я рассчитывал до темноты выйти к скальной пещере, то палатки с собой не взял. Однако пещера находилась у Южной Нотч, а я застрял на Северной. Плюс глубокий свежий снег, плюс ошибка в описании маршрута, которое предписывало траверсировать восточный склон южной вершины, тогда как надо было западный, — в общем, я потратил кучу времени, все силы и воду. В какой-то момент я понял, что нахожусь на неправильном пути, но был уже сильно вымотан для того, чтобы вернуться на седло и пойти верным маршрутом.

В эту ночь небольшое резиновое колечко — уплотнитель топливной бутылки — едва не стоило мне жизни. Каким-то образом оно защемилось в топливной трубке горелки, и, после того как я открыл клапан, бензин минут пять хлестал на снег. Прежде чем я понял, почему огонь такой слабый, я потерял три четверти бензина. Тогда я засунул покореженное кольцо в рот и попытался выправить его языком. И тут увидел, что с запада надвигается пурга. С одной стороны, необходимо было немедленно найти убежище, но с другой — восстановить силы, а

всухомятку я просто не смог бы ничего в себя протолкнуть. Поэтому в первую очередь мне нужна была надежно работающая горелка. Я начал размышлять о том, что на свете есть очень много вещей, которые отделяют жизнь от смерти, и эти вещи порой принимают самые разные формы. Иногда они очевидны: расстояние от вас до места, куда ударила молния; ремень безопасности, который удерживает вас, когда вы врезаетесь в оленя на скорости сто тридцать километров в час; быстрая реакция друга, спасающая вас, когда вы тонете в реке Колорадо. Другие вещи не столь очевидны: микроскопическая спиралька ДНК дает вашему телу возможность бороться с инфекцией, и вы никогда не узнаете даже, что на вас нападало. Или вы отказываетесь от восхождения на одну гору и идете на другую — и вас минует удар камня, упавшего в тот день на маршруте, на который вы не вышли. Мы живем, не замечая этих вещей, потому что каждый день выживаем миллион раз, не замечая этого, не замечая того, что постоянно рискуем. Затем опасность подходит совсем близко, и мы резко осознаем значение какой-то доли сантиметра или доли секунды. Но в тот раз все было ясно: моя неработающая горелка могла стать причиной того, что я останусь на горе навсегда, — и я начал присоединять топливную трубку к фланцу.

Я извлек трехмиллиметровое колечко и стал изучать деформированную часть, но руки у меня тряслись, и кольцо я уронил. Оно упало куда-то в темноту, и одна из тех вещей, о которых я только что размышлял, со всей ужасной очевидностью предстала передо мной. Самый кошмар был в том, что я мог уронить его с полки. Светя себе налобным фонарем, я голыми пальцами рылся в снегу — и нашел черное резиновое колечко. Через пять минут горелка шумела, снег топился, и я понял, что поймал свой шанс.

Чем дольше я боролся с пургой, тем труднее становился траверс. Из-за летящего в лицо снега и режущего ветра я не мог снять очки. Но и в очках я ничего не видел: зеркальные фильтры пропускали не более половины света от налобника. Поэтому, чтобы найти подходящий путь, очки приходилось сдвигать наверх. После часа крутого траверса непросматриваемых склонов, круто обрывающихся вправо, я вышел на живую снежную доску. Доска лежала чуть ниже покрытых льдом скальных сбросов, которые все-таки метров на пять просматривались. Я попытался пролезть по скале, но смог преодолеть только метров десять, пока склон не стал для меня слишком сложным. В принципе-то я мог карабкаться вверх по смешанному рельефу в своих пластиковых телемарковских ботинках, но обледеневшие скалы пятой

категории — это чересчур, особенно с тяжелым рюкзаком на спине. Еще час я пытался пробиться через скальные сбросы и в итоге все-таки нашел путь на южную вершину. Когда же я добрался до пещеры, то увидел, что она забита снегом. Я слишком устал, чтобы разгребать снег, поэтому просто вытащил спальный мешок, заполз в него и отключился.

На следующий день пурга прекратилась, но мне предстояло два раза траверсировать гребень Хало горы Холи-Кросс, и меня беспокоило, успею ли я это сделать. Для того чтобы от пещеры дойти до главной вершины, я должен был взойти и траверсировать три промежуточные вершины — каждая из которых была выше 4000 метров. После этого мне нужно было вернуться, и опять через эти три вершины. И после того как я вернусь к пещере, мне нужно будет пройти в обратном направлении весь путь через две вершины горы Нотч. И только преодолев девять вершин высотой около 4000 метров, я возвращался к своим лыжам. А потом меня ждал пятнадцатикилометровый спуск с финишем у автомобиля. Из-за вчерашнего происшествия с горелкой и потери бензина я смогу натопить только два литра столь ценной воды — менее чем половина того, что мне требуется. Если не смогу натопить нужное количество воды, я не смогу приготовить овсяные хлопья и белковый коктейль на завтрак, а значит, мой рацион сведется к пяти шоколадным батончикам — единственная имеющаяся у меня еда, которая не требует приготовления. Организму на день тяжелой работы требуется вдвое больше.

Солнечная и теплая погода, красивый впечатляющий пейзаж быстро разогрели мою самоуверенность, и об отступлении я больше не думал. Я опомниться не успел, как быстро — всего за пять часов — пролез гребень Хало и оказался на вершине Холи-Кросс, откуда очень четко рассмотрел и лыжные трассы, и главные вершины хребта Элк, окружающего Аспен с запада. Во время восхождения я должен был полагаться на свои силы, на свою акклиматизацию и идти так, чтобы не выходить за границы возможностей организма, но не допустить и того, чтобы организм заголодал. Я понял, что, если буду избегать ненужных движений, моя выносливость будет гораздо выше. Через час после того, как ушел с вершины, я шагал по следам, оставленным моими же телемарковскими ботинками, вдоль пологого гребня, который должен был вывести меня на каменистое поле южной предвершины Холи-Кросс. На подветренной стороне подковообразного скального выхода висел большой снежный карниз.

Неожиданно снег впереди меня издал резкий звук, и я

инстинктивно прыгнул вправо, зацепился за скалу. Быстро бегущая трещина прочертила полукруг вдоль всей границы подковообразной скалы, отделяя карниз от дальнего края снежного поля до того места, где я находился секунду назад. Пока я прыгал по скалам в поисках безопасного местечка, снежное поле отвалилось и исчезло внизу. Что меня поразило: после первого треска, с которым отломился карниз, больше никаких звуков, никакого шума не было. Перебравшись по камням к южному краю дыры, которую только что проделал, я осторожно выглянул за обрыв. В ста пятидесяти метрах ниже сорванный карниз рассыпался на склонах чуть выше замерзшего берега озера Баул-ов-Тиэрс. Я осторожно отполз от обрыва, думая, какой печальной судьбы мне удалось избежать. Перед моим мысленным взором так и вставал вид моего размолоченного тела, перебитого скальным выступом, валяющегося посреди снежного месива. «При таком падении не выжить, это без вариантов, — подумал я. — Валялся бы внизу с размозженной башкой под тоннами снега и льда». Самое же неприятное, что я никак не отметил этот карниз по пути вверх. Я оглянулся: мои следы обрывались у края пропасти. Карниз мог обвалиться; это непреложное свойство всех карнизов — рано или поздно они обваливаются. Мне просто повезло.

Пройдя через все промежуточные вершины и через две вершины горы Нотч, я перепаковал рюкзак и вернулся к своим припрятанным лыжам уже в сумерках. До машины оставалось двенадцать километров по расстоянию и 1200 метров по вертикали, их я прокатил на лыжах уже в серебристом свете луны. Около девяти вечера, когда гнал вниз на лыжах по заснеженной летней дороге, на безлесом склоне я вспугнул оленя. Он метнулся в лес, непринужденно пропахивая полутора-двухметровый рыхлый снег. Вспоминая свое неловкое продвижение по лесу на лыжах в таком же снегу, я позавидовал оленю. Впрочем, по сравнению с голодной волчьей стаей олень будет таким же неуклюжим, как я по сравнению с ним.

В следующий вторник, почти сразу после того, как я вернулся из своего пятидесятикилометрового путешествия на Холи-Кросс, мой сосед Брайан Пейн серьезно упал, катаясь на лыжах, и в тяжелом состоянии загремел по скорой в интенсивную терапию. Через несколько минут после того, как я прибыл в Больницу долины Аспен навестить Брайана, выяснилось, что мой друг Роб Купер лежит там же на операционном столе после падения на сноуборде. Купер сломал правую кисть, лучезапястный сустав и лучевую кость. Брайан пролежал восемь дней в интенсивной терапии и еще пять дней в реабилитации с коллапсом легкого,

раздавленной почкой и шестью ребрами, сломанными в двадцати двух местах. Роб пролежал в больнице две недели. В четверг я уехал в Боулдер, чтобы подняться на пик Лонгс. Маршрут был не таким длинным, как на гребень Хало, зато технически более сложным. До отъезда я навестил Брайана и Роба еще два раза и отправился в Боулдер с неспокойным сердцем. Разумеется, в основном я волновался за их здоровье, но был и еще один момент: несчастный случай с моими друзьями явно показал, насколько мне повезло в последних восхождениях.

Если Холи-Кросс был последним в моем списке четырнадцатитысячником из хребта Саватч, пик Лонгс должен был стать последним из Передового хребта. На этот раз я собирался идти на восхождение не один, а со своим другом Скоттом Макленнаном. Мы планировали подняться по северной стене, по так называемому тросовому маршруту. Там еще в тридцатые годы закрепили тросы, чтобы облегчить восхождение простым туристам, ходившим на эту гору самым прямым маршрутом. Когда мы вышли, ужасный штормовой ветер не давал нам идти, но к полуночи мы добрались до места нашего передового базового лагеря — каменистой осыпи Боулдерфилд. Но тут, на высоте 3800 метров, Скотта серьезно прихватила горная болезнь, и, ко всему прочему, моя горелка опять работала отвратительно. Я сумел отогреть у себя на животе одну порцию чечевицы в фольговом пакете настолько, что мы смогли ее съесть. Но этого было явно недостаточно, чтобы восполнить потери организма на таком маршруте. К утру отдых не принес Скотту облегчения, так что мы благоразумно прервали наше путешествие и вернулись в Боулдер, к горячей пище, восстанавливать силы.

На следующее утро, в субботу, Скотт подвез меня все к тому же началу маршрута, и мы договорились, что он вернется за мной через десять часов. И я двинулся наверх в одиночное восхождение, причем пешком: пик Лонгс необычен тем, что ветер сдувает с его склонов практически весь снег, так что от лыж проку мало. Выйдя на 3900 метров к Кейхол — первый раз вернувшись к этому месту за восемь лет, — я увидел, что наветренные склоны и жандармы[51] западной стены и северного гребня покрыты толстым слоем инея. Ветер, проносясь над горой, высушивает воздух ниже точки росы, затем иней конденсируется на любой открытой поверхности, когда переохлажденные водяные пары соприкасаются с верхними склонами. Ледяные грибоподобные образования, стоящие на протяжении всего гребня, показывали, что в основном здесь дуют штормовые западные ветра. Особенно вдоль скального ребра, расширяющегося к западу от верхней

части кулуара Траф и Нэрроус. Пик Лонгс был моим первым четырнадцатитысячником, и сейчас я шел к вершине тем же маршрутом, что и восемь лет назад.

Так как я не надел кошки и не достал второй ледовый инструмент из рюкзака, я старался избегать участков, покрытых льдом. И по той же причине я не пошел по Хоумстреч — этот путь был покрыт толстой ледяной коркой. Я пошел траверсом, преодолел шестидесятиметровое поле глубокого снега, переходящее в серию полок, за которыми шел вертикальный камин с коротким нависанием в самом конце. Уперевшись ногами в правую стенку камина, спиной — в левую, я снял рюкзак, чтобы пролезть через нависание. И тут меня подвели не навыки скалолаза, а навыки баскетболиста.

Я попытался зашвырнуть рюкзак через нависание прямо на вершину. Это была не самая лучшая идея, бросок получился слабым, и, вместо того чтобы приземлиться на большое — размером с футбольное поле — вершинное плато наверху, мой рюкзак ударился о нависание и улетел вниз и налево от меня. Потеряв равновесие от броска, я крутнулся вокруг оси как раз вовремя, чтобы увидеть, как рюкзак проносится над моей головой и, отчетливо видный на фоне стены, уходит в свободный полет. Пролетев метров тридцать, он врезался в снежный склон слева от цепочки оставленных мною следов и, набирая скорость, заскользил вниз, к шестисотметровой пропасти. Но в последний момент чудесным образом застрял в полуметровой трещине посредине скальной плиты.

Я не дышал, боясь поверить в чудо, но мое восхищение Божьим промыслом разом испарилось, как только я понял, что мои кошки и второй ледовый инструмент, которые очень пригодились бы для спуска по Хоумстреч, лежат в этом самом рюкзаке. Я перелез через нависание, прогулялся через едва различимую высшую точку плато и сделал несколько фото. Потом вышел и сел на камень, нависающий над маршрутом Даймонд — известной восточной стеной пика Лонгс. Абстрагировавшись от неприятностей, я наслаждался ощущением огромной пропасти, раскинувшейся под моими ногами. Но где-то далеко все равно свербила мысль о том, что мне надо выручать рюкзак. И как я буду это делать?

Несколько минут спустя я начал спуск по Хоумстреч, сурово сжав зубы и наморщив лоб; я сделал несколько движений вниз, глядя в штормовые облака. Вскоре глубокий снег стал мельче, и под ним появился лед, хорошие летние зацепки превратились в гладкие смазанные бугорки. Я повернулся лицом к склону и начал сначала правым, потом левым ботинком искать точку

опоры. Глядя на левую ногу и стараясь не замечать пропасти за спиной, я счистил снег с небольшого выступа, который держал мою ногу, когда я нагрузил ее. Вогнав для поддержки клюв своего инструмента в сантиметровый участок рыхлого льда, я сделал еще три шага вниз и оказался в надежной трещине около камня. После этого я опять повернулся спиной к склону, сел на задницу и съехал по каменной плите до следующего заснеженного скального сброса.

Мне было нужно спуститься метров на десять к нескольким скальным отколам, которые отставали от каменной плиты примерно на дюйм. Держась за эти хорошие зацепки, я мог переместиться на шесть метров вправо. У меня было два варианта: я мог пойти налево, как и стоял, лицом к склону, — и через три довольно простых шага выходил на пятиметровый траверс через плиту. Траверс достаточно крутой, зато чистый, безо льда и снега. Второй вариант: я мог спуститься прямо вниз по снежному желобу справа от плиты, следуя обычному маршруту восхождения и спуска, и таким образом избежать опасного траверса по плите.

Иди по снегу. На плите слишком мало зацепок, это очень рискованно.

Первые четыре шага я спускался в снежном желобе. Мне удавалось найти надежные зацепки для рук и достаточно быстро и безопасно спускаться. Я опять двигался спиной к склону, скользил задницей по снегу. А руки я раскинул в стороны, упираясь ладонями в серовато-бурый гранит желоба. Мой ледоруб свободно болтался на темляке, надетом на кисть, и позвякивал каждый раз, когда я дергался корпусом, чтобы переместить руки чуть дальше по скале. После того как я достаточно легко спустился на три метра, моя левая нога быстро заскользила вниз по льду, скрытому под снегом. Опустив тело так, что правая нога подогнулась под самые ягодицы, я тянул левую ногу все ниже, но она соскальзывала при каждой попытке. Да, именно здесь мне очень пригодились бы кошки.

Схватив головку ледоруба в левую руку, я воткнул его в снег до самой скалы. Нагрузив ледоруб, я смог потянуться левой ногой еще на пятнадцать сантиметров, но не нашел чистой ото льда зацепки для ноги. Все это было бы детской игрой, будь на моих ботинках те самые несколько металлических зубьев. Я проклял себя за то, что сделал эту ошибку — упустил рюкзак. Я крутнулся слишком далеко на правую ляжку, вытянул подошву правого ботинка в снег, но ее выдернуло, и я сорвался. Инстинктивно я перевернулся на живот и схватил древко ледоруба в правую руку. Я был в позиции самозадержания, но мое тело скользило ниже

ледоруба, ноги скользили по скальной плите, я почти не нагружал клюв ледоруба, к тому же на него надо давить постоянно, а у меня это не получалось. Вот ледоруб вырвало из склона, и я заскользил вниз, туда, где снег заканчивался и начиналась сорокаградусная скальная стенка. Набирая скорость, я чувствовал, как гранитные крошки скребут мои водонепроницаемые штаны выше коленей. Сквозь закрытые глаза я видел, как жадная утроба пропасти зияет внизу, дыхание мое прервалось. «Это все, — подумал я, — шансов никаких».

Пытаясь воткнуть ледоруб в плиту, чтобы остановиться, я подтягивался на древке, поочередно перемещая плечи. Клюв скользил по плите, раздавался противный скрежещущий звук стали по граниту. Я потратил немало сил, чтобы держать глаза закрытыми. Я не хотел видеть, как стенки желоба скользят все быстрее и быстрее, пока сила тяжести не схватит меня за шкирку и не бросит на крутую стенку, вдоль которой я полечу в шестисотметровую пустоту, безжизненный, как тряпичная кукла.

Ледоруб издал еще один пронзительный визг, и вдруг я резко затормозил. От страха, от осознания того, что больше не падаю, меня парализовало. Осторожно я открыл глаза — боялся, что даже движение моих век нарушит равновесие и я опять сорвусь и отправлюсь дальше в свой смертельный полет. Сначала я увидел, что завис посреди не сильно выступающей из склона плиты и что пролетел я всего лишь расстояние в два человеческих роста. Что же задержало меня в таком совершенно невероятном месте? Наклонив голову влево, я бросил взгляд на древко моего ледоруба, потом на кончик клюва, и… не увидел его. Судя по всему, я с такой силой вдавил клюв инструмента в гранит, что его практически приварило к голой скале. Других версий мне в голову не пришло, я не увидел на скале ни трещины, ни полочки, ни бугорка, ни выступа, ни откола. Только чистый обыкновенный гранит, грубый, как необработанный бетон. Именно он чем-то схватил меня прямо за кончик железного клюва и уберег от неминуемой гибели. Еще не веря в спасение, я вдруг осознал, что телу все-таки нужен кислород, и сделал несколько судорожных вдохов. И только через минуту двинулся дальше, изредка поглядывая через левое плечо на путь, который мог закончиться в пропасти.

Я не помню, как все-таки вышел из того положения, в котором задержался, перебрался к камню слева и устойчиво встал. Тем не менее уже достаточно скоро я стоял на ногах и осматривал путь моего дальнейшего спуска. Что я знаю точно, это то, что я ни разу не посмотрел в пропасть, а сосредоточил все внимание на оставшемся мне траверсе чуть ниже двух скальных

выходов. Я прошел первый откол и за ним обнаружил снежное поле с большим количеством льда, по нему мне нужно было спуститься, одновременно траверсируя. Отчаянно вцепившись правой рукой в откол на одном из скальных выходов, я левой рукой махал ледорубом, вырубая лопаткой ступеньки для носков ботинок. За десять минут я преодолел эти восемь метров льда — последнее препятствие на Хоумстреч — и вышел к своим старым следам. Отсюда уже было просто добраться до той трещины, где задержался мой рюкзак. Первым делом я вытащил и привязал к ботинкам кошки — теперь я был полностью экипирован для спуска. Я легко пересек очередную обледенелую плиту, пошел вниз и вскоре встретил Скотта, который ждал меня у начала маршрута.

За четыре недели я сделал два технически сложных маршрута и два полегче, но очень длинных. Одно из восхождений включало лыжный поход в северо-западную долину горы Сноумасс, четырнадцатитысячника из хребта Элк. После таких приключений я почувствовал себя готовым к самому трудному восхождению в моем проекте — соло на пик Кэпитол. Предыдущие маршруты были либо длинными, либо сложными, этот сочетал в себе и то и другое. Из всех четырнадцатитысячников пик Кэпитол был самым сложным. Он был такой же технически сложный, как пик Лонгс или пик Пирамид, он был такой же опасный, как Марун-Беллз (гора, которую иногда еще называют Дедли-Беллз).[52] Но я хорошо знал подходы, знал состояние снега, и я был на пике своей спортивной формы и акклиматизации. Пожалуй, самой знаменитой деталью пика Кэпитол был Найф-Ридж[53] — стометровый тонкий гребень, который вел к вершине на высоте 4100 метров, обрываясь на восток, до самого берега озера Пьер, пятисотметровым крутяком со множеством перегибов и карнизов. На запад гребень обрывался восьмисотметровым обрывом до озера Кэпитол. Но одним лишь острым и опасным Найф-Ридж трудности не ограничивались, ключевой участок был после него, на вершинной башне.

Холодным утром 7 февраля 2003 года я вышел из своего передового лагеря, расположенного на замерзшем берегу озера Мун. Для восхождения в таких гиперборейских условиях я надел свои ски-туры[54] и решил идти на них, пока склон не станет настолько крутым, что камуса перестанут держать. Это случилось где-то на 3900, там я засунул лыжи в рюкзак и начал торить по сорокаградусному склону канаву глубиной где два, а где и два с половиной метра, барахтаясь в рыхлом бездонном снегу. По склону я поднимался на промежуточную вершину, которую

неофициально называли К2.[55] Так как по снегу я хотел спускаться на лыжах, мне пришлось втащить их до К2, и только там их уже можно было оставить. Потом я нацепил кошки на ски-тур-ботинки и вылез на Найф-Ридж. Так как здесь преобладали западные ветра, то огромные карнизы нависали с восточной — левой — стороны гребня.

Опасный участок начался где-то на середине гребня, и, для того чтобы его пересечь, я сел на него верхом, свесив ноги по разные стороны. Но из-за карнизов, которые могли рухнуть подо мной в любой момент, я все время держал ледоруб наготове, чтобы намертво вцепиться им в скальный гребень, если вдруг меня сорвет. Гребень был узкий и острый, как лезвие ножа; как только я перемещался по нему вперед и наваливался всем весом, из-под моей левой ноги срывался карниз. От каждого такого движения Найф-Ридж вздрагивал под моей промежностью. Комья снега падали в нереальной тишине, и под ногами вдруг резко открывалось пространство. Я полностью сосредоточился на том, чтобы аккуратно делать все необходимые движения: найти подходящее место, лучше всего трещину, поставить туда кошку, рывком переместить тело на пятнадцать-двадцать сантиметров. Найф-Ридж я пролез довольно быстро и, чтобы отметить преодоление опасного участка, достал цифровой фотоаппарат и сфотографировал свою широкую улыбку.

Барахтаясь в снегу, я победил последние сто пятьдесят метров и в 11:45 оказался на вершине пика Кэпитол. Итак, я завершил сорок третье зимнее соло на четырнадцатитысячник; я стоял на вершине, о которой мечтал пять лет, и наконец-то был уверен, что завершу свой проект. Я снял свое ликование на видео, сделал несколько фотоснимков и обратно через опасный траверс вернулся к своим лыжам около К2. Ко второй половине дня я оказался в тени от верхних склонов горы, и температура сильно понизилась. Пока я поднимался в глубоком рыхлом снегу, пока копал канавы на подъеме, в мои перчатки набился снег, и они промокли. С наступлением вечерних морозов эта влага схватилась в лед, и сейчас мне приходилось постоянно снимать перчатки и вычищать его с подкладки.

Но, спускаясь на лыжах с К2, я больше заботился о состоянии склонов, чем о своих руках. Да и спуск был восхитителен: первые несколько серпантинов, которые я описал на склонах К2, можно, наравне с первым серпантином на спуске с Гарварда, занести в шорт-лист моих любимых внетрассовых спусков. Но, спустившись в лагерь на озере Мун, я уже знал, что с правой рукой какая-то беда: что бы я ни делал, ощущение тепла в нее не возвращалось. Я разжег горелку и держал руки над огнем до тех пор, пока

подкладка перчаток не оттаяла, но кончики пальцев тем не менее ничего не ощущали, даже жара горелки. Содрав с рук уже горячую подкладку, я увидел свои мраморно-белые пальцы, и это меня не обрадовало.

Мне надо было как можно быстрее спускаться вниз, я даже не стал готовить себе еду. Нет, не то чтобы обморожение меня сильно напугало, я воспринял это как данность. Я совершил восхождение на вершину в отличном стиле, и эти тридцать часов на горе полностью удовлетворили мою страсть к подобным приключениям. Да, я поморозил восемь пальцев, включая большие, это плохо, и надо постараться свести неприятные последствия к минимуму. Но обморожение — неотъемлемая часть такого приключения, от этого никуда не денешься. Пока я не знал, насколько серьезно поморозился, но имело смысл поторопиться. Подкладка перчаток подсохла, и я натянул их на руки, чтобы уберечь те от холода на время одиннадцатикилометрового спуска на лыжах.

Когда я вернулся в Аспен, то, вместо того чтобы пойти в больницу (что, в общем-то, надо было сделать сразу), я решил бороться с обморожением самостоятельно. Для начала, чтобы нормально пережить следующую часть процедуры, я принял четыре таблетки самого сильного обезболивающего, которое у меня нашлось. Через полчаса, дождавшись, когда лекарство начнет действовать, я наполнил раковину горячей водой и поэкспериментировал, насколько должен быть открыт кран, чтобы поддерживать в заткнутой раковине температуру горячей ванны. Опустив руки в раковину, я наблюдал, как мои пальцы из белых превращаются в черные, красные, оранжевые и зеленые, и периодически вскрикивал от сильной пульсирующей боли. Время от времени я должен был хватать правую кисть левой рукой, чтобы от конвульсий она не выскочила из воды: правая рука пострадала больше и болела сильнее. Хорошо, что я был один — соседи были в отъезде, — иначе кто-нибудь наверняка решил бы, что здесь кого-то зверски убивают, и вызвал полицию. Целый час я смотрел на пальцы, раз за разом ожидая появления пузырей. Пузыри означали бы, что ткань не повреждена необратимо и вернется к первоначальному состоянию, хотя обмороженные ткани никогда не вылечиваются полностью и не восстанавливают целиком своих свойств. Если пузыри не появятся, значит, обморожение серьезное и я могу частично потерять пальцы.[56] Когда же один за одним на пальцах стали появляться мучительно болевшие пузыри, я был благодарен им за эту жгучую боль.

У меня в планах стояли еще две горы — Марун-Беллз в хребте Элк, но имело смысл недель на пять взять паузу и

подлечиться. К тому же мне было чем заняться, пока на моих пальцах нарастала новая кожа. Например, *Phish* отправлялись в первый тур на Западе за последние три года. Еще я собирался устроить небольшой поход в более или менее цивилизованном районе гор — там были приюты — с несколькими друзьями из Нью-Мексико. Плюс, разумеется, многочисленные занятия телемарком с друзьями из Аспена. Но даже этот «отпуск» не обошелся бы без риска.

Через две недели после восхождения на пик Кэпитол я вышел восточнее горы Холи-Кросс, к хребту, у которого должен был встретиться с шестью друзьями из Совета горных спасателей Альбукерке. Пятеро из них собирались в свой традиционный ежегодный лыжный поход, и я решил присоединиться к ним. В этом году нашей целью была хижина Фаулера-Хилларда на пике Резолюшн. Мы встретились в Лидвилле, в складчину закупились едой и напитками и поволокли это все в своих рюкзаках к хижине. Та называлась хижиной 10-й горной дивизии в честь горных стрелков, которые во Вторую мировую войну участвовали в злополучной операции на хребте Рива в Италии. Главная тренировочная база дивизии была в Кэмп-Хейле, на полпути между Лидвиллом и Вейлом. Многие ветераны после войны вернулись в Колорадо, они любили лыжи и хорошо знали эти места. Поэтому именно бывшие горные стрелки сыграли огромную роль в развитии лыжного спорта в Колорадо и в послевоенном горнолыжном буме. Лыжные курорты Брекенридж, Вейл и Аспен были самыми крупными предприятиями ветеранов горных войск. Когда уже в восьмидесятые стали устанавливать приюты, их называли в честь людей, которые отправились в Европу и отдали свою жизнь за свободу. А именно свободу я больше всего ценил, именно ее искал в горах.

После пяти часов пахоты в полуметровом свежевыпавшем снегу на протяжении девяти с половиной километров мы с удовольствием сидели в хижине, которая на выходные стала нашим домом, и с аппетитом закусывали. Мы поглощали устриц, острый хумус, моллюсков и копченую рыбу на крекерах, запивая бессчетными кружками горячего какао и шнапса. Я выглянул в окошко и жутко захотел скатиться в восточную часть цирка пика Резолюшн, который высился прямо напротив хижины. Желание — нет, это была настоящая страсть — оказалось неодолимым, и я начал собираться. Двое горных спасателей присоединились ко мне и стали натягивать ботинки, отбирать лавинное снаряжение, необходимое для нашей короткой вылазки.

Мы стартовали в полпятого и к четверти шестого по

заглаженному ветром северо-восточному ребру вышли на пик Резолюшн, вершину высотой 3600 метров. Темнота наступала быстро, но, пока я и Марк ждали Чедвика, мы за пятиминутную остановку успели оглядеть хребет Континентал на востоке, водораздельный хребет Игл-Ривер и гору Холи-Кросс на западе. По ту сторону национального парка Уайт-Ривер, всего в пятидесяти километрах (но в трех часах езды на машине от нашей парковки), был мой дом — Аспен. Я подробно рассказал Марку о моем соло на Холи-Кросс и последующем ночном спуске на лыжах с седла высотой 3800 метров и про встречу с оленем в долине. Я также рассказал о происшествии с резиновым колечком, о холодной ночевке и о том, какой восторг затем ощутил на гребне Хало.

Хотя это было нашим первым совместным восхождением, я знал, что Марк — один из самых сильных альпинистов в своей команде спасателей, я восхищался его умением обращаться с альпинистским и спасательным снаряжением, его хорошей подготовкой в оказании медицинской помощи, его опыту гида. Рассказывая ему в деталях об одном из своих последних восхождений, я, разумеется, хотел произвести на него впечатление, точно так же как и он хотел впечатлить меня, рассказывая о своих ледовых восхождениях в Канаде. Надо сказать, его спокойный ответ меня удивил:

— Меня такие приключения не вдохновляют, Арон. Я никогда не стал бы ходить в горах так, как ходишь ты. Но я думаю, это подходящий для тебя стиль, ровно настолько, насколько это тебе нравится.

— Да, верно. Я живу так, как мечтал.

Марк сказал, что одиночные зимние соло-восхождения никогда его не привлекали. Но казалось, он согласен с тем, что я делал их по правильным причинам — не для того, чтобы хвастаться, не для того, чтобы произвести впечатление на других, а просто потому, что это мне нравится. Это была тонкая проверка того знания, которое я открыл для себя некоторое время назад, и я был рад, что Марк меня понимает.

Как только Чедвик тоже вышел на каменистую вершину, мы сфотографировались и начали спуск. Марк повел нас по уплотненному ветрами гребню, этот путь был безопасен, но неприятен для лыжного спуска из-за тонкого жесткого снега. После того как я поскользнулся и упал, пытаясь обойти торчащий корень, я крикнул Марку:

— Эй! Это отстой! Свалю-ка я на свежак!

Я взял в «Ют маунтинир» в прокат лыжи специально для целины, и у меня прямо-таки зудело попробовать их в заваленном

свежим снегом цирке. Это было ровно через год после того, как я «отстегнул пятку» — начал осваивать телемарк. Чедвик был первым, кто показал мне несколько базовых движений этой техники, и мне хотелось похвастать ему, насколько я усвоил его науку. Я съехал с гребня и покатился траверсом по сорокаградусному склону верхней части цирка, увязая в снегу все больше и больше.

Марк остановился на гребне чуть ниже меня. Чедвик был рядом со мной, траверсируя склон параллельно и чуть выше моих следов. Никто из нас не стал копать яму, чтобы проверить состояние снега и оценить вероятность схода лавины, но я чувствовал себя на снегу уверенно, потому что провел в восхождениях и лыжных походах всю зиму. Успешно поднявшись на столько четырнадцатитысячников, избежав стольких опасностей, о лавинах я не очень думал. Мы разбрелись в стороны, чтобы не перегружать склон. Я выбрал самое пологое место и приготовился стартовать. Внизу виднелся лесистый островок — штук двадцать сосен, и, если сверху склон имел крутизну в сорок градусов, к этому островку она уменьшалась градусов до тридцати.

— Я хочу здесь скатиться. Ты поедешь? — спросил я Чедвика, который был недалеко, и мы могли разговаривать не повышая голоса; Марк стоял на гребне метрах в ста от нас.

— Не знаю… А как ты потом вернешься в хижину?

— Я не буду спускаться ниже тех деревьев. Остановлюсь там, а потом траверсирую налево к хижине.

Марк крикнул, что он пойдет по гребню и не будет спускаться в цирк.

— Отлично! — крикнул я. — Смотри, как я съеду!

Я немного нервничал, но не потратил и минуты, чтобы определить, велика ли лавинная опасность и можно ли спускаться на лыжах по такому глубокому снегу. Однако буквально через пару секунд после того, как я выписал три дуги, замечательное ощущение того, что я качусь по пушистому снежному валу, вытеснило страх. Я ускорился и уменьшил радиус поворотов, я делал более короткие дуги на более пологом склоне и радостно закричал, когда верхние деревья проехали справа от меня. Ниже деревьев уходило еще 450 метров склона, и они прямо-таки соблазняли меня продолжить катиться, и только мои уставшие ноги заставили меня остановиться. Я повернулся и закричал Чедвику, находящемуся от меня в ста метрах по вертикали:

— Я-ху-у-у-у-у!!!! Это замечательно! Снег превосходный! Давай спускайся!

Чедвик начал спускаться вдоль моих следов, пошатываясь в

рыхлом снегу. Он два раза упал в крутой части склона, недалеко от верха. Марк смотрел с гребня. Я достал фотоаппарат и сделал несколько снимков, пока Чедвик, выйдя на пологую часть склона, покатился к моим следам. Тяжело дыша, Чедвик сделал последние дуги и остановился около меня:

— Вау! Это было тяжело. Я едва мог повернуть в таком глубоком снегу.

— Да, но было замечательно, ага? Ты выглядел отлично на последнем участке. Я сделал пару твоих фотографий. Ты только посмотри, как наши следы соскальзывают вниз. Похоже на хелиски.[57] — И я крикнул наверх Марку: — Давай! Это здорово!

Мы с Чедвиком стояли у края деревьев и смотрели, как Марк, подскакивая на лыжах, вкатывает в цирк ниже наших следов и начинает траверсировать склон. Он втискивал лыжи в склон, пытаясь вызвать скольжение имитацией давления собственного веса во время поворота. Как будто бы состояние снега устраивало его. Марк сделал три поворота в верхней части, упал, упал опять, остановился и начал съезжать, сидя на лыжах. Он пропахал в снегу еще десять метров среди деревьев и замер, улыбаясь, хотя выглядел уставшим. Вдруг оттуда, где он остановился, раздался звук — бу-у-ум-м — с таким звуком обычно схлопываются полости. Услышав этот звук, мы прыгнули в стороны, поскольку он означал, что пласты снега поехали относительно друг друга и сейчас может сойти лавина. Но снег вокруг нас остался недвижим, и Чедвик пошутил:

— Ты слышал? Это Маркова жопа так бумкнула.

— Ха! Эй, Чедвик! Встань-ка на коленки, я сфотографирую тебя в снегу.

Вдруг откуда-то сверху донесся звук, похожий на рокот дизельного двигателя, или это могло быть далекое гудение реактивного самолета.

Я поймал Чедвика в видоискатель и нажал на спуск. И тут увидел, как вокруг его головы взвихрилось легкое облачко, будто ком морской пены. В тот самый момент, когда рокот дошел до моего сознания, когда я понял, что рокот и облачко взаимосвязаны, меня тяжело пихнуло из-за правого плеча, сбило с ног и поволокло под гору на левом боку. В глазах потемнело — я резко ускорился, от нуля чуть ли не до пятидесяти километров в час, как будто бы меня ударил грузовик.

Я открыл глаза в густом белом супе и тут же понял, что еду вниз головой вперед, закопанный в снегу, но прошло еще несколько секунд, прежде чем я осознал, что попал в лавину. Я открыл рот, и тут же удушливая снежная каша забила мне глотку. Выплюнув снег, я дождался, пока не откроется кусочек неба,

затем глубоко вдохнул и задержал дыхание. Я боролся со снежным потоком, пытаясь перевернуться головой вверх, но волочащиеся надо мной лыжи держали ноги как кандалами. Расслабившись, чтобы сохранить запас кислорода до следующего голубого окошка, я молча размышлял: когда же вся моя жизнь начнет проноситься у меня перед глазами? К счастью, этого не случилось. Моя следующая мысль была: «Так вот на что это похоже — попасть в лавину». Я ждал, что сейчас меня кувырнет, и все — приехали, конечная, но меня продолжало тащить на левом боку. Долго тянулись секунды, мне снова захотелось подышать, а голубое окошко так больше и не открывалось. Я судорожно вдохнул, и мой рот забило снегом.

Затем я почувствовал, что скорость падает, лавина замедляется. Я рванул руки, вытаскивая их из снега, но к кистям темляками были прикреплены лыжные палки, и достать удалось только правую руку. Она свободно вынулась из перчатки, тогда как предплечье и локоть, да и все остальное тело были утрамбованы в жестком снегу. Затормозив, я вздернул голову и толкнулся бедрами вперед, выгнув спину, как скорпион. Передо мной открывался вид вниз по склону, глаза были на уровне с перемолотым снегом. «Я жив!» — пронзила меня мысль.

Плотный лавинный снег забивал мне глотку, не давая дышать, телу не хватало кислорода. Сплюнув снег и гипервентилируя, через каждый тяжелый вдох-выдох я принялся кричать: «Я в порядке! Я в порядке!» — и эти крики изрядно меня утомили. Лавинный снег плотно запаковал меня в жесткий холодный ящик, сдавив ребра и не давая пошевелиться. Я мог двигать только головой и правой рукой. Отбросив снежные комья от лица насколько смог, я посмотрел налево и увидел хижину, а направо — склон горы. Вокруг валялись вынесенные лавиной комья снега и льда, но я не увидел никаких следов товарищей.

— Чедвик! Марк!

Где-то надо мной Чедвик завопил в ответ:

— Арон! Марк!

Я вытянул шею налево, так далеко, как смог, и поймал краем глаза Чедвика метрах в тридцати выше.

— Я в порядке! А ты как? Где Марк?

— Не знаю. — В мрачном голосе Чедвика отчетливо слышалась паника.

— Ты можешь двигаться?

— Да, но не прям щас, мне надо откопать ноги!

Чедвик несколько раз перекувырнулся в лавине, но в итоге приземлился на ноги. Он достал из рюкзака лопату и начал откапывать свои ботинки и лыжные крепления, а я продолжал

звать Марка.

— Чедвик! Ты видишь какие-нибудь следы Марка?

— Нет!

Я остался без очков, лопаты и фотоаппарата — все это оторвалось во время кувыркания. Мой лавинный щуп и правая перчатка тоже куда-то делись. Я надеялся, что и Марк потерял часть своего снаряжения и оно валяется где-то на склоне: тогда по этому ориентиру мы сможем его отыскать. Но среди перемолотого снега ничего подобного не было видно.

— Переключи бипер[58] на поисковый режим и откапывай меня. Мы сможем найти Марка только вдвоем! — крикнул я Чедвику.

Правила спасработ требовали от Чедвика попытаться сперва найти Марка в одиночку, но я не мог откопать себя самостоятельно, чтобы найти свой бипер и переключить его в режим поиска. А до тех пор Чедвиков бипер будет принимать сигнал и с моего.

Через пару минут Чедвик был около меня; вот он уже откопал мою левую руку.

— Приходи в себя, Арон! — Чедвика била нервная дрожь.

Я снова заверил его, что все со мной в порядке, и попросил его откопать мне ноги и отстегнуть лыжные крепления.

Выкрутившись из своей ямы, я встал и увидел огромное съехавшее поле. Я чуть не утратил дар речи.

— О боже! Чедвик, только посмотри!

В ста пятидесяти метрах по вертикали от нас колоссальный разлом прорезал верхнюю часть цирка, и справа он был высотой с двухэтажный дом. Снежные глыбы размером с холодильник покрывали весь горный склон, самые огромные куски были размером с вагон. На первый взгляд разлом шел на несколько сотен метров — от края до края. Затем я посмотрел, как он продолжается налево: за островком растущих деревьев, где мы были неожиданно застигнуты ударом, он дугообразно уходил вдаль к юго-восточному гребню, почти на километр. Когда я увидел эти неисчислимые тонны снега, обрушившиеся на склон, мои колени задрожали. То, что после схода такой огромной — с два городских квартала — лавины двое из нас могут участвовать в спасработах, воистину невероятно. Но где же Марк?

Пока я сбежал метров на десять, к террасе на холме, Чедвик исследовал цирк. Скатившиеся глыбы снега закрывали от нас нижнюю часть склона. На краю я просмотрел лавинный язык в поисках каких-либо видимых следов, но ничего не увидел — лавина скатилась до самого низа цирка, на триста метров ниже нас, до самого ручья. Включив бипер в режим поиска, я начал

искать, мне безумно хотелось услышать ответный сигнал, но никакого ответа на дисплее не отображалось. Чедвик начал перемещаться вправо и находился метрах в тридцати от меня.

— Какая у тебя дальность? — крикнул я.

— Не знаю.

— Переключи свой бипер на передачу.

Я хотел знать, на каком расстоянии друг от друга мы будем гарантированно ловить сигнал.

— Ты меня ловишь? — закричал он.

— Сейчас нет. Давай ко мне.

— Хорошо! Я пошел! Пошел!

— Стоп! Вот — тридцать восемь!

Мой бипер поймал бипер Чедвика в тридцати восьми метрах.

— Переключи обратно на поиск!

Итак, прочесывая шестисотметровый снежный язык и выдерживая дистанцию между нами в тридцать метров, мы должны были пересечь всю зону лавины пять раз вверх и вниз. Но у нас нет на это времени.

Думай, Арон, думай.

— Чедвик! Мы сейчас оба наверху. Посмотри, где мы оба остановились, проведи линию. Марк должен быть на той же самой линии. Вот только выше или ниже нас?

Чедвик не ответил. Я вернулся, перелез через край лавинного языка и еще раз внимательно осмотрел нижнюю часть горы. Большинство из тех, кто был погребен лавиной и выжил, были найдены в первые пятнадцать минут поиска. Через полчаса шанс реанимировать найденного уже незначителен. У нас не было времени на то, чтобы ходить вверх и вниз. Надо было выбрать одно из двух. Я крикнул:

— Я ничего не увидел, никаких следов внизу. Он над нами! Пошли!

Я не был уверен, что это именно так, но мы должны были сделать выбор. Если Марк еще жив, наши колебания могут убить его в ближайшие несколько минут.

Держа дистанцию в тридцать метров, мы с Чедвиком медленно двинулись вверх по склону к очередному вздыбленному валу, до которого было метров пятнадцать. Вдруг Чедвик замедлил шаг, еще мгновение — и он выпалил:

— Сорок восемь! Я поймал сигнал!

Марк! Мы продвигались тяжело, бедра просто горели, легкие жгло огнем, ноги заплетались. Марк! Нет времени перевести дыхание. Я перевалил через небольшой гребешок, и вдруг мой бипер ожил: 38, 37, 34… 28… 24. Я был близко. Потом я увидел небольшой предмет — это был носок лыжи. Я смог разглядеть

лейбл К2.[59]

— Я нашел его! Вижу носок лыжи!

Чедвику надо было исследовать большую, чем мне, площадь, и он затормозился, отставая от меня все ниже и дальше.

— Марк! — закричал я. — Мы идем!

Чедвик крикнул:

— Арон! Возьми лопату!

Я был близко. 18… 15… Я не мог вернуться за лопатой.

— Нет! Давай живо сюда!

Когда я наводил бипер на лыжный носок, прибор начинал пищать быстрее и выше тоном, как детонатор перед взрывом. 11… 8… 4… Сквозь резкий настойчивый писк я расслышал жалобный стон, потом еще раз.

— Марк! Я здесь!

Я исследовал полтора метра вокруг лыжного носка и скинул ком снега размером с портфель, ориентируясь на стон. Клок золотистых волос и кусок красной куртки высовывались из кучи сцементированного снега.

— Марк! Ты меня слышишь?

Марк не мог ждать, времени было в обрез, так что я должен был точно все рассчитать. Сначала я отгреб снег от его лица, чтобы он мог дышать, и при этом несколько раз случайно стукнул его по голове, довольно сильно. Я откинул перекрученную перчатку от его рта и оторопел, пораженный свинцовым оттенком его лица. Я вгляделся в него — это было лицо мертвеца или призрака. В своей жизни я видел четырех мертвецов, и у всех у них цвет лица был гораздо более живой, чем сейчас у Марка.

Я задрал его голову и выудил кусок льда, который затыкал ему рот. С момента схода лавины прошло двенадцать минут, и большую часть этого времени Марк был без воздуха. Он пробурчал, что замерз и устал, и я вздохнул с облегчением.

Рывком я распрямился из своей скрюченной позы и побежал к Чедвику. На полпути он кинул мне лопату. Поймав ее в полете, я рванул назад к Марку. Теперь, когда Марк мог свободно дышать, главная опасность — это низкая температура. Его закопало в снег гораздо глубже, чем меня, и от переохлаждения он может в любой момент потерять сознание и умереть. Первым делом я откопал ему левую руку — она была частично снаружи, — затем спину и левую ногу. Чедвик подошел и стал разговаривать с Марком, пока я лихорадочно копал и откидывал снег вниз по склону. Мне нужна была помощь, чтобы отгрести весь этот тяжелый снег. Откопав Марков рюкзак и отвязав от него лопату, я сунул ее под нос Чедвику:

— Помоги мне копать!

— Не могу, у меня руки замерзли. Ничего в них не держится.

В лавине Чедвик потерял обе перчатки и, после того как сначала откапывал меня, а потом карабкался через огромные снежные глыбы, привел свои руки в совершенно нерабочее состояние. У меня была только одна двойная перчатка. Содрав внешнюю, я отдал ее Чедвику, несмотря на его протесты:

— С моими руками уже все. Береги свои.

— Бери, кому сказано. Выверни ее и надень на правую руку. Помоги мне копать.

Затем я выдернул перчатки Марка, левую дал Чедвику, а правую взял себе.

И тут я наконец заметил какое-то движение у хижины, в полукилометре от нас вверх и направо по склону. Люди казались крошечными точками; я сложил ладони рупором и закричал что было силы:

— НА ПОМОЩЬ! НА ПОМОЩЬ! НА ПОМОЩЬ! НА ПОМОЩЬ!

До меня донесся слабый ответ:

— Мы идем!

Помощь приближалась, но Марк в любой момент мог снова потерять сознание от переохлаждения, если мы резко не выкопаем его и не укутаем во что-нибудь. Мы махали лопатами, они сталкивались и лязгали друг о друга. Чедвик два раза промахнулся и выбросил лопату без снега.

— Чедвик! Притормозись, ты машешь вхолостую.

Он паниковал, мы опаздывали.

— Короче, бросай снег сверху вниз, это гораздо легче, чем кидать наверх.

Мы работали на пределе, но Марк понемногу отчаливал. Поначалу он все время повторял, что устал и сильно замерз, но уже около минуты как замолчал.

Чедвик опять нагнулся к голове Марка:

— Он не дышит.

Чедвик сделал ему искусственное дыхание, и Марк ожил. Я отстегнул левый ботинок Марка от телемарковского крепления и от веревки, которой лыжа была пристрахована к ноге. Спустя пять минут и еще полтора кубометра перекиданного снега мы освободили и правую ногу Марка из ледяного футляра.

— НА ПОМОЩЬ! НА ПОМОЩЬ! НА ПОМОЩЬ! НА ПОМОЩЬ! — кричали мы нашим друзьям, находившимся на краю лавинного языка.

Мы сделали все, что смогли, но нам нужно было снаряжение, чтобы согреть Марка. Изможденный получасовыми спасработами и не понимая осторожности друзей, которые опасались вторичной лавины, я раздраженно бормотал:

— И чего они там так долго возятся?

Мы перекатили Марка на левую сторону и усадили, он покачнулся и изрыгнул воздух, который Чедвик вдул в его живот, когда делал искусственное дыхание. Часть воздуха попала не в легкие, а в желудок, потому что голова Марка была наклонена вперед. Сняв с него рюкзак, мы закопались туда в поисках перчаток и одежды. Дрожа от выброса адреналина, Чедвик и я обняли Марка и друг друга. Мы вдыхали зловоние страха, смешивающееся с отрыжкой недавних закусок — устриц, моллюсков, рыбы, пряного хумуса. Уверенные, что Марк выживет, мы разразились нервным смехом. Да, теперь все будет хорошо, мы выкарабкались, и мы уверены, что помощь придет с минуты на минуту.

Один за одним наши друзья из команды горных спасателей Альбукерке — Стив Пэтчетт, Том Райт, Дэн Хадлич и Джулия Стефенс — подкатывали к яме, где сгрудилась наша троица. Тем временем уже начало темнеть. Друзья принесли с собой пуховые спальные мешки, коврики из пены, перчатки и налобные фонарики. Мы укутали Марка в спальник, а к тому времени, когда Чедвик и я нашли свои лыжи и то малое количество снаряжения, которое еще можно было отыскать в перемолотом снегу, Марк уже мог передвигаться самостоятельно. Потрясающе: через полчаса после того, как валялся без сознания, он снова встал на лыжи!

Вернувшись в хижину, мы устроили торжественный ужин, вспоминая детали происшедшего. Друзья видели, как сошла лавина, и поняли, что мы попали в беду. Им тоже пришлось напрячься, поскольку они были заняты приготовлением ужина и сидели в одном термобелье и носках. Полностью одеться, разобрать снаряжение и через полчаса уже быть на месте — потрясающий показатель. Чедвик держался отлично, несмотря на огромное напряжение, — ведь ему пришлось спасать и меня, и Марка. Я был страшно доволен его прытью, меня очень радовало, что Марк так быстро восстанавливается. И хотя каждый сам принимал решение о спуске в цирк, я чувствовал себя виноватым, что затеял съезжать по этому склону. Это решение было продиктовано моим эго, позой, самоуверенностью и амбициями, перевесившими возможности и опыт группы. Мы выжили в лавине пятой категории — самой сильной, какие бывают в Колорадо. Мы выжили там, где не должны были выжить. Но Марк и Чедвик так и не простили меня за то, что я склонил их покататься в этом цирке. В то воскресенье из-за своего выбора я потерял двух друзей — Марк и Чедвик на следующее утро сошли с маршрута и после этого никогда не разговаривали со мной.

Но прежде чем начал сожалеть о своем выборе, я поклялся, что сделаю выводы из этого случая. Адекватно не оценив потенциальной опасности, допустив, чтобы самоуверенность перевесила четкое понимание возможного риска, я вступил в игру с плохим раскладом. Я вспомнил, как инструктор говорил мне: «Если начал играть в азартную игру, ты должен уметь выжить и в случае проигрыша». После лавины в цирке Резолюшн я научился лучше держать в узде собственное эго, заставлявшее меня рисковать больше, чем я мог себе позволить, торопившее меня с принятием решений. Дискомфорт при возрастании риска — вовсе не признак слабости, а сигнал к тому, чтобы не решать сгоряча и, может быть, выбрать более безопасный путь или отступить и вернуться на следующий день.

Из-за потепления и сильных ветров лавины в горах сходили постоянно, так что завершить мой проект в текущем зимнем сезоне я уже не рассчитывал. Мне оставалась Марун-Беллз — гора, будто специально предназначенная для открыток. Ее раздвоенная, белая, как сахарная голова, вершина украшает почти все календари, на которых изображены горы Колорадо. Каждый склон и каждый кулуар обеих вершин необычайно лавиноопасны, и безопасного пути не было. Тем временем зимний сезон подходил к концу.

Заинтересовавшись моим зимним проектом, 15 марта еженедельник «Аспен таймс уикли» опубликовал большую статью про мое восхождение на пик Кэпитол и лавину в цирке Резолюшн. Статья должна была сопровождаться фотографиями, так что с моим другом фотографом Дэном Байером мы отправились на хребет Хайленд. День был ясный, Марун-Беллз была видна отлично, и я внимательно изучал возможные пути подъема. В интервью я сказал, что вряд ли состояние склонов позволит взойти на Беллз до окончания зимы, но теперь, пожалуй, взял бы свои слова назад. С хребта Хайленд, с высоты 3600 метров, я увидел, что главные лавины с Марун-Беллз идут по Белл-Корд — пятидесятиградусному снежному кулуару на восточной стене. Этот кулуар разветвляется на два, и каждое из ответвлений идет к своей вершине — Южной и Северной. Главным, что я высмотрел во время нашей фотопрогулки, было то, что лавины шли по этим кулуарам постоянно. Значит, есть немалая вероятность, что они скоро очистят этот маршрут от снега и он станет безопасным. Теплая, безветренная и бесснежная погода стоит уже несколько дней, еще пара дней — и этот путь будет проходим. Решив, что самым безопасным можно считать тот маршрут, с которого лавины уже сошли, я наметил восхождение через два дня.

В тот самый день, когда «Аспен таймс уикли» опубликовал статью «По ком звонят колокольчики»,[60] я прошел на лыжах четырнадцать километров от Марун-Крик и, бодро шевеля своими телемарками, достиг озера Кратер (высота 3100 метров). Непосредственно под кулуаром Белл-Корд я пересек плотный лавинный вынос шириной почти километр — наглядная иллюстрация того, что всю предыдущую неделю лавины сходили постоянно. В полвторого дня я дошел до того места, где планировал устроить лагерь, но в этот раз нужно было обратить особое внимание на безопасность стоянки. В поисках подходящего места я осматривал деревья на краю лавинного языка, и тут немаленький — метров триста в ширину — снежный язык волнами спустился через нижние увалы восточного гребня Южного Маруна в четырехстах метрах от меня. Я выхватил фотоаппарат и успел сделать несколько снимков того, как лавина перехлестывает через лес и огромное облако вырастает над долиной на полторы сотни метров. Звук удара — треск раскалываемых деревьев, рычание снега, который срывался с верхних скал и падал на двадцатипятиметровые стволы, — донесся до меня позже. Лавины могут нестись со скоростью до 160 километров в час, из-за снега их плотность вчетверо больше плотности воздуха, сила удара аналогична силе ветра, дующего со скоростью 650 километров в час. У сосен и елей не было ни единого шанса, так же как и у меня, попадись я на ее пути.

Ориентируясь на лавинные выносы, я поставил палатку среди деревьев, подальше от языка. Потом я начал обдумывать план восхождения. То, что лавина только что сошла, было для меня большой удачей, это означало, что с большой вероятностью в ближайшее время лавин в Белл-Корд не будет. Но, кроме лавин, шедших по кулуару, оставались те, которые сыпались в желоб непосредственно со стен. И левая, и правая стенки освещались солнцем, что сильно повышало опасность. На левую стену солнечные лучи попадали с восхода и до полудня, на правую — до вечера. Соответственно, правая стена уже почти очистилась от снега и представляла меньшую опасность, чем левая. Я изучил гору и понял, что минимальный риск будет перед самым восходом и около полудня, когда левая стена войдет в тень. После полудня правая сторона начинает сыпать, и я это видел своими глазами: пока я вечером сидел у палатки, с правой стены сошло три лавины.

В три часа утра я проснулся, надел теплую одежду, собрал воду и еду, застегнул на ногах ботинки, привязал к ним кошки. Съев овсянку и выпив белковый напиток, я вышел на лавинный язык в полчетвертого утра.

Через час я столкнулся с первой трудностью. Когда я исследовал склон предыдущим вечером, то обнаружил короткий крутой путь наверх через узкий кулуар. Этот кулуар примерно на высоте 3400 выходил в Белл-Корд, минуя широкий траверс направо по неплотному опасному снегу. Я начал подниматься по этому кулуару на передних зубьях кошек, подсвечивая путь налобником. Когда я был примерно на полпути к Белл-Корд, из чернильного неба выстрелил кусок льда и, ударяясь о стенки кулуара, просвистел мимо моей головы. Он летел с такой скоростью, что я успел уловить только вспышку в свете налобника. Ужас пробежал по жилам, но я продолжал подниматься, надеясь, что вслед за этим десятикилограммовым куском в гости не придут его друзья. Тем не менее парой минут позже еще одна ледышка на такой же бешеной скорости просвистела мимо моего правого плеча и с грохотом разбилась о правый борт кулуара. Убраться с линии обстрела следовало как можно скорее. Самым лучшим вариантом показался мне подъем около борта кулуара, так как куски льда почти не вылетали за них. К верхней части кулуар становился все круче, и наконец мой ледоруб уткнулся в твердый лед под фирном, напоминавшим по консистенции полистирол. Я посмотрел наверх и увидел двенадцатиметровый совершенно замерзший водопад, перегораживающий кулуар от стенки до стенки.

Что за?.. Откуда это взялось? Почему я не увидел его раньше? Смогу ли я подняться на него? Может, стоит спуститься?

Я не хотел рисковать и спускаться кулуаром — кто его знает, будет ли продолжаться бомбардировка, — и не мог позволить себе потерять время на вторую попытку восхождения, уже по снежному склону. На высоте 4150 метров я должен оказаться до того, как солнце осветит стены, то есть в ближайшие два часа. Потратив полчаса на возвращение, в график я уже явно не впишусь. Если я хочу уложиться в день, я должен преодолеть этот ледопад без специализированного снаряжения для ледолазания, только с ледорубом и обычными мягкими кошками.[61] Я вбивал передние зубья кошек в ледяную корку и махал своим длинным ледорубом так же, как работают коротким ледовым молотком. Клюв ледоруба вбивался у меня по третий зубец. На скальной стенке слева были небольшие полочки, трещины шириной в палец и небольшие зацепы для рук. К тому же эта левая стенка составляла прямой угол со льдом, что позволяло мне применять каминную технику. Упираясь в стены, я гораздо глубже вбивал зубья правой кошки в лед. Мне удалось, используя эту базовую технику, пролезть две трехметровые ступени на скальной стенке. Пытаясь не замечать смертельную пустоту подо мной, я пролез

еще три метра и достиг верхней части ледового участка. Почти победа — но справа от меня был теперь кусок замерзшей земли, оголенный прошедшими по кулуару лавинами. Пятисантиметровая трещина оказалась очень кстати, в нее я смог устойчиво поставить передние зубья левой кошки. Выпрямленная правая нога была хорошо вбита в ледопад зубьями кошек, но скальная стенка слева исчезла, оставив меня без зацепок для рук. Я застрял.

Попытка спуститься обратно во внутренний угол со смешанным скально-ледовым рельефом окончилась бы падением и смертью. Я не мог вернуться назад, я не мог оставаться на месте. Я должен был идти наверх, каким бы невозможным это ни представлялось. Выдернув ледоруб из последнего участка льда, я жестко вбил его в приомороженную землю чуть выше замерзшей травяной кочки. Я не мог держаться левой рукой за зацепку на скале — мои перчатки были слишком скользкими, но я с замиранием сердца надеялся, что эта замерзшая грязь удержит мой вес. Тут зубья кошек левой ноги выдернулись из трещины, и я бросил правую руку на головку ледоруба. Земля удержала ледоруб, но положение было отчаянное; если бы ледоруб выскочил, когда моя нога соскользнула, я уже валялся бы мертвый у подножия кулуара.

Я вытянул шею налево, ухватил манжету левой перчатки зубами и оголил руку. Оставив перчатку болтаться на веревочке, обхватил пальцами скальный выступ и начал подтягиваться на обеих руках, пристально глядя на ледоруб, воткнутый в землю. Это было так же трудно, как любое движение на скале категории 5.8[62] из тех, что я когда-либо делал, и, таким образом, это был самый трудный шаг, на который я когда-либо решался в своих соло-восхождениях. Если еще учесть высоту над уровнем моря, удаленность и то, что дело происходило над пропастью и в темноте, понятно, почему меня трясло и почему на первом же ровном месте, которое я нашел, мое тело отказалось работать. Я вспотел, хоть выжимай, но все, чем я мог помочь организму, — это сжевать пакет с энергетическим гелем. Потом я потянулся за левой перчаткой, которая должна была висеть на веревочке, но не нашел ее.

Ну да! Утром же я забыл накинуть веревочку от перчатки на руку. А когда только что сорвал левую перчатку, то просто кинул ее вниз, к началу кулуара. Черт! Черт! Черт! Я опять подумал, не стоит ли спуститься, но это означало бы отказаться от восхождения только для того, чтобы подобрать перчатку. Могу ли я пойти на риск нового обморожения? Конечно нет. Но я взял с собой запасные внутренние перчатки, чтобы не повторилось

такого обледенения, как на пике Кэпитол. Я снял правую внешнюю перчатку, вывернул ее наизнанку и надел поверх запасной внутренней левой. А на правую руку надел запасную внутреннюю перчатку поверх уже надетой. Итак, я опять нормально экипирован.

Отлично, Арон, остальное по сравнению с тем, что ты уже сделал, должно показаться ерундой.

Следующие два часа, которые мне понадобились, чтобы набрать последние 700 метров и выйти к верхней части кулуара, сердце мое билось как бешеное. Мне нужно было выбраться в верхнюю часть кулуара до того, как солнце начнет освещать склоны, появившись из-за вершины пика Пирамид, расположенного в пяти километрах к востоку. Тень Марун-Беллз лежала от середины склона до горизонта, где горы Сноумасс и Кэпитол уже окрасились первыми лучами солнца среди тяжелого черного неба. Небольшая награда за утомительное восхождение — и первый зимний рассвет, который я встретил недалеко от вершины четырнадцатитысячника. Я устроил себе долгий отдых, пополнив силы батончиками и водой, а затем начал подниматься по плите четвертой категории сложности и по снежному полю к вершине Южный Марун, которой достиг с веселым гиканьем в четверть девятого утра. Через час я был на седловине над Белл-Корд и готов к восхождению на пик Северный Марун. Гребень между вершинами Беллз — один из четырех самых сложных в техническом отношении траверсов на всех колорадских четырнадцатитысячниках. Остальные три траверса (Бланка — Литтл-Беар, Вильсон — Эль-Дьенте и Крестон — Крестон-Нидл) я уже ходил, правда летом. Траверс от Южного Маруна к Северному должен был стать первым на моем счету сложным зимним траверсом из этой четверки. Попав в глубокий сыпучий снег на западной части южного гребня пика Северный Марун, я двинулся к снежным грибам на верхушке гребня. Потом прокопал туннель через двухметровую снежную подушку, чтобы закрепиться на скале и достаточно быстро выйти к вершине. Редко на какой горе я испытывал такой прилив радости и энтузиазма, как на вершине Северного Маруна. В безумной радости я кричал и размахивал ледорубом — сделал сорок пятое зимнее соло на четырнадцатитысячник и все вершины в хребте Элк, я прошел исключительно сложный траверс гребня Марун-Беллз. Это был последний четырнадцатитысячник, на который нужно было идти по технически очень сложному маршруту. Повернувшись на юг, я увидел цепочку моих следов, вьющуюся между сюрреалистического вида снежными препятствиями на гребне.

К верхней части седла у начала Белл-Корд я вернулся в полдень, радуясь, что восхождение идет точно как запланировано. Я буквально сбежал километр по высоте до своего лагеря и подобрал перчатку в снегу под тем «коротким» кулуаром. Весь спуск занял сорок пять минут.

Во время спуска я вспоминал, как в первый раз поднимался на оба пика Марун-Беллз. Это было 2 июля 2002 года, я шел на гору в компании друзей и лучших напарников — Марка ван Экхута и Джейсона Хэлладея. Мы взошли на Северный Марун, траверсировали на Южный и спустились по размякшим ледяным полям, где текли ручьи, затем по кулуару на Восточной стене. Все восхождение заняло у нас пятнадцать часов. Несмотря на кривой спуск, я помню момент, когда мы слезли по лиловому скальному выходу на покрытое желтыми лишайниками седло в верхней части кулуара Белл-Корд. Тогда я посмотрел на запад и увидел бархатную зелень котловины Фраверт; цвета были настолько сочными, что мне чудился запах леса. Я ощущал красоту так сильно, как не ощущал до этого никогда в жизни. Тогда я четко понял для себя две вещи: во-первых, я обязательно вернусь в котловину Фраверт, чтобы вблизи увидеть эту красоту; во-вторых, в один прекрасный день назову Аспен своим домом. Если бы тогда мне пришла в голову идея о зимнем траверсе Марун-Беллз, я бы отверг ее как безумную. И все же я это сделал, причем дважды за один день, и зимой на пять часов быстрее, чем летом.

ГЛАВА 7
День третий: вперед, пока светло

Несчастье имеет свойство вызывать таланты, которые в счастливых обстоятельствах оставались бы спящими.

Гораций

Откуда тут взялись все эти комары? Я подкарауливаю двоих и, когда они садятся на правое предплечье, безжалостно их припечатываю. За весь день я не видел ни одного насекомого, а полчаса назад появилось сразу с полдюжины кровососов. Теперь они жужжат над головой. Я сижу в обвязке, свисающей с якоря, который закрепил утром, и казню их одного за другим. В голову приходит совершенно дикая мысль: раздавленных комаров можно есть. Эта мысль нелепа и бесполезна: я не смог бы продержаться на букашках, а кроме того, у меня еще есть два готовых буррито. А это добрых пятьсот калорий, и куда аппетитнее, чем дохлые насекомые.

Должно быть, я тупею от нехватки сна.

Легкий ветерок, дующий по направлению к Большому сбросу, задевает меня по пути и лишает последних крох тепла. Ближе к вечеру в такие дни — или, может быть, ранним вечером — ветра дуют гораздо чаще, и на пороге ночи становится свежо.

От решимости расколоть валун не осталось и следа. Я продолжаю делать эту бессмысленную работу только для того, чтобы стимулировать обмен веществ и прогнать внезапную слабость, пришедшую с промозглыми ветрами. Сегодня я сделал лишь малую часть того, что сделал вчера. Я уже осознал тщетность своих усилий расковырять валун, однако какая-то иррациональная часть сознания еще не смирилась с безнадежностью моего положения. Она продолжает считать, что если я буду упорно трудиться и меньше отдыхать, то в конце концов освобожусь. Единственное, чем я могу логически объяснить свою вялость, — это идиотской мыслью о том, что я не хочу освободиться с приходом ночи: спускаясь по веревке в темноте, я могу свалиться с Большого сброса или заблудиться ниже по каньону.

Можно подумать, ты вообще освободишься. Ты же лентяй. Ты борешься за свою жизнь — это борьба за всю жизнь целиком, не

меньше, но ты слишком ленив, чтобы преодолеть легкую усталость и поработать. Ты ленивое ничтожество. Ты сам себя убиваешь здесь. Ты умрешь.

Вот такой прогноз, черным по белому, как рентгеновский снимок на просвет. Я в критическом состоянии. Лишенный возможности удовлетворять потребности своего тела, я проживу день, максимум полтора — хорошо, два дня, но какая разница? Ни одно предчувствие не приготовило меня к мучительной тревоге медленной смерти, к мыслям о том, случится ли это сегодня вечером от холода, завтра — в судорогах от обезвоживания или еще днем позже — от остановки сердца. Сейчас, через час, через два часа. Когда бы я прежде ни приближался к смерти, все происходящее было в контексте яркого кризиса, драматического видения. В реальных или воображаемых обстоятельствах решающий удар мог прийти как топор палача, стремительный, как сила притяжения, воплощенная в огромной глыбе льда, как сминающая все лавина, или неудачное самозадержание, или резкий срыв спиной вперед с высокой скальной стены. Я знал, что напоследок не изреку ничего глубокомысленного, успею лишь пробормотать: «Вот черт!» или, может, подумаю: «Вот и все». А потом выдох от сокрушительного удара, брызги крови и хруст костей. Никогда бы не подумал, что попаду в ситуацию медленного угасания. Мне казалось, я смогу справиться практически с чем угодно, что потребует упорной борьбы: я сражался с бурей; заблудившись, искал дорогу; выкарабкивался из травм и болезней. Нет, я не мечтал сидеть за одним столом со смертью, на протяжении всего ее визита разговаривать о себе самом и закончить ужин на фразе «Ну что ж, пожалуй, пора идти».

Мне уже столько раз везло, что даже проблески моей участи стали игрушкой, необходимой для того, чтобы добавить остроты чувству, ощутить ярчайший контраст между страхом незамедлительной смерти и желанием жить полной жизнью. Я думаю, что некоторые люди сочли бы эти мысли бредом адреналинового наркомана. Но я всегда получал больше удовольствия оттого, что контролировал адреналин, чем от того полета, который он дает, будучи выпущенным на свободу. В менее опасных, но все же авантюрных путешествиях я раздвигал границы своей выносливости, ввязывался в длительные приключения, ведущие к катарсическим страданиям, — чтобы разрушить внутренние стены, чтобы освободить душу для более чистых эмоций, чем скука и стресс, чтобы превзойти себя. Периодически я испытывал эйфорию, осознавая, что страх и боль существуют только в зазоре между двумя нейронами. Это я и

называл — превозмочь себя. Но как превозмочь себя сейчас, в этом каньоне? Эта задача лежит за пределами моей способности подчинить материю разуму. Превозмочь мою ситуацию физически невозможно. Я не снисхожу до боли, мне хватает самодисциплины, чтобы справиться со страхом, но я не смогу преодолеть потребность своего тела в воде.

Вода. Я вытаскиваю темно-серую пластиковую бутылку фирмы «Налген» и взбалтываю драгоценное содержимое. За последний день я выпивал примерно по пятьдесят миллилитров каждые три часа. Гм. Значит, те триста миллилитров, что у меня остались, кончатся за ночь. Мне нужно продержаться дольше. Сейчас уже седьмой час вечера, я не пил ни глотка с тех пор, как убрал видеокамеру в четверть четвертого. Лучше пропустить в этот раз, приберечь на потом. Мне кажется, я в порядке. Язык нормальный — не раздут, не размяк, не отвердел. И губы чувствуют себя как обычно. Я думаю о воде слишком часто, но, может быть, эта стадия обезвоживания похожа на ту часть поста, когда думаешь, что умрешь, если не поешь. Потом проходит полдня, мучительные фантазии о еде прекращаются, голод рассеивается. Но почему-то я сомневаюсь, что с жаждой будет то же самое. Готов поспорить, это только начало.

Ну да ладно. Не думай об этом, отложи бутылку куда-нибудь подальше. Воткни ее в песок, чтобы не было видно, сколько осталось. А еще лучше, делай что-нибудь. Подготовься к ночи.

Да, лучше сосредоточиться на плане. Я кладу бутылку на песок под валуном и обдумываю предстоящий вечер. В девять вечера будет уже кромешная тьма, а затем еще девять часов темноты. Я понимаю, что это всего-навсего девять часов, но сейчас, когда тело практически не вырабатывает внутреннего тепла, ночь будет тянуться, как полярная зима. Я глотну воды в девять, в полночь, в три часа утра и в шесть. Глотки будут меньше, чем прошлой ночью; таким образом, на завтра останется больше. Вода мне понадобится, чтобы запить оставшиеся буррито. Первый кусок три часа назад прошел всухомятку и превратился в клейкое тесто во рту; остальное будет еще хуже. Да, так и сделаю.

Остается вопрос, как сохранить тепло. Воздух кажется холоднее, чем в это же время вчера. Сегодня на небе было больше облаков, они не давали земле нагреться. Однако сейчас небо чисто, и, как только солнце сядет, никакой изоляции от холода не останется. Один из нескольких законов теплообмена, который я помню еще с занятий инженерным делом, гласит, что излучение, или излучающая теплоотдача, между источником на земле и ночным небом пропорционально разнице температур, возведенной *в четвертую степень*. Если я правильно помню,

температура космоса на четыреста градусов Кельвина ниже, чем температура моего тела. Возведите это в четвертую степень, умножьте на небольшую константу, значение которой я забыл, и получите двадцать пять миллиардов каких-то там единиц.[63] Короче, я излучаю очень много тепла в атмосферу, и нужно будет приложить немало усилий, чтобы сохранить тепло сегодня ночью, особенно если я не собираюсь активно работать. Важно продержаться до утра, а там уже я буду беспокоиться о том, что будет потом.

Сняв рюкзак, я достаю черный тканевый мешочек, в котором храню цифровую камеру. Зажав открытый конец чехла зубами, беру нож в левую руку и бью по сшитому краю, стараясь не попасть себе в лицо. Легкий материал рвется без труда, и я засовываю левую руку в тканевую трубу. Помогая себе зубами, натягиваю мешок на левый локоть, так у меня получается подобие рукава. Я разбираю часть полиспаста и наматываю на правую руку еще два оборота фиолетовой стропы, протягивая в зазоре между рукой и стеной — там, где не могу просунуть изоляционный мешок от кэмелбэка. Кроме того, я натягиваю зубами еще одну часть якорной системы — кусок желтой стропы — и отрезаю от нее ножом примерно полтора метра. Затем вытаскиваю буррито из пакета, целый кидаю на дно рюкзака, а надкушенный кладу в карман. Мне нужен пакет, в который их завернули в магазине. Этот пакет я надеваю на правый бицепс и закрепляю желтой стропой. Теперь для правой руки у меня тоже есть длинный рукав.

Нужно сделать то же самое, чтобы утеплить нижнюю часть тела, смастерить штанины из оставшихся пятидесяти метров веревки, которая лежит передо мной на полке грязной желто-зеленой бухтой. Двадцать минут уходит на каждую ногу, но мне удается обернуть их от бедер до носков приблизительно тридцатью оборотами. Я смотрю на это все и мне смешно: веревочные петли лежат плотно и похоже, будто на меня напали два одинаковых, сантиметровой толщины, зеленых питона. Когда я повисаю в обвязке, веревка давит на колени, поэтому я ослабляю петли и поднимаю свою подвеску на несколько сантиметров. Пожалуй, я нашел самое удобное положение с того момента, как попался в ловушку.

Теперь, когда вокруг икр намотаны веревки, я могу опереться на скальную полку. Это та самая полка, с которой я боялся свалиться спиной вперед, если увернусь от летящего валуна. Даже если бы я тогда упал, мне было бы проще с переломом голени. Думал ли я об этом, беспокоился ли о том, чтобы уберечь голову? Все произошло так быстро… и в то же время очень медленно.

Сколько времени у меня было на то, чтобы отреагировать? О многом нужно было подумать в ту долю секунды, когда я решил отбить падающий булыжник. Почему я сделал именно так? Скорее всего, я думал, что смогу перенаправить камень в сторону от головы, как это было с булыжником примерно такого же размера на вершине Крестон-Нидл.

В тот раз у меня решительно не было другого выхода: если бы я не перенаправил камень, тот проломил бы мне грудную клетку и я отправился бы в свободный полет с высоты четырех с лишним тысяч метров. Это была весна 2000 года, я только что сделал соло-восхождение по северо-западному кулуару на пик Крестон и шел по гребню между пиками Крестон и Нидл, вооружившись трекинговыми палками и без кошек. Я был в весьма напористом настроении и, вместо того чтобы пойти по документированному и размеченному маршруту наименьшего сопротивления, решил проложить свой вариант траверса, захватив большой кусок северного склона между двумя вершинами. Обычный маршрут никогда не проходит по северной стороне, и этому есть логичное объяснение: дважды мне пришлось пролезать свободным лазанием пятерочные скалы. На ногах при этом у меня были тяжелые альпинистские ботинки, и я ощущал каждый сантиметр из всей тысячи метров между мной и озером Аппер-Саут-Колони. Потом я уткнулся в скалу Черный Жандарм, через которую нужно было как-то найти путь на южный, более простой склон. В пятнадцати метрах надо мной короткий, крутой, разрушенный и камнеопасный кулуар с небольшим нависанием в верхней части заканчивался трехметровой скальной плитой. В нависающей части ширина кулуара была не больше метра, и я подумал, что смогу встать враспор в пятидесятиградусном кулуаре и, используя каминную технику, перевалить через карниз. Возможно, мне повезет угодить прямо на конгломератный склон — лестницу, по которой я закончу траверс к вершине Нидл.

Но все вышло не так. Когда я подлезал уже к верхней части кулуара и схватился за нависание, вся плита пришла в движение. Большая каменная пластина расклинилась между двумя державшими ее скальными башнями и поехала на меня. Твою мать! Я обнял плиту и начал падать спиной вперед, слившись с ней воедино, пока в полете мой торс не развернуло влево. Спиной я стукнулся о правую стенку, тут же камень впечатался мне в грудь, выдавливая из легких остатки воздуха. Падая на каменистую осыпь, я все время пытался отпихнуть этот камень от себя, от корпуса, спустить его мимо ног в нижнюю часть кулуара. От резкого удара под дых я согнулся вперед, руки уперлись в стенку кулуара, голова дернулась вниз. На моих глазах камень

дважды отскочил от осыпи и резким толчком катапультировался с края обрыва, увлекая за собой шлейф длиной несколько сот метров из выбитых мелких камней. Если бы я не стукнулся спиной о стенку и не сохранил вертикального положения, то полетел бы и дальше в компании булыжника. Вскоре мне удалось восстановить дыхание, но никак не уверенность в себе. Перейдя кулуар, я выбрался на более простой, южный склон Нидл.

Полчаса спустя, когда до вершины мне оставалось каких-то десять метров по высоте, я остановился. Чудом миновавший меня несчастный случай никак не шел из головы. Я не удосужился даже сменить тяжелые альпинистские ботинки на скальные туфли и сделать второй подход к вершине. С меня было достаточно. Я прекратил восхождение и отправился вниз весьма дурацким путем, по южной стене Нидл. Мне пришлось метаться между четырьмя зазубренными скальными контрфорсами и промежуточными полками, натыкаясь на спусковые петли, которые явственно демонстрировали, что я был не первый, кто сбежал, не закончив траверса. Пока я не спустился до 4000 метров — до ровного места — и не встал твердо на ноги, меня обуревали отчаяние и острое сожаление о том, что я не могу позволить себе роскошь спуска дюльфером. Вернувшись к пикапу, я включил любимый диск «Пинк Флойд» и несколько раз прокрутил песню «Бесстрашный».[64] Я пел вместе с группой, и первые слова песни врезались мне в мозг: «Говорят, что гора слишком крута для восхождения. Взойди на нее». Гора Крестон-Нидл отбила мою атаку, но, вдохновленный музыкой, я вернулся на следующее утро и сделал эту вершину. Глядя сверху вниз на высшую точку, достигнутую днем раньше, всего в нескольких метрах от вершины, я думал, насколько хрупкая это материя — уверенность в себе, насколько тонка связь между телом и разумом в непредвиденных ситуациях. Единственное, чего я не понял в тот раз, — что если камень летит тебе на голову, не всегда стоит отбивать его руками.

В моей душе зашевелилось нечто невесомое, и я понимаю, что настало время помолиться. Я еще не делал этого здесь. Сейчас я готов. Я закрываю глаза, кладу левую кисть на валун и прижимаюсь к ней лбом:

— Боже, я обращаюсь к Тебе за советом. Я попался в ловушку здесь, в каньоне Блю-Джон… Ты, вероятно, об этом уже знаешь. Так вот, я не знаю, что мне делать. Я попробовал все, что только смог придумать. И сейчас мне очень нужны новые идеи. Если я должен продолжать что-то из того, что уже попробовал, — ампутировать руку или двигать валун, — дай мне знак.

Подождав с минуту, я медленно поднимаю голову, пока в поисках ответа не упираюсь взглядом в бледное сумеречное небо. И сам удивляюсь тому, что какой-то частью сознания ожидаю наглядной подсказки, позволившей бы мне решить дилемму. Я ловлю себя на том, что внимательно разглядываю каменные стены, будто ищу какие-нибудь начертанные сверхъестественной силой иероглифы. Разумеется, ничего нет. Никакого метафизического совета, никакого Божественного предписания на песчанике. А что я хотел увидеть? Вихрь в облаках, который назвал бы мне день и время, когда придет помощь? Петроглиф, изображающий человека с ножом? Измученным сознанием пытаясь скрыть разочарование, я снова начинаю молиться, и сарказм пропитывает каждое слово.

— Ладно, Бог. Похоже, Ты слишком занят, так что… Дьявол, если ты слышишь меня, то знай: я тут и мне нужна помощь. Я отдам тебе свою руку, свою душу, все, что захочешь, только вытащи меня отсюда. Если хочешь, я навсегда брошу восхождения, только укажи мне путь, как выбраться отсюда.

Я замолкаю и тяжело вздыхаю. В моей шутке нет ничего смешного, но я рад, что не оставляю попыток хоть как-то развлечь себя.

Может быть, это испытание, урок, думаю я. Может быть, как только я усвою этот урок, смогу освободиться? Что же я должен понять?

Я начинаю думать о том, чему не раз учил меня аспенский друг Роб Купер. Когда Роб говорит на философские темы, он не тратит лишних слов, предпочитает высказываться коротко и емко. Как правило, наши споры начинались с того, что я рассказывал ему об очередном приключении, и Роб ни с того ни с сего выдавал одну и ту же свою любимую максиму: «Важно не то, что ты делаешь, Арон, важно — что ты есть сам по себе». Выбитый из колеи, я минут десять пытался выяснить, что же он имел в виду. Но в ответ Роб повторял свою аксиому, и в итоге, так его и не поняв, я пытался доказать обратное. Я считал, что мы определяем сами себя своими действиями. В действии мы обретаем идентификацию. Ты ничто, если ты ничего не делаешь. Даже наши тела принимают ту или иную форму в зависимости от того, какой образ жизни мы ведем. Я никогда до конца не понимал, что хочет сказать Роб. Но сколько бы мы ни спорили, мне никогда не удавалось его переубедить.

Наверное, искаженная перспектива моего взгляда из глубины каньона позволяет мне взглянуть на суждения Роба с другой точки зрения, под другим углом. Думая о его словах, я начинаю что-то понимать: мои рассказы о приключениях говорили Робу о

невысказанной потребности в одобрении моих поступков, моего образа жизни. Своим ответом он старался скорее подбодрить меня, чем бросить мне вызов, и говорил о том, что ему попросту не важно, чего мне удалось достичь. Он ценил меня как друга за то, каким человеком я был — как личность, а не как альпинист, лыжник, турист. Мое ответное замешательство — лишь подтверждение его правоты. Я оборонялся, поскольку хотел, чтобы он уважал меня за мои успехи; я совершенно зациклился на достигаемых целях, в ущерб самому процессу достижения. Роб, как и все, кто дорог мне в этой жизни, может либо уважать меня за то, каков я есть, — и за то, как я обращаюсь с другими, — либо нет. Мое пристрастие к риску, мои приключения никак не меняют для него мою ценность как друга. Ха! Наконец-то я это понял! Неужели это и есть тот самый урок, который я должен был здесь усвоить?

Ну, Арон, если бы это был тот самый урок, то сейчас, вот прямо сейчас камень должен был бы расколоться пополам и самым безобидным образом упасть в песок… вот-вот… прямо сейчас. Ну и?..

Ничего такого, разумеется, не происходит. Еще секунд тридцать я жду чуда, но — увы. Наверное, это небольшое озарение было просто возможностью выплеснуть какие-то эмоции, чтобы немного облегчить изнуренный разум. Я понимаю, что пойман в капкан не потому, что должен дождаться просветления, а потому, что большой камень зажал мою правую руку. А насколько вообще тяжел этот валун? Он, несомненно, тяжелее, чем я думал вначале, очень тяжелый, но ведь мне удалось вчера чуть-чуть подвинуть его. Значит, он весит не больше сотни килограммов, иначе я вообще никак не смог бы его сдвинуть. Если я сделаю полиспаст с соотношением 6: 1, то смещу валун своим весом, даже если половина усилий будет потеряна на трение. Но сейчас уже вечер, поздно для того, чтобы переделывать полиспаст. Большую часть кусков стропы я использую для того, чтобы сохранить тепло конечностей, и не могу позволить себе остаться без веревочной обмотки, какой бы хлипкой ни была созданная ею изоляция.

Ночь врывается в каньон, черное небо заполняет всю окружающую пустоту. Я закрываю глаза, загадываю желание и даю волю своему воображению. Ветер подхватывает меня и тащит вверх на крутой приливной волне темноты, я позволяю ей нести меня, как черного ворона, над пустыней, и эта волна расчищает мне путь, я лечу в абсолютной пустоте. Взлетаю над бесплодными холмами, оставляю внизу коричневое плато, подпоясанную пряжкой Скалистых гор мантию Центральной Юты. Несусь на

запад вдоль Грейт-Бейзин и холодных черных гор Сьерра-Невады, лечу над землей, на которой не видно ни одного огонька, — землей, демонстрирующей фокус мгновенной цветовой трансформации, как только я отменяю закат и догоняю день где-то над побережьем Тихого океана.

Когда борьба дается мне особенно тяжело, время растягивается и мои мучения растут по экспоненте. Ночью, когда не вижу никаких наглядных признаков течения времени, я быстрее старею. Три минуты мучительного содрогания воспринимаются сознанием как десять. Как будто я провалился в пространственно-временной туннель, где бесчисленные миллионы лет провожу в муках и лишь иногда возвращаюсь к нормальному состоянию. Но я нашел противоядие: благодаря туманной свободе своего воображения я лечу дальше на запад в переплетении шепчущих облаков, над гребнями волн туманного моря, над вздымающимися океанскими пластами воды. Я лечу все выше и выше, пронзая атмосферу, оглядываюсь назад и вижу, как земля превращается в зеленую рамку вокруг кобальтово-синего моря и острова съеживаются до размера булавочной головки. Разрезая ледяные вихри кристаллизованного пара, я попадаю в огромную космическую воронку, и она вышвыривает мое тело в завершающем акте эволюции. Я превращаюсь в яркую вспышку света, и радужный пучок фотонов парит в пустоте.

Новый приступ дрожи гасит мою галлюцинацию, танцующие частицы света растворяются во тьме, и я открываю глаза. Мой мозг отплыл, как казалось, совсем ненадолго, но, посмотрев на часы, я вижу, что уже без пятнадцати десять вечера. Сразу после девяти я отмечал: уже достаточно темно, чтобы были видны звезды. Те же самые яркие созвездия, что я видел вчера, появляются в узком пространстве между стенками каньона. Два из них находятся немного в стороне от остальных, как две переплетенные подковы. Не Скорпион ли одно из них, похожее на кривое жало? Мой день рождения — 27 октября, это мой знак зодиака. Но вне зависимости от имен равнодушные звезды напоминают мне о том, что никакие огни не мешают мне смотреть на ночное небо, я так далек от цивилизации, что с тем же успехом мог бы быть на луне.

— Умг-умг-умг-умг-умг, — из горла у меня вырывается серия нечленораздельных звуков, зубы непроизвольно стучат, выдавая дробь дятла.

Я пытаюсь удержать в теле хотя бы минимальное количество тепла и поэтому снова провожу ревизию своей импровизированной одежды. Кольца веревки расползлись и почти не защищают бедра от холода. Я перематываю веревку, плотнее

накручивая верхние пять оборотов в надежде, что таким образом она удержится на ногах. Экспериментирую с мешком от веревки, пытаясь использовать его как миниатюрный бивачный мешок.[65] Засовываю внутрь левую руку, затем голову. Теснота заставляет меня уткнуться лицом в запястье. Чуточку удобнее такая поза становится, если положить при этом левую кисть на правое плечо. Я сижу в обвязке, повернувшись левым бедром к стенке каньона. Это дает мне возможность самому наклониться вправо и уложить голову на левую руку и правый локоть, расслабив при этом верхнюю часть тела. Примерно так я спал за партой в начальной школе.

Я выработал достаточно тепла, чтобы просидеть в своей обвязке без движения минут пятнадцать, пока не начнется очередной приступ дрожи. Веревки, которыми я обмотал ноги, от судорог расходятся, и мне то и дело приходится по полчаса возиться с ними, пристраивая на место. Светя налобником, я кручу туда-сюда веревки, наматываю стропу вокруг правой руки, поправляю мешок от камеры на левой. Я все время шевелюсь в обвязке, чтобы стимулировать кровообращение в ногах. Наконец засовываю руку и голову в сумку от веревки, повторно принимая позу для отдыха. Это дает мне еще пятнадцать минут блаженного безделья, а потом опять я начинаю дрожать, возиться с веревками и т. д. Устанавливается четкий цикл. Полчаса возни с утеплением, от этого метаболизм ускоряется достаточно для того, чтобы на пятнадцать минут немного расслабиться. Но холод всегда побеждает, судороги сотрясают мой организм, челюсти сжимаются от неконтролируемых спазмов, и мне начинает казаться, что зубы раскрошатся от стука.

После четырех циклов согревания, расслабления и дрожи наступает полночь — время для очередного глотка воды. Время бежит очень быстро, не так быстро, как предыдущей ночью, но мне удается сохранять тепло эффективнее, чем вчера. Я поднимаю налгеновскую бутылку с ее места на песке и ругаю себя за то, что слишком туго завинтил крышку. Только зажав бутылку между коленями, я справляюсь с ней и подношу горлышко к губам ровно под таким углом, чтобы двадцать граммов прохладной жидкости попало на язык. Один глоток запускает цепную реакцию нарастающей жажды: мне мало, я хочу больше, я хочу разом выпить всю оставшуюся воду.

Не делай этого, Арон!

Чудовищным усилием воли мне удается заставить свою руку закрыть бутылку и убрать ее на место. Это хороший знак — я пока еще могу управлять своими реакциями и держать в узде инстинкты в пользу долгосрочной стратегии. В какой-то момент

— в пределах суток — я останусь без воды. Интересно, что тогда я буду делать со своей дисциплиной? Продолжу ли ритуал открывания бутылки, пытаясь выдавить последние молекулы воды из твердого пластика? Явственно представляю, как мой пересохший язык шарит по краю давно высохшего горлышка бутылки в безнадежном усилии выцедить еще хоть что-нибудь.

Возвращаясь к чередованию суеты и отдыха, я мысленно планирую последующие шесть часов. Еще восемь циклов перематывания веревок, перемежающихся десяти- или пятнадцатиминутными промежутками относительного покоя, и придет рассвет. Я не могу спать, но минуты спокойствия дают мне возможность сосредоточить силы. О спасателях или о доступных мне вариантах спасения стараюсь не думать. Б*о*льшую часть времени я смотрю на то, как мое дыхание конденсируется на внутренней части водонепроницаемого мешка для веревки. Почему-то мне комфортнее, когда, засунув в мешок голову, я еще некоторое время не выключаю фонарь; вероятно, это помогает мне бороться с приступами клаустрофобии. Мешок не намного больше, чем пластиковый пакет из гастронома, тот самый, с которым не разрешают играть детям. Немного нелогично совать в него голову, но таким образом я существенно уменьшаю потерю тепла и не даю ему улетучиться в ночное небо. Как только привыкаю к черным внутренностям сумки, я выключаю фонарь, слушаю свое дыхание, ощущаю влагу, скапливающуюся внутри, и расслабляюсь, насколько это возможно, в ожидании утра.

Становится все холоднее. Термометр в моих часах показывает 11,5 градуса, но я справляюсь. Каждый раунд судорог мучителен для меня, но эта дрожь говорит о том, что мои рефлексы пока еще работают нормально. Они могли бы отказать от стресса и из-за травмы. Мне повезло, что упавший булыжник не вызвал большой кровопотери, иначе я мог бы получить гиповолемический шок.[66] Сердце пыталось бы прокачать недостаточный объем крови через все трубки моего организма. Но отсрочка приговора бессмысленна. Рано или поздно метаболические процессы организма перестанут слушаться своих законов, и тогда ко мне придет бесформенная смерть.

Я решаю снова долбить валун, чтобы хоть немного согреться, поскольку обустройство ног в веревках обеспечивает меня недостаточным количеством работы. Кроме того, стуча по камню, я займу чем-то мозг, хотя и не надеюсь на успех. Я уже понял, что, когда выдалбливаю из валуна какую-то часть, он только больше оседает. Та область, где я долбил вчера, провернулась в сторону моей правой руки, уничтожив труды всей предыдущей ночи. Но уже через пять минут работы я согрет, кладу мультитул

обратно на валун, снова натягиваю сумку на голову и расслабляюсь. И теперь каждый цикл моего ночного выживания включает в себя символический подход к валуну с тупым лезвием ножа или с напильником.

Цвет неба постепенно изменяется от черного к светлому. Итак, чередование судорог, ковыряния камня и возни с веревкой протащило меня еще через одну ночь. Я не чувствую никакого душевного подъема. Мне остро не хватает действия и стимулов. Помимо унылого и утомительного выживания, моя ловушка несет с собой еще одну беду: невозможность целиком и полностью занять мой ум. Временами я чувствую себя при деле, бывает, даже по часу, но от монотонности и неподвижности мозг начинает томиться. Если обезвоживание и гипотермия не убьют меня в последующие несколько дней, то скука и безделье могут притупить мои инстинкты и ослабят волю к жизни. Один вопрос преследует меня: насколько я должен быть измучен, утомлен и опустошен, чтобы самоубийство показалось мне единственным развлечением, способным разогнать тоску?

Восход на этот раз лишен красок, слишком ярок для того, чтобы звезды проглядывали сквозь него. Призрачно-белое небо озадачивает меня. Я не могу понять, то ли день ясен, то ли я гляжу на слой облаков. Облака хороши ночью: они помогают сохранять тепловое излучение, из-за потерь которого поверхности предметов становятся гораздо холоднее, чем воздух. Но облака днем меня не радуют. Они помешают пустыне нагреться, а кроме того, остается риск дождя, означающего для каньона угрозу наводнения. Случись такое, игра будет окончена очень быстро. Но проходит час, и картина проясняется: надо мной сияет безоблачная лазурь.

Вместо того чтобы пассивно ожидать, когда каньон наконец-то нагреется, я решаю переделать свой полиспаст и снимаю стропу с руки. Попытки поднять валун быстро меня согреют — я очень хорошо помню, как вспотел вчера. Вспоминая все навыки спасработ на горном рельефе, которым меня когда-то обучали, я прикидываю, где надо расположить карабины-блоки и прусики, благодаря которым я получу соотношение усилий 6:1. Снимаю веревку с ног и стропу с руки. Прежде чем я начну сооружать петли из стропы и карабинов, надо укоротить якорную веревку между валуном и спусковым кольцом, привешенным сверху, сантиметров на пятнадцать. Если я хочу достичь большего выигрыша в силе, мне нужно большее расстояние. Для этого между якорем и спусковым кольцом, через которое работает полиспаст, навязываю несколько узлов, и веревка таким образом

укорачивается, а якорная петля затягивается. Якорь поднимается выше, теперь до него трудно дотянуться, поэтому я поднимаюсь, расперев подошвы кроссовок в стенки каньона. Полметра высоты даются мне ценой напряжения и боли в правой руке.

В этот раз я не забываю привязать к якорю еще одну петлю, которую прусиком прихватываю к основной веревке. Теперь, если мне удастся поднять камень хотя бы на пару сантиметров, я смогу сразу же зафиксировать прогресс прусиком. Это даст мне возможность, во-первых, отдохнуть, во-вторых, перенастроить полиспаст для следующего рывка. Расстояние между кольцом якоря и валуном-пробкой — меньше метра, при этом я располагаю только тридцатью сантиметрами свободного хода своих петель для ног. При грузовом соотношении полиспаста 6:1 каждое перемещение основной веревки на тридцать сантиметров поднимет валун в лучшем случае на пять сантиметров. Для того чтобы поднять валун на пятнадцать-двадцать сантиметров и освободить верхнюю часть ладони, мне нужно по крайней мере три раза перевязывать систему. Я уже решил для себя: если мне удастся поднять валун настолько, что ладонь будет свободной, но при этом застрянет один или несколько пальцев, — я пожертвую зажатыми фалангами ради освобождения.

Я подтягиваюсь на веревке, вставляю ноги в петли и наваливаюсь на полиспаст. Отмечаю, что сильно волнуюсь, меня охватывает надежда на близкое освобождение. Но вот я нагрузил петли всем весом, прусик захватывает основную веревку, а валун не сдвинулся ни на миллиметр. Слегка пав духом, но еще не отчаявшись, я исследую систему и нахожу место, где веревку нужно укоротить. Вяжу еще пару узлов. При новой попытке система натягивается, но я не слышу даже слабого шуршания валуна о стенки, никаких болевых ощущений в правой руке, которые наверняка отметили бы любое движение валуна. Черт побери, да что ж такое происходит?! Я подпрыгиваю в петлях, налегая при этом левой рукой на грузовую линию. Веревка натянута, я прикладываю все свои силы. Но когда я прощупываю весь полиспаст, все карабины, все узлы, чем выше я иду пальцами, тем меньше натяжение веревки. Я опять наваливаюсь всем весом на полиспаст, трогаю основную веревку выше валуна и понимаю суть проблемы. Веревка практически не натянута. Трение в прусиках и карабинах съело все мои усилия. Слишком много изгибов, слишком много потерь. Возможно, имей я настоящие блоки и шкивы, у меня был бы шанс, но не с этим снаряжением.

И вот теперь разочарование охватывает меня, я целиком и полностью осознаю бесперспективность попыток как-то

освободиться из этой ловушки. Вчера я уже один раз пришел к такому выводу и решил ждать спасения, но сегодня надежда вспыхнула во мне с новой силой, и тем тяжелее сейчас переживать неудачу. Я вытаскиваю ноги из петель, при этом плечи безвольно падают. Отвязываю весь полиспаст и опять сажусь отдыхать в своей обвязке. Я безутешно вздыхаю, изо всех сил стараясь не разрыдаться. Я на грани полного отчаяния.

Из этого состояния мне удается вытащить себя воспоминаниями о своих аспенских друзьях. Я представляю себе, как они собираются на работу, как готовятся к отвальной Леоны. Уже завтра к этому часу они определенно поймут, что случилось неладное, забеспокоятся, и поиски наконец-то начнутся. Угасшая было надежда на спасение разгорается вновь. В конце концов, я ничего пока не проиграл по сравнению с тем, что было вчера, я опять жду помощи.

Каждый раз, когда часы показывают ровно какой-нибудь час, я вычисляю, сколько провел в ловушке, отсчитывая время назад по основным вехам. Одним из следствий моей бессонницы является то, что я не могу удержать в памяти результаты прошлых вычислений, поэтому приходится каждый раз заново упражняться в математике. Итак, семь утра, сорок часов назад я попался в этот капкан. Сорок часов без сна, сорок часов мучений без минимально необходимого количества пищи и воды. Сорок часов ледяной дрожи ночью, сорок часов напряжения, усталости и мук. Ровно два дня назад я проснулся в своем пикапе, где провел ночь пятницы, и приготовил себе немного овсянки, прежде чем начать запланированный отдых — пробег на велике и прогулку по каньону.

Жажда заставляет память вернуться к девятнадцатилитровой канистре воды, которую я купил в Моабе, — еще полная на три четверти, она сейчас лежит в моем пикапе. Я думаю о двух литровых бутылках «Гаторада», купленных мною в грин-риверском мини-маркете поздним вечером пятницы. Они валяются где-то на полу под пассажирским сиденьем вместе с апельсинами и грейпфрутами, кексами, буррито и прочей подобной едой, вытряхнутой из пакета во время тряски по грунтовой дороге. Я помню, как выглядят эти грейпфруты на коврике, я почти ощущаю их сочность. Я купил их специально для того, чтобы съесть сразу после возвращения из кольцевого маршрута по каньонам Блю-Джон и Хорсшу. После долгого путешествия вкус фруктов особенно восхитителен. Мой язык прижимается к нёбу, тоскующему по сочной влаге, и, прежде чем эта тоска возьмет верх над разумом и заставит меня разом выпить оставшиеся двести миллилитров воды, я вытряхиваю образ

грейпфрутов из головы.

Безделье порождает во мне беспокойство, поэтому я снова обдумываю свое положение. С полиспастом я больше возиться не буду. Это так же бесполезно, как ковырять камень напильником из мультитула. Похоже, мои возможности кончились. Я в двадцать пятый раз перебираю оставшиеся варианты освобождения, должно быть, подозреваю, что какой-то из них упустил.

Но я еще всерьез не рассматривал возможность ампутации — вчера я даже не пытался разрезать кожу, остановился. Почему? Не был готов, боялся, что все это плохо кончится? Я помню, как вид лезвия, приближающегося к руке, ошарашил меня, как от этого возникла тяжесть в желудке. Я совершенно не уверен в качестве жгута, который смастерил вчера из стропы, и, возможно, моя боязнь — это просто знак того, что проблему нужно обдумать тщательнее. Чтобы выбраться из каньона, продраться через все щели, спуститься дюльфером с двадцатиметрового отвеса и потом пройти еще тринадцать километров — и все это с рукой, ампутированной в экстремальных условиях, — для этого нужен жгут высочайшего класса. В конце концов, мне плевать, если от безупречного жгута пострадают остаточные ткани руки или кровеносные сосуды. Я должен решить основную проблему — не умереть от потери крови. Так как же мне сделать хороший жгут, если я решусь на ампутацию? Я уже вытащил трубку-гидратор из кэмелбэка, но она не годится — слишком жесткая, я не смогу завязать узел и плотно обернуть ее вокруг руки. Стропа тоже не годится, она неэластичная и не сможет принять форму руки, вряд ли удастся затянуть ее так туго, как мне нужно. Итак, мне нужно что-то более гибкое, чем трубка кэмелбэка, и более упругое, чем… Стоп! Вот именно — упругое! Неопреновая изоляция трубки от кэмелбэка достаточно эластична, податлива, но при этом прочна и упруга.

Мне удалось решить проблему, и я ликую. Потом вытаскиваю изоляцию из рюкзака, куда бросил вчера все необходимое, когда примерялся к хирургической операции. И как я не подумал об этом раньше? Левой рукой я дважды обматываю тонкий черный неопрен вокруг правого предплечья на несколько дюймов ниже локтя. Потом при помощи зубов завязываю простой узел, затягиваю его насколько возможно, после чего накладываю еще два-три узла. Беру карабин — тот самый, с фиолетовой маркировочной стропой, который использовал вчера, — прощелкиваю его под неопрен и закручиваю шесть раз. Неопрен сильно вдавливается в кожу и плотно зажимает руку. Я поправляю волоски на коже под повязкой, но все еще больно.

Боль даже нравится мне чем-то, возможно тем, что жгут работает. Я вижу, как предплечье от жгута до зажатой кисти меняет бледно-розовый цвет на бледно-серый, как живот у снулой рыбы. От локтя до жгута рука, наоборот, становится багрово-красной. Отлично! Это гораздо эффективнее стропы! Боль в руке нарастает, но удовлетворение от хорошо проделанной работы превосходит ее. Я доволен собой и этой болью от жгута не столько в силу мазохизма, сколько из-за нового лучика надежды. Я что-то делаю, я принимаю меры к освобождению. Это здорово.

Я готов к следующему шагу. Беру мультитул и вместо напильника выщелкиваю лезвие — длинное и тупое лезвие, забыв, что специально для операции оставил острое и короткое. Вместо того чтобы направить кончик ножа в ямку между сухожилиями на запястье, подвожу лезвие к верхней части предплечья. Удивляясь сам себе, надавливаю и медленно веду лезвием по руке. Ничего не получается. Хм. Я повторяю разрез, сильнее нажимая левой ладонью на ручку мультитула, — и опять никакого результата. Ни пореза, ни крови — вообще ничего! Вытаскиваю короткое лезвие и начинаю с силой пилить взад-вперед по предплечью, с каждой безрезультатной попыткой расстраиваясь все больше. Вконец рассерженный, я сдаюсь. Просто охренеть. Как, спрашивается, я собирался разрезать кости и сухожилия, если этот проклятый нож не берет даже кожу? Пошло оно все на хрен!

Разъяренный и озлобленный, я кладу нож на валун, выстегиваю карабин и ослабляю турникет. Через минуту слабый кровоток появляется в моей правой руке, и на коже, там, где я пытался пилить ее ножом, проступают небольшие саднящие царапины. И это все, чего я смог добиться! Эти царапины — единственное свидетельство того, что я и вправду пытался ампутировать себе руку.

Душераздирающее зрелище, Арон, душераздирающее.

Теперь только ждать.

Ш-ш-ш-ш-ух, ш-ш-ш-ш-ух, ш-ш-ш-ш-ух — сверху кружит черный ворон. Я смотрю на часы: 8:15. Ровно в это же время он появился надо мной и вчера. Интересно, это один и тот же ворон? Разумеется, да. Наверное, у него где-то внизу каньона гнездо. Как-то это дико, что птица прилетела в то же время, что и вчера. Такое потрясающее чувство времени у животного кажется мне неестественным. Возможно, определенное положение света на стенках каньона или температура воздуха будят в птице какой-то инстинкт, который говорит, что пора лететь наверх, где можно найти какую-нибудь еду. Я не знаю.

Более предсказуемо и не менее пунктуально, час спустя солнечный луч появляется на своем месте, и в 9:35 я вытягиваюсь для десятиминутного ритуала — приветствую солнце. Итак, ворон пролетел, солнце пришло — я закончил всю утреннюю рутину. И в этот момент впервые с начала своего заключения чувствую давление в мочевом пузыре. Я снимаю ножные обхваты, расстегиваю молнию на шортах и разворачиваюсь, чтобы помочиться. Песок моментально впитывает мочу, быстрее, чем успевает образоваться хотя бы маленькая лужа, — такое ощущение, что даже быстрее, чем моча достигает земли. Она пахнет не хуже и выглядит не темнее, чем два дня назад, когда я мочился последний раз. И тут я чувствую еще один зов природы. Я снимаю поясной ремень обвязки и приспускаю шорты в попытке облегчиться. Не хотелось бы гадить прямо здесь, в каньоне, но у меня просто нет выбора. Однако мое беспокойство по этому поводу оказывается чисто теоретическим — это ложная тревога.

Устав от стресса утренних надежд, вспыхнувших и погасших, я позволяю мозгу отвлечься. Вспоминаю, как в ноябре на фестивале горных кинофильмов «Банф» я встретил австралийского туриста Уоррена Макдональда. На фестивале показывали его фильм про то, как пешее путешествие по Тасмании стоило Уоррену обеих ног. Мы встретились за ужином, и Уоррен рассказал мне подробности. Он оставил напарника в лагере и отлучился по нужде. Пересек ближайший ручей, сделал свои дела, а на обратном пути решил потратить несколько минут на то, чтобы немного полазать по камням, лежащим на берегу реки. И когда он нагрузил один из больших камней, тот опрокинулся прямо на Уоррена, раздробил ему ноги и придавил ко дну неглубокого ручья. К тому моменту, когда напарник Уоррена забеспокоился его отсутствием, начался ливень, и поток, в котором лежал Уоррен, стал прибывать. Спасателям понадобилось два дня, чтобы освободить пострадавшего. Камень размером с автомобиль снимали с него гидравлическим подъемником. Следующим вечером я посмотрел фильм об этом случае и был потрясен документальными кадрами, на которых Уоррен прижат булыжником. Поразило меня и то, что впоследствии он смог восстановиться, научился пользоваться протезами и вернулся в горы. Через два года после несчастного случая Уоррен совершил восхождение на пик Федерации — одну из самых высоких и самых отдаленных гор в Тасмании.

Сейчас, угодив сам в капкан на дне каньона Блю-Джон, я особенно сочувствую Уоррену. Даже смешно, что я стал вторым человеком, о котором я узнал за последние полгода, что тот попал в ловушку, придавленный камнем. Хотя, возможно, были и

другие, я не знаю. Теперь мне интересно, как Уоррен справлял нужду, пока был придавлен камнем, и я завидую тому, что его напарник был поблизости и помощь была вызвана очень быстро. Если бы только со мной кто-то был… История Уоррена вдохновляет меня: если я переживу это приключение, то наверняка вернусь к своим путешествиям, к своим восхождениям. Я, конечно, не смогу давать фортепианные концерты, как это было в колледже, но, господи, какая ерунда.

Остаток утра и часть дня я провожу за чередованием немногих доступных мне видов деятельности: сажусь и встаю, давлю насекомых, разглядываю небо в поисках признаков внезапной грозы, подсчитываю минуты до следующего глотка воды. И вот наконец очередная веха моего дня — три часа, и я достаю камеру.

Ставлю камеру на валун, выравниваю ее, стряхиваю песок с линзы. Съемка — это самое увлекательное действие, которое я могу себе позволить, оно притупляет скуку ожидания, но, к сожалению, у меня нет хороших новостей. Я вздыхаю и начинаю говорить:

— Сейчас три часа, понедельник, прошло сорок восемь часов с начала заключения. У меня осталось примерно сто пятьдесят миллилитров воды, то есть пять унций.

Я делаю паузу и удивляюсь своей бесстрастной реакции на утверждение о заканчивающейся воде. В первый день я чувствовал гораздо более сильную эмоциональную связь с остатком воды, вода была пуповиной, которая связывает меня с жизнью.

Теперь я чувствую, что связь оборвалась. В какой-то момент ночи, без предупреждения, пошел обратный отсчет моего существования. Сейчас воды осталось так мало, что ее количество уже фактически не влияет на тот срок, который я еще протяну. К утру вода закончится, и я признал этот факт, не испытывая страха. Страха нет, осталась только пустота.

Затем я думаю о сестре, я смотрю прямо в объектив и представляю, как она в недалеком будущем сидит в гостиной и смотрит эту пленку. Я вижу ее лицо, ее глаза, которые смотрят на меня из камеры.

— Соня, я очень горжусь тобой. Я не смог узнать из первых рук, как прошли твои чемпионаты, но мама рассказала мне, как ты хорошо выступила в национальных соревнованиях. Что ты была десятой по стране и в речи, и в дебатах.[67] Черт побери, девочка! Я очень горжусь тобой! Не только из-за этого, но и вообще из-за того, какая ты есть… Я думал об этом. Мой друг Роб в Аспене говорил мне несколько… часто… несколько раз: важно

не то, что ты делаешь, важно то, каков ты есть. Меня это всегда раздражало, я думал, что то, кем я был, всегда было непрерывно связано с тем, что я сделал. Я был счастлив потому, что мои поступки делали меня счастливым. Но если что-то из того, что ты делаешь, может сделать тебя счастливым, точно так же это может сделать тебя несчастным… Я думаю, что все именно из-за того, что я был активен и честолюбив. — Ветер не дает мне говорить, я вздрагиваю и бормочу: «Холодно», затем продолжаю с того места, где прервался: — И поэтому я делал все то, что я делал.

Видеописьмо сестре превратилось в исповедь. С одной стороны, я не жалею о том, как жил, с другой — думаю, что, может быть, Соня сумеет из этого что-нибудь извлечь для себя — что-то, что поможет ей полюбить себя саму. Мы с ней похожи в нашей упертости, нашем чувстве постоянного соревнования с самим собой, в нашем перфекционизме. Я надеюсь, что она не попадет в ту же ловушку, в которую попал я, когда пытался построить жизнь, идентифицируя свое «Я есть» исключительно с тем, что «Я сделал». Да, я — альпинист, инженер, меломан, турист. Но я не *только* все вышеперечисленное, я еще и человек, который обогащает жизни других людей и чья жизнь обогащена другими людьми — теми, кому я это позволяю.

— Я оглядываюсь назад и понимаю, что многому научился. И одна из вещей, которую я понял здесь, — это то, что я не до конца насладился обществом тех людей, которые были рядом со мной. Не так, как мог бы. Вокруг меня всегда было много, очень много замечательных людей, а я зачастую был склонен их игнорировать и принижать их значимость, я гнался за сущностью переживаний. В общем, я тут многое понял.

Моя спонтанная исповедь обнажает вину, я чувствую свой эгоизм. Воспоминание о людях и событиях подняло мне настроение, я даже улыбаюсь, несмотря на все обстоятельства. Как часто я оставлял своих друзей ради одиночных путешествий и, даже когда был с ними рядом, предпочитал уединение. Все это выдает во мне ужасного эгоиста. Воспоминания, которые будят во мне чувство благодарности за прожитую жизнь, связаны с семьей и с друзьями. Я начинаю понимать, насколько бесценно было их общество, и мне грустно оттого, что я проводил с ними вместе не так уж много времени.

Я записываю еще несколько отрывков, рассказывая об очередных попытках освободиться:

— Что у меня происходит: я еще раз построил полиспаст с соотношением шесть к одному, но слишком большое трение в шкивах. Мне даже не удалось нагрузить основную веревку — слишком много острых изгибов. Я еще немного поковырял валун,

но это безнадежно.

От усталости и отсутствия сна я плохо соображаю и забываю упомянуть о попытке отрезать себе руку.

Теперь я сворачиваю на тему неочевидных перспектив моего поиска и спасения:

— Я обдумывал все факторы, которые могли бы повлиять на мое спасение, и похоже, что случайности не сойдутся так, чтобы помощь поспела вовремя. Я думаю о Леоне, моей соседке, она беспокоится обо мне не меньше, чем члены моей семьи. Когда я не вернусь сегодня вечером, она точно будет знать, что я запаздываю, но я ей только сказал, что еду в Юту. Даже если она немедленно подаст заявку в полицию, пройдут еще сутки, прежде чем они объявят поиск. Очень мала вероятность, что какой-нибудь смотритель подойдет к началу тропы в Хорсшу, где припаркован мой пикап, до начала выходных и массовых прогулок к Большой галерее.

Качая головой, я пристально гляжу на узкую длинную полоску неба, на тридцатисантиметровой ширины дно каньона, на веревки, на что угодно, чтобы не видеть отражения своего лица в экране видоискателя.

— Брэд и Лия ждали, что я позвоню им в субботу, но, когда этого не произошло, вряд ли они сильно забеспокоились. Да, предполагалось, что мы встретимся на вечеринке в Гоблин-Вэлли, но вряд ли они заволнуются настолько, чтобы что-либо предпринимать. В любом случае они не знали, куда я собирался, да что там — я и сам не знал, куда еду. Все дело в том, что я пересек границу штата, еще не зная, куда направляюсь и где буду в пятницу, и не был уверен в том, что я буду делать в субботу. О господи.

Я знаю, что нарушил одно из основных своих правил — уехал, не оставив никому детального плана путешествия, и теперь расплачиваюсь за свое легкомыслие. Сколько раз мне сходило с рук то, что я вносил поправки в маршрут и никому ничего не говорил об этом? Так происходило постоянно. А больше так не будет.

— И еще, я должен был больше рассказать Меган и Кристи — девушкам из «Аутворд баунд». Я должен был пойти с ними. Просто бросить все и выйти через Западный рукав.

Я снова и снова качаю головой, жалея сам себя, и несколько раз продолжительно моргаю. Я получил только то, что заслужил.

— Боже мой, я действительно попал. Я думаю, что иссохну здесь через несколько дней. Если бы у меня была возможность покончить со всем этим, я, вероятно, сделал бы это — завтра вечером или что-то около того. Мне плохо здесь. Здесь холодно. Я

не могу защититься от ветра. Ветер все время дует. Не такой уж сильный, но он приносит холод. Он дует из-за спины, оттуда. — И я киваю в сторону левого плеча. — Я делаю что могу, но как же мне хреново. Это действительно очень тяжело. Хуже некуда. Я уже знаю, что случится, но конец наступит только через три или четыре дня…

Мой голос слабеет, превращается в хриплый шепот. Я надеюсь, что не протяну еще четыре дня. Я не могу представить себе, на что буду похож, если все еще буду жив в пятницу.

Под гнетом неминуемой кончины я решаю перейти к логическому продолжению ситуации и определить судьбу моих вещей. Получается мрачновато, но мне кажется уместным дать совет семье о том, что делать с моим имуществом. Записываю краткую версию завещания:

— Что касается логистики, хочу сказать, что у меня есть страховка «Американ экспресс», которая должна покрыть расходы на вывоз меня отсюда, когда это все случится. Баланс банковского счета должен покрыть задолженности по кредитной карте. Мама, папа, вы должны будете продать мой дом. Насчет вещей… Не знаю, захочет ли Соня пользоваться моими компьютером и видеокамерой… Там есть фотографии на карте памяти у меня в кармане и в самой камере. Пусть Чип из Нью-Мексико заберет мои диски. Все мое барахло для походов, Соня, если вдруг тебе что-то подойдет и что-то понадобится, — все это ты можешь взять себе и использовать как захочешь.

Чуть не плача, я заканчиваю говорить. Останавливаю запись, складываю экранчик, убираю камеру в рюкзак. Левой рукой хватаюсь за голову и удрученно качаю ею, всхлипываю, вытираю ладонью нос и рот. Пальцы скользят по ресницам, по растительности под носом, по переносице.

Полчаса спустя, около 15:35, я снова испытываю желание помочиться. Интересно, как такое возможно — за сегодняшний день я уже второй раз хочу писать, и это притом, что мой организм обезвожен. Что происходит?

Сбереги мочу, Арон. Мочись в свой кэмелбэк. Тебе все это может понадобиться.

Повинуясь внутреннему голосу, я переношу содержимое мочевого пузыря в пустой резервуар от кэмелбэка. Я сохраняю оранжево-коричневую жидкость на тот неаппетитный, но неизбежный случай, когда это будет единственная жидкость в моем распоряжении. Запоздало понимаю, что должен был сохранить и ту, первую партию. Она была намного прозрачнее этой и пахла не так противно. Я спрашиваю сам себя, должен ли ее пить, но откладываю решение на потом.

Я вытаскиваю фотоаппарат — в первый раз за все это время — и снимаю все подряд: крупный план моей руки, исчезающей в скале; мой полиспаст во всех подробностях; два автопортрета — на одном я смотрю в каньон, второй снят сверху, от левого плеча, чтобы был виден мой валун. Рассматривая результат, я листаю и те фото, что были сделаны в первые два дня каникул. Тут и гора Соприс, и окрестности Моаба, и Кристи с Меган в верхней части каньона Блю-Джон. Ангелы.

ГЛАВА 8
Я еду в Юту

Говорят, мы ищем смысл жизни. Думаю, что это не совсем так. Я думаю, предмет наших поисков — практический опыт выживания, поэтому наша жизнь в исключительно физическом понимании — это наши сегодняшние реалии нашего бытия. Поэтому наши ощущения — это и есть наша жизнь.

Джозеф Кэмпбелл. Сила Мифа

Зимой 2003 года я был сосредоточен на девяти четырнадцатитысячниках; поднимаясь на них, я неделю за неделей переключал свою энергию на новый маршрут, на очередную манящую вершину. Эти восхождения были ценны сами по себе, но также они на протяжении всей зимы обеспечивали мне непрерывный тренировочный цикл, так что к трудному походу на Денали я имел хорошую физическую форму. В экспедиции 2002 года с командой «Бродячие псы» я понял, что для успешного подъема на гору высотой 6200 метров, тем более для попытки скоростного — в течение суток — соло, да еще и со спуском на лыжах, от меня потребуется все, что я могу. Когда зимний сезон был официально закрыт, я подвел черту под очередной серией потрясающих зимних соло на четырнадцатитысячники и занялся лыжными походами.

С Риком Инманом, другом и коллегой из «Ют маунтинир», я катался на лыжах с горы Соприс рядом с Карбондейлом в Колорадо. Это оказалось важным для меня: я возвратил утраченную было уверенность в том, что могу правильно оценить лавинную опасность. Был спокойный день, мы скатывались с невысоких склонов над озерами Томас, избегая крутых и жестких ледяных участков. И я порадовался, что избавился от тяги кататься непременно по целине, которая привела к таким опасным последствиям на Резолюшн всего месяц назад.

В конце марта Гарет Робертс и я приняли участие в семидесятикилометровой приключенческой лыжной гонке «Элк-маунтинс гранд-траверс». Дистанция шла от Крестед-Батт до

Аспена. Перед гонкой я отправился в сорокакилометровый тренировочный поход вокруг пика Стар, недалеко от Аспена. Желая проверить снаряжение, которое буду использовать в гонке, я утром взял в своем магазине специальные бэккантри-лыжи[68] с металлическим кантом и насечкой. Ровно в полдень я стартовал из туристического лыжного центра в Эшкрофте и до темноты успел пройти двадцать восемь километров через три перевала. Но перевал Перл я проходил уже в темноте, и в какой-то момент меня окутала белая мгла; я понял, что заблудился. Я прошел примерно половину лавиноопасного участка в котловине Перл, стараясь избегать мест схода лавин и не сорваться на фирновых и ледовых участках, но потом понял, что просто хожу по кругу. Когда же я наконец усвою, что компас не врет? Заблудившись в темноте, в пургу, выше зоны леса, на высоте 3600 метров, я решил, что другого выхода нет, — надо вырыть пещеру в снегу.

Для того чтобы выкопать надежное укрытие, нужен участок глубокого и уплотненного ветром снега, и мне удалось найти такой только с третьей попытки. Я просидел в своей норе пять часов, высовывая голову каждые двадцать или тридцать минут и проверяя, видны ли звезды, вершины гор, долина или деревья — хоть что-то, что поможет мне определиться по карте. Существовало всего три долины, где я мог оказаться, исходя из точки старта. Две долины заполнены непроходимым темным лесом, а через третью прорезана дорога, поэтому лучше ждать, пока я не сумею определить свое точное местоположение, и потом найти именно эту долину. Часам к трем ночи буря поутихла настолько, что в паре сотен метров над головой я смог разглядеть вершину. Тогда я опять встал на лыжи и покатился по свежему снегу, держась подальше от крутых склонов. В пять утра я вернулся домой, принял душ, подремал и вышел на работу на несколько минут позже положенного. Пришлось оправдываться перед Брионом Афтером, но отмазка у меня была, скажем прямо, не рядовая.

Сама же гонка обернулась натуральной героической эпопеей: сорок процентов команд выбыли из-за очень низкой температуры в первой половине гонки и из-за сильного ветра во второй. Десяток человек серьезно поморозились, кому-то не удалось прикрепить камус на лыжи, у кого-то поломалось снаряжение. У некоторых, как у моего напарника Гарета, замерзла вода в кэмелбэках, а там и до обезвоживания было недалеко. На контрольном пункте в хижине Друзей, почти на середине дистанции, мы с Гаретом были последней командой, покинувшей КП и успешно преодолевшей перевал Стар до контрольного времени. Двадцать девять километров по двадцатиградусному

морозу мы прошли за восемь часов и миновали перевал, имея в запасе две минуты. Через девять с половиной часов наша команда прибыла на финиш шестнадцатой, после нас финишировали всего две команды (пара участников схватила холодную ночевку — они запилились на несколько километров и не смогли исправить ошибку до утра). Катясь со склона горы Аспен под приветствия жены Гарета и радушных волонтеров, мы с Гаретом согнули колени в классическом телемарке, показывая, что все еще получаем от этого удовольствие. Мы пересекли линию финиша под вспышки камер и нагнули головы, чтобы получить памятные жетоны. А потом улыбались и смеялись, сжимая в руках холодные бутылки местного пива, с таким видом и таким чувством, будто выиграли гонку. На самом деле выигравшие команды закончили на девять часов раньше нас, у них было достаточно времени, чтобы принять душ и полноценно выспаться до того, как мы подползли к финишу. Наверное, поэтому все они попали на церемонию награждения, а мы заблудились и в итоге праздновали сами по себе, с пивом и бургерами в «Литтл-Энни».

Через две недели я отправился в одиночку на пик Катедрал и на лыжах съехал оттуда по кулуару восточной стены южного ребра. В 2001 году, закончив сезон летних восхождений на четырнадцатитысячники, я опустил высотную планку и добавил в свой список еще шестьдесят вершин; это была моя версия так называемых пиков Столетия — сотни самых высоких вершин в Колорадо, штате Столетия.[69] На пятьдесят из них я поднялся в 2002-м, увеличив число взятых вершин выше 13 800 футов (4200 метров) со ста девяти до ста девятнадцати. Катедрал был следующим в моем списке, и он стал моей сто десятой вершиной в штате. С вершины через долину Конандрам-Крик я смог осмотреть хребет Хайленд на всем его протяжении. На май я планировал траверс этого хребта — пятой категории сложности и длиной почти тридцать километров — и проводил разведку с видеосъемкой, чтобы потом спланировать путешествие.

Спуск с Катедрала был самым экстремальным внетрассовым спуском на лыжах в моей практике; пятидесятиградусный восточный кулуар длиной сто пятьдесят метров в ширину почти на всем своем протяжении был не больше трех метров. К счастью, снег размяк на солнце, и это позволило мне накрутить несколько десятков дуг на самом технически сложном участке кулуара и отдохнуть в пологой части желоба. В три часа дня я проехал мимо летнего ресторана «Пайн-Крик кукхаус» в Эшкрофте и был одним из последних, кто видел это безлюдное здание за сорок пять минут до того, как там взорвался газ и оно сгорело дотла. Когда я

возвращался в город, то очень удивился, увидев, как по Кэстл-Крик-роуд с воем сирен мчатся пожарные машины, и только на следующее утро я прочитал в газете, что случилось.

17 апреля утром я поднялся на Кэстлабра-Пойнт (предвершина пика Кэстл, высота 4206 метров, мой сто одиннадцатый из пиков Столетия) и в полдень скатился на лыжах в котловину Конандрам, неподалеку от Аспена. Самое замечательное, когда лазаешь или катаешься в этой котловине, — возвращение к природному горячему источнику с температурой воды сорок градусов. Ты отмокаешь в горячей воде на высоте 3400 метров, готовясь пройти финальные тринадцать километров до своего автомобиля.

На следующий день Дженет Лайтберн — участница моей команды, собирающейся на Денали, — и я взошли на Куондэри по кулуару Кристо. Я спустился на лыжах с вершины в стиле телемарк, на полусогнутых коленях, но одна из задних пружин крепления сломалась, и дальше мне пришлось ехать в прогулочном варианте. Это был километровый спуск, на котором я получал удовольствие оттого, что вынужден на ходу варьировать технику сообразно наличному снаряжению. Тем вечером я поехал домой в Аспен и, поскольку в субботу мне не надо было на работу до часу дня, утром вышел на пробежку. Я чуть больше чем за три с половиной часа проделал внедорожный кросс-марафон в сорок два километра от своего дома аж до Сноумасс. При этом два раза мне пришлось бежать по восьмисотметровым участкам глубокого, по бедра, снега. Затем я отработал восьмичасовую смену. Вспоминая все то, что я проделал за последние шестьдесят часов — проехал на лыжах больше восьмидесяти километров, шел, бежал, набрал в общей сложности три километра высоты, — я чувствовал себя готовым к путешествию на Аляску. И то, что я был сейчас в самой лучшей физической форме за всю жизнь, сыграет неожиданную роль в моем путешествии на следующей неделе.

Я договорился встретиться с Дианой и Вольфгангом Штиллерами — друзьями моего инструктора по скалолазанию Гэри Скотта; они хотели подняться на гору Холи-Кросс по кулуару, который тоже назывался Кросс. Это был красивый маршрут по желобу с вертикальными стенами, который выводил на вершину высотой 4268 метров. К началу подъема нужно было пройти на лыжах девятнадцать километров, на восхождение мы запланировали два с половиной дня. Это был бы наш первый совместный выход, и если бы все пошло хорошо, то на будущее у нас были большие планы — гребень Либерти на пике Райнир. Однако очередная пурга, что так часты в конце зимы, положила

конец нашим мечтам. За день до выхода в центральных горах выпало двадцать сантиметров снега. Выросла лавинная опасность, и лезть в узкий кулуар, доверившись только горной удаче, было очень рискованно. Лавина размесила бы нашу троицу в трехсотметровом наклонном блендере из айсбайлей, скальных стен, кошек и снежных якорей. А затем нас выплюнуло бы из кулуара к подножию горы. Тут не стоял вопрос, выживем мы или нет, а скорее — смогут ли потом наши родственники сказать, кто есть кто, после мясорубки в кулуаре.

Принять решение было легко, Диана и Вольфганг были полностью согласны, и мы договорились снова попытаться в июне. Они знали, что я специально копил выходные для апрельской вылазки, и очень извинялись. Но я не был ни капли раздосадован.

— На самом деле начальник сказал мне, что я могу отдыхать до вторника, поэтому сегодня у меня начинаются пятидневные каникулы. Завтра мы с другом покатаемся на лыжах с горы Соприс. В последнее время я много думаю о пустыне. Может, подамся на какое-то время в район Моаба, отдохну от гор.

Годом раньше я усвоил, что когда проводишь весь июнь на Аляске — живешь в лагере на леднике, строишь снежные стенки, лазаешь на ледовые стены, — то летнего времени на летние занятия остается мало. Получив шанс поехать в Юту на четыре дня, я надеялся урвать немного летнего солнца с опережением графика. Диана и Вольфганг пожелали мне безопасных путешествий, и я поблагодарил их за то, что они меня пригласили. Мне нужно было сложиться — добавить снаряжение для маунтбайка и скалолазания, взять описания и путеводители по тем местам в Юте, где я могу оказаться, — и хоть немного поспать. Я и мой аспенский друг Брэд Юл договорились в три часа стартовать на Соприс, и на сон оставалось немного.

Пока я складывался, домой приехала Леона:

— Куда ты на этот раз?

После нескольких часов в местных барах она была немного навеселе.

— Утром катаюсь с горы Соприс на лыжах.

— И тебе нужно все вот это?

Посреди гостиной было сложено мое снаряжение для скалолазания и маунтбайка, спальный мешок и рюкзаки.

— Я еду в Юту. Пока не знаю, что буду делать. Выезд на Холи-Кросс сорвался.

— Вот засада-то.

— Ну, не совсем. Я давно хотел рвануть в пустыню и погреть косточки, сечешь? Немного покататься на маунтбайке, полазать в

узких каньонах. Брэд сказал мне про субботний пикник в Гоблин-Вэлли. Я мог бы попытаться и туда тоже попасть. Думаю, что куча людей из города собирается на все выходные на эту угарную вечеринку.

Последний из аспенских горнолыжных подъемников закрылся в понедельник, тем самым официально началась межсезонная миграция аспенцев в экзотические уголки планеты. Жители редко покидают долину во время лыжного сезона — периода напряженной работы. Фактически даже вылазка за тридцать километров в Базальт кажется дальней поездкой. Но со второй половины апреля до конца мая, когда управление шоссейных дорог открывает перевал Независимости,[70] жизнь в городе затихает, и люди стекаются в более теплые места — в Мексику, Таиланд, на Багамы и в Юту. Для меня тоже настало время присоединиться к большинству прямо после очередной лыжной поездки.

Позже той же ночью, примерно в четыре часа, Брэд подпрыгивал на пассажирском сиденье рядом со мной, пока я пробивался на своем пикапе сквозь полуметровые снежные заносы по пути на гору Соприс. Это походило на рекламу полноприводного транспорта — из колеи летит снежная крупа, а у нас улыбки до ушей. Мы были приятно удивлены, что смогли такой ранней весной проехать к началу тропы. В темноте мы разгрузили наше снаряжение для внетрассового катания и принялись по очереди торить тропу к озерам Томас, до которых было шесть с лишним километров и где я уже был месяц назад с моим другом Риком. В полшестого утра стало светлеть, и сквозь туман мы увидели край замерзшего нижнего озера. Но, несмотря на погоду и высокую лавинную опасность — за день до нашего приезда шел снег, — я не особо нервничал в этой поездке. Я был готов вернуться, если лавинная опасность возрастет и в цирке станет совсем опасно, и знал, что и Брэд думает так же.

Гору Соприс не спутаешь ни с какой другой — вершин у нее две, метрах в восьмистах друг от друга и одинаковой высоты, 3960 метров. Мы определили безопасный маршрут подъема на восточную вершину и вылезли на хребет, пролегавший к северу от озер. Видимость была низкой — метра три, а склон, по которому мы собирались спускаться с вершины на лыжах, был покрыт слишком уж тонким слоем снега. Поэтому мы спрятали наше катальное снаряжение (мои лыжи и сплитборд[71] Брэда) на высоте 3560 метров. Поднимаясь в плотные облака, мы с Брэдом перестали ориентироваться в туманной завесе, которая превратила землю и небо в непрозрачную белую стену,

начинавшуюся перед самыми нашими глазами. Мы обошли справа отвесные скаты, из-за которых нам пришлось столкнуться с карнизом на высоте 3900 метров. Я вслепую шел по плотному снегу, вонзая в стену передний рант ботинок для телемарка, а белая мгла скрыла вершину карниза. Брэду было труднее вбивать носок, потому что он поднимался в мягких ботинках для сноуборда, но я одолжил ему свой ледоруб, и он быстро забрался на карниз. В 8:30 утра мы вместе вышли на восточную вершину, где я сфотографировал, как мы смеемся над заиндевелой пятнадцатисантиметровой бородой Брэда.

Мы вернулись к лыжам и сплитборду и по одному съехали с крутого склона хребта в цирк, ориентируясь на подъемные следы. Свежий снег хорошо сцепился со старым и лежал слоями, и мы решили, что надо бы проверить сам цирк. Сначала мы выкопали яму, посмотрели, как лежат слои, и изменили свои планы. Мы планировали спуститься по широкому кулуару, образованному двумя скальными выходами в центре цирка, но вместо этого решили проехать пару кругов к центру. Когда мы начали спускаться в цирк, облака растянуло, и мы с воплями покатили вниз, нарезая дуги шириной метров по четыреста. Два часа мы разрисовывали цирк озер Томас, а потом остановились, чтобы разделить одну из фруктовых булочек Брэда. В тот прекрасный момент мы смеялись, и смеялись как дети.

На спуске дневное солнце превращало снег в кашу, из-за теплой погоды и дорога, и парковка были в грязи. Колеса пикапа утопали в колее, которую я проделал на пути сюда. Мы почти проехали мимо ямы в мокром снегу, но ошибка в управлении — нас выкидывает из колеи, и я едва успел остановить машину, когда нас боком стало заносить в мокрый лес. Брэд предположил, что мой полный привод работает неправильно; иначе, мол, я сумел бы вырулить обратно на дорогу. Мы застряли в мягкой грязи и снегу, лежавших поверх толстого льда. Без толку буксуя, мы торчали там полтора часа до тех пор, пока — спасибо Тебе, Господи, за мобильные телефоны — не приехала жена Брэда, Лия, с буксировочным тросом. Мы прицепили мои цепи на колеса Брэда, присоединили буксировочный трос и, заведя одновременно оба двигателя, освободили мой пикап.

Сказав мне, чтобы я позвонил на мобильный Брэду в субботу уточнить насчет вечеринки в национальном парке Гоблин-Вэлли, Брэд и Лия уехали в Сильвертон через перевал Макклюр. А я покатил на запад, в Инглвуд-Спрингс. Я три часа ехал по шоссе, читая в описании Каньонлендс про узкие каньоны рядом с Моабом и Грин-Ривер. Я обдумывал возможные маршруты и решил, что утром погоняю на велике по тропе Слик-Рок около

Моаба. Затем в субботу пройду пешком по каньону, который выведет меня как раз к вечеринке в Гоблин-Вэлли. Проехав восемь километров по фривею I–70, мимо Томпсон-Спрингс, штат Юта, я повернул с шоссе в обширную зону отдыха и поставил пикап на самую темную парковку около навесов для пикников между двумя двадцатиметровыми прожекторными столбами, освещавшими полдюжины мескитовых деревьев. Я разложил спальник в кузове пикапа и заполз внутрь, у меня едва хватило соображения на то, чтобы снять контактные линзы перед тем, как погрузиться в заслуженный сон.

В пятницу утром я проехал тридцать миль на юг в Моаб, чтобы целый день кататься на велосипеде по тропе Слик-Рок — одному из самых известных веломаршрутов в Юте. Маршрут заработал свою популярность тем, что требует техники езды по песчанику, а песчаных ловушек там на протяжении двадцати километров всего несколько. Ну и вдобавок он расположен неподалеку от центра Моаба, и там есть многочисленные обзорные площадки над ущельями, где течет река Колорадо. Я рассмеялся, когда увидел сверху свой пикап с лыжами на багажнике — на парковке в начале велосипедной тропы, и ни одной снежинки на восемьдесят километров вокруг.

Стартовал по тропе я в одиночку, но вскоре, хотя разминки явно и не хватало, нагнал четверых профессиональных велосипедистов и сел им на хвост. Вскоре после этого они ускорились, и это уже было выше моих сил. Несясь сломя голову к трехметровой — и, как казалось на первый взгляд, вертикальной — скальной плите, я навернулся с велосипеда. Хорошо, что вовремя выщелкнул ноги из контактных педалей, иначе падение вышло бы еще унизительнее. Я впервые ехал по песчанику и понял, как многому мне нужно научиться, коли первый десяток препятствий вызывает у меня такие проблемы, причем по местной десятибалльной шкале трудностей они не сложнее шестерки. К счастью, каждый раз я благополучно спрыгивал с падающего велосипеда.

Я сосредоточился на оттачивании движений, работая над ошибкой по три или четыре раза, пока не исправлял ее. Имитируя лучшие приемы байкеров, перед крутым пятнадцатиметровым песчаниковым холмом я встал на педалях, перенес вес на руль и надавил всей массой на вилку передней оси. Я не мог поверить, но колеса не забуксовали — и я не навернулся. Скрипя на самой нижней передаче, я упорно стремился вверх, зная, что при повороте скольжение тянет переднее колесо перпендикулярно. Я задыхался, ноги яростно стонали, но из последних сил я крутанул

педали еще несколько раз — и победно обмяк в седле на вершине холма.

К тринадцатому километру у меня уже получалось брать препятствия шестой, седьмой и даже восьмой категории. И только я разошелся, как получил увесистый щелчок по носу. На обратной части петли я попал в песчаную ловушку, перенес свой вес слишком далеко вперед, и… Я моргнул, а когда в следующий раз открыл глаза, то уже лежал, распластавшись на животе, носом в песок. Велосипед громоздился поверх моих ног, спины и шеи, а руль придавил голову к земле. Я корчился и изгибался, но ноги были скручены над задницей, правый носок так и оставался вщелкнут в педаль. Двухколесный чемпион по борьбе крепко меня пришпилил. Я засмеялся, и от резкого выдоха песчинки разлетелись в стороны, облепили потные щеки. Я не мог решить, легче мне оттого, что никто не видел моего переворота через руль, или жалко, что нет рядом никого, с кем можно было бы вместе посмеяться от души. Вернувшись к началу круга, я пошел на второй заход и теперь взял препятствие чисто — на глазах у группы велосипедистов, которые все спешились и тащили железных коней вверх по плите на своем горбу.

Возбужденный и утомленный таким интенсивным днем, я уселся в пикапе и стал читать в путеводителе описание каньона Негро-Билл. Трехкилометровая прогулка привела бы меня на естественный мост, шестой по длине в США. У меня было достаточно времени, чтобы проехать на велосипеде к началу тропы и забежать на мост до сумерек, поймав самый удачный свет для фотосъемки.

В прошлые вылазки в Юту я проезжал на велосипеде маршруты длиной в сотню километров и проходил за день шестидесятикилометровые каньоны пешком. Эти прогулки привлекали меня и физическими нагрузками как таковыми, но я всегда таскал с собой камеру, чтобы снимать пейзажи, сюрреалистические формы выветривания и неземные цвета, а также скрытые сокровища петроглифов и кивов,[72] оставленных давно исчезнувшими культурами. После похода в каньон Негро-Билл у меня осталось пять-шесть групп снимков приречной территории и естественного моста. На моей любимой фотографии лазурное небо и рыжеватые стены отражались в зеркально тихом пруду, окруженном зеленым тростником и травой. Вылазка удалась, но мой аппетит как фотографа был только раззадорен. Я хотел пойти в узкий каньон и добраться до петроглифов.

Я уже определился с субботней поездкой: это будет район Робберз-Руст, к востоку от Хэнксвилла, — расположенный в двух часах от Моаба и в двух часах от Гоблин-Вэлли, он идеально

подходил для того, чтобы попасть на субботнюю вечеринку. Поскольку за два дня в пустыне мне не попалось бы ни бакалеи, ни супермаркета, запастись водой и провизией следовало заранее. Тащить с собой весь путеводитель было совершенно не обязательно, и я скопировал страницы со схемами тех трех каньонов в Робберз-Руст, где было больше всего узких щелей и петроглифов. Наполнив бензобак и подготовившись к большому путешествию по пустыне, я выехал из Моаба поздно вечером и по хайвею двинул на север. Я включил круиз-контроль и стал просматривать отксеренные странички путеводителя. Совместив два описания примыкающих каньонов, я увидел возможность сделать красивую петлю. Пикап я оставлю на стоянке национального парка Каньонлендс и проеду двадцать пять километров на велосипеде к началу каньона Блю-Джон. Затем две глубокие узкие щели, двадцатиметровый дюльфер — и выхожу к слиянию с каньоном Хорсшу. Оттуда — к петроглифам Большой галереи, потом возвращаюсь к машине. Пятьдесят километров за день — на маунтбайке, пешком и лазаньем. Я прикинул, что если выехать до девяти утра, то к пяти вечера успею вернуться.

На двухсотшестидесятом километре трассы I–70 я свернул к Грин-Ривер, увидев знак, предупреждающий путешественников, что до ближайших заправки и кафе сто восемьдесят километров на запад. Я остановился в грин-риверском мини-маркете и подумал, не позвонить ли Брэду и Лии — уточнить про вечеринку в Гоблин-Вэлли. Но было уже поздно, так что звонок я отложил — позвонить можно будет и завтра из Хэнксвилла. Все равно Брэд встает рано утром и уходит кататься на лыжах, так чего я буду сейчас его будить. Я купил две бутылки «Гаторада», а затем прокатился туда-сюда по главной улице Грин-Ривер, пока в южной части города не нашел съезда на трассу.

На юго-восточной окраине Грин-Ривер я проехал мимо пустой стоянки возле желтого здания с алюминиевыми стенами — это была контора шерифа округа Эмери. Потом я вывернул на Эйрпорт-роуд, проехал под шоссе, соединяющим два штата, и двинул к абсолютно дикому пейзажу — ни единый огонек не освещал черноту пустыни Сан-Рафаэль.

Я еду по сорнякам, пробивающимся сквозь неразмеченную и грубо мощенную трассу, и думаю, о чем они свидетельствуют — о жизненном упорстве или просто о халатности дорожного управления. Притормозив на перекрестке, поворачиваю влево, на грунтовку, ведущую в Робберз-Руст. Времени одиннадцатый час, указатель говорит, что до начала тропы через каньон Хорсшу осталось семьдесят пять километров через кромешную тьму

пустыни. Возле желтого треугольного знака, предупреждающего, что дороги могут быть непроходимы из-за бурь, пикап наехал на перекати-поле. Такое чувство, что я еду в никуда. В свете фар мелькают зайцы — бегут за машиной, скачут то влево, то вправо или даже прямо по дороге перед колесами, прежде чем рвануть обратно в пустыню.

Я прохожу на высокой скорости трясину, лучи фар ныряют в овраг, и пикап чуть не летит следом, но я резко выкручиваю баранку влево и снова нахожу трассу. Задний мост заносит — и лишь в первый из множества раз. Десятки поворотов, ям и песчаных наносов стараются сбросить мой пикап с дороги, но каждый раз я его выравниваю. Можно подумать, я участвую в ралли: сплошные заносы, облака пыли, подскоки на буграх. Вещи летают по кабине, грохочущая музыка так и подзуживает втопить педаль. Ну прямо «Дикие гонки мистера Жаба».[73] Я еду с включенным дальним светом, чтобы разглядеть виражи, скрытые на другой стороне холмов, но фары едва помогают. Можно было бы замедлить ход, но моя средняя скорость и так всего пятьдесят километров в час. Я устал, и хотелось бы лечь спать до полуночи.

В левом окне замечаю характерное созвездие — Персей. Кроме одного ущелья — скорее всего, это сухое русло реки Сан-Рафаэль, — вокруг нет деревьев, только редкие пучки невысокой травы. Время от времени встречается ограда пастбищ, причем столбики и перекладины ярко-желтые, недавно покрашенные, — значит, пастбища до сих пор используют по назначению. Но огней, которые разогнали бы мрак пустыни, все равно не видно ни единого. В свете фар возникает пивная бутылка; я не сворачиваю, чтобы ее объехать. Переднее правое колесо наезжает на горлышко, бутылка подпрыгивает и бьется о дно машины. Я думаю: «Тут был Хэйдюк», вспоминая главного героя из романа Эдварда Эбби «Шайка с разводным ключом»,[74] который протестует против дорог, разбрасывая по ним бутылки от пива.

Периодически пикап мчится по изрытым плитам песчаника, там, где дорожные рабочие пытались выровнять трассу скрепером. Тот навалил вдоль дороги земляной вал, который не дает фарам осветить пустыню. Я пролетаю над краем следующей болотины на шестидесяти пяти километрах в час и сразу вижу очередной поворот. Приходится резко тормозить, и все равно едва вписываюсь. Опять начинается прямой участок, я переключаюсь с третьей передачи на четвертую. По сторонам мелькает редкий кустарник.

Очередной заяц.

Очередной забор.

Очередной поворот.

Вдруг я проскакиваю небольшой коричневый знак, указывающий, что дорога заканчивается и начинается тропа в каньон Хорсшу. Торможу, разворачиваюсь на сто восемьдесят, отворачиваю налево и выезжаю на стоянку — простая грунтовая площадка. Там стоят еще три машины и две палатки в начале тропы, несмотря на знаки, запрещающие ставить лагерь на парковке. Разворачиваю пикап и нахожу ровное место рядом со знаком, приглашающим посетителей в каньон Хорсшу национального парка Каньонлендс. После этого убираю разбросанное по кузову снаряжение, разворачиваю пенку и спальник и укладываюсь. В сон я падаю, думая о маршруте Блю-Джон — Хорсшу, на который мне предстоит выйти утром. Ветер раскачивает пикап, напевая органичную колыбельную каньона.

ГЛАВА 9
День четвертый: без пищи и воды

Я верил в веру ради нее самой. Верить, несмотря на абсолютное отчаяние, на все доказательства обратного, не замечать очевидную катастрофу — а что мне еще оставалось?.. Мы намного сильнее, чем сами себе представляем, и вера, — это одна из множества доблестных и долговечных человеческих особенностей. Верить, даже когда все мы, люди, знаем, что нет способа продлить эту жизнь, нет лекарства от нашей неминуемой смерти, — это форма мужества. Продолжать верить в себя… верить во все что угодно, что бы я ни выбрал объектом веры, — это было самым главным…

Лэнс Армстронг. Не о велосипеде

Рассеянный солнечный свет окрашивает завитки нижнего слоя тонкой облачности высоко в небе над пустыней Юты. Я гляжу на облака со дна трещины и думаю: «Закат сегодня будет красивым». Надеюсь, облака не разойдутся и помогут дневному теплу сохраниться чуть дольше. Ранний вечер понедельника, я уже пятьдесят семь часов не спал, прошло пятьдесят часов с того момента, как я попался в этот капкан. И сорок три часа одна и та же песня крутится в моей голове.

Мой усталый и беспокойный мозг — как радиоприемник с постоянно нажатой кнопкой поиска, он тратит силы на то, чтобы отвлечься от ситуации, но попадает все время на одну и ту же станцию. Она передает один и тот же десятисекундный сэмпл. Снова и снова, с одними и теми же словами: «BBC1, BBC2, BBC3, BBC4, BBC5, BBC6, BBC7, BBC Heaven!» Это даже не песня как таковая. Я чувствую себя доктором Зло,[75] мои планы снова разрушены. Я угрожаю кому-то, размахивая левым кулаком: «Остин Пауэрс, оставь меня в покое, хватит мучить меня!»

Усталость принимает черты лихорадки, от которой мой мозг плавится и впадает в забытье. Мне и прежде доводилось засыпать в неподходящих для этого местах — в Парижском музее, стоя перед какой-то картиной, или на концерте *Guns'n'Roses* при силе звука 110 децибел. Но я ни разу не испытывал недосыпа такой силы. Подобно болезни, недосыпание нарушает деятельность мозга, лишает мысли рациональности. Может, это и к лучшему, что я не могу спать, иначе меня победила бы гипотермия. Я не могу заснуть. Но то состояние, в котором я сейчас нахожусь, бодрствованием назвать тоже нельзя. Все эти мыслительные миазмы, на которые способен мой мозг, ведут меня прямиком к сумасшествию.

Я помню, как однажды чувствовал себя почти так же, спускаясь в темноте с восточного склона в цирке горы Принстон. Это было в сентябре 2002 года, во время первого захода по четырнадцатитысячникам вместе с моим учителем и тренером по выносливости Терезой Даус-Вебер. К тому времени за сорок восемь часов непрерывного движения мы взошли на семь высоких гор, тянулась вторая ночь похода, позади было девяносто шесть километров и подъем в общей сложности на 7620 метров. И тут мой сонный мозг утратил связь с реальностью.

Мы быстро шли, почти бежали, через широкую, почти три километра, каменистую осыпь. У каждого были налобный фонарь и трекинговая палка, чтобы безопасно двигаться по сыпучему рельефу. Я шел впереди Терезы и часто терял ее из виду, потому что скальные желоба, рассекающие склон горы, перекрывали мне видимость. Я останавливался, чтобы подождать ее, за каждым поворотом, садился и на мгновение засыпал, чтобы через двадцать пять — тридцать секунд проснуться от стука палки по камням. Я видел, как свет налобника Терезы бьет мне в лицо по мере ее приближения, вставал, не говоря ни слова, и пробирался вперед через новые десятки булыжников, пока снова не терял ее из виду. Тогда я останавливался, чтобы повторить цикл. Тюк-тюк-тюк — ее палка слегка постукивала по камням. Вспышка света, фонарь бьет мне в глаза, так что я не вижу никого за ним. Еще одна безмолвная встреча, булыжники хрустят под ногами в свете фонаря, и несколько секунд благословенного отдыха.

Мы двигались так уже полтора часа, и мне казалось, что мы ни на шаг не приближаемся к противоположной стороне цирка, где должны были пересечь подъездную дорогу на высоте около 3600 метров. Что-то было не так. И вот после десятого, или двенадцатого, или пятнадцатого прогона одного и того же сценария: бег по склону, дремота, «тюк-тюк-тюк» палки, вспышка фонаря, бег по склону — мне вдруг представилось, что каждые

тридцать секунд дремоты как бы перезагружают мое положение и я каждый раз оказываюсь в одном и том же месте в середине осыпи. Мое тело мистическим образом перемещается назад, вверх по склону, и поэтому я переживаю снова и снова одну и ту же последовательность действий.

Еще пять циклов, и я полностью уверился в этом: я попал во временну**ю** ловушку совсем как Билл Мюррей в «Дне сурка». Кто-то мне все это подстроил. Тереза. Я убедил себя в том, что она меня заколдовала. Я бессилен против нее. Единственный способ выйти из-под ее контроля — не засыпать. Но каждый раз, когда я останавливался, чтобы подождать ее, меня моментально вырубало. Паранойя была настолько мощной, что мне не приходило в голову посмотреть на часы, заговорить с Терезой, внести хоть какое-то разнообразие в процесс или замедлить шаг и идти в ее темпе, дабы исключить вероятность того, что усну. Зато мне пришло в голову попробовать запоминать камни, по которым я иду. Если я смогу доказать себе, что не хожу по одним и тем же камням, это будет неопровержимым доказательством того, что все проблемы в моей голове. Но тут обнаружилась другая проблема: я никак не мог запомнить камни, даже те, на которые ложился отдохнуть.

Мы продолжали бежать вниз, и мой мозг крутился по закольцованному сценарию. Но через два часа мы все-таки вышли с осыпи, и тогда я признался Терезе в своем умопомрачении. Она сказала, что подобные галлюцинации — обычное дело, когда устраиваешь себе интенсивный пеший поход без сна. И только через двадцать четыре часа и приблизительно сорок восемь километров, в собственном пикапе, я смог окончательно избавиться от бреда и как следует выспаться.

Здесь же, в каньоне, единственное, что облегчает мне пытку назойливым «Би-би-си», — это размышления на тему, стоит ли мне пить свою мочу. Вопрос настолько важный, что вытесняет на задний план все остальное. Менее всего меня волнует проблема вкуса. Это моча, и вкус у нее будет как у мочи, других вариантов нет. Меня интересует другое: продлит ли выпитая моча мое существование или, наоборот, сократит его. Как я понимаю, к этому моменту в моей моче содержится повышенный уровень солей, но я не знаю, выше ли уровень солености, чем уже есть в моей крови. Если солей меньше, чем в крови, пить мочу можно. Но при более высокой концентрации солей это будет все равно что пить морскую воду, я ускорю полное обезвоживание организма. Опять же в моче могут быть токсины и другие потенциально вредные вещества в опасных концентрациях. Барахло, от которого организм пытается избавиться. Стоит ли

возвращать ему это все?

Я разглядываю лежащий на полке моего валуна синий прозрачный резервуар от кэмелбэка. В вечернем свете литр оранжевой мочи в нем кажется коричневым. За четыре часа, прошедшие с тех пор, как я мочился, содержимое разделилось на четко различимые слои. В самом низу — густой коричневый суп, темно-оранжевая жидкость посредине и прозрачная золотистая — на самом верху. У основания трубки собирается сантиметровый слой желто-белого осадка, новые и новые хлопья выпадают на дно по мере того, как моча охлаждается. Я тыкаю резервуар пальцем, и муть колышется. Похоже на дрожжи на дне бутылки домашнего пива, хотя, разумеется, куда менее привлекательно.

Наступает ночь, ей предшествуют привычное усиление ветра и нашествие комаров. Я задаюсь вопросом о том, почему они становятся такими активными именно с наступлением сумерек? И спрашиваю вслух: «Откуда они вообще летят?» Где-то в каньоне должна быть стоячая вода. На моем пути таких мест не было. Возможно, у основания Большого сброса. Кажется, что-то такое было в описании. Сверяюсь с картой. Фотокопия истерлась на сгибах, но все еще можно разобрать, что под дюльфером Большого сброса есть какая-то лужа. Скорее всего, это промоина, в которой осталась вода, воспоминание о недавнем дожде, как и зеленоватая слизь на южной стене у меня под ногами. Кстати, карта указывает на то, что аналогичная лужа должна была быть выше по каньону и прямо здесь, где-то у моих ног, но обе, очевидно, испарились. Надеюсь, под Большим сбросом все еще есть какой-то запас воды. Наверняка она высыхает летом и зимой, но слизь и песчаный осадок на стенах, как и полчища комаров, говорят о том, что вода еще есть. Это важно, поскольку, если я смогу отсюда выбраться, промоина под Большим сбросом будет единственным источником воды на ближайшие шесть километров, до того места, где Бэрриер-Крик выходит на дно каньона Хорсшу, сразу за Большой галереей.

Ты не выберешься отсюда, Арон. Ты никогда больше не увидишь воды.

Темнота.

Холод.

Звезды.

Космос.

Дрожь.

Я возвращаюсь в ритм чередования расслабленного отдыха и дрожи от холода — ритм, который помог мне пережить предыдущую ночь. Но сегодня, вися в обвязке, мне не удается

расслабиться больше чем на десять минут. Может быть, сегодня холоднее, чем вчера, а может быть, это неизбежные последствия голода и обезвоживания, сказывающихся на моем обмене веществ. С того момента, как я тут оказался, мне стало ощутимо хуже, и тело, видимо, вырабатывает меньше тепла. Холод забирается глубже. Как бы мне еще утеплиться? Выдернутые из CD-плеера наушники молча болтаются на шее уже три дня. Я натягиваю их на уши, получается защита на пол-уха. Потом засовываю голову в мешок из-под веревки и закрываю молнию так, что бегунок упирается в шею. Я пытаюсь сохранить тепло своего дыхания, чтобы оно грело воздух для следующего вдоха, но без риска полного удушья.

Выдох за выдохом — мешок наполняется влажным воздухом, я сосредотачиваюсь на том, чтобы выдыхать непосредственно в водонепроницаемую подкладку. Не давая дыханию раствориться в холодном ночном воздухе, я стараюсь удержать часть выделяемой влаги. Такое использование мешка представляется мне вполне разумным, но я не знаю, насколько эта теория работает. Я снова думаю о том, что лишь оттягиваю неизбежный конец. Проходит пять или шесть минут, и ночной холод пронизывает меня насквозь, поднимаясь через ноги и руки. Меня колотит со страшной силой, я пытаюсь сохранить свое положение, просидеть в обвязке еще хотя бы три-четыре минуты: левой рукой держусь за правый локоть, голова лежит на правом бицепсе, колени упираются в скальную полку. Но дрожь треплет меня, как стая собак. Приходится вытаскивать голову из мешка и снова укутывать ноги веревкой, укрывать плечи и руки. Я стал излишне ловким: обертывание ног отнимает у меня всего двадцать минут, я не успеваю согреться за этой работой. За нож и долбежку камня я уже не берусь; терплю свои мучения и молюсь в надежде, что переживу эту ночь.

Полночь, вторник, 29 апреля. Проведя несколько часов в спорах с собой, я наконец решаю отхлебнуть глоток мочи. У меня еще есть в запасе примерно полчашки чистой воды, но я хочу понять, какова моча на вкус и в состоянии ли я ее вытерпеть. Прикрепляю загубник к обрезку трубки на кэмелбэке — саму трубку я срезал, когда в первый раз мастерил жгут. Набираю в рот примерно две столовые ложки мочи и немедленно глотаю. Ночной воздух охладил ее, вместо тридцати шести градусов ее температура теперь — около пятнадцати. Моча резко соленая на вкус, отвратительно горькая настолько, что скулы сводит. Удивительно, но все не так ужасно, по крайней мере меня не тошнит и не рвет. Затруднительность положения нарастает. Если

бы моча была невыносимо мерзкой, ответ был бы — не пить. Но поскольку, оказывается, я способен выпить почти половину того, что собрал, не доходя до коричневого осадка неизвестной природы, вопрос до сих пор открыт. Жажда подталкивает меня к тому, чтобы выпить две чашки прямо сейчас. Но идея не кажется мне хорошей. Я, конечно, слышал об очистительных диетах уринотерапии, но очевидно, что сторонники этих диет пьют и достаточное количество воды. Может быть, память меня подводит и никаких таких диет не существует — в моем теперешнем состоянии я не могу полностью доверять своему мозгу. В любом случае чистая моча была бы определенно лучше, чем то, что у меня есть. Так что непонятно, должен ли я дальше пить мочу, и нет способа проверить. Я подозреваю, что игра будет стоить свеч, но еще не сейчас. Буду тянуть остатки воды ближайшие двенадцать часов, пока она не кончится, а там вернусь к этому вопросу.

Еще несколько циклов полусна и дрожи. Три часа утра, вторник, шестидесятый час заключения. Камень поймал меня в ловушку днем, в половину третьего. Я изменил график потребления воды и теперь пью ее немного чаще. Осторожно поднимаю бутылку с водой на уровень глаз и отмечаю остаток — меньше ста граммов, скудный запас. Зажав бутылку между коленями, отвинчиваю пробку левой рукой, подношу горлышко ко рту и, не успев еще намочить изнутри нижнюю губу, командую себе убрать бутылку. И так каждый час в течение всей ночи.

Последние граммы воды стали для меня священными. По сути, жидкость превратилась в нечто неземное, незыблемое и вечное — в само время. Вода стала временем, вода стала самой жизнью. Пока не кончается вода, длится и моя жизнь.

Или я убеждаю себя в этом. Некоторые признаки говорят мне о том, что в организме явно развивается обезвоживание. Даже если я сохраню остатки воды, я умру довольно скоро, поскольку телу не хватает жидкости для того, чтобы полноценно функционировать. Глаза покраснели и запали, во время сеансов видеозаписи я стараюсь не смотреть на себя, чтобы не видеть обтянутых кожей скул. Воздух пустыни раздражает глаза под контактными линзами, но в организме нет воды, чтобы слезами смыть эту грязь. Обезвоживание затронуло и сердечные мышцы, пульс слабый, но частый — сто двадцать ударов в минуту в состоянии покоя, на шестьдесят процентов выше, чем мой обычный пульс. Несмотря на участившееся сердцебиение, загустевшая из-за обезвоживания кровь течет по сосудам очень вяло, с трудом снабжает организм питанием и не может

нормально выводить из него продукты жизнедеятельности. Кровяной насос не справляется со своей работой, жидкость, которую он пытается расшевелить, затвердевает во внутреннем водопроводе. Артериальное давление постоянно снижается, температура тела скачет, от любого легкого ветерка начинается очередной приступ дрожи. Внутренние органы стремительно теряют жидкую составляющую и страдают от обезвоживания. Я худею на два — два с половиной килограмма в день. Кожа на тыльной стороне кисти стала морщинистой, как у рептилии, потеряла эластичность. Если прикусить и оттянуть ее зубами, остается след в форме маленькой палатки. Но гораздо страшнее всех телесных признаков обезвоживания сама жажда — неукротимая… неутолимая… ненасытная… непрестанная.

Я ловлю себя на желании, чтобы это все кончилось, — просто чтобы положить конец жажде. Моя смерть должна прийти в образе сердечно-сосудистого коллапса, но не исключено, что раньше меня прикончит жажда.

Два часа спустя, в пять утра, настает время для очередного водного ритуала. Я достаю бутылку, зажимаю между коленями и отвинчиваю крышку одной рукой. Затем поднимаю ее ко рту, и тут крышка неожиданно цепляется за ремень обвязки, бутылка выскальзывает из рук. Усталый мозг реагирует медленно, я не успеваю ее поймать, бутылка наклоняется почти горизонтально, и несколько капель воды, святой воды, которой я причащался, превращает налет красной пыли на моих коричневых шортах в пятно бурой грязи.

Твою мать, Арон! Куда ты смотришь? Что ты натворил?!

Вода — это время. Сколько часов своей жизни я сейчас вылил? Шесть? Девять? Полдня? Эта ошибка, как сошедший с рельсов поезд, бьет по моему боевому настрою, разрушает хрупкую стену дисциплины и педантичности, с помощью которых я держал отчаяние в узде. Независимо от того, что я думал раньше, потеря половины всего запаса воды заставляет меня осознать, насколько я психологически зависим от этого остатка. Даже если с точки зрения физиологии у меня осталось так мало воды, что можно сказать, и не осталось ничего, — я чувствую себя так, будто потерял половину жизни.

6:15 утра, вторник, я дрожу в своих веревочных обмотках, засунув голову в мешок, чтобы хоть как-то справиться с пронизывающим холодом, и вдруг слышу крик внутри затуманенной от недосыпа головы.

«Ларри!» Это мама зовет отца. Я вижу маму в банном халате, она бежит по лестнице, ведущей из спальни, чтобы сообщить

какое-то ужасное известие. Видение обрывается раньше, чем она успевает добежать до отца. Это не воспоминание и не сон, больше похоже на телевизор, включившийся вдруг в моей голове и транслирующий картинку из родительского дома. Это что-то уже случившееся? Или предчувствие того, что еще случится? В любом случае я совершенно уверен: мама спешит сообщить отцу что-то насчет меня. Но что это — известие о том, что я в беде, или о том, что меня нашли, или о том, что я погиб? Может быть все что угодно.

Свет постепенно возрождает очертания каньона, и я приободряюсь от мысли, что пережил еще одну ночь. Видимость достаточная, чтобы сделать очередной репортаж на видеокамеру.

Я вытираю рукой левый глаз, затем провожу ладонью по всему лицу, вздыхаю. Проверяю настройки камеры, дабы удостовериться, что хотя бы частично попадаю в кадр, но стараюсь не смотреть в объектив.

— Шесть часов сорок пять минут, утро вторника, — говорю я себе.

Полагаю, Леона меня уже потеряла, потому что я не появился вчера на вечеринке. Через полтора часа меня хватятся на работе. Я постоянно думаю об этом. В самом лучшем варианте они уведомили полицейских, и те начали отсчет двадцати четырех часов, чтобы официально объявить о моем розыске. Так что не исключено, что завтра к полудню моя пропажа станет признанным фактом.

Мое расстройство растет с безумной скоростью, я на грани нервного срыва.

— Блин, до меня только сейчас доходит, как же это все глупо получилось. Как все сошлось. Как много всего. Теперь действительно нескоро до меня кто-то доберется. Я много думал об этом. Чтобы освободить меня, им придется разбить камень на куски пневматической дрелью или ампутировать мне руку. Это когда меня вообще найдут и кто-то должен будет пойти за необходимыми инструментами. А потом нужно будет протащить меня по двум крутым склонам, чтобы выйти к месту, где может сесть вертолет. А потом — часовой полет до Гранд-Джанкшн, хотя, возможно, и меньше, полчаса. Впрочем, не важно.

Я представляю себе, как команда спасателей тащит пневматический отбойный молоток через все щели каньона Блю-Джон, чтобы разбить камень, под которым я все еще сижу. Этот сценарий спасения сразу становится еще менее вероятным, чем прежде. Даже высвободить меня — очень трудная задача, а уж вытащить отсюда на носилках… Тут так тесно, я не знаю даже, найдется ли вообще подходящий маршрут.

Неизбежный кошмар организации такого мероприятия тяжелым грузом ложится на мою надежду. Понятно, что все в теории, но даже в теории мое спасение выглядит как многодневное испытание — с того момента, как меня обнаружат. Чтобы протащить человека на носилках сто метров по ровной широкой дороге, требуется шесть человек и пять минут. То же самое, но по узкой извилистой тропе займет у них полчаса. Как только появляется необходимость применения веревки — что для спуска, что для подъема, — добавляется еще час или два даже в идеальных условиях. Каждый уровень сложности увеличивает количество необходимого времени и ресурсов, а к тому же повышает риск для самих спасателей. С моей точки зрения, все те каменные пробки, над или под которыми я пролез, спускаясь по каньону, уменьшают вероятность того, что я выживу в процессе эвакуации моего бесполезного тела. Если к тому моменту, как спасатели меня найдут, я все еще буду жив, то, скорее всего, умру, не дождавшись квалифицированной медицинской помощи. Осознав, что все это не имеет значения, — я умру прежде, чем спасатели доберутся до этой части каньона, — я закрываю левый глаз в неосознанной гримасе и продолжаю сеанс видеозаписи. Я злюсь.

— Я попробовал… Я попробовал отрезать себе руку. Но не смог даже прорезать кожу своим тупым ножом. Попробовал пару других лезвий, но всего-навсего расцарапал руку. Кровь, правда, почти не идет — она, вероятно, уже слишком густая. У меня еще осталось чуть-чуть воды. Ну, фактически я уже перешел… Сделал пару глотков собственной мочи, которую собрал в кэмелбэк. Я ее как бы очищаю. Осадок отделился от жидкости. — Подчеркивая каждое слово, уточняю: — На вкус моча — жуткая гадость.

И делаю паузу, звучно чмокнув губами при попытке сглотнуть.

— У меня остался кусок буррито, который мне уже трудно будет переварить. Я попытался еще раз поднять камень, но мне не удалось его сдвинуть. Таким образом, прошло почти семьдесят часов с того момента, как я выехал на велосипеде со стоянки в начале тропы на Хорсшу. За это время я выпил около трех литров воды и пару глотков мочи. По поводу воды я не очень волнуюсь, хотя слишком ослаб, чтобы что-либо делать. Даже валун уже крошить не могу. Это… Я пробовал, но мне не хватает сил и сообразительности… Смешно все это.

От отвращения к собственному бессилию я вздрагиваю, из губ вырывается тяжелый стон. Я качаю головой, хмурюсь, гримасничаю, потом закрываю глаза и собираюсь с силами настолько, чтобы посмотреть прямо в камеру и сказать то, что

мне надо сказать сейчас:

— Мама, папа, я действительно люблю вас, мои дорогие. Я хотел сказать вам, что все, что мы делали вместе, было совершенно прекрасным. Я просто не ценил эти моменты так, как, я знаю, должен был ценить. Мама, я люблю тебя. Огромное спасибо, что ты приезжала навестить меня в Аспен. Папа, спасибо тебе за прошлогоднюю поездку вместе с «Голден лиф тур». Мне было так здорово с вами тогда — впервые за долгое-долгое время. Спасибо вам обоим за то, что понимали, поддерживали и поощряли меня весь последний год. Весь этот год я жил настоящей жизнью. Мне жаль, что я не смог научиться всему, чему был должен, вовремя и быстрее, чем получилось само. Я люблю вас. Я всегда буду с вами.

Я сжимаю губы и чувствую, как глаза наполняются слезами. Наклоняю голову и снова зажмуриваюсь, потом киваю камере, как будто прощаюсь, прежде чем нажать на «паузу». Унылый ветерок заглядывает в каньон, ночное затишье приходит к концу. Я опять запускаю камеру, и теперь мои мысли обращены к сестре. Я понимаю, что горе потери сильно омрачит ее выпускной в университете и свадьбу, назначенную на это лето.

— Я хотел сказать Соне и Заку, что желаю им всего самого лучшего в грядущей совместной жизни. Вы, ребята, просто прекрасная пара. Соня, дружище, тебя ждет большой успех. И вы, ребята, будете очень счастливы вместе. Жаль, что я не смогу увидеть, как это все начинается. Соня, через месяц ты получишь диплом. Сделай свою жизнь прекрасной, это будет лучшая память обо мне. Спасибо.

Мне так приятно думать о своей сестре. Несмотря на то что в школе я получал хорошие отметки, она переиграла меня на этом поле, как и во всех других областях. И я люблю ее за это. Она усердно учится, чтобы стать учителем-волонтером, и я рад за нее и рад за себя. Мне кажется, что Соня отдаст мой долг перед образовательной системой, который я накопил тем, что взял знания и не смог отдать. Я больше горжусь тем, что Соня делает в колледже, чем тем, что сделал я за шесть лет, прошедшие после получения высшего образования. Даже если я умру, великие достижения в нашей семье будут связаны с Соней. Мне спокойнее оттого, что я знаю: она стремится к этому.

Ветер опять начинает дуть из щелей каньона позади меня, и я беспокоюсь о том, что погода может перемениться. Я как будто даже могу различить слой облаков: он толще, чем я видел у себя над головой до сих пор. Грозовых туч пока нет, но я могу их так и не увидеть, пока мощный и внезапный ливень не затопит каньон. Я совсем забыл об этой опасности. Снова вытаскиваю камеру и

решаю, пока есть такая возможность, записать еще несколько видеозаметок — на случай дождя. Я разгребаю мусор в голове и снова запускаю пленку:

— Меня осенило, что есть же еще опасность внезапного наводнения. Все, что у меня над головой, все это… все эти камни, под которыми я пролезал там, выше по каньону, это все следы наводнений. Четыре огромных каньона сходятся здесь, где я стою, в трещине шириной один метр. Даже если я к тому времени буду уже мертв, вода может здорово все запутать. Эту пленку невозможно будет посмотреть, и тело мое будет изуродовано. Но пока ничего подобного, хотя временами уже думаю, пусть бы наводнение началось. По крайней мере, напьюсь. Не знаю, это, наверное, звучит ужасно смешно, но я думал об этом ночью. Когда ты тянешь уже на отходах собственного организма… Знаю, что не стоит этого делать, там слишком много солей и всякой ерунды, это только ускорит процесс. Три дня тут, и я без воды уже полтора дня. Думаю, у меня есть еще полтора дня. Я буду держаться, но очень удивлюсь, если увижу хотя бы полдень среды.

Я останавливаю запись. Жесткие и трудные слова! Я окончательно и ясно выразил словами, что мне осталось тридцать часов или около того, это наполняет мою душу обреченностью и сбивает с пути. Я кладу камеру на валун, тело непроизвольно обмякает в обвязке. Эхо звенит в голове: «Если я увижу хотя бы полдень среды». Наконец эти слова рикошетом ударяют по синапсу, который отвечает за здравый смысл. В следующую секунду я уже снимаю фиолетовую стропу с правой руки и связываю ее концы узлами Прусика на веревке. Вчера я достаточно напрактиковался и собираю полиспаст 6:1 за ничтожную долю того времени, которое понадобилось мне в первый раз. Одной рукой и без особенных проблем я встегиваю в карабин веревку, которая привязана к валуну, и располагаю узлы Прусика с ловкостью, изумляющей меня самого. Ночью, возясь с веревками, я был уверен, что моя способность к координации действий высохла. Припрятав в рюкзак камеры, нож, бутылку с остатками воды и пакет с мочой, я очищаю поверхность валуна и под конец надеваю на лоб поцарапанные очки.

«Готовность номер один», — говорю сам себе, дважды перепроверив прусики и удостоверившись, что они работают в правильном направлении. Петли для ног теперь расположены чуть выше моего пояса — выше, чем вчера, наверное, я использовал немного больше веревки в этот раз, — но я сначала вдеваю левую ногу в нижнюю петлю, а потом влезаю и в правую.

Отлично. А теперь давай подними этот валун, Арон! Сделай это! Прыгай! Сильнее! Дерни веревку сильнее! Еще сильнее! Мощный

рывок! Ты должен сделать это! Камень должен сдвинуться!

Я ворчу, пыхчу, я дергаюсь всем весом на полиспастной веревке, я со всех сил рву основную веревку. «Ну! Двигайся же, черт тебя дери!»

Ничего. Я абсолютно бессилен против массы этого валуна и трения камня о камень, пробки о стенки каньона. Мои ноги сами выскакивают из петель, как будто обладают собственным разумом и знают, что я больше не буду делать бессмысленных попыток. Я снова побежден. Мне не за что больше уцепиться. Я отчаянно гибну в этом готическом одиночестве; чем больше я борюсь, тем сильнее оно сжимается, выдавливая из меня жизнь. Я беру пятнадцать минут передышки. Хочется плакать, но всхлипываю всухую, — похоже, я истощен настолько, что не могу тратить силы даже на слезы. Что толку плакать? Только тратить и без того скудный остаток жидкости в организме.

Я медленно осознаю на себе тяжелый и холодный взгляд ножа из глубины рюкзака. Ничто не случайно в этом мире, и то, что я взял с собой нож, тоже не случайно. Внезапно я понимаю, что именно я должен сделать. Вновь собираясь с мужеством, снимаю фиолетовые прусики с полиспаста и завязываю стропу вокруг бицепса правой руки. Потом достаю и готовлю остальные части жгута, придуманного вчера: изоляция от трубки своего кэмелбэка в два оборота вокруг предплечья, двойной узел, просунутый под него карабин. Проворачиваю карабин шесть раз и закрепляю его, защелкнув на фиолетовой стропе.

Я смотрю на часы, прикрепленные к лямке рюкзака, который лежит на коленях, — 7:58. Вытаскиваю из ножа короткое лезвие, складываю ручку и зажимаю ее в кулаке, так что лезвие торчит из него под мизинцем. Подняв орудие над правой рукой, я выбираю на ней место — в верхней части предплечья, рядом с веснушкой и повыше порезов от предыдущей попытки. Колеблюсь, останавливая руку в тридцати сантиметрах от правой руки. Еще раз поднимаю мультитул и, прежде чем разум успевает меня остановить, наношу сильный удар. Кулак вдавливает трехсантиметровое лезвие по рукоятку в мышцы правого предплечья.

Срань господня, Арон! Что ты наделал?!

Я с изумлением наблюдаю за тем, как искажается мое зрение. Характер света в каньоне меняется, общий тон принимает бежевые оттенки, наиболее яркие участки становятся светло-коричневыми, тени — темно-коричневыми, как будто я переключился на кино, снятое с эффектом сепии. Я наклоняю голову к руке, и все вокруг оставляет за собой галлюциногенный след, неспешно отвечая на мои движения, словно этот

псевдофильм прокручивается на треть медленнее, чем обычно. Я был наполовину уверен, что нож отскочит от руки, но, отпустив ручку мультитула, вижу, что она торчит перпендикулярно руке. Вчера казалось невозможным даже, чтобы нож пробил мою кожу, но вот пожалуйста. Я берусь за ручку тверже и слегка покачиваю нож. Лезвие встречается с чем-то твердым — какая-то из костей предплечья. Я похлопываю по ножу и чувствую, как он стучит по лучевой кости.

Господи, как это дико!

Вдруг мне становится интересно: я практически не чувствую ножа ниже уровня кожи. Похоже, все нервы сконцентрированы во внешних слоях руки. Это подтверждают мои ощущения, когда я вытаскиваю нож из раны, надрезая кожу изнутри. О да, они именно там. Кожа расползается под ножом сантиметра на три, посылая болевые сигналы по всей руке. Пока боль стихает, я замечаю, что крови из разорванных тканей течет на удивление мало, — наверное, капилляры уже закрылись. Я зачарованно возвращаю нож в рану. О-о-ой-й-й! Шевеля лезвием туда-сюда, исследую внутреннее строение руки. Кожный покров оказывается раза в два толще и жестче, чем я думал. Под ним желтая жировая прослойка, как мембрана, охватывающая мышцы. Когда я начинаю ковырять вокруг мышц, обзор пропадает — темно-вишневая кровь заполняет рану. Я опять стучу по кости, ощущая вибрацию от каждого прикосновения к ней большим и указательным пальцами левой руки. Каждый пустотелый удар лезвия по кости, даже приглушаемый окружающими тканями, отдает в локоть. Мягкое постукивание — тук-тук-тук — говорит о том, что пора заканчивать эксперимент. Я не смогу разрезать или разрубить кости предплечья.

Отодвигая на миг неприятные выводы, я нахожу, чему порадоваться в этой ситуации. Впервые за тринадцать лет я произвожу анатомирование, и на этот раз получается гораздо лучше, чем раньше, даже при условии, что это моя собственная рука. Я вспоминаю, как в девятом классе, на уроке естественных наук, из стального лотка на меня пялился овечий глаз. Стоило один раз распороть податливое глазное яблоко, и я навсегда отказался от изучения биологии в школе. Взамен я выбрал химию и физику, всей душой желая в дальнейшем встречаться с частями тел животных только в кулинарном контексте. Овечий глаз — косвенная причина тому, что я стал технарем. Забавно, что в этом каньоне я напрямую столкнулся с таким застарелым и сильным страхом.

От возбуждения, от впрыснутого в кровь адреналина я весь вспотел. Я кладу мультитул на валун и поднимаю бутылку с

водой. Время очередного глотка еще не наступило, но я его заслужил. Первые капли касаются моей нижней губы, я открываю глаза и отрешенно смотрю в матово-синее нутро бутылки. Я наклоняю бутылку все больше и больше, испытывая смешанные чувства: есть здесь и заслуженная награда, и упрямая злость, — словно делаю что-то плохое, но плевать на это хотел. Я все равно сделаю это, а тот факт, что я не должен этого делать, приносит мне дополнительное удовольствие.

Так сделай же это, наконец. Это не имеет значения.

Я смакую каждую ложку воды, насыщаюсь ею, как будто пью из пригоршни. И вот я уже глотаю струйку воды, закрываю глаза… О боже! После кратких, слишком кратких трех секунд наслаждения я проглатываю последние капли моего запаса. Все. Тело вопит, тело требует добавки, но воды больше нет. Я заглядываю в налгеновскую бутылку, подняв ее на уровень носа, я всматриваюсь в нее, я трясу ее — последние капли отрываются от стенок и попадают в рот.

Да, вот именно, не осталось ни капли. Я не трачу на это время. Закручивая пробку обратно, я понимаю, что перешагнул порог, которого страшился последние три дня. Все позади. Еще одним поводом для беспокойства меньше. Я решаю распустить жгут — от него вся рука болит, а поскольку я не собираюсь продолжать ампутацию, не имеет смысла причинять себе лишние мучения. Я выстегиваю карабин, фиксирующий неопреновый шланг турникета на фиолетовой стропе, и медленно разматываю трубку. Рука принимает первоначальную форму. Кровообращение со скоростью улитки возвращается в нее, я же наблюдаю за раной. Кровотечение не увеличивается, никакой пульсации. Похоже, ни одна артерия не задета. Вообще кровь течет намного слабее, чем я ожидал. Кажется даже, что жгут не особенно-то был и нужен. Я прихожу к выводу, что каменная пробка передавила все артерии и вены в правой руке и кровоток в ней сократился. Вот почему мое предплечье такое холодное на ощупь.

Я вытаскиваю камеру. На этот раз я держу ее в руке и запечатлеваю результаты хирургического эксперимента. На экране появляются моя кепка, стропа и детали жгута, лежащие сверху, на валуне.

— Следующая часть… Это зрелище, наверное, не для всех моих домашних. Сейчас самое начало девятого. Ровно в восемь я выпил последний глоток чистой воды и… Мама, не смотри сюда…

Спанорамировав на валун, камера приближается к моей правой руке. Видна зияющая рана с запекшейся ярко-красной

кровью. Я сам с трудом дышу при виде разреза.

— Я тут пытался… быстренько заделаться хирургом… Но эти лезвия совершенно не годятся для таких задач. Сейчас на моей руке рана длиной три сантиметра и глубиной больше сантиметра. Я разрезал кожу, жировой покров и часть мышцы. Возможно, перерезал сухожилие, но не уверен в этом. Я попробовал в любом случае, но вышло плохо. Жгут сейчас ослаблен. Меня немного пугает, что кровь почти не течет, так странно. Я ожидал увидеть сильное кровотечение, пульсацию… но ладно. Теперь я в полном дерьме. У меня кончилась вода.

Я останавливаю запись, более подавленный, чем когда-либо. Разрезав руку, я выставил на соревнование нового участника. Что же убьет меня первым? Обезвоживание, переохлаждение, наводнение, токсины из зажатой руки или инфекция, которая уже, вероятно, вовсю размножается в ране?

Распороть себе руку грязным ножом — это в натуре гениально, Арон!

Кровотечение вряд ли будет сильнее, чем сейчас. Я решаю накрыть рану чем-нибудь, чтобы уберечь от грязи, песка и насекомых. У меня нет другого материала, кроме оранжево-розовой футболки с последних гастролей *Phish*. Я аккуратно зажимаю подол футболки мизинцем и безымянным пальцем левой руки и протыкаю тряпку ножом, который зажат между ладонью и большим пальцем левой руки. Отдираю полоску ткани от футболки на уровне живота и три раза оборачиваю вокруг предплечья. Ну вот. Теперь у меня на руке повязка.

Крылья ворона порывисто хлопают в двадцати метрах над моей головой. Птица летит по своему обычному маршруту, делает один, затем второй круг, набирая высоту. Я смотрю на часы: 8:31, сегодня утром ворон опоздал на пятнадцать минут.

Солнце проникает внутрь каньона, и стенки позади меня начинают светиться пастельно-красными тонами. Я знаю, что солнце более пунктуально, чем ворон, и достаю из рюкзака камеру — в третий раз за утро, — предвкушая ежеутренний ритуал приветствия. Снимаю себя — как я вытягиваю ногу, чтобы попасть в кинжальный луч света, подползающий ко мне. Прежде чем солнечный свет сменит направление и уйдет вверх по северной стене, я снимаю панораму: от ярко-розовых, рыжих и оранжевых волнистых стен каньона в двадцати метрах от меня по каньону к моей икре, жадно поглощающей драгоценное тепло солнечного света — единственного прямого солнечного света в этом месте.

— Там так красиво, у меня за спиной. Теперь примерно… Да,

где-то двадцать минут я могу наслаждаться солнечным светом, греющим мне ногу. Если очень постараюсь.

Как заключенный, из окна камеры которого открывается роскошный вид, я не могу понять, вдохновляет ли меня красота этого каньона или разрушает мою решимость. Я еще больше тоскую по свободе.

Нажав на «паузу», я думаю о многочисленных друзьях в разных концах Соединенных Штатов. Вот они собираются на работу. Интересно, кто-нибудь из них думает сейчас обо мне? Сильно сомневаюсь в том, что беспокойство по поводу моего исчезновения пошло дальше магазина «Ют маунтинир», но, во всяком случае, хоть кто-то знает, что я не вернулся вовремя. Теоретически мой начальник уже гадает, куда я запропастился, если еще и не начал активные поиски. Я начинаю вспоминать своих друзей, наши любимые совместные поездки, места, в которых мы побывали вместе. Мне всего двадцать семь, а приключений набралось уже столько, что кажется, я вдвое старше. Я встретил массу неравнодушных и веселых людей, разделивших со мной путешествия, концерты, походы. Я вспоминаю друзей, вспоминаю семью и улыбаюсь. Эти воспоминания поднимают мне настроение, они отвлекают меня от мучений, которые я испытываю в своей ловушке. Я перестаю думать о смутных и хлипких надеждах на спасение и прокручиваю перед глазами ролик ярчайших событий своей жизни. Этот подъем настроения непременно нужно записать на видео. Интересно, удастся ли моим друзьям просмотреть пленку на моих похоронах? Эта мрачная мысль, как ни странно, веселит меня: я представляю себе церковь, полную моих друзей, одетых в черное. Около алтаря установлен большой телеэкран, и все мои друзья смотрят эту запись и слушают то, что я хочу им сказать. Я готовлюсь к записи: поправляю кепку, пытаюсь сглотнуть и откашляться.

— Я думал о том, что уже успел сказать раньше. О том, что слишком мало внимания уделял людям, которые были со мной. Не знаю… Может, это и не так. Я вспомнил любимые поездки, которые совершил с любимыми друзьями. Эрик и Джон! Наша поездка в Винтер-парк на джазовый фест… Как мы строили гору банок «Доктора Пеппера» на холодильнике, как кидались лапшой в потолок, как сидели у телевизора до поздней ночи, взвинченные сахаром и кофеином, — мужики, это было классно! А эти отвратительные — хотя на самом деле они были замечательные — бутерброды с арахисовым маслом и медом! Джон, наше восхождение на первый четырнадцатитысячник — пик Лонгс, наша прошлогодняя вылазка на Восточное побережье, когда мы

проехали кучу штатов. Тогда я был с тобой и Кристи, и это было действительно замечательно. Так классно было видеть, как ваши жизни сливаются, как вы начинаете строить общую жизнь… Эрик, я много раз вспоминал о Мауи с Мэттом и Брендом — это была такая классная неделя! И еще много-много интересных путешествий: и концерты *String Cheese,* например в театре «Уилтерн», и отличный пробег два года назад, когда мы сделали почти весь «Зимний карнавал». И потом, когда мы ездили на джазовый фестиваль радио «Кей-Пэт»… Боже мой, я никогда не был настолько воинственно пьян, как когда мы сидели на дощатом причале Миссисипи. Блин, это было офигенно: вернуться, засесть в горячую ванну и через пару часов подскочить, чтобы делать все то же самое, снова и снова, пять дней подряд. Офигительно!

Я слегка улыбаюсь. Перед глазами встают картинки той дикой недели в Новом Орлеане, когда мы за пять дней увидели двадцать полноценных концертов, спали в среднем по три часа в день — обычно с девяти утра до полудня. К концу этих пяти дней я был настолько вымотан, что заснул на танцполе бара «Н'Олинс», [76] посреди насосавшейся пива толпы, когда одна из групп была в самом разгаре своего рубилова. Да, ты никогда не узнаешь предела своей выносливости, если не дойдешь до него.

— Я вспоминаю поездку вместе с Эриком Жемье и Раной — я думал о вас, ребята, — мы ехали из Альбукерке в Денвер и открыли окно машины во время снежной бури, на подъезде к Антонито, и снежная крупа наполнила весь салон, настоящий буран. Как прекрасна была Рана в костюме снежной принцессы… Соня, я помню нашу поездку в Вашингтон и другие суперклассные поездки того времени. Как мы ездили на Хавасупай и я упал на кактус, а потом чуть не утонул в реке Колорадо. А в другой раз мы с Жан-Марком и Чедом были в Финиксе и поехали в Мексику. Там мы устроили себе настоящий «Маргаритавилль», [77] под парусом обошли залив и вернулись обратно, затарившись в Рок-Пойнте текилой и «Короной». Джейми, когда мы с тобой ездили к Хавасупай, это было чудесно. Так здорово было проснуться вместе новогодним утром! Эх!

Я смеюсь смехом крайне истощенного человека — смешно, но память подсовывает мне именно те случаи, когда я был на волосок от смерти. Я перечислил ситуации, в которых чуть не умер, и все это одни из самых моих радостных воспоминаний. Я наслаждался интенсивностью переживаний. Не думая о психологических последствиях, я веселюсь и сейчас, задавая себе вопрос: буду ли я чувствовать себя так же, вспоминая эту ситуацию, если переживу приключение в каньоне Блю-Джон?

— Само собой разумеется, я вспоминаю все замечательные поездки с семьей, но с тобой, папа, у нас было несколько особенных поездок. Геттисберг, изучение истории Виргинии и Пенсильвании. Я тогда еще в колледже учился. В первый раз я ездил с тобой в Каньонлендс — Зион, Брюс, Кэпитол-Риф, Арчес. Все эти места каждый раз зовут меня вернуться в пустыню. Спасибо за это. Сколько замечательных событий с замечательными людьми!

Я качаю головой, изумляясь собственной удаче. Воспоминаний слишком много, я не могу их больше упорядочивать, связывать между собой, они продолжают хаотично выскакивать на поверхность.

— Эрик, я вспоминаю нашу поездку на концерт, когда на выходные в День независимости девяносто пятого мы отправились на концерт *Greatful Dead*… Гэри Скотт! Наша поездка на Денали стала катализатором того, что я оставил службу. Спасибо тебе, и удачи на Эвересте. Я знаю, что сейчас ты где-то там, наверху, может быть, уже в Третьем лагере. Будь осторожен. Возвращайся… Я вспоминаю Джадсона, как он приехал из Финикса для того, чтобы сделать со мной скоростное восхождение на Райнир. Мы вышли на вершину в два часа ночи, и в три часа дня на три восемьсот нас начало рубить. Я говорил: «Еще пять минут, и мы придем в лагерь Мьюир», но лагеря все не было.

Я широко улыбаюсь: Джадсон все спрашивал меня, как далеко отсюда лагерь. Я видел, куда мы идем, но лунный свет искажал перспективу и мое чувство расстояния. И я честно говорил Джадсону, что до лагеря пятнадцать минут, потом — что еще пять минут. Когда таких пятиминуток набралось уже с десяток, мы наконец-то дотопали до лагеря — к восходу солнца. Мне повезло, что Джадсон не спихнул меня в какую-нибудь ледниковую трещину за паршивые прогнозы.

— Чип, я помню, как мы ездили во Флагстафф и обратно, на концерт Келлера Уильямса. Это был еще один блицкриг. Елки-палки, сколько же было замечательных поездок. И как мы с Эриком Кремницем ездили к нему домой в Рочестер на выходные, еще в колледже. И поездки в Калифорнию, встречи с Сохой, Крейгом и Баком. Мне кажется, кого-то из вас, ребята, я затащил на первый ваш концерт *Phish*.

Я чувствую, как усталость мешает мне говорить связно. Уже само бодрствование истощает мой мозг. Мне нужен отдых, но я не могу спать. Уткнув левый локоть в южную стену каньона, я подпираю голову рукой и продолжаю:

— Брайан Лонг! Здорово было то, что мы сделали в прошлом

году. Эти походы и гонки на горных велосипедах в Хот-Спрингс и два концерта *String Cheese,* а потом еще два концерта *String Cheese.* Зак, я счастлив, что ты был моим другом, и вспоминаю, как мы ходили на пик Сандия вместе с Эриком в тот день. О-о-о, как было хорошо. Я правда очень ценю всех замечательных людей, которые встречались в моей жизни, и все связанные с ними события. Рана, наша поездка в Теллурид на очередной концерт *Cheese…* Это было моим лучшим «последним днем», когда мы катились с горы на лыжах в «вареных» футболках, в розовых флуоресцентных боа и в отличном настроении.

От улыбки мои губы трескаются, нужно смазать их гигиенической помадой, но я не спешу ее доставать. Даже боль в губах заставляет меня испытывать благодарность ко всем тем людям, которых я люблю.

— Итак, спасибо всем, спасибо за все. Спасибо за наши встречи. Норм и Сэнди, вы мне как родные. Спасибо всем родителям моих друзей, вы воспитали таких замечательных людей, которые так много значат для меня. Мои друзья в Аспене — с вами я провел шесть месяцев, прекрасные, совершенно прекрасные люди, спасибо вам. Брайан и Дженн Уэлкер, Брайан Гонсалес и Майк Чек — спасибо. Спасибо вам. Рейчел — ты замечательная женщина, спасибо тебе. Я могу сказать то же самое о многих, многих людях в моей жизни. К счастью, я могу сказать это сейчас: я люблю вас всех. Обнимаю.

Вау! Ну и как я себя ощущаю? Наверное, что-то вроде «вся жизнь перед глазами», только в замедленном темпе. Интересно, что заставляет мозг перед смертью показывать картины из прошлого? Я всегда считал, что предсмертные видения любимых людей, любимых событий и членов семьи — это прежде всего способ сказать им всем «прощай». Но сейчас я вижу, что воспоминания зарядили меня положительной энергией, я улыбаюсь, я счастлив. Каков же скрытый мотив? Может быть, ролик с яркими событиями всей жизни — часть инстинкта выживания, что-то вшитое в подсознание, последняя уловка мозга, чтобы продолжить существование. Похоже, когда адреналин уже не справляется с созданием импульса «бей или беги», вспышка воспоминаний — дополнительный рефлекс. Воспоминания заставляют нас продолжать борьбу, когда мы уже потеряли всякую надежду и оставили все усилия. Перед лицом неизбежной смерти продолговатый мозг невольно переходит на повышенную передачу и кричит: «Ты думаешь, все, конец? Сдаешься? А ты подумал о тех людях, которые тебя любят? О тех, кого любишь ты?» И — бабах! — у тебя появляются новые силы. Наверное, именно поэтому мысли о самоубийстве кажутся

самыми соблазнительными в те моменты, когда никто не говорит нам, что любит нас, или нам плевать на всех, кто это говорит, — тогда нет последней вспышки, резервная система не срабатывает. Возможно, именно поэтому наш мозг так тщательно хранит воспоминания, чтобы в критический миг выплеснуть их в упрямое тело. Ладно, как бы то ни было. К черту околопсихологическое бла-бла-бла, я приму это счастье, этот последний дар. Сейчас мне хорошо, и это единственное, что важно.

Приходит полдень, я поджидаю свою смерть, полувися-полусидя в своей обвязке. Я уже наловчился находить оптимальное положение, самый удобный угол для коленей, оптимальную высоту «лесенки», наилучшее расположение веревки, свернутой кольцами и выполняющей роль защиты для моих голеней. Мне удалось устроиться максимально удобно с учетом всего, что было в моем распоряжении. Как ни странно, я опять испытываю потребность помочиться. Прежде чем расстегнуть молнию шорт, я решаю сначала сцедить имеющийся запас мочи. Однако перелить более чистую часть жидкости в резервуар кэмелбэка — та еще задача на координацию. Пустую налгеновскую бутылку я зажимаю между бедрами и крепко держу ее. Прикусываю зубами верхнюю часть голубого мешка для воды и держу его под наклоном, так чтобы грязный осадок собрался в одной части мешка. Зажимаю загубник пальцами, и жидкость медленно вытекает в налгеновскую бутылку, а солевой осадок я придерживаю. Когда в кэмелбэке остается только гуща, я закрываю крышку бутылки, ставлю ее на валун и выплескиваю остатки из резервуара в песок за своей спиной. Фу! Ну и вонища!

Отлично! Значит, ты избавился от худшей части.

После всего этого я мочусь в резервуар, плотно закрываю крышку и кладу его на валун рядом с налгеновской бутылкой. Жидкость темнее прежнего, едкая и теплая. Пусть она охладится и соль осядет, потом перелью. К тому же у охлажденной мочи вкус не такой мерзкий.

Около половины второго во вторник я решаю помолиться еще раз. Но сейчас у меня уже есть ответ на вопрос: «Что я должен делать?» Понятно, что осталось только одно: ждать. Ждать спасения или смерти, и с большей вероятностью — второго варианта. Поэтому сейчас, вместо того чтобы просить совета, я прошу дать мне терпения.

— Бог! Это снова Арон. Я все еще нуждаюсь в помощи, мне становится очень плохо здесь, у меня кончились и вода, и пища. Я понимаю, что скоро умру, но мне очень хочется, чтобы конец

пришел естественным путем. Я решил, что независимо от того, что мне предстоит пережить, я не буду уходить из жизни по своей воле. Мне иногда приходит это в голову, но я так не хочу. На самом деле я думаю, что не переживу следующий день — уже третий день заключения. Вряд ли я увижу полдень среды. Но я Тебя очень прошу, Господи, дай мне твердости в том, чтобы не лишать себя жизни.

Я хочу пройти свой путь до конца, каким бы он ни был.

Истекли третьи сутки моего заключения. Воды не осталось, не осталось неиспробованных способов освободиться. В три часа дня мне нечего больше решать, и задача сводится к одному: позаботиться о себе наилучшим образом, чтобы поддержать свое тело и дух. С физической точки зрения нет необходимости что-либо предпринимать до заката, вторая половина дня — самое теплое время, и все, что я могу делать, — это ерзать в обвязке, восстанавливая кровообращение.

Отсутствие запросов со стороны тела дает возможность вниманию почти полностью переключиться на поддержку духа. Еще дважды с того момента, как я обнаружил гнездо сумчатых крыс, я слышал голоса в каньоне, но эти звуки не были реальными, усталый мозг фабрикует иллюзии, чтобы заполнить пустоту каньона. Тончайшая нить соединяет мое сознание со здравым смыслом. Я очень боюсь, что какая-нибудь случайность проскочит мимо сознания и подтолкнет меня к опрометчивому и опасному решению. Когда я считаю свои воспоминания, время идет довольно быстро. Я снова и снова возвращаюсь к ним. И тут понимаю, что в своих записях пропустил очень близкого друга. Значит, нужно сделать еще одну видеозапись.

Мое тяжелое, мелкое дыхание отражается от стен каньона. Пытаюсь отдышаться, прежде чем начну говорить, но все равно приходится делать паузу после каждых нескольких слов. Усталость оказывается сильнее мышц шеи, и я снова подпираю голову левой рукой.

— В продолжение прежней темы. Я думал о Марке ван Экхуте и обо всех наших с ним приключениях. Помнишь, мы ездили в Аравайпу, я сидел на заднем сиденье пикапа вместе с Энджи и мы слушали дрянную музыку восьмидесятых? А как мы на лыжах ходили на небольшой пик Уильямс недалеко от Флагстаффа, как рассекали по свежаку в Вольф-Крике? Один из самых лучших моих лыжных дней. И поездка в Пахарито и в Лос-Аламос, и горный вел, и скалолазанье. И поход на Болди — мое первое путешествие на широких лыжах. И все поездки с Пэтчеттом на День труда. Четыре Дня труда подряд мы выбирались куда-то, и

как это было классно. Пик Вестал, поход на Уэм-Ридж. И Пиджен на следующий год, Джаггед год спустя, Даллас еще годом позже. О господи, сколько прекрасных путешествий в горы было с вами, мои друзья. Да, это было круто.

Устало улыбаясь, я невольно постанываю. После паузы меняю курс: есть ряд финансовых вещей, с которыми семье предстоит разбираться.

— Еще немного логистики. У меня есть акции «Компусерв» и «ЮбиЭс ПэйнУэббер», в портфеле под вешалкой в Аспене лежит вся информация о них. Я избавился от акций «Делфи», но сохранил акции «Дженерал моторс». Они могут отойти к Соне или к родителям, если вы найдете им другое применение. Я думаю, что уместно будет сделать пожертвование в пользу тех людей из поисково-спасательной службы, которые найдут мое тело.

Я доволен — сказал практически все, что может облегчить моим родителям распоряжение моим небольшим имуществом. Но все это не важно. Что действительно не выходит у меня из головы, так это еда и питье. Охлажденные соки, фрукты, замороженные десерты — и все это влажное, сочное, вкусное.

— Люди, я все время думаю о грейпфрутовом соке, о «Маргарите», об апельсиновом соке, о холодной газировке — как бы я хотел сейчас получить все это. Апельсин, мандарин. Ох, нельзя об этом думать. Я думаю, что в самом лучшем случае кто-то уже связался с родителями в этот момент, что вы уже знаете, что я пропал. Ну, в общем, не знаю…

Я хочу, чтобы родители знали: когда к ним пришло известие о моей пропаже, я был еще жив.

Минут сорок спустя, около четырех часов дня, я вытаскиваю последний кусок буррито из пластиковой обертки. Белая маисовая лепешка высохла вокруг фасолевой начинки. Никакого намека на влажность. Тот кусок, который я съел в полдень, походил на картон и вобрал в себя все жалкие остатки жидкости из моего организма. Снова размышляю: не получится ли так, что последний кусок высосет из организма столько воды, что это перевесит пользу от питания? Я не знаю. Я голоден. Информация с обертки говорит мне, что за последние семьдесят два часа я потребил в общей сложности пятьсот калорий, и предположительно в последнем куске буррито осталось еще около пятидесяти калорий. В дни активных нагрузок я потребляю в два раза больше суточной нормы — от четырех до пяти тысяч калорий в день. С субботы я не восполнял затраченную энергию, и мой организм сжирает сам себя. На самом деле все это уже не

так важно. Осталось так мало, что без разницы, съем я этот кусок буррито или нет. Но в любом случае я хотя бы закину что-то съестное в желудок.

Я засовываю кусок буррито в рот и жую его секунд двадцать, после чего смачиваю получившееся месиво глотком мочи из налгеновской бутылки. Ё-о-о-о! Гадость редкостная! Я жую еще несколько секунд, корча ужасные рожи, после чего все-таки глотаю эту мерзкую кашу, сопровождая еще одним горьким глотком мочи. Возможно, нужно было сначала окунуть буррито в мочу, а потом глотать с помощью остатка слюны, это избавило бы меня от второго глотка мочи. Но в любом случае второго раза не будет, ведь еды у меня тоже больше не осталось. Я подобрал крошки из упаковки, облизал упаковку от шоколадок, прикончил буррито — вот теперь действительно все. Теперь моя диета — моча, и только.

Я опять беру камеру — займу себя тем, что документирую этот факт: я съел последнюю еду. Говорить тяжело, я часто моргаю и делаю между словами большие паузы. Кроме того, голос становится с каждым разом все выше. Интересно, не оттого ли это, что обезвоживание делает мои голосовые связки жестче?

— Вторник, четыре часа дня. Градусов восемнадцать-девятнадцать. Просто перебираю цифры в голове. Похоже, этому мальчику надеяться не на что. Я только что съел последний кусок буррито, пришлось размочить его глотком верхней, самой чистой, части моей мочи, такие дела. Да, оно чуть почище, чем то, что на дне, но далеко не молочный коктейль по вкусу. А я бы выпил стаканчик. И еще, не хочу уйти, не попрощавшись с бабушками и дедушками. Я люблю вас — обе пары, Андерсоны и Ральстоны. Дедушки, я скоро увижу вас. Бабушки, я люблю вас, мои славные матриархи. Все мои родственники в Огайо — я тоже люблю вас. Это большая честь для меня — быть частью вашей семьи.

Я тоскую по родным, но знаю, что ступил на длинный и мрачный путь. Пошел обратный отсчет моей смерти. Ночь будет трудной.

ГЛАВА 10
Зачатки поисков

dum spiro, spero

Часть девиза штата Южная Каролина.

Дословно: «Пока дышу, надеюсь».

Или, более приблизительно: «Там, где есть жизнь, есть надежда».

В субботу днем, после того как мы расстались, Кристи и Меган отправились вверх по Западному рукаву каньона Блю-Джон, а потом сели пообедать. Девушки отдыхали и трепались около получаса, затем собрали свое барахло и продолжили путь вверх по руслу. Вскоре они уткнулись в тупик под пятиметровой скалой, перегораживающей каньон, и целый час не могли сориентироваться. Они возвращались назад, потом опять шли вверх по каньону, топтались вокруг да около этой скалы, пытаясь понять, что им делать. В описании было сказано, что скалу надо обходить по правой стороне каньона.

— Справа — это надо будет идти в правое ответвление каньона. Я не думаю, что выход там. — Кристи показала на точку выше по каньону, где сливались два ответвления. — И этот путь выглядит сомнительно, особенно вот то пересечение скального выступа, чтобы попасть в левый каньон.

— Н-да. Через нависание я не полезу в любом случае. Но как еще мы можем туда добраться?

Песчаниковая глыба перед Меган была слишком уж крутой и даже с нависанием на самом верху. Раскрыв путеводитель, Меган нашла закладку на странице с описанием каньона Блю-Джон:

— Ага, вот. Здесь написано: «Идите вдоль правой (восточной) стороны каньона по узкой тропинке, затем маршрут сворачивает вниз по двум крутым склонам». Мы уверены, что эта сторона восточная?

— Я не думаю, что это восточная сторона. Восточная — ниже по каньону, откуда мы пришли. Мы же идем вверх по Западному рукаву, то есть на запад, никакой восточной стороны тут нет. Ничего не понимаю, можно еще раз карту посмотреть?

— Ага, точно — вот тут.

Меган передала Кристи карту.

— Господи, хоть бы Арон был с нами — он бы в момент все вычислил. — Кристи вздохнула и снова принялась искать дорогу. — О'кей, мы оставили мой велосипед где-то здесь, в начале Западного рукава. И мы вот здесь… или где-то рядом. Из главного русла мы не выходили… Ну да, очевидно, что нам нужно налево. Почему же тут написано, что направо?

— О… боже… мой, — выпалила Меган, — Кристи, мы круглые идиотки. Справа — это если вниз по каньону, а мы идем вверх. Эта «узкая тропинка» слева от нас. Она должна быть где-то там. — И Меган указала налево.

— О господи… Ты шутишь, да? Это же бред. Как мы могли так лохануться?

Кристи не могла поверить, что они вляпались как новички (все равно что перевернуть карту вверх ногами).

Меган быстро нашла песчаный выступ слева от них, который шел вдоль стены каньона вроде пандуса для инвалидного кресла. По этому уступу они двинулись вверх и прошли скалу, затем продолжили подниматься по руслу, их следы исчезали в песчаных холмах, изрезанных миниатюрными канавками и ручейками. Через два часа, уже в шестом часу, они вышли на главную грунтовую дорогу, где к сосне был пристегнут велосипед Кристи. Девушки сыграли в камень-ножницы-бумага, чтобы решить, кто съездит за пикапом к стоянке в Грэнери-Спрингс. По пути проигравшая Кристи высматривала на плато мой красный велосипед. Если бы она знала, где искать, то легко бы его обнаружила: он так и стоял метрах в ста слева от дороги, прислоненный к можжевеловому кусту. К тому времени, как Кристи погрузила свой велосипед на крышу «4-раннера» у Грэнери-Спрингс и отправилась за Меган, она уже решила, что они слишком долго плутали в каньоне и опоздали на встречу со мной.

Затормозив на обочине подъездной грунтовки напротив подруги, Кристи опустила стекло и сострила:

— Эй, там, подвезти?

Развалившись в креслах, девушки напились воды, утоляя жажду после долгого и утомительного похода по Западному рукаву.

— Может, вернуться к Грэнери-Спрингс и подождать Арона? — спросила Меган у Кристи.

— Я думаю, он успел пройти раньше нас.

Меган же сомневалась:

— Вряд ли, ему оставалось еще миль десять. Ну никак не

может быть, чтобы он уже прошел и отправился нас искать.

— Но я искала его велосипед и не нашла, а здесь особо и негде спрятать байк. Думаю, он уехал. Может, сразу двинул на вечеринку в Гоблин-Вэлли.

Но Меган думала, что Кристи просто проглядела мой велосипед и что я появлюсь через час-другой:

— Может, все-таки вернемся, посмотрим, нет ли его там?

Кристи колебалась, ее сильно беспокоил уровень бензина в баке, а до ближайшей заправки сорок километров:

— Если мы еще тут покружим, нам не хватит бензина до Хэнксвилла. А нам еще километров пятьдесят пилить. Поехали лучше заправимся по дороге и встретим его в Гоблин-Вэлли, пока не стемнело.

Не имея ничего против этого варианта, Меган уступила, и подруги поехали в Хэнксвилл заправиться, съесть по гамбургеру и выпить по коктейлю в забегаловке под названием «Стэнз».

Через час, примерно в то же время, когда Брэд и Лия катили в Гоблин-Вэлли по проселкам через пустыню, Кристи и Меган свернули с шоссе в национальный парк в поисках той же самой вечеринки. Большая вывеска сообщала, что в кемпинге мест нет. Кристи остановила машину, и девушки задумались, что им делать дальше.

— Ну что, пошли попробуем отыскать вечеринку? — спросила Меган.

— Не знаю… — И Кристи рассмеялась, а затем пояснила: — Смешно, мы целый день колеблемся. «Подождем или поедем заправиться? Двинем сюда или туда?»

— Там будет весело, но я устала.

— Я тоже. — Но Кристи тут же передумала. — Зато там будет весело.

— О да. Мы поедем туда, все будут пить, и мы тоже будем пить. Потом стемнеет, в кемпинге не будет места, и мы будем пьяные колесить по всей пустыне, искать, где бы встать.

Решив, что найдут меня в каньоне Литтл-Уайлд-Хорс, на следующее утро, Кристи и Меган развернулись и поехали в ту сторону до конца шоссейной дороги. Они съехали на подъездную грунтовку и заночевали. В воскресенье утром они не спеша собрались, доехали до стоянки у входа в Литтл-Уайлд-Хорс и припарковались рядом с «тойотой-такомой». Кристи первая заметила машину:

— Эй, ты не помнишь, какой пикап у Арона?

— Не-а. Я даже не помню, чтобы он нам говорил, — сказала Меган, еще не отойдя от вчерашних приключений в каньоне Блю-Джон.

— Похоже, это его «тойота», — сказала Кристи, присмотревшись. — Там и лыжи, и велик. И колорадский номер. Зуб даю, это его тачка.

— Тогда, скорее всего, он уже в каньоне, — предположила Меган.

Кристи согласилась:

— Да, уже полдвенадцатого, — наверное, он там.

— Давай оставим на лобовом стекле записку с нашими электронными адресами, а то вдруг не встретим его в ущелье.

— Но если это не его пикап?

Меган всегда обменивалась с людьми электронными адресами, чтобы можно было пригласить их в гости в Моаб или договориться о совместной поездке. Она недоумевала, почему не оставила мне свой мейл вчера.

— Ладно, если это его машина, у него будут наши адреса, а если не его, то владелец просто их выбросит.

— Этот каньон подковообразный; если мы будем стоять здесь, то увидим, как Арон выходит.

— Ну, хорошо, может, съездим тогда пообедаем, а потом вернемся и посмотрим, не вышел ли он?

— Знаешь, я еще совсем не проголодалась. — Кристи была готова к походу и новым впечатлениям.

Пока они гуляли, Меган все рассуждала, встретят ли они меня в Литтл-Уайлд-Хорс:

— Может, он уже пришел и ушел из каньона?

Кристи несколько секунд обдумывала ответ.

— Я думаю, что он либо встал очень рано и уже прошел каньон, либо у него офигенное похмелье и он решил никуда сегодня не ходить.

— И почему мы не взяли у него номер телефона?

— Так мы же собирались опять встретиться сегодня.

— Да, но все равно — почему? Обычно я всегда сразу обмениваюсь телефонами или электронными адресами, а тут нет. Он такой клевый, здорово, что мы вчера встретили его в каньоне, и он гулял с нами, а не просто просвистел мимо.

Девушки с удовольствием все утро исследовали узкое ущелье Литтл-Уайлд-Хорс, а потом вернулись на тропинку и вышли из ущелья на стоянку. Они упаковали все свое хозяйство в белую машину Кристи и покатили через Грин-Ривер обратно в Моаб. Меган гадала, что же случилось со мной, но никто не думал ни о чем таком, выходящем за рамки обычного. Моему отсутствию можно было придумать много рациональных объяснений, поэтому девушки не беспокоились о том, увидят ли меня снова. Болтали они в основном о том, как здорово провели выходные, как это

было классно сменить обстановку и как жаль, что на следующий день им опять на работу. После путешествия по пустыне в четырех стенах офиса будет особенно тоскливо, но они решили, что скоро поедут куда-нибудь опять. Эта мысль притупила неприятное ощущение оттого, что им надо возвращаться в цивилизацию.

В четверг днем Брэд и Лия Юл помогли мне вытащить застрявший пикап из ледяной грязи. После этого от горы Соприс, что около города Карбондейл в Колорадо, они двинулись по ландшафтному шоссе через заросший лесом перевал Макклюр в юго-западную часть штата. Было уже довольно поздно, когда они свернули с 550-го хайвея в живописный шахтерский поселок Сильвертон. Там они и переночевали на заднем сиденье Брэдова пикапа прямо на Главной улице. Лия была уже на четвертом месяце беременности, поэтому на следующий день она пересеклась со своей мамой и вдвоем они поехали в Дюранго — пройтись по магазинам. А Брэд в это время катался на лыжах с горы Сильвертон вместе с коллегами из аспенского магазина «Инклайн-ски». Они целый сезон копили чаевые, чтобы заплатить за поездку на недавно открытый горнолыжный курорт для экспертов. Билеты на подъемник здесь стоили больше ста долларов с человека. Но эта цена включала в себя гида и уникальный опыт катания по пересеченной местности, по нетронутому снегу, которого мы жаждем не меньше, чем наркоманы своего белого порошка. Тем вечером Брэд и его друзья остановились в сильвертонском отеле, чтобы выспаться и слегка прийти в себя после фестиваля местных пивоваров, включавшем в себя катание топлес на санях у подножия горнолыжки. Следующим утром стартовали поздно. Брэд заехал в Дюранго за Лией, и они двинули по «трассе дьявола» (шоссе 666) в пустыню Юты. Во второй половине дня в субботу, когда они ехали на север по 95-му шоссе через залив озера Пауэлл, Лия то и дело смотрела на мобильный телефон. Она ждала моего звонка, мы должны были еще договориться, где и во сколько встретимся в Гоблин-Вэлли.

К семи вечера они свернули с 24-го шоссе на запад, к возвышенности Сан-Рафаэль. На ровных участках трассы связь терялась, и телефон оживал, только когда машина въезжала на холм.

— Давай позвоним ему, — сказала Лия.

— У него нет мобильного. Он сказал, что позвонит сам, узнать дорогу.

— Знаешь что, давай-ка, пока мы не заехали так далеко, что

связь совсем пропадет, проверим сообщения. Вернемся на тот прошлый холм, там было четыре палочки.

Брэд развернул машину кругом на узком двухполосном шоссе, и самодельный деревянный фургон, прикрывающий кузов, негодующе заскрипел.

— О'кей, притормози прямо тут, на этом холмике. — Лия просмотрела входящие сообщения: новых было три, и ни одного от меня. — Странно, что он не звонил. Он точно сказал, что собирается пойти?

— Ну, он никогда не говорит точно, — ответил Брэд. — Я говорил ему и про вечеринку, и что мы там будем, и что там собирается быть всякий знакомый народ из Аспена. Он заинтересовался и сказал, что еще позвонит — спросить, как туда добираться.

— Может, он передумал ехать. Подождем немного тут — вдруг он позвонит?

— Когда он уезжал, у него не было четких планов, просто хотел немного полазать и побродить — в общем, вся эта ерунда по мелочи, как обычно в межсезонье. Вообще-то, я не заставлял его клясться на крови, что он поедет. А вот мы давай-ка двинемся, нам еще эту доску объявлений искать.

Один из друзей Брэда обещал оставить более подробные и свежие указания на доске объявлений у въезда в национальный парк.

Через пять минут левая задняя шина пикапа спустила, а запаска, как обнаружил Брэд, тоже едва держала воздух. Со скоростью восемь километров в час они поползли к национальному парку Гоблин-Вэлли. На въезде Брэд отыскал указания: главным было не пропустить поворот налево, отмеченный чучелом Скуби-ду, торчащим из можжевельника. Вечернее солнце било Брэду в глаза, пыльное лобовое стекло отсвечивало, и поворот на вечеринку они таки пропустили. Пришлось колесить еще целый час, тем временем солнце село, и пустыня погрузилась в кромешную тьму.

После целого дня на дороге им не улыбалось и дальше блуждать черт знает где в потемках на скорости восемь километров в час. Брэд свернул с подъездной трассы в узкий каньон, где нашлось ровное место для парковки, и ночь они провели в фургоне. То, что они пропустили вечеринку, не стало для них большой потерей — они были легки на подъем и путешествовали только ради удовольствия, которое находили в самой дороге. К тому же в межсезонье будет еще много подобных вечеринок. Воскресным утром, уже на свету, Брэд и Лия наконец отыскали то место, где вчера была гульба, — народ валялся

вповалку по пустыне, как будто в соседнем овраге разбился самолет. Один из друзей уже достаточно пришел в себя, чтобы свозить Брэда с Лией в Грин-Ривер, отремонтировать колеса. Вернулись они во второй половине дня.

Ни Брэд, ни Лия не волновались оттого, что не встретили меня в Юте. Они решили, что либо я добрался до вечеринки и разминулся с ними, либо нашел себе какое-нибудь более интересное занятие. У них оставалось два дня в Аспене до отъезда на медовый месяц на Багамы, и головы их были забиты неотложными приготовлениями. К тому же они были уверены, что увидят меня в понедельник на вечеринке на Спрюс-стрит.

В понедельник у нас дома было суматошно: соседи готовились к первой вечеринке по поводу межсезонья — большому событию, посвященному смене времен года и соседей. Четыре лыжных курорта Аспена закрылись, а с ними и зимний сезон. Леона Сонди, отработавшая со мной всю зиму в «Ют маунтинир», теперь уезжала в Боулдер, где собиралась все лето работать ландшафтным дизайнером. На ее место вселялся Элиот Ларсон, чтобы присоединиться к своему товарищу по команде маунтбайкеров Джо Уидону. Плюс Брайан Пейн и я — итого четверо. Брайана два месяца не было в городе — после январской лыжной травмы он уехал поправлять здоровье в Огайо, к родителям. И я должен был вернуться из своего короткого отпуска. Редкий случай — мы все соберемся вместе. Межсезонье позволяло нам устроить масштабную вечеринку в рабочий день: все равно ничего особенно важного по работе на следующий день не ожидалось. Мы думали пригласить человек пятьдесят гостей, поднять дверь между гостиной и гаражом, чтобы добавить площади к нашим ста квадратным метрам, и развесить праздничные гирлянды. Планировалось распить бочонок пива и жарить мясо на гриле.

В течение своей 115-летней жизни дом номер 560 по Спрюс-стрит, подобно многим старым домам аспенского района Смагглер-Майн, несколько раз перестраивался; так он обзавелся и подъемной дверью между гостиной и гаражом. Компания «Смагглер-Майн» построила этот дом как контору, где взвешивали добытую серебряную руду и измеряли ее чистоту. Когда в 1894 году из шахты извлекли самый большой в мире серебряный самородок, он, скорее всего, прошел через дом 560 по Спрюс-стрит. Впрочем, вряд ли кто-нибудь тогда особо восхищался рекордным экземпляром: годом раньше рынок серебра обрушился. Водруженный на весы, самый большой самородок в мире стоил не дороже поделочного камня.

Уже в послевоенное время здесь устроили магазин рыболовных снастей. Тогда на западной стене появилась подъемная дверь гаража, а контору, где взвешивали серебро, переделали в квартиру с одной спальней. При дальнейших перестройках двухэтажное, напоминающее сарай здание разделили на две квартиры: большую, на четыре спальни, внизу и студию наверху. О ванной вспомнили в последний момент и впихнули ее, считай, посреди кухни первого этажа, причем входов в душ было два, и один — сразу за кухонной раковиной. Гараж плюс лавка стали гостиной, но подъемная дверь в западной стене никуда не делась. К гаражу, на месте подъездной дорожки, пристроили веранду. Поэтому весной и летом в теплую погоду можно было поднять западную стену гостиной и наслаждаться солнцем и ветерком в доме или выставить один из потрепанных диванов на веранду и спать там.

Друзья, среди которых были Брэд, Лия и Рейчел Палвер, начали собираться в понедельник вечером. Еще до того, как солнце величественно закатилось над горой Соприс, жаренное на гриле мясо закончилось. Странно, подумала Рейчел, что я, с моим-то аппетитом, пропустил эту обжираловку, и поделилась своим удивлением с окружающими. Но Леона заверила ее, что в аккурат к главному веселью я и вернусь из Юты. Подтягивалось все больше друзей и знакомых, вечер плавно перетекал в ночь, и вот уже мои соседи перекрикивали грохочущую музыку — отчего это, мол, меня до сих пор нет?

— Эй, подонки, кто-нибудь видел Арона? — спросил Элиот, жестикулируя кружкой с пивом. — Я думал, ему завтра уже на работу.

— До сих пор, наверно, шарится где-нибудь. Я со среды его не видел. А он вообще знает про вечеринку? — спросил Брайан Леону.

Леона повторила то, что уже сказала Рейчел:

— Ага, когда он уезжал, то сказал, что как раз успеет вернуться. Я сказала ему, что уезжаю во вторник и что это, может, наш последний шанс потусить вместе, и он сказал, что будет. Это же моя отвальная. Если он ее пропустит, урою засранца.

— Который час? Если он сильно опоздает — приползет и тут же рухнет. — Элиот беспокоился, что придется свернуть вечеринку, если я заявлюсь домой с единственным желанием — лечь спать. — Хрен он заснет, пока мы тут буяним. Может, он сам подумал об этом и сделал где-нибудь привал, чтобы спокойно поспать?

— Чертовски мило с его стороны — всяко лучше, чем пинками всех на улицу. А то как-то не похоже, чтобы народ

угомонился скоро.

Брайан оказался прав: народ угомонился не скоро. Сам он пошел спать незадолго до полуночи, а к тому времени, когда Джо и Леона выпроводили последних гуляк — кого на автобусы, кого пешим ходом, — был уже третий час ночи.

В четверть девятого утра мой начальник в «Ют маунтинир» Брион Афтер заметил, что я так и не вышел на работу, и позвонил в дом на Спрюс-стрит. Трубку взяла Леона, которая к тому моменту уже проснулась и бродила по комнате, сонная и похмельная.

— Привет, Леона, это Брион. Арон дома? — спросил он скорее с надеждой, чем с любопытством, и немного обеспокоенно.

— Чего?.. А разве он не на работе? — Леона быстро проснулась.

— Нет, он не пришел и не позвонил. Я думал, вдруг он отсыпается после таких выходных. А его машины не видать?

Леона побрела с беспроводной трубкой из комнаты в комнату, выглядывая в окна, не стоит ли где-нибудь перед заборчиком мой пикап. Зная мое обыкновение использовать выходные до последней минутки, она была уверена, что я рулил всю ночь и утром прикатил прямиком на работу. Она посмотрела в мою комнату — может, я заскочил и сразу убежал, — но никаких следов не обнаружила. Во всем этом было что-то неправильное.

— Не заразился ли он от Леоны? Может, забыл, что его поставили в другую смену?

Брион и Леона похихикали над ее немудреной шуткой. Леона однажды прославилась тем, что не пришла в магазин, когда должна была выходить на подмену, а неделей позже заявилась на работу, когда ее никто там не ждал.

— Может, конечно, и так, но уже в дверях он сказал: «Увидимся во вторник». Он помнил, что сегодня мы с ним переделываем стенд.

— Наверное, он еще едет из Юты, — сказала Леона. — Доберется через час-другой.

— Ну, может быть. Я должен сейчас уйти, потом перезвоню. Ты когда уезжаешь?

— Через час, машину только загружу.

— О'кей, позвони мне, если он заявится.

— Позвоню. Пока.

Леона повесила трубку, с тяжелым сердцем сделала несколько кругов по дому и наконец принялась грузить вещи в «субару» своей боулдеровской тети Лесли. Но чем полнее

набивалась машина, тем беспокойнее становилась Леона.

Брион, зная, что раньше я никогда не опаздывал на работу больше чем на пятнадцать минут, тоже начал волноваться. В полдевятого он спустился в торговый зал и спросил еще одного сотрудника, альпиниста Сэма Аптона:

— Ты не видел сегодня Арона?

Сэм, расставлявший в торговом зале трекинговые кроссовки, поднял голову:

— Хм, нет… Он же должен был сегодня утром переделывать стенд с палатками, так?

Брион пропустил реплику Сэма и переспросил с нажимом в голосе:

— Он никак не проявлялся? Не звонил или еще что?

Сэм уловил напряжение в его голосе:

— Нет, ничего. Есть повод беспокоиться?

— Не знаю. Просто я разговаривал с Леоной, и дома его не было. Она сказала, что он, похоже, вообще не возвращался. Сейчас восемь тридцать. Единственный раз, когда Арон опоздал больше чем на несколько минут, это было после той холодной ночевки на перевале Перл.

Месяцем раньше мне пришлось провести ночь на высоте 3600 в снежной яме, выкопанной руками, и Брион был уверен, что я обязательно появлюсь на работе, если только со мной не произошло чего-нибудь действительно серьезного.

— Думаешь, с ним что-то случилось? — понимающе спросил Сэм.

— Ну, не знаю. Одно могу сказать точно: вряд ли он просто так мотает работу. Так что, может, он и попал в беду.

— Он мог заблудиться или пораниться. Но заблудиться — это, конечно, вряд ли: у него всегда при себе компас и часы с альтиметром, он хорошо умеет пользоваться и тем и другим, — сказал Сэм.

— Я знаю. Даже если он в ста километрах незнамо где, за день он всяко выберется, так что паниковать рано. Этого лося разве что сломанная нога остановит, да и со сломанной ногой он как-нибудь выползет. Рано или поздно, но выползет. Мы должны дать ему сутки, — резюмировал Брион, и Сэм согласился.

Леона звонила в «Ют» каждый час и говорила с Брионом и Полом Перли, главным управляющим. Она уточнила, что в последний раз видела меня в среду вечером, почти неделю назад.

— Он достал коробки со скальной снарягой и всяким велосипедным барахлом. Сказал, что поедет немного полазать по скалам и каньонам, погонять на горном велосипеде. Ну и собирался так же — возьму-ка, мол, это, вдруг на маунтбайке

покатаюсь… о, и это, вдруг полазать захочется. Обычно-то он все планирует заранее, но не в этот раз. Сказал, что поедет в Юту, в Каньонлендс. Вопрос только, добрался ли он до пустыни.

После полудня Брион и Пол еще раз обсудили ситуацию и решили:

— Дадим ему время до завтра, до девяти утра. Каждый скалолаз должен иметь шанс выкарабкаться сам, прежде чем поднимут вертолеты. Если завтра к началу смены его не будет, позвоню его родителям и поставлю всех на уши.

Во вторник вечером, примерно в половине седьмого, сразу после работы, мои соседи Брайан и Джо сидели в гостиной на Спрюс-стрит. Они подняли дверь гаража и расслаблялись, проверяя, не совсем ли выдохлись остатки пива в кеге.

— Слушай, что за история с Ароном? — спросил Джо.

— Он все еще не вернулся, — ответил Брайан. — Вроде бы Леона звонила утром в «Ют». На работу он не вышел.

— И что нам делать? Копам, что ли, позвонить?

Джо не был уверен, что это правильно, а вот Брайан встрепенулся.

— А давай-ка и вправду позвоним, — ответил он, хорошенько подумав.

Он вытащил телефонную книгу из-под журнального столика и отыскал контактный номер полицейского управления Аспена. Диспетчер взял трубку после первого же звонка.

— Наш друг уезжал и должен был вчера вечером вернуться, но не вернулся, его нет уже целый день. Мы боимся, с ним что-то случилось. Еще не паникуем, но уже боимся. Что нам делать?

— Можете подать заявление, что человек пропал без вести. Говорите, его нет уже сутки?

— Ага. Он должен был вчера вернуться из Юты, а сегодня не вышел на работу.

— Как его зовут?

Брайан сообщил мое имя, возраст, примерный рост, вес и приметы, а диспетчер занес эти данные в полицейский компьютер.

— Вы знаете номер его машины?

— Э… погодите секунду, — наверно, раскопаю.

Брайан пошел ко мне в комнату и отыскал маршрутный лист двухмесячной давности, который я заполнял перед соло на Беллз. Там значились номер (NM 846-MMY), год выпуска и модель моего пикапа.

— Как вы думаете, куда он поехал? Вы сказали, в Юту?

— Я знаю, что в четверг он ездил кататься на лыжах на горе

Соприс, но потом собирался куда-то дальше, у него все было собрано. Если не путаю, речь шла о Юте — район Моаба.

— Ничего конкретнее — просто район Моаба?

— Да, именно так. Обычно он оставляет план маршрута, но в этот раз не оставил.

— Понятно. Что ж, для начала хоть что-то. — И диспетчер повесил трубку.

Он не сказал Брайану одну важную вещь: я отсутствовал недостаточно долго для того, чтобы полиция объявила розыск.

ГЛАВА 11
День пятый: святилище галлюцинаций

Можно по-настоящему проверить выбор, задав себе вопрос: «Стал бы я делать то же самое еще раз?» Никто не может знать последствий выбора, которого не понимает.

Пифия. Матрица: Революция

Блаженные лица цвета слоновой кости улыбаются мне. Они наполовину выступают из красных стен, похожих на стенки матки, ирреально бледные и лысые, как вывалянные в муке участники конкурса двойников Патрика Стюарта.[78] Стены складываются в алую трубу из органической ткани, пульсирующий волокнистый туннель, это мог бы быть пустой кровеносный сосуд диаметром два с половиной метра, однако я внутри его. В этом смутном видении я тянусь к губчатой стенке пальцами, трогаю ее. Она с нежностью отвечает на мое прикосновение. Так начинается избавление; я чувствую, что двигаюсь вдоль трубы, увлеченный пульсирующими движениями. Пока я плыву через скрытые изгибы и повороты туннеля, волокнистые складки мякоти стен касаются моего лица, рук с невидимой нежностью цветочного лепестка. Одно за другим минуя безгрешные лица, я смутно осознаю их оживление. Как любящие мимы, они зовут меня, но я не слышу голосов. Если всмотреться в их лица, я испытываю чувство неуверенного узнавания, но не могу остановиться и рассмотреть их, я продолжаю движение, и лица плывут мимо меня, прежде чем я успеваю признать хотя бы одно. Я не уверен даже в том, какого они пола, но лица словно принадлежат моим ровесникам или людям чуть постарше. В любом случае мне с ними уютно, как будто это лица друзей, но я не могу сказать наверняка.

Расслабленное движение по туннелю, нежному, как плацента, продолжается еще некоторое время. Я наслаждаюсь приятным плаванием сквозь толпу, но начинаю понемногу тревожиться. Что происходит? Что это за видения? Где я? Это сон? Где каньон? Окружающая среда, кажется, отвечает на мои вопросы, сжимается еще плотнее, и затем труба раскрывается передо мной. До этого

момента путешествие шло строго по горизонтали, я не чувствовал силы тяжести, но теперь я качусь вверх по очень странным американским горкам. Лиц больше нет, есть только облицовка стен, минута за минутой скользящая мимо в монотонной прогрессии. Как высоко я поднялся? Видимо, на несколько сотен метров. Мясистые стенки ослабляют захват тела, лишь небольшая вибрация подкрепляет ощущение американских горок, отдавая в ногах, поясе, торсе и спине.

Вибрация все усиливается, меня трясет сильнее, до боли. Я хочу понять, что ждет меня в конце этой горки. Мне кажется, там будут какие-то ворота, я хочу увидеть их, может быть, пройти сквозь них, но откуда-то знаю, что так или иначе освобожусь от захватов трубы, прежде чем доберусь до конца. Стенки вибрируют, вызывая у меня бурные спазмы. Я не дотерплю до конца и не узнаю, что там. Я высвобождаюсь из крепких объятий, приступы дрожи еще долетают до меня от исчезающих стен туннеля. Без их поддержки я теряю равновесие и делаю кувырок назад медленным, плавным движением. Все мое тело яростно дрожит, как будто вот-вот взорвется. Чернота поглощает туннель, и вдруг судороги, которые сотрясали меня в галлюцинации, превращаются в настоящую дрожь, меня колотит в холодных тисках ночного каньона.

Вторник, ночь, вскоре после заката. Мой лишенный сна мозг представляет себе бредовое бегство из ловушки, если не для тела, то, по крайней мере, для духа.

Отвлеченный усталостью и относительно теплым днем, я еще не надел шорты с лайкрой, но надвигающийся вечерний холод предвещает еще девять часов упорного сражения. Я снял шорты утром перед попыткой хирургической операции. Думая, что у меня все получится, я собирался использовать их подкладку в качестве впитывающей повязки на обрубок. Но до этого, конечно, не дошло. Я горд тем, что, никогда официально не обучаясь оказанию врачебной помощи в походных условиях, смог, импровизируя, решить несколько медицинских задач. Я почти разочарован, что не найду случая проверить их эффективность, но твердо решил больше не предпринимать попыток ампутации. Я доказал себе, что разрубить или распилить кости нереально. Скованный своими текущими возможностями, я знаю, что дальнейшие попытки отрезать мою руку будут однозначным самоубийством.

В психологическом отношении смерть от обезвоживания оказывается более мучительной, чем я ожидал в субботу. Отсутствие воды преследует меня, неукротимое пустынное чудовище с каждым часом все ближе. Вынужденная бессонница

усиливает мои страдания, высвобождая четырехмерные аберрации в моей голове. Я перестал быть частью нормального пространственно-временного континуума. Минута за минутой мой недосып разрушает одну функцию мозга за другой. С учетом того, как ухудшилось мое состояние, большим достижением будет увидеть утро среды. Я уже протянул дольше, чем предсказывал вначале, когда думал, что не доживу до вечера вторника. Может быть, я еще раз переживу свои прогнозы.

Только держись. Это все, что ты можешь сделать.

Я решаю надеть лайкровые шорты под тонкие коричневые нейлоновые. Это занимает у меня почти десять минут. Я отстегиваю обвязку от веревки, вытаскиваю поясной ремень из пряжки и скидываю ножные обхваты к ногам. Снимая шорты, я на мгновение удивляюсь тому, какие тощие и бледные у меня ноги в свете фонарика. Я сильно потерял в весе, возможно килограммов десять или даже больше, а ведь я не был толстячком, когда вышел в этот каньон. Пройдет еще какое-то время, прежде чем я использую всю эту массу тела, но беда в том, что большая часть моей плоти станет пищей для насекомых и падальщиков пустыни. Я подтягиваю велосипедные шорты и, путаясь в их эластичной ткани, тыкаясь ногой в отверстие штанины, ловлю свою обувь. Коричневые шорты легко скользят назад, за ними — перекрученные веревки обвязки. Просунуть ноги через обхваты получается только с третьей попытки, когда я распутываю все узлы. Достаточно просунуть поясной ремень через пряжку одной рукой, но протащить ее второй раз назад гораздо труднее, и после пяти минут я прекращаю попытки, оставив все как было.

Чернота каньона обступает меня. Впереди еще одна ночь мучений и борьбы с холодом. Я порывисто и беспокойно повторяю цикл за циклом возню с затягиванием веревки вокруг ног. Во время десятиминутных перерывов между приступами дрожи я то и дело уплываю в какой-нибудь экстраординарный транс. Мой дух тоскует по свободе, и я впадаю в бредовое состояние еще раз пять. Иногда галлюцинации — психоделические путешествия, подобные гонке через кровеносный сосуд, иногда я взлетаю, отделив душу от тела, и вижу себя сверху. Моя душа покидает каньон, как это было в воскресенье, когда я пролетел над Тихим океаном и превратился в фотонный ливень в космическом вакууме.

Иные галлюцинации начинаются с того, что я вижу своих друзей, вполне телесных, но прозрачных, призраков, временно населяющих каньон, пока мы не улетаем вместе в какое-нибудь знакомое место. Они никогда не общаются со мной словами,

только жестами или передают эмоции невербальными волнами. Если они хотят, чтобы я чувствовал себя уверенно и в безопасности, я чувствую уверенность и безопасность. Если бы они хотели напугать меня, я испытывал бы страх. Но этого не происходит — мне абсолютно комфортно в состоянии транса. Независимо от местоположения и компании, в этих призрачных опытах всегда есть немой голос, который напоминает мне о том, что пора снова позаботиться о себе. Я неизбежно задерживаю возвращение в действительность, пока тело не начинает биться в конвульсиях от дрожи переохлаждения. Я всегда чувствую, когда мне уже пора.

В реальном пространстве, ограниченном валуном и стенами каньона, я то и дело выливаю верхний слой своей мочи из кэмелбэка в налгеновскую бутылку, выплескивая сомнительный осадок в песок позади. Я повторяю эту работу чаще, чем необходимо, только для того, чтобы развеять скуку. О, чего бы я только не отдал за земляничный дайкири с наколотым льдом! За «Маргариту», за молочный коктейль, за высокий стакан грейпфрутового сока, холодную бутылку «Бадвайзера». Каждому видению предшествуют и потом сопровождают меня мысли о напитках, большом количестве хороших напитков, которые моя память преподносит в очень ярком и натуральном виде, стоит закрыть глаза. Напитки плывут в ярком ореоле в полуметре передо мной и сантиметров на пятнадцать выше уровня глаз. Характерно то, что любой напиток всегда является мне образом из какой-то прошлой ситуации, он всегда находится в одном и том же месте, приподнятый над землей и в пределах досягаемости, но я не могу его взять. Не знаю, облегчает мне жизнь это буйство воображения или, наоборот, увеличивает муки жажды. Такие дискуссии я веду с собой все последние дни: об остатках еды, о последних каплях воды, о том, нужно ли пить мочу, — важнейшие в моем заточении выборы. «Это поможет мне или только ухудшит мое состояние?» Я был крайне осторожен, принимая каждое решение. Но я все еще здесь.

Замешательство, бред и безжалостный холод соревнуются друг с другом через равные промежутки времени в течение всей ночи, искажая восприятие каждой секунды, наполняя ее целой вечностью борьбы с жестокостью стихий. Те же самые созвездия в форме подковы, которые я впервые заметил воскресной ночью, расположились над каньоном Блю-Джон, их движение по ночному небу совпадает с моей линией взгляда на ночное небо между шорами стен. Интересно, кто-нибудь еще на пустынном плато глядит сейчас на тот же самый звездный потолок? Видят ли они

вращение звезд? Я не могу додумать эту мысль до конца. На самом деле почти все мои мысли обрываются, не доходя до конца. Разум бессвязен, как если бы у него кончилось топливо. Меня хватает на то, чтобы сложить два-три слова в вопрос или утверждение, прежде чем наступает тишина или приходит новая неотложная информация. Я не могу ни на чем сосредоточиться.

Мозг пасется на воле. Нет никаких мотивов отслеживать точное время, ни сознательно с помощью часов, ни подсознательно, с опорой на инстинкты, которым я привык доверять. Обычно мое чувство времени работает очень четко. Например, в самом начале заточения здесь я мог посмотреть на часы, потом подумать о свадьбе сестры, повозиться с фонариком, поправить стропу на правом плече, и я знал, что на это все у меня ушло две минуты. Независимо от того, что я делал, у меня было чувство времени, которое отслеживало продолжительность процесса, и эта оценка довольно точно коррелировала с реальным ходом часов.

Теперь корреляции нет. Усталость порождает и обрывает мысли, восприятие событий растягивается. Мне трудно осознать, что по часам прошло всего две минуты, когда кажется, что все десять. Новый приступ паранойи заставляет меня поверить, что часы сломались еще в момент несчастного случая и не показывают больше точного времени. Так что рассвет может быть ближе, чем я рассчитывал; возможно, уже наступил завтрашний день или послезавтрашний (или я окончательно сошел с ума). Мне не сразу удается убедить себя в том, что мои «Суунто»[79] в полном порядке, иначе как бы они могли так точно предсказывать начало рассвета, ежедневное появление ворона и луча солнца на полке, наступление ночи? Хорошо-хорошо, таким образом, сейчас действительно всего полвторого ночи.

Полчаса до следующего глотка мочи. По крайней мере, моча охладилась, это хоть немного меня радует. Но еще большее счастье приносят воспоминания о разных напитках, которые время от времени гипнотизируют меня очень реальными и очень живыми галлюцинациями.

Я закрываю глаза, и я — восьмилетний, в центре Огайо, в деревне, сижу на заднем крыльце дома у бабушки с дедушкой, играю в румми[80] с дедушкой Ральстоном. Мы боремся с жарой при помощи «Севен-ап»:[81] большую двухлитровую бутылку вытащили из холодильника, и напиток льется в белый одноразовый стаканчик с пятью цилиндрическими кусками льда. Пузырики, насыщенные углекислотой, щекочут нос, когда я поднимаю чашку для глотка. И как только я испытываю отчетливую сладость напитка, воспоминание превращается в

видение: передо мной повисает пластиковый стакан в ореоле света, он пылает, как Священный Грааль, мелкие шипящие капельки появляются в ярком свете на краю стакана. Меня охватывает дрожь, я открываю глаза внутри мешка из-под веревки. Несмотря на абсолютную тьму, еще некоторое время я вижу мерцание, потом оно угасает.

Я снова закрываю глаза и проваливаюсь глубоко в детскую память, в один из дней 1987 года. Конец лета. Мы убирали сено вместе с друзьями семьи на покатом зеленом склоне холма в Восточном Огайо, а теперь отдыхаем и любуемся шикарным видом, открывающимся на север. С южной стороны горизонт ограничен полосой непрореженного леса, метрах в двухстах от нас. Мы сидим на откинутой задней стенке сенокосилки и по очереди пьем из красно-белого термоса ледяной солнечный чай[82] с сахаром. Когда подходит моя очередь, я беру термос, поднимаю его, и конденсированные капли падают с крышки на мои щеки. Я делаю паузу, чтобы вытереть влагу, потом начинаю дрожать и теряю видение прежде, чем успеваю проглотить этот сладкий чай.

Последовательная серия галлюцинаций несет меня по всему миру и по всей моей жизни. Вот я в 1985 году с отцом и дядей на заднем крыльце нашего дома, делаю свой первый в жизни глоток «Бадвайзера» из банки. Июль 2000 года, я в Японии, в центре Нагои, в гостиничном номере вместе с друзьями — Джоном, Эриком, Муди и Кристи. Пью теплое сакэ. Потом мы пойдем на концерт *Phish*. Вот июльским днем я в пригороде Денвера возвращаюсь в родительский дом из ближайшего «Севен-елевен»[83] и потягиваю «Слёрпи»[84] через длинную соломинку. Стакан установлен в треугольной дырке на руле моего велосипеда, это было еще до того, как я получил права.

Один напиток мучит меня постоянно, он все время появляется в галлюцинациях, соленый ободок скрывает сладкий вкус смеси льда, текилы, апельсинового ликера и лайма. Я мысленно рыдаю от жалости к себе, пытаясь выделить хоть немного слюны в тоске по «Маргарите», но язык прилипает к сухому нёбу. Дыхание продирается через высушенное горло, я хриплю, когда воздух проходит через связки. На передний план выступает факт, который важнее воспоминаний о любимых напитках: я умираю.

В три часа ночи я накладываю на губы гигиеническую помаду, надеясь сохранить возможные остатки влаги, и тут мне приходит в голову попробовать этим же способом запечатать влагу в языке. Я вожу палочкой из нефтепродуктов по языку, от

этого начинают течь слюни, и я обсасываю слой помады, гадая о его пищевой ценности. Может быть, имеет смысл попытаться съесть немного? Я откусываю маленький кусочек, примерно одну десятую общей длины, и размазываю его по рту. Помада обволакивает зубы и язык, ничтожное количество слюны сочится через слой безвкусного желе. Коренные зубы вязнут в получившейся липкой каше. Я решаю все-таки не глотать ее. Но радует уже тот факт, что слюна все еще выделяется, значит, я пока не на самой серьезной стадии обезвоживания. Но, кроме этого гипотетического умозаключения, других результатов нет. Голод по-прежнему мучит меня.

Я давно перестал развлекать себя физической активностью и коротаю холодные часы, перелистывая воспоминания о десятках моих любимых поездок с семьей и друзьями. Япония и Перу, Европа, Аляска, Флорида и Гавайи, восхождения на горы, концерты любимых групп — я вызываю в памяти самые лучшие воспоминания. Я выполнил свое предназначение в жизни, я побывал во многих местах, в большей части этого мира, я был счастлив и вдохновлял других своими приключениями. При любой возможности я служил своему призванию и прожил интенсивную и наполненную жизнь.

Но я все еще не готов умереть. Начинается новая серия галлюцинаций. В одной из них неизвестный друг мужского пола, одетый в белое, появляется перед валуном и беззвучно велит мне следовать за ним. Мы поворачиваемся к стене каньона, левее выступа, на котором стоит якорь для полиспаста. Я нажимаю на панель из песчаника, и стена подается назад, распахиваясь вправо. Мы уходим вместе — он первым — и через волшебным образом появившийся дверной проем ступаем с песчаного дна каньона прямо на ковер в прихожей какого-то дома. Мой друг ведет меня в гостиную, где полно моих друзей, они расслабленно сидят на диванах и в мягких креслах. Я испытываю немедленный прилив жизнерадостности, как будто прибыл домой после долгой поездки. Я все еще не узнаю друзей по именам, но они болтают друг с другом, как на званом обеде, голоса бормочут и свистят в ушах, мне не различить ни слова.

Я стою в дверном проеме, я чувствую себя как дома, но не могу ни с кем заговорить. Они существуют в другом пространстве. Мы можем видеть друг друга, но я отличаюсь от них, я реален, они — нет. Мои друзья смотрят на меня, прервав свои беседы, как будто услышали то, что я думаю, и дают общий мысленный ответ: «Мы здесь, когда бы ни понадобились. Когда ты будешь готов, мы станем настоящими».

Я обижен. «Куда я попал? Что происходит со мной? Неужели это все творится только в моей голове? Я брежу? Как это все может быть, если я не сплю? Если это не сон, что это?» Я пытаюсь понять, сплю ли я. Я вполне уверен, что не терял сознания и не засыпал. Мышечный контроль остается прежним, иначе я подскочил бы уже от сильной боли в правой руке. Нет, конечно, этот мир, открывшийся передо мной, более абстрактен, чем повседневное сознание, но это и не вполне мир снов. Каким-то образом мне удается оставлять тело в каньоне и одновременно покидать его.

Больше всего я требую подтверждения тому, что именно реально, но, прежде чем я успеваю найти ответы, мой ум забывает вопросы, которые только что задал. Органы чувств дают мне реалистичную информацию о том, что мир галлюцинаций действительно существует. Я могу подойти и коснуться стен и мебели в этой комнате, полной друзей. Я чувствую запах ароматических свечей, горящих на журнальном столике. Ощущаю дуновение ветра, когда кто-то открывает стеклянную дверь во внутренний дворик и выходит наружу. Но, несмотря на то что большая часть окружающего весьма и весьма убедительна, все кажется таким, будто я смотрю с темной стороны одностороннего зеркала. Я вижу происходящее, но не могу участвовать ни в каких событиях. Могу пошевелить только головой и руками, ноги заклинило в коленях. А эта открывающаяся стена в каньоне? Полный бред.

В конечном счете я возвращаюсь в тело, предсказуемо сотрясающееся от судорог. Еще целый час я вожусь со всеми веревками, обертками и мешком и только потом снова покидаю каньон. На сей раз я следую за мужчиной, которого сразу же узнаю, — это мой лучший школьный друг Джон Хейнрих. Я вижу, как мой дух поднимается над укутанной спиной и мешком от веревки, в который засунута моя голова. Мы снова проходим через подвижную дверь каньона, как я уже дважды делал, и попадаем в маленькую, темную, тесно заставленную квадратную комнату, где свободного пространства ровно столько, чтобы мы могли стоять, не задевая друг друга. В комнате абсолютно темно, за исключением полосы яркого света, отражающейся с грубого бетонного пола. Джон, видимо, засунул куда-то ключ, которым можно было бы отпереть дверь. Он нажимает кнопку выключателя. С трех сторон от нас появляются узкие металлические полки, полные чистящих средств, в углу с левой стороны от меня стоит веревочная швабра. Мы находимся в уборщицкой бытовке. Откуда-то я знаю, что бытовка находится в больнице, а не в офисном здании или школе, и мои надежды

разгораются с дикой силой.

Барабань в дверь, Арон! Проси о помощи! Тебе нужна медицинская помощь, эти люди могут оказать ее тебе!

Но Джон не позволяет мне лупить по металлической двери, как будто хочет сказать мне, что нет смысла поднимать шум: больница и каньон находятся в разных мирах. Проходит минута, и я медленно понимаю, что помощь здесь оказывают не доктора и медсестры, способные удовлетворить все потребности моего тела. Нет, это мой друг Джон, его присутствие, его доброта и сочувствие укрепляют мое мужество, придают мне силы. Я понимаю, как мне повезло, что я его знаю, и мои эмоции кипят вокруг его присутствия. Однако неслышимый голос разрушает чары транса: «Пора прощаться».

Я не хочу уходить. Еще раз, теперь более настойчиво, действительность подталкивает меня: «Пора прощаться». Я даю знать Джону о том, что мне нужно идти, жестом большого пальца и киваю в знак благодарности за его благословенный визит. Я чуть не плачу оттого, что приходится уходить, но мне есть чем заняться. Мой уход производит странный эффект, как будто мое сознание — шар плотной энергии, внезапно тающий, как совок с мороженым, проливаясь лужей на пол бытовки, а затем из мира видений по капле просачивается, переходит назад, в пространство между стенами каньона. Постепенно, начиная с ног, я заполняю окоченевшее тело.

Начавшаяся дрожь сотрясает меня с яростной мстительностью, и я задаюсь вопросом о том, не слишком ли надолго на этот раз отпустил меня прогуляться внутренний голос. Этот бесшумный контролер присутствует всегда, он остается в моем реальном теле, он следит за временем и зовет меня назад, до того как я, дрожа, перейду невидимую грань и впаду в гипотермическую кому. Находясь в трансе, я не чувствую холода, боли, голода, усталости, жажды. Не важно, куда попадаю я в галлюцинациях — в бытовку уборщиц или в гостиную, не важно, есть ли там вид на буколические холмы или облачные троны ангелов, — любое подобное путешествие приносит облегчение, и я не хочу возвращаться. Но встреча с Джоном придала мне храбрости и надежды. Сотрясаясь от холода, я произношу вслух, и голос мой отзывается эхом в темном каньоне: «У меня есть еще несколько дней». Если я могу продолжать входить в мир галлюцинаций и чувствовать присутствие мамы, папы, сестры, друзей, то я, возможно, нашел свою стратегию выживания и протяну даже дольше, чем в последнем прогнозе, — дольше полудня среды. Галлюцинации дают мне надежду, но я знаю также, что каждая заканчивается все тем же нырком в

отчаяние, сопровождающим мое возвращение в каньон, к холоду, жажде и всем остальным ужасам плена. Да, они обеспечивают душевный подъем, но вместе с тем усиливают ощущение моей несвободы. Я, возможно, провел в трансе десять минут из ужасной ночи, убегая в мир путешествий вне тела, но эти же десять минут двигают меня к нестираемо предписанной судьбе. Даже если я протяну еще несколько дней, спасателям не хватит времени определить мое местонахождение и спасти меня.

В пронизывающей жестокости ночи я то и дело сбегаю в галлюцинации, но они тают в памяти, как только я возвращаюсь в каньон. Если небеса столь же прекрасны, сколь галлюцинации, то действительность, к которой я возвращаюсь в каньоне, не что иное, как ад. Ад традиционно изображается как переполненное, чертовски горячее место — Пандемониум Мильтона,[85] — управляемое рогатым дьяволом, который присматривает за пыткой грешных душ. Теперь я знаю точно: ад действительно глубокая хтоническая дыра, но горячая ли? Нет, в аду чрезвычайно темно и невыносимо холодно, это место полного одиночества, арктическая тюрьма без начальника; единственный ее обитатель покинут всеми, даже боссом преисподней. Здесь нет никакой другой духовной энергии, хорошей или злой, на которую можно спроецировать любовь или ненависть. В аду есть только одна эмоция: абсолютное отчаяние, приправленное полным одиночеством.

В каньоне Блю-Джон наступают предрассветные сумерки. Десяток комаров и ветер, умеренный, но несущий с собой песок, возвещают утро. Два часа я то игнорирую, то убиваю насекомых, и после этого ко мне приходит утешительный дневной свет. Я уже не одинок; солнце заглянуло ко мне, чтобы отправиться вместе со мной в очередное путешествие. Великолепные ярко-золотые всплески на стене в десятке метров позади меня смывают мрачное давление каньона. В первый раз за два дня я вынимаю цифровую камеру и делаю снимок этого внезапного нашествия света. Когда я через левое плечо смотрю вниз, на божественный наряд каньона, кажется, что песчаник излучает все эти цвета, не только отражает их. Я не могу представить себе, чтобы чуть более возвышенные декорации сопровождали что-то меньшее, чем Вознесение. Глаза увлажняются. Перед тем как убрать камеру, я делаю автопортрет, яркий блеск расплывается за моей головой, как аура. При свете естественная активность пустынной жизни возобновляется: сумчатая крыса возится в своем гнезде и все больше жуков начинают летать вокруг моей головы.

Еще одна часть моего утреннего ритуала — ежедневный репортаж на видеокамеру. Как раз незадолго до девяти я выкапываю этот маленький гаджет из своего рюкзака. Почему я не пропускаю репортажи, я толком не понимаю, возможно, это всего лишь способ занять себя чем-нибудь, каждый раз расстегивая и застегивая пряжку на правом плече.

Интересно, участвуют ли уже родители в теоретическом поиске? Единственный способ, которым власти могут отследить меня, — получить историю покупок по дебетовой и кредитной картам. Это приведет их в Гленвуд-Спрингс, Моаб, затем Грин-Ривер. Ага, стоп: я платил наличными за «Гаторад» в Грин-Ривер. Дьявол! Спасателям очень повезет, если они найдут мой пикап. Если все, что они знают — то, что я был в Моабе в пятницу, с четырьмя днями отпуска и автомобилем, — к настоящему времени я мог бы быть в любой точке США. Когда время ожидания закончится и полицейские начнут активный поиск, для начала они будут искать подтверждения тому, что я не пытаюсь скрыться от них, не подался в бега. Тогда они должны будут как-то понять, что я все еще нахожусь в Юте, и заставить службу национальных парков и местных шерифов проверять самые вероятные места вокруг Моаба.

Но хуже всего то, что я нахожусь в одном из самых непопулярных мест на все пять округов. Служба национальных парков (СНП) и шерифы начнут с пары десятков куда более популярных мест, которые находятся ближе к Моабу, и только потом доберутся до такого отдаленного места, как стоянка у начала тропы каньона Хорсшу. Ресурсы СНП ограничены, поэтому они будут опираться на статистику, то есть сначала пойдут туда, где люди пропадают чаще всего. Хорсшу расположен в трех часах езды от города и станет одним из последних мест, которые СНП решит проверить. Возможно, пройдет весь первый день поисков, прежде чем они туда доберутся.

И вот, допустим, невероятный миг удачи — СНП находит мой пикап, их следующий шаг — отправить поисковые команды для прочесывания каньона Хорсшу. Если они натолкнутся на мой пикап в первой половине дня, то команду для осмотра верхней части каньона Блю-Джон, в двадцати километрах дальше от дороги, вышлют не раньше следующего утра. Пройдя одиннадцать километров по каньону, спасатели найдут меня, но у подобной команды не будет ничего похожего на механизм, с помощью которого они могли бы меня освободить. Кладу еще сутки с того момента, как меня отыщут, до того, как меня смогут извлечь из каньона и вывезти на вертолете. Но по крайней мере, у них будет вода. Достаточно литра или двух, и я с легкостью

продержался бы еще день. Готов спорить, что у них будет больше чем два литра, у них будет столько, сколько я смогу выпить. Мечты о прозрачной пресной воде отвлекают меня от размышлений о поиске.

Наконец я включаю видеокамеру. Перед началом записи я рассматриваю себя на экране. Я выгляжу чрезвычайно встревоженным, потому что размышляю о своей ситуации, но, к моему удивлению, краснота конъюнктивы несколько уменьшилась. В противовес маленьким хорошим новостям — мои впалые щеки. Из-за правого плеча долетает свет из нижней части каньона, он пляшет на экране, такой славный канареечно-желтый блик. Я откашливаюсь, нажимаю кнопку записи и начинаю говорить, немедленно замечая, что голос поднялся еще на половину октавы со вчерашнего дня, голосовые связки твердеют из-за обезвоживания.

— Среда, утро, девять часов. Мне любопытно, как там идет поиск, на Большой земле. Хотелось бы надеяться, что кто-то получил отчет по кредитной карте и установил, где я был, — в Гранд-Джанкшн, Моабе и так далее. — Я непроизвольно отвожу взгляд — туда-сюда, вверх-вниз, затем безучастно смотрю на левую ногу. Наклонив голову, продолжаю рассуждать вслух: — Возможно, смотритель СНП в Хорсшу заявил о моем пикапе, оставленном там, не знаю… — и пожимаю плечами.

Я помню, что после возвращения в Аспен я должен был послать несколько вещей разным людям, поэтому даю родителям еще несколько указаний:

— В любом случае велосипед в моей комнате в Аспене принадлежит Джону Карриеру, который живет в нескольких домах от Эрика Жемье. В бардачке моего пикапа лежит наладонник, в его памяти вы легко найдете все адреса и имена. Кроме того, спальный мешок, припрятанный в моей кабинке на работе, принадлежит Биллу Гейтсу, он уже заплатил за него. Так что, возможно, вы сможете отдать спальник ему, это часть снаряжения для Денали.

Последнее, что я хочу запечатлеть на пленке на этот раз, — пара любимых воспоминаний.

— Я думаю о «Севен-ап» в одноразовом стаканчике, — объясняю я и надолго закрываю глаза, чтобы вызвать в воображении этот образ еще раз. Издаю тихий стон и продолжаю: — «Файв-элайв»[86] в доме бабушки Андерсон. Это лидеры списка моих любимых напитков. Я думаю о нем.

Я задыхаюсь между предложениями и решаю, что пока с меня хватит. Закрыв видеокамеру и поставив ее на валун, я обновляю цифры и даты в голове: 96 часов без сна, 90 часов, как я был

пойман в ловушку, 29 часов, как я выпил первый глоток мочи, 25 часов с тех пор, как я выпил последнюю каплю из своих водяных запасов.

Пока я управляюсь с числами, ворон пролетает над моей головой. Я киплю от зависти к его свободе.

Чтобы снизить градус раздражения, я подсчитываю, что прошло четыре дня с тех пор, как я использовал зубную пасту или зубную щетку. Я бы все отдал, чтобы прервать эти длинные выходные. Прошла неделя с тех пор, как я в последний раз брился, бачки отросли на полсантимера. Потираю рукой вокруг подбородка и шеи. Интересно, какой длины моя борода будет к тому времени, когда меня найдут? Она может расти и день, и два, после того как я умру, вырастет еще на сантиметр или больше?

Время потеряло свое значение. Подсчет часов и дней нужен теперь только для ведения записей, это упражнение не вызывает никакого эмоционального отклика. Ничего, кроме сухой констатации: «Понятно, вот, значит, сколько времени я уже нахожусь здесь». В середине утра я перестал проверять часы — не хочу видеть, как быстро проходит день, я знаю, чего ждать вечером, и не могу сказать, что жду этого с нетерпением. Лучше игнорировать время. Я ничего не могу ускорить или замедлить, могу лишь впитывать сюрреалистические впечатления, роящиеся в моей голове, запаздывающие отображения стен, предательские следы клаустрофобии, порожденной долгим периодом без сна, ограничивающей мое сознание и один за другим заглушающей все мыслительные процессы.

Внезапно у меня появляется новая идея: а что, если использовать большой камень в качестве кувалды? Врезать им со всей силы по моему валуну и отколоть кусок над моей рукой? Или эта идея уже приходила мне в голову? Думал я об этом или нет? Никак не могу вспомнить. Большой камень — грубая сила в сравнении с точным тактическим ковырянием валуна с помощью мультитула. В теории звучит хорошо. Во всяком случае, это что-то новенькое.

Из груды булыжников у моих ног я извлекаю камень размером с дыню. Опираясь левой рукой о стенку каньона, я ногами перекатываю этот неуклюжий шар для боулинга и поднимаю его на полку возле моих коленей. Ощутив массу булыжника, я начинаю колебаться… Если камень вырвется из руки, он почти наверняка упадет мне на колени или даже прямо на ступню. Десять с чем-то килограммов — это больше чем нужно. Но я решаюсь на попытку. Взваливаю камень на левое плечо, затем бросаю на валун. Взрыв — песок и осколки мелового

песчаника разлетаются во все стороны. Конечно же, камень отскакивает от валуна и, влекомый силой тяжести, летит вниз. Я успеваю убрать ноги с его пути, и булыжник возвращается в груду, откуда я его взял. Оставлю-ка я его там. Результат небогатый, большинство осколков и пыли — это не от валуна-пробки, а от булыжника, которым я по нему бил. Нужно найти камень из более твердой породы, чем мой валун. Я смотрю по сторонам, перебираю разные булыжники и один за другим отбраковываю их. И тут вспоминаю, что именно по этой причине во время мозгового штурма три дня назад отказался от каменного молотка.

Иногда во время восхождения я застреваю в трудном месте, потому что продолжаю пробовать одно и тоже движение, один и тот же путь и, что неудивительно, продолжаю терпеть неудачу. В этот момент я часто понимаю, что вижу не все варианты, — я ухватился за очевидный выбор, не оценив полного спектра своих возможностей. Оглянувшись, я мог бы найти зацепку для ноги, которая позволила бы мне переместить тело выше, или зацепку для руки, которая ранее была вне моего поля зрения.

Что же я упустил сейчас? Что же такое неочевидное я проигнорировал? Наклоняя голову назад, пока картинка не переворачивается, я вижу над собой несколько камней размером с ладонь, они лежат в куче мусора, собранной вокруг большой каменной пробки позади меня. Один из камней отличается от других, он сланцево-черный с небольшим красноватым оттенком. Похоже, это не песчаник, а минерализованный слой. Возможно, он не тверже валуна, скорее — одинаковой с ним твердости. Возможно, это мой шанс. Дотянувшись до гнезда сумчатой крысы над головой, я вытаскиваю кусок скалы. Еще один камень падает и едва не попадает мне в голову, рикошетит от плеча.

Чертовы падающие камни! Должен же быть какой-то знак.

Черный обломок скалы в моей руке весит как ядро, которое толкают спортсмены. То, что надо. Я могу поднять его, не напрягаясь, и врезать по валуну, не выпуская из руки. Почему я столько времени не мог повернуться и поискать в гнезде? Я могу списать это только на летаргическую апатию, которая отвлекает и путает меня. Но то, что я принялся за новую активную деятельность, — уже само по себе хороший знак.

Принимая на себя отдачу от каждого удара, левая рука стремительно обрастает синяками и ссадинами. После десятков ударов я вынужден остановиться — рука разбита слишком сильно.

Я посчитал, что постоянно уменьшающаяся вероятность

моего выживания достигла нижнего предела, и поднимаю видеокамеру, чтобы записать на пленку последние слова. Я начинаю говорить. Голос звучит глухо. Я слышу, как истощение сводит на нет мои усилия остаться адекватным.

— Сейчас среда, день, два часа. Прошло около четырех дней с тех пор, как я застрял в этой дыре. Время поговорить о технической стороне похорон. Кремация, пожалуй, это лучшая идея, особенно если учесть, что, когда меня найдут, тело будет в жутком состоянии. Но если все же кто-то понесет гроб, я хотел бы, чтобы это были мои друзья: Джон Хейнрих, Эрик Джонсон, Эрик Жемье, Брэндон Риго, Чип Стоун, Норм Рут. И Марк ван Экхут тоже.

Я назвал большинство своих самых близких друзей, больше, чем будет необходимо, чтобы отнести меня к последнему месту отдыха, но я хочу назвать столько друзей, сколько смогу.

Пока я раздумываю, нужно ли сказать еще что-нибудь, пленка заканчивается. Я перематываю ее и начинаю проигрывать с самого начала. Изображение приводит меня в восторг, я радуюсь, как ребенок, смотрящий «Улицу Сезам».[87] У меня в руках мини-телевизор! В течение целого часа я развлекаю себя отснятой пленкой. Предмет довольно мрачен, но я люблю наблюдать движущиеся картинки, и себя в том числе. Ко всему прочему, мой мозг по каким-то причинам критикует послания семье, исправляя и редактируя, как если бы я собирался сделать второй дубль. Что за глупость. Так и вижу, как говорю себе перед съемкой: «Здорово, Арон, это было сделано неплохо, но теперь скажи это с ЧУВСТВОМ». Смешно.

Я останавливаю камеру и затем перематываю ее во второй раз на начало, чтобы затереть новой записью хронику восхождения на Соприс. У меня есть более важное сообщение о том, куда и как надо распределить мой прах. Я решил не забыть ни одно из любимых и памятных для меня мест во всех Соединенных Штатах.

— Я говорил о церемонии и кремации, и я хотел бы попросить развеять пепел в тех местах, которые были мне дороги или что-то особенное значат для меня. Я знаю, что, мм, хотел бы, чтобы, если это возможно, какая-то часть осталась у моей семьи. Затем — тут я еще не решил окончательно, — хочу, чтобы часть праха уехала вместе с Эриком назад в Калифорнию, может быть, на побережье, в Биг-Сур, где мы замечательно путешествовали, отлично съездили в Санта-Барбару. Еще какая-то часть может поехать с Джоном на Восточное побережье. Может быть, он развеет ее на горе Грейлок, где-нибудь поблизости от того места, где мы чуть не налетели на дикобраза. Соня, я тебе буду очень

признателен, если ты возьмешь небольшую часть меня к Хавасупай, — если когда-нибудь поедешь туда снова. Марк, для тебя просьба — возьми часть меня, чтобы провести небольшую церемонию развеивания праха на вершине Сандии, там было круто. Так, гм, последние пожелания, полагаю… Теперь Чип и Норм. Возможно, вы могли бы взять часть меня у Эрика и развеять в Рио-Гранде в Боске. Таким образом мы охватим океаны, реки, леса и холмы. Я не упомянул Дэна и Джулию, хотя они тоже очень много для меня значили. И если в день развеивания пепла от меня что-то останется, вы с Дэном, и Марк, Джейсон, Эллисон, Стив Пэтчетт, и ребята из спасательной службы, развейте остатки вокруг Пахарито или на Вольф-Крик.

Понимая, что еще не сказал о моих самых любимых концертах, я проталкиваю сквозь себя тяжелое и неглубокое дыхание, чтобы сказать:

— Я не думаю, что могу позволить себе уйти, не упомянув Японию в двухтысячном, «Боннару» и «Хорнинг», — лучшие концерты, на которых я когда-либо был с друзьями. Было немало других событий: Новый год с *Phish* на Биг-Сайпресс и Новый год со *String Cheese* в Портленде — в Ночь космического ковбоя. Спасибо вам за все.

Закругляясь еще раз, я чувствую себя несколько более успокоенным по поводу своего увековечивания, но знаю, что нахожусь на последнем издыхании. Глядя прямо в объектив, я записываю последнее прощание:

— Я держусь, но все происходит реально медленно, время течет все медленнее. Итак, еще раз: я люблю вас всех. Несите в мир любовь и счастье, сделайте свою жизнь красивой в мою память. Это было бы для меня самым большим подарком. Спасибо. Я люблю вас.

Стайка легких облаков вплывает в поле зрения после полудня, мешая температуре в каньоне повыситься на обычные пять градусов. Мои часы указывают, что температура сегодня не поднималась выше тринадцати градусов. Облака растягиваются над плато Робберз-Руст и исчезают с приходом вечера. Сегодня была самая низкая температура за все пять дней, значит, ночь обещает быть самой трудной и холодной. Мои силы падают, ресурсы тела исчерпаны до конца. Даже ранним вечером я не могу удержаться от судорог. Я отрезал кусок своей якорной стропы ниже узла и обернул несколько раз вокруг шеи, чтобы хотя бы немного прикрыть кожу. Возможно, это позволит мне сохранить хотя бы полградуса тепла.

Я хочу и дальше бить по валуну своим каменным молотком,

но не могу перенести страданий, которые достаются левой руке. Все равно что бить кулаком по кирпичной стене. Мне приходит в голову идея: надеть левый носок на камень вместо прокладки между ним и рукой. Каждый удар булыжником травмирует левую кисть, но я продвигаюсь гораздо быстрее, чем раньше, когда ковырял камень ножом. За те несколько ударов, что я сделал сегодня в течение дня, я выкрошил из валуна больше, чем за первые четыре дня. Осколков столько, что мне приходится положить черный чехол от камеры, служащий мне рукавом для левой руки, поверх повязки на правой руке, чтобы защитить ножевую рану от песчаного порошка. После шести вечера я устраиваю себе отдых, чтобы расслабить больную левую руку и снова вытащить фотоаппарат. Я делаю снимок правого предплечья, покрытого результатами своих усилий — толстым, в два сантиметра толщиной, слоем каменных крошек и песка. Отложив камеру, я стряхиваю щебень, пытаясь не занести грязь во вчерашнюю рану. Чувство безнадежности охватывает меня — даже при настолько ускоренных темпах я не смогу разбить валун так, чтобы он выпустил мою руку. Я умру быстрее. И это если допустить, что я продолжу стучать по камню, который уже вызывает такую сильную боль в руке, что я думаю, что сломал себе мизинец и безымянный палец или, возможно, кость внутри ладони повыше первых суставов. Я с тоской смотрю на каменный молоток, одетый в серый носок «Смарт-вул», как в чулочную шапочку, и решаю пока прекратить свои попытки.

Пусть события идут своим чередом, Арон. Оставь камень там, где он есть. Зачем причинять себе лишнюю боль, занимаясь бесполезным делом?

Я надеваю носок на ногу и натягиваю его как могу, почти на всю икру. Я не могу позволить себе потерять наступающей ночью ни частички тепла, я должен использовать этот носок по полной. Откуда-то из глубины подступает мысль, что сегодняшнюю ночь в каньоне Блю-Джон я не переживу. Не то чтобы я думал об этом или дискутировал на эту тему сам с собой, но, когда я допускаю, что умру в пределах нескольких часов, это звучит правдоподобно. По сравнению с яростью в самом начале своего плена, когда набросился на валун и лупил по нему ладонью, сейчас я принимаю это утверждение спокойно, осознаю, что не контролирую свое положение и от меня ничего не зависит. Если мое время закончилось, значит, закончилось, я ничего не могу сделать, чтобы растянуть его. А если мое время еще не вышло, то тем более нет ничего такого, о чем стоило бы волноваться. Но все-таки я думаю, что первый вариант более вероятен, чем второй. Я понимаю, что это конец, я не переживу этой ночи, и эта

мысль меня не волнует, я прекратил борьбу за контроль над ситуацией. Я освободился от тяги диктовать исход своего заточения и за это получаю нелогичное чувство беззаботности, почти блаженства. Возможно, именно это и должен ощущать человек, когда душа оставляет земное воплощение и соединяется с Божественной сутью. Это чувство не походит на то, что я испытываю, когда сбегаю из каньона в транс, это не апатия смирения. Больше походит на освобождение от духовного бремени. Как будто я осознал великую истину: некая сверхъестественная сила контролирует ситуацию с самого начала. Как ее ни назови, важно то, что можно не паниковать, — я больше не главный.

Холодные сверхъестественные ветра высасывают тепло из моего тела, я начинаю дрожать все сильнее в ледяной коробке каньона. Каждая ночь дается мне тяжелее предыдущей, но сейчас дует по-настоящему, смертельно холодный ветер.

От сумерек до рассвета — девять длинных холодных часов, и пока из них прошло только два. Пожалуй, пора закончить эпитафию. Часы подтверждают, что сегодня 30 апреля и оно будет длиться еще час. В течение всего дня я не обращал внимания на время, мне было все равно, но сейчас каждая минута кажется мне значимой, поскольку она может стать последней. Я еще раз выцарапываю свое имя на песчанике около левого плеча, поверх надписи, которую вырезал ножом в субботу рядом с цитатой «Геологическая эпоха включает настоящее время». Выше четырех заглавных букв своего имени, «АРОН», я царапаю на красной скале: «ОКТ 75». Под именем делаю еще одну надпись: «АПР 03». Мне не приходит в голову написать «МАЙ», поскольку я уверен, что не увижу конца этой страшно холодной ночи, не увижу рассвета. Я заканчиваю эпитафию, вырезая RIP[88] над именем и месяцем рождения. Потом откидываюсь назад в обвязке и успеваю положить нож сверху на валун, прежде чем соскальзываю в очередную галлюцинацию.

Цвет взрывается в мозгу, затем я иду через стену каньона и на сей раз самостоятельно, без чьей-либо помощи, вхожу в гостиную. Белокурый трехлетний мальчик в красной рубашке поло бежит ко мне по залитому солнцем деревянному полу. Я понимаю, что это мой будущий дом. Тем же интуитивным восприятием я понимаю, что мальчик — мой сын. Я наклоняюсь, чтобы сгрести его левой рукой, правой же, лишенной кисти, поддерживаю его, затем раскачиваю, и мы оба смеемся. Эта встреча — серьезное отклонение от предыдущих галлюцинаций; прежде я был зачарован и не мог никак взаимодействовать с другими людьми. Но теперь я активно участвую в действии. Я

подвижен и свободен.

Мальчик счастливо взгромождается на мое правое плечо и держится ручками за мои руки, а я страхую его нормальной левой рукой и правым обрубком. Улыбаясь, я скачу по комнате, по дубовому полу, ловлю солнечные пятна. Мальчик радостно хохочет, мы кружимся вместе, и вдруг видение резко исчезает. Я опять вернулся в каньон, эхо радости стихает в мозгу и дает мне подсознательную уверенность в том, что так или иначе я переживу этот плен. Хотя я уже принял и признал, что умру здесь прежде, чем придет помощь, теперь я верю, что буду жить.

Эта вера, этот мальчик — они меняют все.

ГЛАВА 12
Громы и молнии

Недостаточно только получить знания: надо найти им приложение. Недостаточно только желать: надо делать.

Иоганн Вольфганг фон Гёте

К девяти утра среды 30 апреля сутки, данные мне Брионом Афтером, истекли. И вот он медленно бродил по торговому залу «Ют маунтинир», ломая голову: «Где же, черт возьми, его носит?» Брион мотал круги между стеллажами с лыжной одеждой, снегоступами и товарами для туризма, все больше волнуясь. Моя смена начиналась в девять часов, и второй день кряду я не показывался и не звонил. В четверть десятого Брион посмотрел на часы, решил, что ждет уже достаточно долго, и поднялся в офис. Сначала он позвонил в дом на Спрюс-стрит, но там никто не ответил. Брион уже решил, как поступит дальше, но тут из Боулдера позвонила Леона:

— Он пришел?

Прямота Леоны едва маскировала ее страх. Девушка пыталась держать себя в руках, но ее голос дрожал. Мое исчезновение сильно измотало ей нервы в ее первую ночь на Передовом хребте.

— Нет, его здесь нет. А его смена двадцать минут как началась, в девять. — Голос Бриона звучал натянуто. — Он всегда пунктуален, я уверен, с ним что-то случилось.

Леона тоже была уверена, что что-то не так:

— Ну все, хватит. Пора подключать его родителей.

— Я как раз только что подумал об этом же. А вдруг он звонил им и рассказал о своих планах. Наберешь их, а? Мне пока нужно тут подготовиться — через полчаса открываем.

Вряд ли Брион, прося Леону сделать этот звонок, руководствовался одним лишь чувством долга перед «Ют» — ни он, ни Леона не хотели быть тем, кому придется сказать моим родителям, что их сын пропал и, скорее всего, угодил в беду. Леона нашла способ выкрутиться.

— У меня нет их номера. А у тебя есть.

— У меня? Откуда?

— В анкете, которую он заполнял при устройстве в «Ют». Наверняка там указан телефон родителей — для экстренной

связи. У тебя есть его папка?

— Действительно… Да, секунду… она в ящике… вот.

Брион вытащил из картотеки мою папку с документами о найме и раскрыл со щелчком. Как Леона и предполагала, на самом верху тонкой стопки документов была анкета, которую я заполнял для приема на работу, с именами и телефонами моих родителей.

В полдесятого утра Брион позвонил им в Денвер на домашний номер. Отец уже четвертый день был в Нью-Йорке с экскурсионной группой. Мама только что пришла с почты и сидела в кабинете наверху — раньше это была моя спальня, а когда я уехал учиться в колледж, родители переделали ее под мамин офис; оттуда мама вела свой консалтинговый бизнес.

— Алло, это Донна, — приветливо отозвалась она, сняв трубку.

— Здравствуйте, Донна. Это Брион Афтер, из «Ют маунтинир». Аспенский начальник Арона.

— О! Доброе утро, мистер Афтер. Как поживаете? — Мама познакомилась с Брионом, когда неделей раньше ездила ко мне в Аспен.

— Спасибо, хорошо, — ответил Брион.

Зная, что должен обрушить на мою маму страшный удар, он поколебался, а затем выпалил:

— Я хотел спросить, не знаете ли вы, где Арон. — И после паузы продолжил: — Он уже второй день не выходит на работу и не звонил, никто не видел его уже почти неделю.

Как громом пораженная, мама опустилась в крутящееся кресло. Вот и наступил тот ужасный день, который, она надеялась, никогда не настанет.

По молчанию в телефонной трубке Брион понял, что мама ничего не знает обо мне, и с замиранием сердца ждал ее реакции — разрыдается она, закатит истерику или взорвется. Ему полегчало, когда она твердо сказала:

— Вы понимаете, что это значит?

— Мы думаем, что-то случилось, — ответил Брион.

— Да. То, чем он занимается, очень опасно, и он много ходит один. Он бы не пропустил работу, не позвонив. Случилось что-то ужасное. Надо выяснить, где он. Что вы уже сделали? Вы говорили с его соседями?

Брион впечатлился реакцией моей мамы и тотчас же почувствовал, как его отпускает психологический пресс. Он быстро пересказал ей, что *о* по состоянию на сейчас известно и откуда.

Мама удивилась, что я не рассказал соседям о своих планах.

Еще во время первых моих зимних вылазок она приучила меня всегда оставлять записку с планом похода — или на моем столе в «Интеле», или кому-нибудь из друзей. Мол, хоть кто-то, но должен знать, где я. Сперва-то я оставлял записки на приборной панели в салоне моего пикапа. Но, когда стал заезжать во все более и более дикие места, я осознал, что нужна система получше. Могли пройти недели, если не месяцы, прежде чем кто-нибудь набредет на мою машину, стоящую в начале того или иного маршрута. Так что я последовал маминому совету и взял за привычку говорить хотя бы одному человеку о своих планах. В зимний сезон 2000/01 года я звонил маме до и после каждого восхождения на четырнадцатитысячник, но от подробностей моих приключений у нее волосы вставали дыбом, так что пришлось вернуться к прежней схеме, с записками.

Стараясь не думать о том, что могло со мной случиться, мама сосредоточилась на своих ближайших действиях.

— Вы уже говорили с полицией? — спросила она Бриона.

— Нет еще. Сразу потом и собирался.

Моя мама знала очень мало о том, как организуют розыск без вести пропавших. Она понятия не имела, что именно полиции нужно, чтобы начать поиски, но четко осознавала, что промедление смерти подобно.

— Заявление в полицию нужно подавать по месту жительства, то есть в Аспене, — сказала мама не столько Бриону, сколько размышляя вслух. — Я не очень понимаю, что там и как и нужно ли обращаться к окружному шерифу, но они сами знают, что делать дальше. Вы сходите и подадите заявление?

Брион согласился.

— Я позвоню им прямо сейчас, а потом перезвоню вам.

— Спасибо, Брион. Я должна идти.

Мамин мир обрушился, она тут же позвонила своей давней подруге Мишель Киль, которая собиралась приехать утром попозже, поговорить насчет учреждения местного клуба садоводов, и попросила ее приехать тут же, не медля.

— Арон пропал, — сказала она, запинаясь.

Мишель примчалась быстрее ветра и обнаружила мою маму на кухне, та сидела на табурете и, всхлипывая, раскачивалась взад и вперед, убитая горем. Несколько минут они, обнявшись, рыдали вместе. Наконец мама собралась с мыслями и стала перебирать варианты, кто же мог что-то знать о моих планах.

Для мамы это были самые напряженные часы в ее жизни, все кошмарные «что если» приходили на ум одно за другим, но тем не менее она сумела рассудить логично.

— Он всегда говорит кому-нибудь, куда идет. Если он ничего

не сказал соседям по комнате, не оставил сообщения в магазине… может, он написал кому-нибудь мейл?

Лицо Мишель озарилось.

— Мы можем это проверить. У него есть электронная почта — на «яху», на «хотмейле» или еще где?

— Да, на «хотмейле».

— Ты знаешь его пароль?

— Нет, не имею представления.

— Давай выйдем в интернет и посмотрим, что мы можем сделать.

По крайней мере, думала Мишель, они могут попытаться сменить пароль и, открыв мой почтовый ящик, посмотреть последние письма.

На страничке входа в почтовую программу Мишель указала на ссылку «Забыли ваш пароль?». У них запросили мои электронный адрес, штат и индекс. Мама побежала вниз и вытащила свою записную книжку. Затем они с Мишель попытались ввести индекс Аспена, но доступа не получили.

Еще минут двадцать мама пыталась вводить свой собственный почтовый индекс, пока не вспомнила, что я завел электронную почту, когда жил уже в Нью-Мексико. Снова сверившись с записной книжкой, она ввела мой старый индекс в Альбукерке, и на экране высветился следующий вопрос: средняя школа.

— О, я помню его школу! — воскликнула мама. — Может быть, сработает.

Однако сайт требовал, чтобы все буквы абсолютно совпадали с теми, которые я вводил при регистрации; двум хакерам-любителям пришлось гадать, что за аббревиатуру я использовал. Снова и снова на экране всплывала надпись красным жирным шрифтом: «Пожалуйста, введите правильный ответ на ваш секретный вопрос». Они были очень близко и так далеко от разгадки. Мишель и мама так и ломали над этим голову, когда зазвонил телефон.

После разговора с моей мамой события в «Ют» развивались стремительно. В начале одиннадцатого утра Брион позвонил Эдаму Крайдеру в полицейский участок Аспена и заявил о том, что я пропал без вести. Мол, уехал на выходные, и не вернулся к вечеринке 28 апреля, и затем не появлялся на работе два дня, никого не предупредив. Эдам заполнил бланк, отметив, что Брион был «очень обеспокоен», и зафиксировал в журнале время подачи заявления — 10:27 утра. Попросив Бриона собрать максимум информации о том, где я мог быть, Эдам сказал, что подъедет к

«Ют» через несколько минут, посмотреть, что Бриону удалось раскопать.

В 10:19 утра Брион позвонил Элиоту, который был один в нашем доме на Спрюс-стрит, и попросил его поискать что-нибудь, что могло бы подсказать, куда я уехал. Брион объяснил, что подал заявление о моем исчезновении в полицию и что ему нужно как можно больше информации о том, куда я собирался в прошедшие выходные. Особенный упор он сделал на моих планах насчет Денали.

— Мне нужна твоя помощь, — сказал он Элиоту. — Говорили, что Арон собирался на тренировочное восхождение с кем-то из своей аляскинской команды. Глянь, пожалуйста, в его комнате — вдруг найдешь, кто это мог быть.

— Да, конечно.

Элиот не торопился с уборкой и распаковкой. Должность механика в местном велосипедном магазине он недавно оставил, а новой работы еще не нашел. Зайдя в мою спальню, он принялся искать какие-нибудь бумаги. Бумаг там было много, но в первую очередь ему бросилась в глаза на одной из полок стопка с маршрутами походов и сложенными фотокопиями карт. На первый взгляд стопка казалась многообещающей, но по водяным разводам и стертым сгибам Элиот быстро понял, что описания относятся к предыдущим походам, о большинстве из которых он слышал от меня, когда заезжал в гости.

Элиот прошерстил десяток папок, беспорядочно раскиданных по моей комнате, полных личной переписки, старых счетов и налоговых деклараций. Только через полчаса, под вешалкой за рюкзаком, ему попалась оранжевая папка с наклейкой «Денали-2002». Там на распечатках старых мейлов были имена и телефоны всех участников, но никому из них Элиот звонить не стал, потому что нашел заявку на восхождение, которую я подал в апреле 2002-го. Он тут же подумал: «Ага, у рейнджеров должны быть все данные о новой команде Арона» — и достал мобильный телефон из кармана своих поношенных тыквенного цвета штанов «Кархаттс». В Талкитну на Аляске Элиот дозвонился быстро, но, как он ни пытался убедить дежурного рейнджера, что лишь хочет помочь пропавшему другу, сообщить какие-либо имена и телефоны ему наотрез отказались — только, мол, по запросу соответствующих органов.

Рассчитывая перезвонить с более высокими полномочиями, Элиот не стал сжигать за собой мосты, поблагодарил рейнджеров за то, что хотя бы его выслушали, и, повесив трубку, задумался, не натравить ли на них аспенскую полицию. Но сначала он позвонил Бриону, проверить, не слышно ли чего. Оказывается, за

прошедший час тот добился успеха.

— Можешь больше не искать, — сказал Брион. — Я нашел эту папку в его шкафчике, где должен был посмотреть с самого начала. Так или иначе у меня теперь есть список всей команды.

На распечатках мейлов он нашел адреса всех участников. Без двенадцати минут одиннадцать Брион разослал следующее письмо команде «Грин чили уиндз»:

> От кого: Брион Афтер
> Отправлено: Среда, 30 апреля 2003, 10:48
> Кому: Дженет Лайтберн, Билл Гайст, Джейсон Хэлладей, Дэвид Шоу
> Тема: В поисках Арона Ральстона
>
> Привет,
> Я — начальник Арона в «Ют маунтинир» (Аспен, Колорадо), и, к моему удивлению, он не приходил на работу последние два дня. Мы очень обеспокоены, не случилось ли с ним что-нибудь, и я хотел бы спросить, не знает ли кто-то из вас, где он может быть или куда собирался на прошлые выходные. Никто из его друзей и соседей точно не знает, куда он поехал, но мы думаем, что 24 или 25 апреля он отправился в Юту — возможно, чтобы встретиться с кем-то из вас для тренировки перед Денали. Если вы хоть что-то знаете об Ароне, пожалуйста, ответьте на это письмо. Или позвоните мне в «Ют». Мы уже обратились в полицию и к семье Арона — обычно он возвращается очень пунктуально и уж тем более не пропадает без вести.
>
> *С наилучшими пожеланиями,*
>
> *Брион Афтер*

К этому моменту, невзирая на все свои розыскные успехи, Бриону пора было собираться: на пару недель он уезжал в отпуск в Австралию и не успевал закруглиться в магазине. Требовалось передать кому-нибудь бразды, и он завел разговор издалека:

— Элиот, а какие у тебя вообще планы на сегодня?

Чувствуя, что вопрос с подвохом, Элиот ответил:

— Да вот думал прибраться в комнате Леоны, загрузить туда свое барахло, распаковаться и тэ дэ. Хочешь меня еще о чем-то попросить? Валяй, я готов.

— Ну да. Просто начали уже поступать ответные мейлы, а у меня совсем завал: уезжаю завтра на две недели. Ты не мог бы

прийти в магазин, сделать несколько звонков и проверить почту?

— О чем речь. Я в любом случае собирался опять подоставать тебя насчет работы. Буду через десять минут.

За несколько минут до половины двенадцатого Брион позвонил моей маме. Та на пару с Мишель по-прежнему пыталась взломать защиту моего почтового ящика. Мама была рада услышать о том, что Брион подключил к поискам полицию и разослал мейлы остальным участникам восхождения на Денали. Обсуждая с Брионом, какие еще сведения могут понадобиться полиции, мама не переставая перебирала варианты написания моей школы. Брион спросил, не знает ли мама, какой у моей машины номер; мама спустилась к комоду и вытащила листок, на котором еще в 2000 году записала марку, модель, год выпуска и номер моего пикапа; я тогда приезжал домой на Рождество, перед моим первым зимним соло на четырнадцатитысячник. Я второпях воспроизвел ей номер по памяти — и, конечно, ошибся; эти неточные данные она и передала Бриону.

Закончив диктовать описание пикапа и номер, мама в сотый, наверно, раз нажала клавишу «Enter» — и ахнула, когда экран компьютера изменился впервые за последние полчаса Мишель и моя мама закричали в унисон: «Мы это сделали!» — и обнялись.

— Что происходит? Что случилось? — спросил Брион, когда моя мама снова взяла трубку.

— Мы целый час пытались проникнуть в почтовый ящик Арона. Теперь мы сможем сменить пароль, прочитаем его почту и посмотрим, не писал ли он кому-нибудь, куда собирается.

От этого успеха мамин голос явно пободрел.

— Вы уже в его ящике? — спросил Брион.

Пробегая глазами последние письма от моих друзей, мама кивнула:

— Да, смотрим вот входящие. Если ничего не найдем, вы сможете разослать сообщение всем его друзьям — пусть, мол, расскажут, кто что знает?

— Конечно, отличная идея, — ответил Брион.

Мама дала Бриону новый пароль, и они договорились о том, что он устроит массовую рассылку, а они с Мишель прочитают два десятка писем, упавших в мой ящик с тех пор, как я последний раз проверял почту, — в среду, неделю назад. Дав отбой, Брион сразу же позвонил Эдаму Крайдеру и продиктовал ему описание и номер машины.

Мишель тем временем собралась уходить — ей пора было домой, готовиться к поездке с мужем. Оставшись одна незадолго

до полудня, мама позвонила моей сестре в Лаббок, та работала над дипломом в Техасском технологическом университете. Охрипнув от плача и потрясений последних двух часов, мама говорила тихо:

— Соня, я только сегодня утром узнала, что твой брат не появлялся на работе два дня. Ты случайно не знаешь, куда он собирался?

Но Соня ничего не знала о моих последних планах, вот уже пару недель мы не созванивались и не списывались.

— Понятия не имею, где он. Прости, мам. Может, мне приехать?

— Нет, тебе нужно работать. Я буду держать тебя в курсе. И постарайся не расстраиваться.

Но не расстраиваться, конечно, не получалось ни у сестры, ни у мамы. Пусть Элиот уверенно фильтровал электронную почту, передавая все важное полиции Аспена — которая, получив от Бриона данные о моей машине, развернула наконец полномасштабный поиск, — но мама не могла вернуться к работе и не переживать о том, что со мной случилось.

В самом начале первого Элиот подкатил к «Ют» и прислонил свой серебристый велосипед к стойке возле магазина. Он редко выезжал в центр Аспена на машине — все равно на велосипеде получалось быстрее, плюс не надо тратить времени на поиски парковки. Он трусцой поднялся в кабинет к Бриону; тот вручил ему папку «Денали-2003» и вкратце рассказал последние новости.

— Вот данные тех, с кем он собирается на Денали. Некоторые уже ответили, с одним я поговорил по телефону — Джейсон Хэлладей, его номер в папке есть. Там же и номер мамы Арона. А вот Ароновы электронная почта и пароль. Его мама хочет, чтобы мы разослали письма по всему списку контактов.

— С кем общаться в полиции? — спросил Элиот.

— А, да. Я говорил с ними пару раз. Вот номер парня там, зовут Эдам.

— Что ты им уже сказал? — Элиот решил подойти к делу основательно и собрать информацию по максимуму.

Брион передал ему все, что говорил Эдаму. Элиот сел за Брионов захламленный стол и принялся обдумывать план дальнейших действий, Брион же спустился в магазин проверить, как справляется персонал, на который в мое отсутствие легла дополнительная нагрузка.

В куче распечатанных мейлов, которые Брион вручил Элиоту, был ответ от Джейсона Хэлладея — тот ответил через пятнадцать

минут после рассылки Бриона и объяснил про нашу тренировочную поездку на Денали 1–4 мая. В 11:03 утра он написал: «Мы не общались с ним с прошлой недели. На мой рабочий адрес он последний раз писал 22 апреля, но о планах на выходные ничего не говорил». Джейсон собирался поехать домой на обед и перед уходом написал: «Может, и были от него более поздние письма на домашний адрес — проверю и сразу отпишу». Через полчаса с лишним Джейсон прислал еще одно сообщение, с отрывками из моего большого январского мейла, в котором я приглашал его полазать вместе по узким каньонам, а также присоединиться к экспедиции на Денали. Вот что прочел Элиот, сидя за столом Бриона:

> От кого: Джейсон Хэлладей
> Отправлено: Среда, 30 апреля 2003, 11:40
> Кому: Брион Афтер
> Тема: RE: В поисках Арона Ральстона
>
> Брион,
>
> Привет еще раз. Я проверил домашнюю почту, и там последнее письмо от Арона было 23 апреля, насчет Куондэри. О планах на выходные он ничего не писал, но раньше говорил, что хотел бы пройти в Юте следующие каньоны:
>
> Блок-Бокс (Сан — Рафаэль);
>
> Виргин-Ривер (Зион);
>
> Кейбл и Сегерс (ок. Сан-Рафаэля); и еще несколько маршрутов, отмеченных у Келси как самые сложные (у тебя есть его «Возвышенность Сан-Рафаэль»? прекрасная книга!).
>
> Вы правы, может, Арон действительно просто перепутал, когда должен выходить на работу, и тогда, хотелось бы надеяться, мы увидим его завтра вечером в Джорджтауне. Хотя это на него совсем не похоже — путать рабочий график и никому ничего не сообщать.
>
> *Еще раз спасибо, что обратились к нам,*
>
> *Джейсон*

Брион вернулся в кабинет и обсудил с Элиотом, кому следующему звонить.

— Насколько я знаю, — сказал он, — Брэд Юл был последним, кто видел Арона. Но я понятия не имею, как с ним связаться.

— Да ты шутишь! — воскликнул Элиот. — У меня прям тут есть номер его мобильного!

Выхватив из кармана мобильник, Элиот нашел номер Брэда и позвонил ему с одного из офисных телефонов. Он поймал Брэда в аэропорту Денвера, тот вылетал стыковочным рейсом в Атланту.

— Привет, Брэд! У меня к тебе вопрос. Арон не появился на работе вовремя, и мы уже серьезно за него волнуемся. Теперь вот собираем инфу для полиции, чтобы они смогли начать поиски. Похоже, ты был последним, кто его видел. Не знаешь случайно, куда он отправился? Что он последнее говорил?

Брэд рассказал Элиоту о лыжном походе на гору Соприс, о том, как мой пикап застрял на обратном пути, и о том, что я собирался куда-то в пустыню, но точно не сказал куда.

— Мы думали, получим от него весточку перед субботней вечеринкой, но он так и не позвонил, а потом мы и на вечеринку-то не добрались.

— Хорошо. Ты помнишь, что у него было с собой в машине?

— Горный велосипед и лыжи на багажнике на крыше, плюс лазательная снаряга и лыжная и все для ночевки…

— Он собирался еще кататься на лыжах?

— Нет, я почти уверен, что он собирался полазать по каньонам.

— Ага… О'кей, полиция хочет знать, что на нем было — какой рюкзак, какая куртка.

— Не помню точно… послушай, Элиот, я уже в самолете, мы скоро взлетаем. Я подумаю об этом и позвоню тебе уже из Шарлотта.[89]

В самолете Брэд достал цифровой фотоаппарат и пересмотрел снимки с Соприса, проверяя, какой у меня был рюкзак в тот день и в какой я был куртке; Элиоту он перезвонит после приземления в Северной Каролине.

Перед разговором с Соней в 11:43 утра мама разослала со своего адреса сообщение всем, с кем я собирался идти на Денали, по адресам из моего ящика входящих писем. Как и Брион, она просила всех поделиться хоть какой информацией. Джейсон Хэлладей позвонил ей из Национальной лаборатории в Лос-Аламосе, где работал компьютерным техником. Он рассказал ей все то же самое, что и Бриону. Мама спустилась в подвал и, отыскав дорожный атлас, пометила на карте национальный парк Зион и возвышенность Сан-Рафаэль. Джейсон старался помочь ей как мог, но не помнил точного местоположения нескольких каньонов; нужно было заглянуть в путеводитель, а тот лежал у него дома.

Элиот позвонил Эдаму в полицейский участок Аспена и передал, где меня в последний раз видели и куда я направлялся; Эдам спросил, нельзя ли как-то уточнить, куда именно в пустыню Юты я поехал. Элиот вытащил полученный от Джейсона перечень каньонов и зачитал его Эдаму. Крайдер узнал из списка национальный парк Зион и отметил на карте Юты возвышенность Сан-Рафаэль. Пусть ненадежная, пусть из ничем больше не подтвержденного мейла трехмесячной давности, но это была единственная зацепка. Эдам тут же ею воспользовался. Незадолго до часа дня он послал сообщение телетайпом в конторы окружных шерифов (Вашингтон, Гранд и Эмери), а также позвонил в Гранд и Зион, удостовериться, что информация дошла до национальных парков.

В округе Гранд расположены Каньонлендс и Арчес — два самых популярных национальных парка на западе Соединенных Штатов. Органов управления государственными землями в округе Гранд столько, что за одну вылазку — велосипедную, автомобильную или даже пешую — можно пересечь три, четыре, а то и полдюжины границ между зонами их ответственности. Для лучшей координации усилий всех этих служб и повышения качества сервиса в Моабе создали общий информационный центр. Так что благодаря Эдаму почти все службы управления государственными землями Юго-Восточной Юты получили информацию о моей машине. Активного поиска никто из них еще не начинал — было бы слишком дорого отслеживать каждую машину, то ли находящуюся на территории штата, то ли нет, — но они пообещали смотреть в оба и немедленно сообщить в полицию Аспена, если наткнутся на мой пикап.

Элиот принялся оповещать моих многочисленных друзей по всем Штатам, что я пропал. Мой «хотмейловский» ящик, два ящика Бриона, рабочий и на «ёрс-линк», собственный Элиотов ящик на «яху» — Элиот просматривал письмо за письмом от моих озадаченных друзей. Чаще всего ответы звучали так: «Понятия не имею, где Арон, но я за него беспокоюсь». Среди других выделялся мейл от моего друга Дэна Хэдлича — не об Юте, но о горах Соприс и Холи-Кросс:

> От кого: Дэниел Хэдлич
> Отправлено: Среда, 30 апреля 2003, 12:27
> Кому: Брион Афтер, Джейсон Хэлладей
> Тема: RE: В поисках Арона Ральстона

Брион и Джейсон,

Я не думаю, что на прошлых выходных Арон собирался в Юту.

Вот что он писал мне 20 апреля:

> Завтра хочу подняться на лыжах к горячим источникам
> у пика Конандрам и залезть на Кэстлабру. Может, немного
> и отмокну! В пятницу полезу в кулуар Кристо с Дженет, в
> воскресенье закрываем лыжный сезон на Аяксе, а начиная
> со следующей среды большая программа: сперва на лыжах
> на гору Соприс, в пятницу-субботу лезу в кулуар Холи-Кросс,
> и кто знает, куда потом! Весна уже наступает, но, пока я
> могу кататься на лыжах или лазать по снегу, никаких других
> выездов мне и не надо!
> Будь здоров,
> Арон

Значит, Арон был на горе Соприс в среду-четверг (23–24 апр.) и в кулуаре Холи-Кросс в пятницу-субботу (25–26 апр.). Кто-нибудь искал его машину в тех местах?

Свяжитесь со мной как можно скорее, если что-то выяснится. И дайте знать нам с Джулией, если понадобятся дополнительные люди, чтобы поездить поискать его пикап на этих выходных.

Дэн

Это расходилось с тем, что я сказал Брэду, но Дэн предоставил единственные наброски маршрута на прошлые выходные, которые я сделал письменно, так что Элиот понимал: полиция Аспена должна изучить и этот след. Элиот позвонил им в начале второго, и Эдам сказал, что поручит полицейским из Минтурна — ближайшего города к подъезду на Холи-Кросс — проверить, нет ли моего пикапа на шоссе Тигивон.

— А вот с номером проблема, — сообщил Эдам Элиоту. — В базе данных по Нью-Мексико номера восемьсот восемьдесят восемь эм-эм-вай не зарегистрировано. Я сказал, чтобы в округе

Игл поискали темно-бордовую «тойоту-такома» девяносто восьмого года выпуска, но нам нужно знать правильный номер.

Элиот сказал, что позвонит моей маме и перепроверит.

Обедать у мамы сил не было, так что она снова поднялась в кабинет и села за письменный стол складывать бумаги, пока не почувствовала, что от волнения сходит с ума. Но она собралась с силами и дала отпор эмоциям. Подавляя очередной прилив беспомощности, она бросила бумаги и громко сказала: «Я должна что-то делать, чтобы помочь Арону». Маме было очевидно, что сейчас моя жизнь зависит от ее действий. Это было не в ее стиле — терпеливо сидеть и ждать развития событий.

Мама дважды пыталась дозвониться папе в Нью-Йорк — сообщить ему о происходящем и спросить совета. Но отцовский мобильный был выключен, и в гостинице отца тоже не было. Мама оставила ему сообщение с просьбой перезвонить, как только он придет вечером. Затем, опираясь на сведения, полученные от Джейсона, составила короткий перечень людей и организаций, с которыми ей следует связаться: полиция Аспена, Брэд Юл, дорожный патруль Юты, служба национального парка Зион.

Но не успела мама набрать и первый номер из списка, как зазвонил ее мобильный. Это был Элиот — с сообщением, что номер моей машины записан неверно. Мама опять вытащила ту же бумажку и стала зачитывать номер Элиоту.

После третьей цифры он ее перебил:

— Погодите, вы сказали «восемь-восемь-шесть»? А Брион записал восемь-восемь-восемь. Дальше «эм-эм-вай»? Я передам это в полицию.

Через полчаса Элиот опять перезвонил. В полиции Аспена ему сказали, что и этот номер неверный — с таким номером зарегистрирован «шевроле-блейзер» некой женщины из Альбукерке. Взяв на себя инициативу, Элиот позвонил в Нью-Мексико, в тамошний отдел регистрации автомобилей. Но установить правильный номер, исходя из моего имени и описания пикапа, они не смогли. К сожалению, у моей мамы никаких новых идей на этот счет пока не возникло.

Через несколько минут, без пятнадцати четыре, снова подал голос домашний телефон — это отец звонил из Нью-Йорка. Мама оказалась в том же положении, что и Брион утром, когда звонил ей с ужасной новостью.

— Мне утром звонил начальник Арона. Арон пропустил работу вчера и сегодня, и никто не видел его с прошлой пятницы.

Никто не знает, куда он поехал.

Справившись с первым шоком, папа тут же принялся размышлять, что же могло со мной стрястись. Почему это я никому не сказал, куда еду? Впрочем, дать волю эмоциям можно будет и позже, а сейчас необходимо решать проблему.

Мама рассказала отцу, что уже предпринимается. По каждому пункту он задавал несколько вопросов, проверяя, не осталось ли каких неотработанных хвостов, и каждый раз они вдвоем приходили к выводу, что нет, не осталось. Тем не менее папа хотел немедленно приехать домой:

— Думаешь, мне нужно поторопиться?

— Нет, — ответила мама, — ты и так ненадолго и через три дня все равно будешь дома. Пока они найдут кого-то на твое место, будет вечер субботы, а в воскресенье ты в любом случае уже летишь домой. Все равно здесь ты пока ничего больше и не сделаешь.

Успокоив маму как мог с другого конца страны, папа понимал, что ей непременно нужен кто-то рядом, особенно теперь, когда все, что могла, она уже сделала и остается только ждать.

— Хорошо, я дождусь воскресенья, но тогда обещай, что позвонишь в церковь и попросишь кого-нибудь приехать посидеть с тобой.

Мама же, конечно, считала, что никакой помощи ей не нужно.

— По-моему, — сказала она, — это совершенно лишнее.

Но папа все-таки убедил ее позвонить в Объединенную методистскую церковь Надежды, наш семейный приход в Гринвуд-Виллидж, юго-восточном пригороде Денвера. Мама согласилась, а потом сказала, что свяжется с конторами окружных шерифов и Службой национальных парков.

Под конец папа дал еще один совет:

— Если ты еще этого не сделала, прямо сейчас начни записывать, кому и по какому вопросу звонила, чтобы потом было проще требовать ответа.

— Да, я уже завела журнал звонков, — сказала ему мама.

Из их совместного опыта общения с чиновниками они понимали, как важно фиксировать, кто, что и когда сказал. Тогда если в следующий раз ты попадаешь на кого-нибудь другого, все равно можно не топтаться на месте и добиться какого-то результата.

К концу разговора все возможные мамины объяснения моего исчезновения — например, я отправился с друзьями куда-нибудь в лес с палаткой или, проявив редкую безответственность, решил

продлить отпуск и не позвонил никому — иссякли. Не было никакого разумного, оптимистичного оправдания, чтобы объяснить мое затянувшееся отсутствие. С тревогой, разрастающейся до боли где-то глубоко внутри, папа сказал маме «люблю тебя» и повесил трубку. У него в животе будто разверзлась ужасная дыра.

Маме было не легче: звонок в церковь оказался для нее самым тяжелым испытанием за день. Она всю жизнь была сильной и решительной и не привыкла просить помощи для себя, но, когда ее хорошая подруга Энн Форт перезвонила несколько минут спустя и сказала, что подъедет к семи вечера, мама была рада, что все-таки заставила себя позвонить.

В 17:23, начав с полиции Аспена, мама принялась звонить всем по списку. Последовала серия двадцатиминутных разговоров, мама рассказывала одно и то же несколько раз кряду. Она говорила с представителями правоохранительных органов со всей Юты в течение двух часов, начиная с 17:45. Сперва с двумя патрульными диспетчерами поисково-спасательной службы (ПСС), затем с двумя полицейскими диспетчерами национального парка Зион, и каждый раз мама подчеркивала, что дело не терпит отлагательств. Прежде чем повесить трубку, она неизменно спрашивала: «Кому бы еще мне позвонить?»

Через нашу сеть друзей-альпинистов и коллег-спасателей Стив Пэтчетт получил копию моего январского письма Джейсону, где перечислялись четыре каньона в Юте, по которым я хотел полазать. Как руководитель группы в горноспасательном совете Альбукерке и один из моих многих учителей, Стив остро осознавал, что значит время в подобной ситуации. Первые сутки поиска часто самые важные. Из своего дома в Альбукерке Стив позвонил Марку ван Экхуту в Лос-Аламос, и в среду в 15:38 они прошлись по списку возможных каньонов, стараясь вычислить, где расположены наименее известные из них. Марк ввел «каньон Сегерс» в поисковик, который выдал «Путеводитель Тома по каньонам Юты». Открыв ссылку, Марк прочитал полное описание, с подъездами на машине и топографическими картами каньона. На другом конце провода Стив пометил крестиком центр округа Уэйн в автодорожном атласе Юты, следуя указаниям для водителей, которые Марк зачитывал ему с сайта. Они нашли каньон Кейбл, смежный с Сегерс-Хоул, в южном конце возвышенности Сан-Рафаэль.

Затем Стив в ответ на мейл от Элиота, чтобы сберечь время, позвонил в «Ют маунтинир». Они проговорили почти двадцать пять минут, и Стив сказал, что свяжется с соответствующими

службами в Колорадо и Юте. Элиот получил письмо от моего друга-альпиниста Вольфганга Штиллера, который потом еще и позвонил, чтобы подтвердить: из-за лавинной опасности мы отказались от восхождения на Холи-Кросс. Элиот передал информацию Стиву, который сказал, что позвонит шерифу округа Игл — пусть исключит Холи-Кросс из списка; дальнейшие усилия должны быть сосредоточены на Юте.

Между четырьмя пятнадцатью и пятью вечера Стив позвонил в полицию национального парка Зион и в контору шерифа округа Эмери, расположенную в Кэстл-Дейле, Юта. Он считал, что надо начинать поиски на возвышенности Сан-Рафаэль, на подъездах к каньонам Виргин-Ривер и Блэк-Бокс. Полиция Зиона заверила, что они поищут мою машину во время вечернего патрулирования подъездов. С капитаном Кайлом Эккером из кэстл-дейлской конторы Стив поговорил в 17:19. Полученные от Стива сведения капитан передал диспетчеру, и тот, зарегистрировав заявку, разослал по всем постам бюллетень о пропавшем без вести, с подробным описанием моего пикапа. Вдобавок Эккер попросил местных спасателей-добровольцев осмотреть подходы к каньонам. В 18:07 люди из ПСС были на пути к каньонам Свингинг-Бридж, Джо-Вэлли, Верхний и Нижний Блэк-Бокс. К 18:51 все четыре полевых отделения доложили диспетчеру конторы окружного шерифа, что ищут мою машину на удаленных подходах в районе Сан-Рафаэль. Волонтеры Рассел Джонс и Рэнди Лейк из бригады спасателей округа Эмери проверили на внедорожнике самый недоступный подход к каньону Нижний Блэк-Бокс, обычно достижимый только на горном велосипеде или пешком.

В 18:38, зарегистрировав заявки о пропавшем без вести в других округах, Стив связался с моей мамой и пересказал ей последние новости. Вдобавок Стив мобилизовал группу из Альбукерке, чтобы выдвинулась в Юту на следующий же день. Мама пообещала, что будет на связи с ПСС и еще десятком контактных лиц, телефоны которых дал ей Стив. Когда он задиктовывал список, мама узнала округ Эмери — она уже натыкалась на это название, изучая перечень каньонов, полученный от Джейсона. После разговора со Стивом ей не терпелось узнать, нашли там что-нибудь или нет. В контору шерифа округа Эмери она позвонила в 19:20; диспетчер как раз принимал звонки от патрульных и попросил маму перезвонить через минуту. Перезвонив, она услышала, что «ни пропавшего без вести человека, ни его машины не обнаружено».

Мама настаивала, чтобы поиски продолжались и после наступления темноты, но диспетчер сказал, что это невозможно, — мол, большинство патрульных и так уже работает

сверхурочно.

— Туристы часто теряют дорогу, но почти все через несколько дней как-то выбираются, — резонно, как ему казалось, заметил диспетчер.

«Этот человек абсолютно не знает моего сына», — подумала мама и сурово заявила в ответ:

— Он не заблудился. С ним что-то случилось.

Но ей пришлось признать: у конторы окружного шерифа явно недостаточно людских ресурсов для того, чтобы сутки напролет искать мой пикап. Она вежливо закончила разговор и задумалась, что делать дальше.

Через десять минут она уже говорила с Эриком Россом из полиции Аспена, который сменил на дежурстве Эдама. Они решили, что ему следует заехать на Спрюс-стрит и переписать номера моих кредиток. Затем мама позвонила Элиоту и попросила его помочь Эрику, который уже выехал. Когда полицейский прибыл, они с Элиотом сели в гостиной и обсудили все, что удалось выяснить в «Ют» за целый день. Из магазина Элиот ушел в шесть, когда тот закрылся, и прихватил домой все распечатки, но дальнейший разбор электронной почты пришлось отложить до утра, потому что у нас на Спрюс не было интернета. Элиот проводил Эрика в мою комнату и показал ему папки с квитанциями о движении средств по моим банковским счетам и кредитным картам. Эрик переписал номера кредиток, пока Элиот искал на полках мою чековую книжку. Найдя ее, Элиот аннулировал чек номер 1066, вырвал его и передал Эрику. Эрик сказал Элиоту, что обзвонит компании-эмитенты карточек, проверить, где и когда я расплачивался последний раз, а утром заедет в мой банк сразу после открытия и отследит платежи по дебетовой карте.

Отправляясь спать после тяжелого дня, вымотавшего его и умственно, и эмоционально, Элиот написал записку и прикрепил ее к моей двери: «Арон, ты пропал. Тебя все ищут. Постучи ко мне в комнату или позвони на мобильный, как только увидишь эту записку». И, дойдя до кровати, провалился в сон.

В девять вечера мама снова позвонила отцу и рассказала, как продвигаются поиски. Повесив трубку, папа принялся расхаживать по гостиничному номеру; он однозначно понял: раз я до сих пор не проявился, со мной стряслось что-то очень серьезное. Я не просто сбежал или заблудился; нет, я упал и сломал ногу или застрял под обвалом. Моля: «Держись, Арон, не сдавайся», он гнал от себя другую, еще более печальную мысль. Отец знал — или хотел верить, — что я жив, но это означало, что

я травмирован. Ему было больно, что я страдаю; но это был еще лучший из вариантов. Отец никак не мог уснуть — от горя его снедало двигательное беспокойство. Он решил занять себя подготовкой заметок к экскурсии по Нью-Йорку на случай, если ему все-таки придется уехать и перепоручить группу кому-то другому.

Леона возвращалась в Боулдер со своей тетей после сеанса медитации, который, однако, совершенно ей не помог — она продолжала все так же беспокоиться по поводу моего исчезновения. Она закрыла глаза — и почувствовала некую связь, что-то будто подзывало ее, а затем возникло зыбкое, как сон, видение. Она увидела дух, совершенно точно мой и различимый только выше пояса. Она узнала меня, но не могла сказать, где я. Понимала лишь, что я жив и более или менее здоров, но напуган. Я стоял в узком темном месте и крепко прижимал руку к груди, как будто поранился; на мне была зеленая рубашка. Леона понимала, что я ощущаю ее присутствие и боюсь не того, что окружает ее, но чего-то вокруг себя. Она машинально протянула руки, чтобы успокоить меня ласковым прикосновением, и с ужасом поняла, что не может до меня достать. Я должен был принять некое решение, очень важное решение, и принять его самостоятельно. Она буквально сопереживала мои ощущения: озноб, мучительную жажду, ужасную усталость. Она вышла из транса — и была измотана, как будто только что пробежала десять миль. Она сидела рядом с тетей в подъехавшей к дому машине — но не могла вспомнить ничего из их пятнадцатиминутной поездки после выхода с сеанса. Леона последовала за тетей в дом, выпила три литра воды и пошла спать, истово молясь, чтобы ей не приснилось это же видение. Она знала, что никак не может мне помочь, и не хотела снова оказаться в той жуткой ситуации, когда не способна ничего сделать.

Поговорив с моей сестрой в 22:20, мама легла спать, но примерно через час проснулась и заснуть уже не могла — лежала с открытыми глазами, думая обо мне. В два часа ночи, дождавшись наконец пересменки в полиции Аспена, она им позвонила. Дежурный сообщил ей, что поиски замедлились — не хватало данных по движению средств на моих кредитных картах: судя по всему, я не использовал ни одну из карт с четверга 24 апреля, когда покупал в Гленвуд-Спрингс бензин. Было непонятно, выехал ли я из округа Игл. Главным камнем преткновения оставался номер машины; ни один из сообщенных

полиции номеров не дал правильного результата при проверке регистрационных записей. Эрик же решил зайти с другой стороны и раздобыл телефон круглосуточной горячей линии Департамента транспортных средств (ДТС) штата Нью-Мексико; но, не зная адреса, по которому я проживал, когда регистрировал машину (уж всяко не в Колорадо), он не мог сам отправить запрос. Мама тут же приободрилась — наконец ей опять нашлось что делать — и сказала Эрику, что сама позвонит им и узнает правильный номер машины.

В без пятнадцати три ночи она связалась с дежурным ДТС в Санта-Фе и, объяснив ситуацию, назвала ему мой старый адрес в Альбукерке. Догадка оказалась правильной, поиск по базе данных сработал, и через десять минут пришел ответ: номер моей машины — NM 846-MMY. Информация была тут же передана Эрику Россу. Это был почти праздник; мама впервые, после того как шестнадцать часов назад успешно взломала мой почтовый ящик, почувствовала что-то вроде радости. Утром, как только откроются конторы окружных шерифов, она сядет звонить по всему списку в третий раз. Пройдя через кухню от телефона, мама села на верхнюю ступеньку покрытой ковровой дорожкой лестницы на второй этаж, где в гостевой комнате спала ее подруга Энн, и три часа молилась за меня: «Держись. Мы идем, Арон, мы идем. Только держись».

ГЛАВА 13
День шестой: просветление и эйфория

Лишь утратив все до конца, мы обретаем свободу.

Брэд Питт в роли Тайлера Дёрдена, «Бойцовский клуб»[90]

Выглядывая из чернильного нутра своего веревочного кокона, я вижу, как рассвет проникает в каньон. В свете нового дня видения, владевшие мною всю ночь, ослабевают. Однако мозг так измучен стодвадцатичасовой бессонницей, что реальность нового дня сама кажется галлюцинацией. Уродскую каменную пробку на руке трудно отличить от образов, созданных моим горячечным сознанием. Пять дней песчаная пыль собиралась на моих контактных линзах, глаза болят каждый раз, когда я моргаю, картина мира покрыта пятнами и обрамлена облачной кромкой. Я больше не могу держать голову вертикально, она заваливается на северную стену каньона, или иногда я двигаюсь и позволяю ей упасть вперед, на левое предплечье. Я зомби. Я живой мертвец. Сегодня четверг, 1 мая. Я не могу поверить, что до сих пор жив. Я должен был умереть несколько дней назад. Я не понимаю, как пережил холодный ужас прошлой ночи. Фактически я почти расстроен, что пережил ночь, потому что сейчас эпитафия на стене ошибочна — я не «упокоился с миром» в апреле. Я задумываюсь ненадолго, не поправить ли дату, но решаю не париться. Это не будет иметь значения для спасательной группы, даже если они заметят надпись, а следователь определит дату моей смерти по степени разложения тела с точностью до дня или около того. Это нормально, я думаю.

Где та уверенность, которую я чувствовал, когда грезил о маленьком белокуром мальчике, о сыне? Я думал, что с точки зрения психологии дошел до ручки еще вчера вечером, когда вырезал эпитафию. Встреча с малышом приободрила меня. Но бодрость духа скована стоической мощью валуна и горечью ссак, разъедающих мне рот. Глоток за глотком, моча из налгеновской бутылки, из этой гротескной заначки, разрушает мои слизистые, изъязвляет нёбо, напоминает мне о том, что я умру. Кислотность мочи растворяет остатки уверенности в себе, пришедшей ко мне в

середине ночи. Если мне суждено выжить, почему я пью собственную мочу? Разве это не классический признак приговоренного человека? Я приговорен, я сгнию здесь.

Сейчас полдевятого утра, но ворон надо мной еще не пролетал. Я ненадолго задумываюсь над этим, но мысли перескакивают на насекомых, энергично роящихся вокруг каменной пробки. Развлечения ради прихлопнув несколько летающих букашек, я смотрю на свои желтые «Суунто», которые показывают 8:45. Даже птица покинула меня — она ни разу еще не прилетала позже, чем 8:30. Но сегодня — никакого ворона. Из-за его отсутствия я чувствую, что приближается и мое время, как будто ворон был тотемным божеством, и его пропажа — знак.

Во мне всплывает желание: умереть с музыкой в ушах. В какой-то из этих дней даже ужасная песня «BBC» из «Остина Пауэрса» отцепилась от меня. Но мне не удается вспомнить ни одной мелодии. Все, что у меня есть, — гробовое молчание каньона; тишина сводит меня с ума. Где мой CD-плеер? Наушники так и провисели все пять дней на шее или в ушах, но плеер и два диска находятся в главном отделении рюкзака. Тремя легкими движениями я снимаю рюкзак со спины и кладу его на поднятое левое колено, пальцы шарят по дну, где натыкаются на плеер и диски… и на сантиметровый слой песка.

Еще не достав все это, я понимаю, что дело безнадежно — диски поцарапаны и не годны для проигрывания. За пять дней в пустыне пластиковое покрытие приобрело такой вид, будто по нему прошлись наждачкой. Хреново. Плеер отказывается крутить даже тот диск, который уже внутри. Говорит, что внутри нет диска, каждый раз, когда я нажимаю «play». Я меняю батарейки, но только чтобы быть уверенным, что сделал все, что мог. Должно быть, в какой-то момент я стукнул гаджет о стену и сбил настройки лазера.

Однако видеокамера пережила песок и беспорядок в рюкзаке. Забив на музыку, я решаю немного поснимать. Мне приходит в голову, что начинается период самой высокой вероятности того, что я все еще буду жив, когда меня найдут. Я надеваю рюкзак и закрепляю лямку на плече в пятидесятый раз. Положив камеру на каменную пробку, стараюсь успокоиться и собраться с мыслями. Когда я начинаю говорить, меня ошарашивает мой собственный голос — он стал тонким и высоким. Еще одно напоминание о том, что я почти умер и жду прихода старухи с косой.

— Я просто думал… Сегодня четверг, примерно девять утра. Сейчас начинается период высочайшей вероятности, пересечение временных интервалов… может быть, кто-нибудь обнаружит меня

еще живым.

«Это почти хорошие новости», — думаю я. Но если помнить о том, что окно вероятности спасения установлено мной с сегодняшнего дня и до воскресенья, нет причин надеяться на скорую помощь. Мои шансы выросли. Спасение было «смехотворно невероятным», теперь оно «совершенно неправдоподобно». Я не задерживаюсь на этой мысли. Фактически из-за того, что сознание спутано постоянным и углубляющимся оцепенением, я не могу сосредоточиться ни на чем конкретном. Не хватает ментальной устойчивости. Я почему-то думаю о своей сестре и ее свадьбе. Они с Заком просили меня поиграть несколько минут на пианино во время предстоящей церемонии в августе, и я согласился. Очевидно, что я не смогу; меня там даже не будет. Это вызывает у меня уныние, но я понимаю, что есть что-то, что я могу сделать.

— Соня… если ты все еще хочешь, чтобы я играл на твоей свадьбе… там есть кассета — в коробке, в подвале родительского дома. На ней написано что-то вроде «Всякое-разное на пианино» или «Моя музыка». Там есть кассета. Это мои записи, я играю в основном акустические песни, девяносто третий — девяносто четвертый год.

Я тут же воображаю, как она вставляет кассету в магнитофон в родительском доме и слушает песни вместе с мамой. Я знаю, им будет очень трудно слушать музыку, которую я играл так прилежно десять лет назад: любимые пьесы Моцарта и Баха, Бетховена и Шопена. Еще одно видение вдруг посещает мой мозг, на этот раз — свадьба. Не могу точно сказать, где это место, но где-то за городом, на открытом воздухе. Та же фортепианная музыка льется из громкоговорителя, собирается в грозовое облако и обрушивает на наше большое семейство ливень горестных слез. Моя смерть омрачит свадьбу Сони, но я знаю, что она справится с этим. Нет причин и поводов откладывать. Жизнь продолжается для живых.

Я рассеиваю в уме изображения мамы и сестры, оставляя мысль незаконченной, я вернусь к ней позже. Есть еще одна важная вещь, о которой я забыл упомянуть, это касается моих финансов. Я начинаю объяснять свои пожелания относительно пенсионных накоплений.

— Еще, конечно же, мои индивидуальные счета в «Шваб» могут перейти к Соне, если…

Я не заканчиваю фразы. Мозг охвачен спазмом разрозненных мыслей, он в растерянности. Была какая-то идея, которую я пытался выразить, но я не помню, что это было. Я плыву по поверхности, лишенный выражения, потерянный, затем

натыкаюсь на другую стремительную мысль, но не успеваю поймать ее и перевести в слова. Мысль тонет, уходит под поверхность океана сознания, затем всплывает снова. На этот раз я ловлю ее. Это касается моей кремации и процедуры развеивания пепла.

— Ох… гм… пояснение… Найф-Эдж… Для той части меня, которая вернется в Нью-Мексико. Боске и Найф-Эдж… Восхождение на Найф-Эдж остается одним из моих любимых. Так что, может быть, Дэн, Виллоу, Стив де Рома, Джон Джекс, Эрик Немейер и Стив Пэтчетт сделают это.

Снова откашлявшись, я нажимаю серебристую кнопку записи на задней части видеокамеры. Я надеюсь, что сказанное мной послужит одновременно и приличествующим случаю прощанием, и последней волей. Я рассказал, что нужно сделать с моими личными вещами и финансами, разобрался со своим имуществом, которого не так уж много, постарался передать как можно больше сестре. Можно было бы организовать все это более четко, но я измотан мыслительными усилиями и не хочу больше ни редактировать, ни переделывать запись. В последний раз я складываю экран камеры и кладу ее в щель между левой стороной каменной пробки и стеной каньона.

Жалкий и убогий, я смотрю, как проходит еще один пустой и бессмысленный час. По крайней мере, мне не надо бороться за то, чтобы согреться. Обжигающий холод атмосферы больше не сосет тепло из моего тела, как это было ночью. Но днем отсутствует необходимость мотать веревки вокруг ног, оборачивать чем-то руки — и это лишает меня хоть какой-то осмысленной суеты в этом каньоне. Мне не на что отвлечься и нечего делать. У меня нет жизни. Только при осмысленных действиях моя жизнь становится чем-то большим, чем существование. Когда мне нечем заняться и нет никаких стимулов, я не живу, не выживаю. Я просто жду.

С тех пор как отдача ударов каменной кувалды разбила мою левую руку, все, что мне осталось, только ждать. Ждать чего, однако? Спасения… или смерти? Мне все равно. Оба исхода несут с собой одно и то же — избавление от страданий. Бездеятельность невыносима, она порождает апатию. Сейчас само по себе ожидание — худшая часть моего заточения. И когда я закончу ждать, все, что мне останется, — это ждать снова. В этих приступах хандры я могу, кажется, потрогать вечность рукой. Ни намека на то, что это бездействие когда-нибудь закончится.

Но я могу закончить его сам. Я могу игнорировать боль в левой руке и продолжать бить по каменной пробке каменным

молотком. Я могу ковырять камень ножом, несмотря на бесполезность этого действия. Я могу делать все то, что делал последние пять дней, просто ради движения. Я беру круглый «ударный» камень, потом вспоминаю, что мне понадобится носок для смягчения ударов. Долой кроссовку, долой носок — у меня появляется прокладка для избитой ладони. Ушибы на мясистой части большого пальца — самые болезненные, они буквально молят об отмене приговора, от первого удара до пятого, на котором я делаю паузу. Адреналиновое возбуждение переходит в гнев, и я поднимаю молоток еще раз, желая возмездия за то, что этот несчастный огрызок геологии сделал с моей левой рукой. Трах! Я бью по камню, боль в руке пылает. Бабах! И снова. Хрясь! Фиолетовые пятна гнева расцветают в мозгу поверх грибообразного облачка из песчаной пыли. Носок страшно воняет горелым оттого, что попадает между камнем и камнем и плавится в жаре трения от каждого удара. Я бью снова и снова. Трррах! Я рычу от животной ярости в ответ на пульсирующую боль в левой руке.

Я заставляю себя остановиться и не могу выпустить из руки каменный молоток — пальцы свело судорогой.

Эй, Арон. Похоже, ты зашел слишком далеко.

Постепенно вздернутые нервы расслабляются, и пальцы распрямляются настолько, что я могу выпустить булыжник. Я кладу его на каменную пробку. Опять намусорил вокруг. Нужно сгрести всякую дрянь с руки, чтобы грязь не попала в открытую рану. Я беру нож и начинаю счищать частички камня с зажатой руки, используя тупое лезвие как щетку. Смахивая песок с большого пальца, я случайно задеваю кожу и сковыриваю тонкий слой гниющей плоти. Она снимается, как пенка с кипяченого молока, прежде чем я понимаю, что происходит. Я догадывался, что рука будет разлагаться. Без кровообращения она умирает с того самого момента, как ее зажало. Когда бы я ни думал об ампутации, я допускал, что рука мертва и ее нужно будет ампутировать сразу после освобождения. Но я не знал, как быстро развивалось разложение с субботнего вечера. Теперь понятно, откуда тут так много насекомых: они чувствуют запах своей пищи, запах места для откладывания личинок, места для выведения потомства.

Из любопытства я дважды стучу по большому пальцу острием ножа. Со второго раза лезвие входит в кожу, как входило бы в брусок масла комнатной температуры. Раздается предательское шипение. Скопление газов — плохой признак, гниение зашло гораздо дальше, чем я ожидал. Хотя мой нос потерял чувствительность, я слабо ощущаю крайне неприятный запах, как

будто где-то вдалеке лежит туша животного.

Вслед за этим душком мозг ошарашивает осознание: что бы там ни происходило в моей руке, вскоре оно доберется до предплечья, если еще не добралось. Я не знаю и знать не хочу, что это — гангрена или какая другая пакость, но понимаю, что это отравляет мне тело. В дикой ярости я бросаюсь вперед, пытаясь вырвать руку из каменных наручников. Никогда в жизни я ничего не хотел так сильно, как сейчас хочу любым способом избавиться от этого разлагающегося придатка.

Я не хочу его.

Это больше не часть меня.

Это отбросы.

Выброс ее, Арон. Избавься от нее.

Я мечусь туда-сюда, вперед-назад, вверх-вниз, вниз-вверх, я ору, испытывая лютую ненависть к руке, бьюсь о стенки каньона, теряю остатки самообладания, которое так тщательно пытался сохранять все это время. И вдруг замечаю, что правая рука неестественно изгибается, придавленная непоколебимой тяжестью каменной пробки. Я прозреваю. Мой припадок вмиг пресечен оглушительным торжеством Божественного вмешательства.

Если я выкручу руку как следует — сломаю кости предплечья.

Так брусок ломают в верстачных тисках; я могу согнуть эту чертову руку, и кости лопнут и развалятся!

Святый Боже, Арон! Вот оно! Вот оно! ВОТ, ТВОЮ МАТЬ, ОНО!

Я поспешно сметаю все с камня, стараясь держать голову прямо. Ни малейших колебаний — во власти откровения, я едва осознаю, что собираюсь сделать. Я на автопилоте и не контролирую происходящее. Не проходит и минуты, как я съеживаюсь под камнем, но мне не удается опуститься настолько, чтобы выгнуть руку — мешает давление на пояс. Я выстегиваю обвязку из петли, закрепленной на якоре, и всем своим весом давлю вниз так сильно, как только могу, задницей почти касаясь камней на дне каньона. Левую руку просовываю под валун и начинаю давить. Сильнее. Сильнее. СИЛЬНЕЕ! Я хочу максимально нагрузить свою лучевую кость. Медленно сгибаю руку вниз и влево… Ба-бах! Эхо, как от приглушенного выстрела, разлетается по каньону Блю-Джон, вверх и вниз. Я не произношу ни слова, но протягиваю руку, чтобы потрогать свое предплечье — в верхней части запястья вырастает огромная шишка. Я отстраняюсь от каменной пробки, снова опускаюсь, воспроизводя позу, в которой только что был, и чувствую зазор между острыми зазубренными краями аккуратно сломанной кости.

Не останавливаясь, молча, я наклоняюсь над каменной пробкой с одной только ясной целью в мозгу. Скользя кроссовками, упертыми в стенки каньона, я отталкиваюсь ногами и левой ладонью хватаюсь за обратную сторону пробки, тяну сильнее, со всей свирепостью, на которую только способен. Сильнее. Сильнее. СИЛЬНЕЕ! И второй выстрел возвещает о конце жизни моей локтевой кости.

Вспотевший, ликующий, я снова касаюсь правой руки пятью сантиметрами ниже кисти, отвожу правое плечо в сторону от камня. Обе кости раскололись примерно в одном месте. Локтевая, может быть, на полтора сантиметра ближе к локтю, чем лучевая. Вращая предплечье, как вал внутри кожуха, я получаю оси движения, совершенно не зависящие от рабства каменных тисков.

Переполненный возбуждением, я торопливо пускаю в ход более короткое и острое из лезвий своего мультитула. В спешке пропуская этап отрепетированного наложения жгута, я помещаю острый кончик ножа между двумя синими венами. Давлю на ножик и смотрю, как кожа растягивается, пока лезвие не прорывает ее и нож не уходит вовнутрь по рукоятку. Меня обжигает дикая боль, но я знаю, что дело только начинается.

Бросив взгляд на часы — 10:32 утра, — я подбадриваю себя: «Такие дела, Арон. Назад пути нет».

Забудем все эти мои заявления о том, что ампутация не более чем медленное самоубийство. Я движусь вперед на волне эмоций. Понимая, что альтернатива — это ожидание медленной, но верной кончины, я предпочитаю под угрозой смерти действовать. Рука, исчезающая в каменной перчатке, выглядит дико, и настолько же прекрасным кажется мне то, что я нашел способ ее ампутировать.

Первым делом нужно отделить и рассечь максимальное количество кожи на внутренней части моего предплечья, постаравшись при этом не порвать ни одну из вен, похожих на макаронины и расположенных слишком близко к коже. Проделав достаточно большую дыру сантиметрах в десяти ниже кисти, я моментально вынимаю нож, зажимаю рукоятку в зубах и засовываю в разрез сначала указательный, а потом и большой палец левой руки, затем исследую то, что вокруг. Перебирая странные и незнакомые ткани, пытаюсь в уме составить что-то вроде карты внутренностей своей руки. Я чувствую связки мышц и за ними две пары чисто сломанных, но зазубренных обломков кости. Повернув правое предплечье так, будто хочу развернуть правую ладонь кверху, я чувствую, что концы внутренней кости свободно вращаются относительно жестко закрепленных участков. Мне больно, но этого движения я не мог сделать с

субботы, и меня вдохновляет то, что вскоре я наконец-то избавлюсь от оставшейся части моей раздавленной мертвой руки — это только вопрос времени.

Проталкивая пальцы в рану, ощупывая находки, я различаю твердые сухожилия и связки, мягкие, эластичные артерии. Решаю оставить их на самый конец.

Перемещая кровавые пальцы к краю разреза, я отделяю прядь мускульных волокон и, работая ножом как при чистке овощей, перерезаю полоску толщиной с мизинец. Я повторяю это движение много раз, разрезая полоску за полоской, без колебаний и без звуков.

Нащупываем, отделяем, проворачиваем, отрезаем.

Нащупываем, отделяем, проворачиваем, отрезаем.

Раз за разом; рутина.

Что бы я ни нащупал в кровавой липкой массе между краем разреза и левым большим пальцем, все становится жертвой размеренного движения ножа. Я похож на водопроводчика-трубореза, пробивающегося сквозь внешнюю изоляцию мягкой трубы. Как только очередной мускульный жгут поддается металлу, я ищу, нет ли рядом артерии толщиной в карандаш. Если нахожу — легонько тяну за нее и выдергиваю из разреза, отделяя от мускульного жгута, который собираюсь рассечь. В конце концов примерно на одной трети пути через мешанину тканей своего предплечья я перерезаю вену. Я еще не наложил жгут и веду себя как пятилетний пацан, дорвавшийся до груды рождественских подарков, — раз уж я начал, ничто не может меня остановить. Страстное желание продолжать операцию и освободиться оказывается настолько сильным, что я решаю, будто потерял не так уж много крови — всего несколько капель, поскольку раздавленная рука действует как изолирующий вентиль для всего моего кровообращения.

Проносятся еще десять, пятнадцать, а может быть, двадцать минут. Я поглощен тем, чтобы провести операцию как можно быстрее. Но на моем пути стоит сантиметровое желтоватое сухожилие посередине предплечья, и я останавливаюсь, чтобы надеть импровизированный жгут. К этому времени я перерезал еще одну артерию, и несколько унций крови — где-то с треть чашки — вытекли на стенку каньона ниже моей руки. Скорее всего, потому, что я рассек большинство соединительных тканей в середине предплечья и позволил сосудам открыться, потеря крови в последние несколько минут возросла. Операция замедлилась: я подошел к особо прочному сухожилию и не хочу терять кровь без необходимости, пока еще не освободился. Мне пригодится каждая капля на то, чтобы добраться до своего пикапа и потом доехать до

Хэнксвилла или Грин-Ривер.

Я еще не решил, где быстрее будет получить медицинскую помощь. Ближайший телефон — в Хэнксвилле, в часе езды на запад, если я справлюсь с переключением скоростей левой рукой. Но я не помню, была ли там какая-нибудь больница; все, что приходит на память, — заправочная станция и закусочная с гамбургерами. Грин-Ривер в двух часах езды на север, но там есть больница. На автостоянке у начала тропы я надеюсь встретить кого-нибудь, кто сможет отвезти меня, но вспоминаю, что в субботу там было еще только два автомобиля на всю площадку с гектар размером. А это был выходной. Сегодня — будний день. Приходится рисковать: может быть, когда я дойду до стоянки, там вообще никого не окажется. Я должен рассчитать силы на шести-семичасовое испытание, прежде чем кто-то сможет оказать мне квалифицированную медицинскую помощь.

Положив нож на каменную пробку, я вытаскиваю неопреновую трубку своего кэмелбэка, которая вот уже два дня как лежит слева от валуна в бездействии. Двойной петлей затягиваю черную изоляционную трубку на предплечье в нескольких сантиметрах ниже локтя. Завязываю эластичную черную ткань двойным простым узлом, один конец в зубах, за другой тяну свободной левой рукой. Потом быстро просовываю под трубку карабин и проворачиваю его шесть раз — так же, как делал во время первых экспериментов со жгутом, уже целую эпоху назад, во вторник. Или это был понедельник?

«Почему же я не сообразил, как сломать кости раньше? — гадаю я. — Зачем мучился зря столько времени?» Господи, я, наверное, самый тупой из всех парней, которым когда-либо зажимало руку в каменной ловушке! Мне понадобилось целых шесть дней, чтобы допереть до того, как можно отрезать себе руку. Отвращение к самому себе душит меня, пока я не вытряхиваю все это из головы.

Арон! Это все постороннее. Не имеет значения. Вернись к работе!

Я вщелкиваю глубоко врезавшийся в тело карабин во второй оборот неопреновой трубки — чтобы не раскрутилась — и опять беру окровавленный нож.

Продолжая операцию, перерезаю последние мышцы, окружающие сухожилие, и третью артерию. До сих пор я ни разу не пискнул и не ойкнул, я не думаю о том, что нужно как-то излагать словами боль, поскольку она — неотъемлемая часть процесса, не более значимая для результата, чем цвет жгута.

Теперь у меня сравнительно открытый доступ к сухожилию. Я агрессивно пилю его лезвием, но не могу сделать даже зарубки на

чрезвычайно жестком и прочном волокне. Тяну пальцами — сухожилие оказывается прочным, как аудиокабель, и немного похоже на армированную, двойной толщины ленту упаковочного скотча, слипшуюся полусантиметровыми складками. Я не могу разрезать его, поэтому решаю использовать не лезвие мультитула, а плоскогубцы. Вытащив скользкий от крови инструмент, я упираюсь обратной стороной лезвия в живот, складываю его, а затем вытаскиваю плоскогубцы. Чтобы выкусить часть сухожилия, давлю на ручки инструмента и поворачиваю их, так мне удается выгрызть кусок. Супер, все работает. Самый грубый этап операции.

Захватить, сдавить, повернуть, оторвать.

Захватить, сдавить, повернуть, оторвать.

Раз за разом; рутина.

«Будет что рассказать друзьям, — думаю я. — Они же никогда не поверят, что я сам откромсал себе руку. Да блин, я тоже с трудом в это верю, хотя смотрю, как это делаю».

Мало-помалу я все-таки продираюсь сквозь сухожилие, перерезаю последнее волокно, похожее на шпагат, снова меняю инструменты, зубами вытаскивая лезвие. Время — 11:16, я режу руку уже целых сорок минут. Пальцами определяю, что мне еще осталось: два небольших жгута мышц, еще одна артерия и участок кожи, прижатый к стенке — примерно с четверть обхвата руки. Впереди также белый пучок нервов, похожих на вермишель-паутинку. Разрезать их без боли не удастся. Я стараюсь не притрагиваться пальцами к главному нерву: предпочитаю не знать заранее, что меня ждет. Более тонкие эластичные прядки нервов настолько чувствительны, что даже от легкого толчка посылают мощный, ошеломляющий разряд в плечо. Все это мне предстоит перерезать. Я поддеваю нерв острием ножа и дергаю вверх, как дергают гитарные струны — только на целых пять сантиметров от лада. Нервы рвутся, и меня окатывает волна боли. Это меняет мои представления о том, что такое «больно» вообще: ощущения такие, будто я сунул всю руку в кипящую магму.

Несколькими минутами позже я прихожу в себя настолько, чтобы продолжать процесс. Последнее, что осталось сделать, — это натянуть кожу на внешней стороне кисти и распилить ее, прижав к стенке, как пилят хрящ на разделочной доске. Я приближаюсь к моменту однозначного освобождения, адреналин плещется во мне, как будто мои артерии полны не кровью, но новехоньким потенциалом будущего. Каждое воспоминание моей жизни придает мне сил, каждая будущая возможность, связанная с этим воспоминанием.

11:32, четверг, 1 мая 2003 года. Я рождаюсь во второй раз. На этот раз я выношен в розовой утробе каньона и выхожу из нее. На этот раз я взрослый человек и понимаю все значение и мощь этого события так, как не может никто из нас, рождаясь в первый раз. Моя семья, мои друзья, мои страсти и увлечения — все это дает мне нарастающий приток энергии, такой же внутренний взрыв я испытываю, приближаясь к трудной вершине, но сейчас эмоции в десять тысяч раз сильнее. Я крепко натягиваю остатки соединительных тканей, давлю ножом на стену, и последняя тонкая полоска плоти рвется быстрее, чем нож успевает разрезать ее.

Этот хрустальный миг разлетается вдребезги, мир навсегда становится другим. Нет больше тюрьмы, есть свобода. В ответ на внезапное освобождение левая рука делает взмах по ходу каньона, мои плечи разворачиваются на юг, я прислоняюсь к северной стене каньона, и мозг мой утопает в эйфории. Я гляжу на стенку напротив, где менее чем двенадцать часов назад выцарапал: «RIP ОКТ 75 АРОН АПР 03», и голос в моей голове кричит:

Я СВОБОДЕН!

Это самое сильное чувство в моей жизни. Я начинаю бояться, что взорвусь от истерического шока и исступленного восторга, парализующих меня надолго — я все стою, опершись на стенку. Я больше не ограничен физическим пространством, которое занимал почти неделю, и чувствую себя как под кайфом, не в своей тарелке, но ободрен своей свободой. Голова падает на правое плечо и затем на грудь, пока я не поправляю ее и не принимаю устойчивую позу у стены.

Я спотыкаюсь, едва не падаю, запнувшись о булыжники на дне каньона, но вовремя выставляю ногу, чтобы не грохнуться на южную стенку. Как же это прекрасно, что теперь можно просто упасть! Я смотрю на кровавый послед, размазанный по каменной пробке и северной стенке каньона. Брызги крови скрывают темную массу моей ампутированной кисти, но белые концы лучевой и радиальной костей заметно выступают из кровавой неразберихи. Взгляд задерживается на этом месте и застывает. Голова кружится, но я зачарован видом своего предплечья в разрезе.

Ну, хватит. Пора заняться другими делами. Часы тикают, Арон. Беги отсюда.

ГЛАВА 14
Захват цели: «Мы нашли его пикап!»

Прежде чем вообразить что-то,
ты должен в это поверить.

Марк Твайт, автограф на моем экземпляре книги «Поцелуй или смерть»

Три часа мама сидела в темноте на верхней ступеньке покрытой черно-белой ковровой дорожкой лестницы в нашем денверском доме. Это была та самая лестница, по которой я, получая бесконечные замечания от родителей, прыгал через ступеньку вверх и вниз шесть лет подряд, пока учился в средней и старшей школе. Мама никак не могла расслабиться, самые страшные сценарии прокручивались у нее в голове. Живот сводили нервные спазмы, и она сидела, прижав колени к груди и обхватив их руками, пристроив голову на сгиб левого локтя.

Она ждала, когда утром на работу выйдет персонал по землеустройству. Как и я, мама недолюбливала ждать. Она молилась, но даже после многократных молитв беспокойство не оставляло ее. В без четверти шесть утра, чувствуя настоятельную необходимость сделать хоть что-то, она оставила свое бдение и стала просматривать список федеральных служб и служб штата, управляющих общественными землями Центральной и Южной Юты. В те ранние часы четверга мама обзвонила десяток организаций. Сначала она позвонила в филиал Хэнксвиллского бюро земельного управления (БЗУ) и оставила сообщение на автоответчике; затем — в полицию Сент-Джорджа и подала заявление о пропавшем без вести. Затем сообщила все необходимые сведения диспетчеру поисково-спасательной службы (ПСС) Сидар-Сити и через несколько минут — диспетчеру ПСС из Ричфилда по имени Джорджия. Было уже без четверти семь, ее голос звучал прерывисто и утомленно. Объясняя, почему я ночевал бы в своем пикапе, мама назвала меня скрягой, но добавила, что я очень ответственный и, раз я не вышел на работу и никому не позвонил, наверняка произошло что-то ужасное.

В 6:52 утра Джорджия передала по радио на весь штат извещение о поисках, опираясь на сведения, полученные от моей мамы:

Ричфилд, всем машинам: разыскивается пропавший человек. Должно быть, он в Юте, возможно, в районе национальных парков.

Ричфилд, всем машинам: разыскивается пропавший человек из Аспена, Колорадо. Последний раз его видели двадцать четвертого апреля, в прошлый четверг, в Аспене. Известно, что он собирался в Юту, куда-нибудь, где достаточно тепло для пешего туризма.

У него темно-бордовая «тойота-такома» девяносто восьмого года выпуска, номер Нью-Мексико восемь-четыре-шесть эм-эм-вай, Нью-Мексико восемь-четыре-шесть эм-эм-вай, на крыше багажник с лыжами.

Общий вызов, продолжение. Имя — Арон Ральстон, двадцать семь лет, белый мужчина, рост метр девяносто, вес семьдесят пять килограммов, глаза карие, темные волосы. Он был один, имеет опыт пеших путешествий, опыт поисково-спасательных операций, горных восхождений, а также катания на лыжах. Очень ответственный человек.

Пропавший не явился на работу во вторник, несмотря на предварительную договоренность. Никому не звонил и не писал. В пикапе должен быть багажник для лыж и лыжное снаряжение. Он предупредил друга, что собирается в отдаленные районы Юты в пеший поход. Возможно, он ехал по шоссе И-семьдесят, с тех пор о нем ничего неизвестно, должно быть, ночевал в кузове. Вероятно, у него с собой очень мало денег.

С Ларри Шеклфордом из БЗУ в Солт-Лейк-Сити мама говорила в восемь утра. Сразу, как только повесил трубку, он запустил сообщение по поводу моей машины во внутреннюю рассылку БЗУ и продублировал его в управление штата по охотоводству и рыбной ловле. Затем лично обзвонил своих знакомых из этих бюро — убедиться, что они получили просьбу о содействии. Маму очень тронуло, что Ларри и Джорджия приняли ее беду так близко к сердцу. Она уже устала слышать от полицейских и других чинов: «это случается все время» и «в конце концов он где-нибудь да обнаружится». Теперь в пасмурном утреннем небе для мамы засияли два лучика надежды. Она с нетерпением ждала, когда начнется смена у капитана Кайла Эккера, который из всего маминого списка больше всех ей помогал. Она очень хотела обсудить с ним ход поисков.

В девять утра Эдам Крайдер вышел из полицейского участка

Аспена и с аннулированным чеком из моей чековой книжки направился в отделение Банка США. Утром в четверг там не было посетителей, он подошел к первому окошку и прервал кассиршу, которая готовила рабочее место к новому дню.

Выслушав его жалостный рассказ, кассирша позвала старшего смены, чтобы получить разрешение открыть доступ к истории моей дебетовой карты.

— Похоже, что последняя транзакция была двадцать пятого, в Моабе, в «Сити-маркете».

— Сколько?

— Покупка на двадцать два тридцать один… наличных не получал.

(Я запасался водой, соком, фруктами, леденцами и буррито.)

— А что до этого?

— Двадцать девять двадцать два в супермаркете «Кларкс», тут в городе, двадцать четвертого числа.

(Я купил продукты вечером двадцать третьего перед тем, как пойти домой складывать вещи для лыжной вылазки с Брэдом и поездки в Юту, но супермаркет провел деньги только после полуночи.)

— И все? После двадцать пятого ничего? Как часто это обновляется?

— Мгновенно… по крайней мере в течение нескольких часов — смотря как быстро магазин проводит данные.

Крайдер уже знал — вчера вечером выяснили по телефону, — что последняя операция с моей кредитной картой производилась двадцать четвертого, на заправке в Гленвуд-Спрингс — городке у слияния рек Роаринг-Форк и Колорадо. Из Гленвуда можно направиться на восток или запад по трассе I–70, что ни о чем не говорит, за исключением того, что я не пользовался кредитной картой неделю. Итак, Эдам узнал, что я приехал в Моаб и, возможно, уехал оттуда в пятницу двадцать пятого. Но где я пропал?

Утром в четверг, в 9:07, Стив Пэтчетт сидел в Альбукерке на своей кухне и размышлял, как дальше вести поиски. Стив был электриком и членом профсоюза, так что примерно раз в полгода от четырех до шести недель сидел без работы, и как раз сейчас был такой момент, поэтому времени, чтобы посвятить себя планированию поиска, у него было навалом. Сначала он набрал номер конторы шерифа округа Эмери с домашнего телефона, и звонок перевели на капитана Кайла Эккера. Они обсудили состояние поисков, начатых благодаря их вчерашнему разговору. Кайл объяснил, что первый поиск не дал результатов.

— Наши парни были в Блэк-Боксе с ребятами из поисково-спасательной команды на внедорожниках, но ничего не нашли. Двое отправились в Джо-Вэлли — этого каньона вроде не было в вашем списке, но там много пеших маршрутов. В общем, и там ничего нет. Мы отозвали всех назад до темноты.

— Кто-нибудь добрался до Сегерс-Хоул? — спросил Стив.

Каньон Сегерс имелся в списке Кайла, но туда он еще никого не отправлял — почти три часа езды от Кэстл-Дейла на крайний северо-запад округа. Поскольку в дневную смену людей было больше, Кайл мог позволить себе послать в Мадди кого-нибудь с волонтерами из поисково-спасательной команды округа.

— Это далеко, но мы проверим и там. Я ждал, пока рассветет и появится еще пара глаз, но это потом. Вы ничего больше не хотите мне сказать?

Стив мысленно пробежался по всем обсужденным пунктам. Это была всего лишь интуиция, но он сказал Кайлу:

— Я почти уверен, что он в вашем округе.

Кайл пообещал сообщить Стиву, когда придут отчеты из более отдаленных районов, и поблагодарил его за участие. Повесив трубку, капитан разложил перед собой карты и составил список мест, куда его людям и волонтерам ПСС надо будет заехать по пути к Сегерс. «Мы уже обыскали все верхние углы, — размышлял капитан, — и большинство подходов в центральной части округа. Если он у нас, то внизу на юге. Как люди туда попадают? Там же нет дорог». Только одна грунтовая дорога — Нижняя Сан-Рафаэль — петляет на юге округа Эмери и упирается в дикий край национального парка Каньонлендс. «Может быть, в районе Робберз-Руст…» — подумал Кайл, изучая подробную карту округа. Там несколько каньонов и пересохших русел, большая часть земель БЗУ доступна с Нижней Сан-Рафаэльской дороги и ее продолжения, заканчивающегося у Мейз-Дистрикт. Кайл знал, что по пути к Мейз многие проезжают из округа Эмери в округ Уэйн. Пожалуй, есть смысл там проверить, решил он, даже если придется послать ребят через границу округа.

В четверть десятого утра Кайл набрал номер станции рейнджеров Ханс-Флэт перед Мейз-Дистрикт и спросил про красный пикап «тойота-такома». Трубку взял рейнджер Гленн Шеррилл — и тут же узнал по описанию машину, которая с выходных стояла у каньона Хорсшу.

— Я только что был там. Эта машина стоит там уже дня три, — сказал он Кайлу.

Обычно за день каньон Хорсшу посещает от силы десяток человек, в выходные, может, чуть больше. Почти все укладываются в полдня. Служба национального парка каждый

день посылает рейнджеров в Большую галерею приглядывать за посетителями и охранять петроглифы, которым пять тысяч лет. Поскольку обычно рейнджеры приезжают первыми, а уезжают последними, они привыкли видеть площадку для машин пустой, ну максимум с двумя-тремя машинами и палатками. Рейнджеры не могли не обратить внимания, что одна машина стоит на площадке большую часть недели. Поскольку мой пикап вызывающе загородил вывеску, которая должна быть видна с подъездной дороги (я поставил машину так, чтобы было ровно спать), он был еще более заметен.

Даже чувствуя девяностопроцентную уверенность, Гленн помедлил и сдержанно высказался:

— Да, я думаю, это та самая машина.

— Можете послать кого-нибудь уточнить номер? — спросил Кайл.

— Да, конечно. Я вам перезвоню.

Гленн связался по рации с рейнджерами, которые как раз собирались выдвинуться со стоянки в каньон. Они подтвердили, что пикап так и стоит, где стоял, и уточнили номер. Гленн тут же перезвонил Кайлу:

— Его машина у нас.

— Спасибо за помощь. Мы пришлем кого-нибудь.

Капитан отправил сержанта Митча Ветере, чтобы тот поехал к началу тропы. Затем диспетчер по рации попытался связаться с Куртом Тейлором — шерифом округа Уэйн. Тейлор отсутствовал на дежурстве до второй половины дня, но его первый помощник Даг Блисс перезвонил в течение часа.

Поскольку подход к каньону Хорсшу расположен прямо на границе с округом Уэйн, поиски могли потенциально выйти из зоны ответственности Кайла и его помощников. Моя машина стояла на территории округа Уэйн; если бы я пошел по каньону на север, то оказался бы в округе Эмери, а если бы пошел на юг — то в округе Уэйн. С разрешения Дага Кайл продолжал быть начальником поисков и начал подключать к делу спасательную команду службы национальных парков. Он уже позвонил диспетчеру ПСС в Прайсе, чтобы прислали вертолет.

Новость о том, что мой пикап нашелся у каньона Хорсшу, достигла Элиота утром в 9:37, и следующий час он провел на телефоне. Это был настоящий прорыв, вселивший надежду в моих друзей по всей стране. Рейчел отправила из Аспена мейлы моим друзьям в долину реки Роаринг-Форк, набранные сорок восьмым кеглем. Южнее, в Нью-Мексико, Стив Пэтчетт говорил с Джейсоном Хэлладеем по телефону в 10:31 утра. В течение часа

они скоординировали две группы моих друзей, поисковиков-спасателей и альпинистов из Альбукерке и Лос-Аламоса, которые тут же спланировали выезд к каньону Хорсшу. Стив позвонил Кайлу Эккеру и рассказал ему о намерениях Совета горных спасателей Альбукерке. Капитан Эккер заверил Стива, что их участие в поисках только приветствуется.

У нас дома в Денвере Энн Форт и моя мама разрабатывали другой план. Они делали листовку о том, что пропал человек, и собирались разослать ее по факсу по всем Объединенным методистским церквям около Гранд-Джанкшн с просьбой расклеить на заправках, — мол, не видел ли меня кто-нибудь, когда я ехал в Юту. Мама раскопала статью из «Аспен таймс» за прошлый март и вырезала оттуда мой автопортрет, который я сделал на пике Кэпитол. Она вставила фотографию (десять на пятнадцать сантиметров) в бумажную рамку, а ниже написала мои приметы и максимум, что знала о моем вероятном местонахождении:

> Арон Ральстон, р. 27 окт. 1975 г., возраст 27 лет. Рост прим. 190 см, вес прим. 75 кг, темные растрепанные волосы. Последний раз его видели в четверг 24 апр. прим. в 18 ч. около Карбондейла, Колорадо. Расплачивался кредитной картой на заправке в Гленвуд-Спрингс ранним вечером 24 апр. Очень спортивный и, вероятно, направлялся в Юту кататься на велосипеде или на лыжах.

Добавив описание пикапа и правильный номер, напоследок мама привела и телефон аспенской полиции. Они с Энн были у копировальной машины, когда позвонили в дверь.

— Интересно, кто это? — громко спросила мама. Даже не выглянув из окна, она спустилась к двери и отворила ее. Там была Сью Досс, еще одна подруга из церкви. Сью и ее муж Кит были содиректорами молодежной программы для средней школы, когда я учился в Черри-Крик. Я провел у них, наверно, десятки выходных, дважды мы путешествовали в Вайоминг с детскими группами, работая волонтерами в лагерях от церкви; я даже дал первый урок игры на пианино их дочери Джейми. После того как я закончил школу и уехал в колледж, семья Досс продолжала поддерживать близкие отношения с моими родителями.

Сью приехала прямо из ОМЦ Надежды, где узнала о маминой просьбе поддержать ее в трудный момент. Мама быстро рассказала Сью то немногое, что знала о моей ситуации. Снова были слезы, объятия, рыдания, но вскоре Сью, Энн и моя мама

вернулись к работе.

Итак, листовка была сделана, оставалось ее распространить. Мама попросила администратора из офиса церкви Надежды переслать ей по факсу список телефонов Объединенных методистских церквей Гранд-Джанкшн. Манипулируя двумя телефонными аппаратами, мама заодно разогревала факс. В девять сорок пять утра они были готовы двигаться дальше, и тут зазвонил мамин мобильник.

Голос на том конце принадлежал командиру группы рейнджеров Стиву Сванке из национального парка Каньонлендс. Мама впервые говорила с рейнджером Стивом, как он себя назвал, — он подключился к поискам только час назад, — но была в восторге от поразительно хороших новостей.

— Миссис Ральстон, мы обнаружили машину вашего сына, — сказал Стив приветливым голосом, растягивая слова; такая манера выработалась у него за долгие годы взаимодействия с людьми.

Ахнув, мама передала новости подругам — радостно, на грани визга:

— Пикап нашелся! Спасибо Тебе, Господи! Пикап нашелся!

После того как Стив подробно рассказал моей маме последние новости, она крепко обнялась с подругами, а затем они сели на заднем крыльце, понимая: теперь остается только молиться, чтобы спасатели нашли меня живым и невредимым.

В рамках совместной операции ПСС и конторы шерифа округа Эмери рейнджер Стив Сванке и капитан Кайл Эккер запрашивали вертолеты, собак-ищеек, команды альпинистов, наземный персонал и конных спасателей для поисков в каньоне Хорсшу. В объединенной штаб-квартире в Моабе Сванке поручил двоим следователям составить на меня досье. Первым делом они набрали мое имя в поисковике. И, сразу же попав на мой сайт, принялись изучать описания моих походов — горных, лыжных и т. д., а также фотоальбом с красивыми видами скал Нью-Мексико. Они вычислили, что я опытный турист, но, скорее всего, не очень хорошо знаком с окрестностью каньона Хорсшу. Это был один из девяти факторов, учитывающихся при расчете срочности поисковых работ.

Инструкция Национальной поисково-спасательной ассоциации (НПСА) помогает оценить относительную срочность поисковых работ, исходя из количества пропавших человек, их возраста, состояния здоровья, снаряжения и опыта, наряду с погодными условиями, ландшафтом и историей спасательных работ в этой местности. Каждый фактор оценивается по

трехбалльной шкале, причем единица означает более высокую срочность, чем тройка. Очень пожилой (1) и неопытный (1) человек с кардиологическим заболеванием (2), заблудившийся в одиночку (1) в пургу (1) только с той одеждой, которая есть на нем (1), в области крутого, скалистого ландшафта (1), где уже случались аналогичные происшествия (1) с низкой вероятностью ложного вызова на поиск (1) — итого выходит 10. Любой результат от 9 до 12 означает быстрое реагирование первой степени.

Исходя из всего, что было известно обо мне, поисковым работам присвоили бы срочность второй степени, которая отличается от неотложной только скоростью и количеством людей, а также задействованного на первом этапе снаряжения. Однако из-за моего большого опыта зимних соло-восхождений на четырнадцатитысячники и почти недельного отсутствия, рейнджер Сванке объявил высший приоритет — аварийного реагирования.

По приказу Сванке «Нью эйр геликоптерс» — чартерная компания из Дюранго — выпустила вертолет в каньон Хорсшу в четверг около полудня. Позднее ПСС запросила еще одну «птичку» у пожарной команды лесоохранной службы Южной Юты. Сванке объявил, что его второй по значимости целью, после обеспечения безопасности поисково-спасательного персонала, является то, чтобы «определить местонахождение, получить доступ, стабилизировать и транспортировать Ральстона до 20:00 часов 01 мая 2003 г.». При такой заявленной срочности операции, устав требовал вытащить меня в первые десять часов. Руководители поисково-спасательных работ иногда используют сокращение LAST — locate, access, stabilize, transport (обнаружить, получить доступ, стабилизировать, транспортировать).

Капитан Эккер посовещался с помощником шерифа округа Уэйн Дагом Блиссом, и тот согласился предоставить свою поисково-спасательную команду, включая конную группу для ускорения поиска. Хотя это была его просьба вызвать поисковиков, капитан Эккер шутил:

— Ну да, с вертолетом в воздухе к тому времени, когда вы спуститесь с лошадьми в каньон, мы уже локализуем паршивца. Но вызовите их и будьте готовы оставить на ночь.

В 11:25 утра Блисс послал поисково-спасательной группе приказ встретиться в Хэнксвилле: «Встречаемся у „Карла Ханта“ для поисков в районе каньона Хорсшу. Приведите лошадей, будьте готовы остаться на всю ночь».

Терри Мерсеру, пилоту из Управления общественной

безопасности, только что отменили полет, и его заправленная машина стояла на взлетно-посадочной площадке для вертолетов в Международном аэропорту Солт-Лейк-Сити, когда в десять сорок пять утра ему позвонили.

Через двадцать пять минут Терри был на борту вертолета и звонил капитану Эккеру, который попросил его подобрать одного из своих офицеров в аэропорту Хантингтон в северо-западной части округа, примерно за семьдесят воздушных миль от каньона Хорсшу. В 12:50 Терри приземлился и взял на борт детектива Грега Фанка с большой кустистой бородой (только что работавшего под прикрытием по поручению отдела по борьбе наркотиками). Они вылетели в каньон, до которого было всего тридцать пять минут лёту.

Хотя Терри пришлось лететь два часа из Солт-Лейк-Сити, его вертолет первым приземлился на грунтовой парковке перед каньоном Хорсшу. Сержант Митч Ветере показал Терри мой бордовый пикап, и они осмотрели мое походное и кемпинговое снаряжение в багажнике. После короткого совещания рейнджеров из БЗУ и ПСС, собравшихся на подходе, Терри и два офицера решили, что опытный турист скорее направился бы к северному концу каньона, где тот пересекается с каньоном Грин-Ривер. Когда прилетит второй вертолет, он покружит и над верхней частью каньона к югу от подхода.

Определившись с полетными планами, Митч присоединился к своему коллеге Грегу на заднем сиденье вертолета в качестве дополнительной пары глаз на борту, хотя и очень боялся летать. Постановление федеральных органов запрещает работникам БЗУ и службы парка садиться на борт любого летательного средства, не имеющего зеленой карты. Поскольку ПСС Юты помогает в первую очередь округам, пилотам не позволено иметь зеленые карты, и таким образом они избегают обязательств помогать федеральным властям. Эта политика работает в пользу ПСС, сохраняя ограниченные ресурсы отдела для нужд штата, — но сейчас рейнджеры БЗУ и ПСС, собравшиеся на стоянке у Хорсшу, оказались фактически отлучены от спасработ. Поэтому, хотя Митч летать не любил, и сильно не любил, хотя он не доверял вертолетам, он был единственным человеком на парковке, кто мог лететь.

В 13:56 Терри поднял вертолет ПСС в вихре красной пыли и, влетев в каньон Хорсшу, двинулся в северо-восточном направлении, к слиянию Бэрриер-Крик и Грин-Ривер. На протяжении двадцати миль он вел машину как можно ниже, повторяя все изгибы пересохшего русла Бэрриер-Крик. Грег и Митч искали следы на песчаном дне каньона и опасливо

поглядывали на ничтожный промежуток между кончиками лопастей пропеллера и каменными стенами. Вдыхая запах отработанного топлива, Митч ежесекундно спрашивал себя: «Бог мой, что я тут делаю, на этом летающем бензобаке?»

Примерно через час они долетели до Грин-Ривер. Грег и Митч не заметили никаких признаков туриста; впрочем, заметить они могли бы только того, кто находится на открытом пространстве. А в каньоне было много крупных камней и деревьев, которые отбрасывали густые тени и не позволили бы обнаружить меня, если бы я был ранен и не мог подать сигнал вертолету или скрыт из виду.

В 14:50 Терри развернул вертолет и спешно полетел обратно к стоянке. Топлива у него осталось на полчаса, а нужно было приземлиться, оставить офицеров у парковки, потом снова подняться и за двадцать минут перелететь через Каньонлендс в Моаб на дозаправку. Это было довольно рискованно, времени — в обрез.

К тому времени Терри сделал все возможное. Как только он поднялся над каньоном, Митч впервые за последний час вздохнул легко, ожидая возможности снова ступить на *terra firma.*[91]

ГЛАВА 15
Свидание с судьбой

Было похоже на секс со смертью.

Барри Бланшар о попытке своей команды взойти на Рупальскую стену (4500 м) Нанга Парбата в Пакистане

11:34, четверг, 1 мая 2003 года. Я кладу нож сверху на каменную пробку и упаковываю культю в пластиковый пакет, который раньше служил прокладкой между правой рукой и стеной. Обернув белый пакет желтой тесьмой, снятой с шеи, я сую руку в пустой рюкзак кэмелбэка и перебрасываю затянутые ремни через голову, чтобы прижать ампутированную руку к груди в самодельной перевязи. Мне не приходит в голову остановиться и снять велосипедные шорты, чтобы вытащить из них впитывающую прокладку; в этот момент нужно двигаться вперед. Я выстегиваю два карабина из моего полиспаста и встегиваю их в петлю на обвязке, затем лихорадочно бросаю несколько непристегнутых предметов в мешок — пустую емкость для воды, почти полную бутылку мочи, видеокамеру, мультитул — и делаю паузу, взяв в руки фотоаппарат. Какой-то инстинкт просыпается внутри меня, и я включаю камеру. За пять секунд я делаю два снимка отрезанной руки. Такое несентиментальное прощание. Выключив камеру, надеваю крышку на объектив, бросаю ее в рюкзак и тщательно затягиваю узел. Быстро осмотрев все вокруг каменной пробки, дабы убедиться в том, что не забыл ничего важного, я сгребаю в левую руку две дюжины витков альпинистской веревки и пускаюсь ковылять по каньону.

Первые пятнадцать метров меня мотает от стены к стене. Приходится остановиться и успокоиться. Мое сердце на пределе, бьется в три раза чаще, чем в нормальном состоянии, но давление сильно понижено. Есть опасность отрубиться.

Успокойся, Арон. Сейчас нельзя терять сознание.

Если я буду торопиться и перенапрягаться, ничем хорошим это не кончится. Прежде всего, нужно добраться до воды. Я делаю три глубоких вдоха и выдоха, внутренне собираюсь и иду дальше, таща за собой запутанную веревку. Следующие сто сорок метров я прохожу за двадцать минут. Два часа назад, с появлением солнечного кинжала, здесь было немного света, сейчас темно. Но

мои глаза привыкли к сумеркам, я даже не включаю налобник. Извилистый узкий каньон почти на всем своем протяжении уже ширины плеч; я осторожно протискиваюсь боком по этому проходу, чтобы не задеть правую руку. По крайней мере в десяти разных местах мне приходится одной рукой выполнять замысловатые полутехнические маневры. Сначала я перекидываю веревку через каждый узкий изгиб в каньоне, а затем ползу вслед за ней. Я соскальзываю на заднице в нечто, напоминающее туалетный бачок, где вода сформировала круглую вымоину на дне пары S-образных изгибов. К счастью, это мелкая чаша, у выхода есть полка, через которую можно легко перелезть. Я волнуюсь, как бы мне не встретилась вымоина с гладкими стенами, — даже если она будет всего несколько футов глубиной, это препятствие может оказаться для меня сейчас непреодолимым. Я веду себя как одержимый; стараюсь двигаться так быстро, как только могу, но в то же время адреналин и эндорфины деформируют мое сознание. Кажется, что эти сто метров каньона растягиваются и становятся вдвое больше их действительной длины, четыре или пять раз я думаю, что вот-вот выйду из узкой щели, прежде чем вываливаюсь наконец на яркое солнце. Я оказываюсь на скальной полке, на половине высоты амфитеатра с отвесными стенами глубиной метров сорок пять. Я выхожу на середину полки и оглядываюсь вокруг. Отсюда открывается очень красивый вид, как в «Храме Судьбы», когда Индиана Джонс выезжает на вагонетке из подземной шахты и оказывается посреди высоченной, неприступной скальной стены. К счастью, я к этому готов: у меня есть обвязка, спусковуха для дюльфера и толстая веревка достаточной длины. Слева от меня — два шлямбура, вбитые в скалу, с недавно прикрепленной петлей из стропы, продетой через ушки шлямбура, и качающееся кольцо для дюльфера, которое висит примерно в метре от края скальной полки. Это дюльфер на Большой сброс.

Стоя под солнцем впервые за шесть дней, я чувствую легкое головокружение. Шатаясь, подбираюсь к переднему краю полки размером с двуспальную кровать, чтобы посмотреть вниз на Большой сброс. На песчаном дне амфитеатра, прямо под сбросом, я вижу воду в широком мелком водоеме, ее там примерно столько же, сколько в обычной ванне. Солнце печет мне голову, при виде манящей воды я впадаю в экстаз и чудом удерживаюсь на краю полки, едва не нырнув вниз головой в пропасть.

Эй, Арон! Притормози! Не надо глупых ошибок.

Я торопливо вщелкиваюсь в крюк вместе с лесенкой и берусь за дело, распутывая оставшуюся веревку (от исходных шестидесяти метров осталось пятьдесят). Левой рукой и зубами я

кропотливо вытягиваю по одному концу веревки зараз через узлы, которые нечаянно навязал в течение пяти прошедших ночей, когда наматывал петли себе на ноги, а потом еще двадцать минут тащил веревочный ком за собой по щели. Слева от меня, вне моего поля зрения, один конец веревки случайно соскальзывает через край дюльферного борта, и в какой-то момент его масса становится достаточной, чтобы подтянуть остаток веревки опасно близко к краю полки. Я слышу характерный свист веревки, поворачиваюсь и вижу, как она скользит через край. Инстинктивно прыгаю на конец веревки и плотно прижимаю ее к песчаниковой полке левой ногой. Если веревка упадет, игра будет окончена. Эта линия жизни диаметром десять с половиной миллиметров — необходимое условие моего выхода из каньона Блю-Джон. Без нее я был бы вынужден идти вверх по каньону, где, я знаю, нет воды, и путешествовать со своим увечьем по пересеченной местности четыре часа, пока мне теоретически не предоставилась бы возможность поймать кого-то и попросить помощи на грунтовой дороге в Мейз-Дистрикт. Это если я дожил бы до этого момента, а я не доживу. Если я уроню веревку, я с тем же успехом могу броситься вниз с высоты двадцать метров и вслед за свободно падающей дугой веревки нырнуть, как неизлечимо больная ласточка, в лужу глубиной по голень.

Не урони веревку, Арон. Не надо глупых ошибок.

Я прикрепляю восьмерку на петлю рядом с серединой веревки и вщелкиваю узел в крюк. За последние пять минут — две оплошности, которые могли оказаться фатальными; я стараюсь максимально сосредоточиться на том, чтобы повесить дюльфер и спуститься к луже. С каждой минутой, которую я провожу, распутывая веревку, жажда мучает меня все сильнее и сильнее. Теперь, когда я стою под прямыми лучами солнца, я чувствую, что обезвоживание ускорилось втрое; с каждым проходом выпачканной в песке веревки мои губы, язык и нёбо приобретают все больше сходства с наждачной бумагой. Чтобы развязать один узел на пятнадцати метрах веревки, мне приходится больше тридцати раз перехватывать зубами веревку. В конце концов я нахожу лучший способ — держу узел во рту и протягиваю веревку через петлю. Мне все еще приходится прижимать веревку губами и подавлять инстинктивное стремление облизывать ее каждые несколько секунд. Дыхание выветривает последнюю влагу из организма, и, хотя до лужи остается каких-то пять минут, мне срочно нужно попить.

Выплюнув веревку, я зажимаю ее между коленями и сбрасываю рюкзак с левого плеча, затем осторожно спускаю правый ремень с конца перевязанного обрубка. На дне главного

отделения лежит темно-серая налгеновская бутылка, на три четверти заполненная мочой. До этого я пил маленькими глотками и лишь временами набирал полный рот сцеженной оранжевой мочи. Сейчас я жадно заглатываю три, пять, семь унций за десять секунд и резко срыгиваю от мерзкого вкуса. Но ощущение, что я иссыхаю на этом уступе, проходит, и я продолжаю готовить веревку.

Через пятнадцать минут, проведенных за раскладыванием веревки в две бухты без единого узла, все готово для спуска через край. Я проверяю узел, вщелкнутый в единственный карабин, закрепленный фиолетовой стропой на крюке, и, по одной зараз, сбрасываю обе бухты веревки со скалы. Обычно я развязываю узел, чтобы веревка свободно свисала с крюка. Это позволяет сдернуть ее после спуска. Однако сегодня я намерен оставить веревку здесь. Больше она мне не понадобится, а проблема уборки мусора с маршрута меня в данный момент совершенно не волнует.[92]

В нормальном состоянии я начал бы спускаться на двух замуфтованных карабинах — повернутых в разные стороны защелками, чтобы по крайней мере один из них остался закрытым, если второй случайно откроется или муфта развинтится бегущей веревкой. Но сейчас я не беспокоюсь о том, что мой единственный карабин случайно откроется или даст сбой. По характеристикам он может выдержать два пикапа, зацепиться здесь ему не за что. Стропа новая, висит не больше месяца, ее прочность меня тоже устраивает, она не потерта, не надорвана и не высушена солнцем. Если бы я не доверял стропе, я мог бы вщелкнуть веревку сразу в карабин, прямо в одно из ушек шлямбура, но я решаю, что станция более чем достаточная, чтобы удержать мой вес на спуске.

Затем я беру устройство для спуска и страховки, так называемый Эй-ти-си — «Эйр трафик контроллер»[93] — и протаскиваю петлю каждого конца веревки через одну из щелей устройства. Когда они вставлены, я вщелкиваю мой главный карабин в веревочные петли. После этого затягиваю муфту на защелке карабина. Все — я на дюльфере. Я выщелкиваю обвязку из стропы на шлямбуре и откидываюсь назад так, чтобы мой вес полностью грузил веревку и станцию. Проверив обвязку, вижу, что не заправил поясной ремень назад через двухщелевую пряжку, фиксирующую поясной ремень. Теоретически пояс может выскочить из пряжки, и тогда я повисну на одних только ножных обхватах. Если бы у меня было две руки и я мало-помалу не истекал кровью, я пропустил бы ремень назад, но прямо сейчас, когда вода ждет меня внизу, я готов пойти на риск.

Стоя спиной к обрыву, я смотрю под ноги, откидываюсь на веревке и с каждым неуверенным шагом толчками подаю сантиметров двадцать веревки через Эй-ти-си. На краю полки я могу различить, глядя в зазор между ногами, головокружительный сброс с высоты шестиэтажного дома. Я вижу, что уступ, с которого я стартую, нависает над остальной частью скалы. Я немного нервничаю, дюльферяя с одной левой рукой. Если рука соскользнет или я по какой-то причине отпущу ее, страховки у меня нет; веревка начнет протравливаться со все увеличивающейся скоростью, ненамного медленнее, чем скорость свободного падения, и я совершу жесткую посадку рядом с лужей — скорее всего, сломав себе ноги или чего похуже. Очень важно, чтобы в висе я спускался медленно.

Просто откинься назад. Еще немного. Еще немного. Вот так, Арон. Наступи вот на тот камень. Нет, сначала левой. Хорошо. Спокойно. Теперь правой ногой. Отлично. Откинься на веревку. Доверяй ей. Толкни задницу назад. Выпрями ноги. Теперь выдай еще немного веревки. Медленно. Мееееееееедленно. Хорошо. Теперь держись крепче.

На верхней части дюльфера высока вероятность застревания веревки. Вес веревки создает дополнительное трение в спусковухе, мне приходится его преодолевать, чтобы потихоньку протравливать веревку. Усилия, с которыми я это делаю, лишают меня последних сил. Но не настолько, чтобы я отпустил веревку и потерял равновесие. Это примерно так же, как, то и дело останавливаясь, вести машину в плотном потоке на скорости десять километров в час, вдавив в пол педаль газа и управляя движением с помощью ручного тормоза. Я должен отпустить тормоз, чтобы начать двигаться, но высока опасность отпустить его слишком далеко и потерять контроль над ситуацией. Я ограничен одной рукой и не могу вытянуть другую руку к опоре и стабилизировать себя, когда начинаю закручиваться в том или ином направлении, перемещая ноги через неудобный, неровный край полки. В основном я беспокоюсь о том, что стравлю слишком много веревки, упаду с полки и ударюсь о ее край плечом или головой, а затем отпущу веревку. Воздух, нагретый на медленном огне, иссушает мои поры, я переживаю три минуты жестокой пытки, пока совершаю длинный ряд микроскопических подгонок и маневров, чтобы перебраться под полку. Наконец-то я пропускаю через Эй-ти-си еще немного веревки, мои ноги отрываются от нижнего края полки, и я свободно повисаю у стены примерно в двадцати метрах от земли. Беспокойство сменяется головокружительным восторгом, когда я поворачиваюсь вокруг оси и вижу амфитеатр, с комфортом паря в воздушном

пространстве. Чем ближе я к земле, тем быстрее двигаюсь; скользя вниз, я слышу эхо от пения веревок, протягивающихся через Эй-ти-си.

Коснувшись земли, я продергиваю оставшиеся концы веревки — метров по пять — через спусковуху и тут же бросаюсь к грязноватой луже. Укрываюсь от солнца в прохладной тени, резко сбрасываю левую лямку рюкзака и — осторожно — правую и снова достаю налгеновскую бутылку. На этот раз, открыв крышку, я выливаю содержимое на песок и наполняю бутылку из лужи, зачерпывая листья и дохлых насекомых вместе с пахучей водой. Я так иссушен, что чувствую языком водяную взвесь в воздухе вокруг лужи, и это распаляет мою жажду. Я взбалтываю жидкость, чтобы ополоснуть бутылку, и снова выливаю в сторону.

Зачерпывая бутылкой из лужи второй раз, я вновь наполняю ее коричневой водой. Пока несу горлышко бутылки к губам, успеваю задуматься — тянуть мне воду глоточками или хлебать от души, и решаю сначала глотнуть, потом опустошить бутылку. Первая капля попадает мне на язык, и где-то на небесах вступает хор. Вода прохладная и, что самое замечательное, сладкая, как бренди, как хороший послеобеденный портвейн. Я выпиваю литр за четыре глотка, пыхтя, утопая в удовольствии, а затем еще раз наполняю бутылку. (Хватит экономить глотки.) Со вторым литром происходит то же самое, я снова наполняю бутылку. Интересно, был бы вкус этой воды так же замечательно сладок для человека с нормальной влажностью в организме? А если эта вода действительно такая вкусная, то в чем причина? Неужели гнилые листья настаиваются в ней и получается что-то вроде пустынного чая?

Я сижу на краю лужи и какое-то время просто получаю удовольствие, как будто у меня не было других забот, кроме жажды, и теперь, когда я о ней позаботился, можно совершенно расслабиться. Все исчезает. Я перестаю даже замечать боль в руке. Я «уплываю», как на пикнике, когда сидишь в тени после долгого обеда и делать совершенно нечего — просто сидишь и смотришь, как над головой проплывают облака.

Но я понимаю, что облегчение будет недолгим. Со всей своей расслабленностью, мне предстоит пройти по песку почти тринадцать километров, отделяющих меня от пикапа, нужно настраиваться на это. Я замечаю на песке справа от себя несколько отпечатков лошадиных копыт. Какой-то человек въезжал на лошади в этот закрытый каньон после последней грозы, или даже группа каких-то людей. Мое сердце подпрыгивает в груди при мысли о том, что я мог бы столкнуться в пути с группой ковбоев, но я уже научен опытом и предпочитаю не

вопить о помощи и не принимать эти надежды слишком близко к сердцу. Высохший конский помет, усыпавший промоину метров на пятьдесят вниз по каньону, говорит о том, что прошло уже больше дня с тех пор, как лошади тут проходили. И вряд ли конные туристы остаются здесь на ночь.

Третий литр я осушаю более медленно, даже на минуту-другую ставлю твердую пластмассовую бутылку в песок, чтобы порыться в рюкзаке и выложить то, что можно оставить здесь. Я откладываю сломанный плеер и два поцарапанных компакт-диска и решаю, что все остальное пойдет со мной. Достав цифровик, фотографирую двойную веревку, свисающую с Большого сброса, затем вытягиваю левую руку с камерой вперед, чтобы сделать автопортрет на фоне лужи. Сейчас 12:16. Я ликую, что смог забраться так далеко, но на снимке остаются безобразная восьмидневная щетина, пятнышки запекшейся крови после операции и перекошенная от беспокойства физиономия. Засунув фотоаппарат и видеокамеру во внешний сетчатый карман рюкзака, я старательно насаживаю загубник на обрубок трубки, оставшийся на дне резервуара моего кэмелбэка, и заполняю контейнер двумя литрами сладкой воды.

Все еще потягивая третий литр, достаю сложенную копию путеводителя и меряю расстояние до первой вехи своего похода — слияния каньонов Блю-Джон и Хорсшу. Карта размечена в километрах, и, пересчитав расстояние, я прикидываю, что от того места, где я сижу, до слияния добрых две мили. Еще полмили останется пройти до границы Каньонлендс, две мили спустя я миную Большую галерею, которая в подписи к фотографии названа «возможно, лучшей [стеной с петроглифами] в мире». Еще три четверти мили или, может быть, миля, и я дойду до первого водоема в Бэрриер-Крик. Это значит, что до следующего места, где теоретически можно найти воду, мне предстоит добираться часа два. Нет никакой уверенности в том, что вода там вообще есть, — это будет зависеть от уровня грунтовых вод и от того, выпадали ли дожди на неделе перед моим приездом в Юту, — но вода мне к тому времени уже понадобится, есть она там или нет.

Лучшее, что я могу сделать в качестве подготовки к своему походу, это наполнить кэмелбэк и бутылку и плотно их закрыть. Я готов к бою. Встаю и чувствую, как вода плещется у меня в желудке. Как бы я хотел отдохнуть и дать воде наполнить все системы организма. Но я медленно истекаю кровью, и у меня есть три, максимум четыре часа, чтобы уйти отсюда. Я сделал свой выбор час и сорок пять минут назад, когда отрезал себе руку. Теперь я просто решаю следовать этому выбору — добраться до

пикапа и доехать до клиники или, если не смогу, то до телефона.

Выйдя на открытое, солнечное, песчаное дно каньона, я начинаю восьмимильное путешествие. Жара немедленно нарушает хрупкий водный баланс, восстановленный мной у лужи, и через двести метров мне приходится выпить еще немного. Преодолев мороку, связанную с извлечением бутылки из рюкзака, я выщелкиваю из обвязки последний оставшийся карабин без муфты и вщелкиваю его застежку в петлю на крышке бутылки, затем цепляю металлическую петлю на ремень, свисающий с левой части мягкого поясного ремня моего рюкзака.

Я прохожу мимо нескольких больших тополей и зарослей тамариска, свидетельствующих о том, что через эту часть каньона проливаются мощные потоки воды. Еще через сто метров растительность редеет. Я устаю от ходьбы в обвязке, когда спусковуха и лесенка болтаются перед бедрами, поэтому вытаскиваю поясной ремень обратно через кольцо безопасности и, дрыгая ногами, сбрасываю с себя по очереди все петли, пока обвязка и все, что к ней прицеплено, не падает на песок, как клубок мертвых змей. «Пусть это будет чей-нибудь небольшой приз, — думаю я, — такой славный трофей». Минуя первые изгибы каньона, пересекаю открытый сорокапятиметровый участок, чтобы воспользоваться тенью на краю вымоины, но ходьба дается мне с трудом, даже в умеренном темпе, жажда иссушает меня через минуту после глотка воды. Пройдя одну-единственную милю, я чувствую себя так же, как на полке перед дюльфером, а ведь я уже выпил целый литр, треть моего водного запаса.

Не прошло и десяти минут с тех пор, как я оставил лужу, и мой кишечник просыпается — впервые после субботнего утра. Я знаю, что сейчас будет, и знаю, что это будет прямо сейчас. Я бросаюсь к углублению у края промоины, где случайное наводнение вырезало скамейку на внешнем изгибе русла, и торопливо расстегиваю ремень на шортах. Еле успеваю снять три слоя одежды — шорты, велосипедные шорты и белье — и тут же оскверняю скальный склон. Вода, которую я выпил, протекла через мой желудок и наводнила кишечник.

Ну, парень, ты даешь… Господи боже ты мой, ужас-то какой!

Мало мне других забот, теперь я пытаюсь как-то отчиститься. Вытираться нечем; у меня нет ничего, кроме одежды, а она мне вроде как нужна. Я натягиваю белье, но снимаю велосипедные шорты и сую их сверху в рюкзак. Надеваю обратно штаны коричнево-кровавого цвета и чувствую, что без черных шорт с амортизирующей прокладкой стало на десять градусов прохладнее. Нет времени рефлексировать, этот эпизод остается в

прошлом.

Я снова в пути. Прямо перед тем местом, где каньон отклоняется направо и делает широкий изгиб, похожий на гусиную шею, я шагаю налево, в боковой каньон, думая, что это главное русло. Но через сорок шагов мой истощенный организм чувствует дополнительное напряжение, и я осознаю, что на самом деле иду на подъем. Поворачиваю назад.

Не надо глупых ошибок, Арон. Будь внимательнее. Ты же знаешь, что это не каньон Хорсшу. Ты не ошибешься, когда придешь туда. Сверяй путь с картой. Ты же знаешь, как это делать.

Внезапно я чувствую влагу, которая распространяется по низу спины. Кэмелбэк протекает. Я останавливаюсь и падаю на колени, перебрасывая рюкзак вперед. Ну да, вода сочится через загубник на дне кэмелбэка. Он не рассчитан на то, чтобы сдерживать давление, а я срезал трубку, которая обычно соединяла дно и загубник. Проблема. Открываю пустую бутылку и выдавливаю в ее горлышко половину того, что осталось в резервуаре. И что теперь, интересно, мне делать? Если я оставлю воду в кэмелбэке, она вытечет и закончится до того, как я попаду в Хорсшу. Закручиваю крышку бутылки, цепляю ту на ремень рюкзака и решаю, что самое лучшее, что я могу сейчас сделать, это выпить остаток воды из кэмелбэка и пройти остаток пути на том, что есть в бутылке. Это не идеально, но лучше, чем просто терять воду.

Теперь начинается новая действительность. Я выпил пять литров воды меньше чем за час и прошел всего километра полтора по каньону. У меня остался литр воды, впереди десять километров, становится только жарче, а я становлюсь все слабее. Или я придумаю, как это сделать наилучшим образом, или умру раньше, чем пройду полпути к Большой галерее. На ум приходит воспоминание, рассказ, который я читал в каком-то журнале несколько лет назад, про легендарное мексиканское племя тарахумара. Меня впечатлило не только то, что люди этого племени пробегали по восемьдесят километров в день — зачастую босиком, по жаркой пустыне, — но и то, что они предпринимали эти супермарафоны без подстраховки, даже не брали с собой пищу и воду. Хитрость заключалась в том, что они набирали полный рот воды на старте и не глотали ее, а несли во рту, то и дело глотая понемногу, чтобы этот глоток смочил воздух, попадающий в легкие. Сохраняя темп ниже порога потения, они теряли только ту влагу, которую выдыхали. Я решаю, что стоит и мне попробовать, набираю пятьдесят граммов воды в рот и держу там, пока все ближе и ближе, метр за метром, приближаюсь к своему пикапу, скрытому где-то выше, на севере, на плато.

Я немедленно ощущаю, что хитрость работает. Я все еще хочу пить, но хорошо дышу и не чувствую и десятой доли той сухости, из-за которой выхлебал столько воды. Это может мне помочь сохранить остатки запаса.

На второй миле моего похода, в 13:09, я подхожу к слиянию каньонов Блю-Джон и Хорсшу и, не снижая скорости, поворачиваю налево по направлению к Большой галерее. Однако еще через пять минут в моей левой кроссовке накапливается столько песка, что я решаю остановиться и вытряхнуть его. Я уже натер ступню до ссадины, боль становится нестерпимой. Моей левой ноге гораздо хуже, чем правой, потому что левый носок я превратил в лохмотья, когда натягивал его на каменную кувалду, чтобы долбить валун. Снять обувь и вытряхнуть песок — это самое простое. Я все еще не умею завязывать шнурки, поэтому сильно затягиваю их и засовываю свободные концы в кроссовку, рядом с голой ногой. Терпимо. С этого момента я шагаю очень осторожно, избегая песка, — и идти так легче, и ноги берегу.

Пройдя две с половиной мили, наталкиваюсь на заграждение из колючей проволоки, висящее поперек промоины на толстых тросах, уходящих в скалу по обе стороны от русла. Это, должно быть, граница национального парка, думаю я, когда ныряю в дыру в середине изгороди, где доски расшатаны. Как только я попадаю на территорию каньона Хорсшу в Каньонлендс, кишки опять вопят, сфинктер сжимается. Я бросаюсь к подходящему месту в тени другой полки, где можно прислониться к стене и опорожнить внутренности. Диарея не сравнится с потерей крови по опасности для жизни, но, если она будет продолжаться, риск обезвоживания растет. Второй раунд закончен, я подтягиваю свои клетчатые боксеры и шорты и иду дальше. Трюк с водой помогает мне идти довольно бодро, минимизируя затраты. Я глотаю каждые пять или десять минут, но хорошая новость в том, что в бутылке у меня осталось еще пол-литра.

На четвертой миле я оставляю слева от себя стену высотой метров сто, на которой изображены десятки широкоплечих фигур огромного масштаба, нарисованные всеми оттенками коричневого и бордового. Это пиктограммы Большой галереи. Сейчас они для меня не более чем ориентир в пути. Дальше по каньону, в зарослях тростника, рогоза и камышей, я наступаю на мягкий затопленный участок, покрытый толстым ковром травы. Пройдя еще несколько шагов по болоту, раздвигаю осоку и обнаруживаю полоску открытой воды. Аллилуйя! 13:55. Я наклоняюсь к грязному ручейку шириной пятнадцать сантиметров и глубиной пять и пытаюсь еще раз заполнить свои

емкости водой. Дело нудное, но стоит того: в моей бутылке осталось только сто пятьдесят граммов, и теперь я могу снова пополнить запасы. Мне приходится построить небольшую дамбу из грязи, чтобы можно было окунуть резервуар кэмелбэка в жижу. Я нечаянно запираю в бутылке пару головастиков, но решаю, что нет смысла заморачиваться и вылавливать их. К этому моменту я, должно быть, проглотил уже сотни тысяч невидимых пловцов. Должен ли я думать об этих двух только потому, что их я вижу?

Теперь кровь из моего обрубка капает быстрее, несмотря на турникет и обмотку, и несколько красных пятен появляются на песчаной грязи, когда я пытаюсь набрать еще воды в кэмелбэк. Боль в руке возле жгута настойчиво дает о себе знать, она занимает огромное место в сознании, постоянно отправляя мозгу одно и то же послание: «Твоя рука серьезно ранена, о ней нужно позаботиться». Боль подталкивает к тому, чтобы сесть и восстановить силы, но я знаю, что нужно торопиться. По крайней мере, у меня теперь больше воды.

Снова отпечатки следов, они соединяются, образуя все более отчетливую тропинку через песчаные дюны и ряды тополей. У тропинки появляется пирамида из камней. Неудивительно, что эта часть каньона более посещаема, это проход к Большой галерее. Я не могу понять возраст следов, ясно только, что здесь прошли десятки человек с момента последнего дождя или наводнения. Памятуя об уроке, полученном во время своего заточения, решаю не кричать. Если в этом каньоне есть люди, я найду их и так, но лучше всего не тешить себя надеждами.

На десятом километре я забираю влево, направляясь к гигантской нише. Шириной добрую сотню метров и по крайней мере такой же высоты, верх ниши нависает над основанием метров на тридцать в самой глубокой точке. Возле огромной крыши русло каньона поворачивает направо, и неожиданное зрелище блокирует мою двигательную систему, как будто главный тормоз разъединяет электроцепь в голове. В семидесяти метрах от меня, бок о бок, идут три туриста, один поменьше, два побольше. Люди! Я не могу в это поверить. Вплоть до этого момента я не был уверен, что встречу кого-то еще в этом каньоне. Я делаю глоток воды, которую держал во рту, и трясу головой, стараясь определить, в какую сторону они идут, ко мне или нет. Какое-то мгновение я сомневаюсь в том, что они вообще существуют. Похоже, уходят от меня.

Быстрее, Арон, зови их. Они помогут тебе.

Я должен подать им сигнал до того, как они уйдут слишком далеко. Я пытаюсь закричать, но голос застревает в горле один раз, другой, и я просто-напросто булькаю последней пригоршней

воды. В конце концов мне удается выдавить из себя слабое: «Помогиииите!» После глубокого вдоха я кричу еще раз, сильнее: «ПОМОГИТЕ!»

Туристы останавливаются и оборачиваются, чтобы посмотреть на меня. Я продолжаю идти вперед и снова кричу: «ПОМОГИТЕ! МНЕ НУЖНА ПОМОЩЬ!» Все трое бросаются бегом ко мне, и я чувствую, что сейчас заплачу. Я больше не один. Эта мысль — самое главное облегчение, и к приличному пока запасу энтузиазма добавляется прилив уверенности: я справлюсь. Теперь я знаю, что мне не придется никуда ехать самому, когда мы выйдем к началу тропы. Эти люди помогут мне.

Я справлюсь.

Расстояние между нами сокращается, и я могу разглядеть эту, вероятнее всего, семью: мужчина и женщина, обоим к сорока годам, и мальчик — должно быть, их сын. На них шорты, футболки, кепки и высокие туристские ботинки. У женщины забавный рюкзак вокруг талии с двумя бутылками воды в боковых карманах. У мужчины на плечах рюкзак среднего размера, почти как мой, но он выглядит легче и кажется полупустым.

Когда мы подходим друг к другу так близко, что можно разговаривать, я начинаю рассказывать:

— Меня зовут Арон Ральстон. В субботу меня придавило камнем, я провел пять дней без воды и пищи. Этим утром я отрезал себе руку, чтобы освободиться, и потерял уже много крови. Мне нужна медицинская помощь.

Я заканчиваю свою речь, и мы останавливаемся друг перед другом, лицом к лицу, в нескольких метрах друг от друга. С правой стороны вся моя одежда — от воротника рубашки до кончика ботинок — покрыта кровью. Я смотрю на мальчика — ему не больше десяти лет — и понимаю, что, наверное, перепугал его на всю жизнь.

Мужчина что-то говорит, его единственная короткая фраза доходит до меня, как сквозь туман, пока наконец что-то не щелкает в моем мозгу. Осознав, что у него немецкий акцент, я разбираю шесть слов:

— Они сказали нам, что вы здесь.

Мне требуется добрых пять секунд, чтобы понять весь смысл его заявления, и в следующий миг я уже иду на полной скорости вниз по каньону, прикрикивая на эту ни в чем не повинную семью, чтобы они тоже двигались.

— Нам нужно идти. Можем говорить по пути. Вы меня понимаете?

Отец кивает, но не соглашается:

— Вам нужно остановиться и отдохнуть.

Я повторяю команду:

— Нет. Нам нужно идти. — И затем начинаю бомбардировать их вопросами: — Кто — «они»? Кто вам сказал, что я тут? У вас есть с собой телефон? Он здесь работает?

Семейство трусит следом, стараясь нагнать меня. Отец отвечает:

— На стоянке полиция. Они сказали нам, чтобы мы смотрели в оба, вдруг вы там.

— У вас есть телефон? — снова спрашиваю я.

Нет, у них нет телефона. У отца на шее висит GPS.

— Можете мне сказать, как далеко еще до парковки? — спрашиваю.

— Ну… километра три.

О господи, как так? Я проверяю карту. На карте все кажется гораздо ближе, как будто мы в полутора километрах от того места, где тропа покидает дно каньона, и еще полтора нужно пройти вверх по склону.

— Вы уверены?

Он показывает мне экран GPS. Маршрут размечен, на экране видно, что мы сейчас в 2,91 километра от начала тропы и ниже его на 220 метров. Подъем будет самой ужасной частью пути. Я предчувствую напряжение, которое несет с собой подъем через трехметровые песчаные наносы, где тропа срезает углы извилистой промоины. Я начинаю сомневаться, что доберусь до начала тропы. Может быть, все дело в том, что я уже понял: меня ждут спасатели и что они могли бы прийти и забрать меня, — в любом случае, такое ощущение, что мое тело сдается. Я потерял слишком много крови. Даже небольшие препятствия требуют от меня невероятных усилий и заставляют мое сердце биться на верхнем пределе.

Продумывая последовательность событий, которые быстрее всего приведут меня к квалифицированной медицинской помощи, я спрашиваю туристов, как их зовут, чтобы потом попросить их кое о чем.

— Я Эрик, а это Моника и Энди, — отвечает отец семейства. — Наша фамилия Мейер, мы из Голландии.

Это объясняет и акцент, и отличный английский. Я еще не слышал, как говорят Моника и Энди, но могу спокойно предположить, что английский у них не хуже, чем у Эрика.

— Так, Эрик. Вы все выглядите довольно спортивными. Нужно, чтобы один из вас побежал вперед и привел полицию.

Я уверен, что люди в начале тропы — не полицейские, но так он их сам назвал.

— Надо, чтобы они прислали сюда носилки и людей, которые

меня вынесут. Вряд ли я могу сам выбраться. Сделаете?

— Моника может сбегать — она быстро бегает.

Все еще на ходу я смотрю на его жену, и она кивает.

— Вы понимаете, что мне нужно? — спрашиваю я.

— Да, носилки и…

Я перебиваю ее:

— Подождите. У полиции есть рации и телефоны? — Взрослые кивают. — Хорошо, надо попросить их вызвать вертолет.

Почему я не подумал об этом первым делом, не знаю, может, из-за усталости, но вертолет, несомненно, будет гораздо лучше, чем команда с носилками. Все, что мне останется сделать, это добраться до такого места, где вертолет сможет приземлиться, и ждать. Я думаю, мне это удастся. Я смотрю на Монику:

— Пожалуйста, идите сейчас же, быстрее.

[Следующий абзац из письма Эрика Мейера, это его пересказ событий после нашей незапланированной встречи.]

> В четверг, 1 мая наша семья [моя жена Моника, наш сын Энди и я, Эрик Мейер] отправилась в запланированное путешествие в каньон Хорсшу в отдаленной части национального парка Каньонлендс в Юте. В начале тропы к нам подошел рейнджер и рассказал о машине, которая припаркована в этой части каньона уже несколько дней, и что, возможно, ее владелец потерялся в каньоне. Мы в шутку пообещали ему смотреть в оба и постараться найти пропавшего.
>
> Мы прошли 3,7 мили до Большой галереи (наскальная роспись индейцев), сделали несколько снимков и отправились обратно. Вдруг мы услышали какой-то шум, а затем и голос, который кричал: «Помогите, мне нужна помощь!»
>
> Моника и я тут же поняли, что это, должно быть, пропавший человек. Не мы его нашли — он нас нашел! Немного неуверенно, но довольно быстро он подошел ближе, и мы увидели, что правая сторона его тела вся в крови.
>
> Рука, а точнее, то, что от нее осталось, висела в самодельном слинге. Мы побежали к нему, он четко произнес: «Привет, меня зовут Арон. В субботу меня придавило камнем. Я застрял там на пять дней без воды и пищи. Четыре часа назад я отрезал себе руку, мне нужна медицинская помощь. Мне нужен вертолет».

Мы решили, что жена и сын попробуют выбраться из каньона как можно быстрее, чтобы позвать на помощь, а я остался с Ароном, чтобы двигаться вместе с ним в том же направлении, давать ему еду и воду и поддерживать морально. Арон попросил меня понести его рюкзак. Мы все время разговаривали, и я пытался выяснить как можно больше о том, что с ним будет дальше. Было очень важно как можно скорее доставить его из узкой части каньона Хорсшу в более широкое место рядом с парковкой, туда, где мог бы приземлиться вертолет.

Как только Моника срывается с места, Энди бежит за ней. Я чуть было не попросил мальчика остаться с нами, чтобы Моника могла бежать быстрее, но еще раньше мне приходит мысль попросить у Эрика воды и еды. Он задумывается, зовет Монику, та останавливается.

— У нас осталось немного печенья «Орео», но они у Моники, — объясняет мне Эрик и кричит жене, чтобы вынула печенье к тому времени, как мы ее нагоним.

Моника передает нам прозрачную пластиковую упаковку из-под пятнадцати печенек, извиняется за то, что они с Энди съели уже большую часть, разворачивается и убегает вместе с сыном.

В пакете осталось всего две штуки, но они посланы небесами, я уничтожаю их в два чавка, делая паузу после первого, чтобы отвернуть пробку на бутылке и запить печенье водой с головастиками. После того как я, громко жуя, доедаю второе печенье, Эрик вручает мне нетронутую полулитровую бутылку с дистиллированной родниковой водой. Она не такая вкусная, как вода из лужи под Большим сбросом, но существенно чище той песчаной жижи, которую я несу сейчас в бутылке. Я благодарю Эрика за воду и прошу, по возможности, понести мой рюкзак. Эрик отвечает: «Да, конечно», и я скидываю рюкзак с плеч, облегчив себе нагрузку на несколько килограммов.

Эрик продолжает беседовать со мной и задает вопросы о том, что случилось. Я пытаюсь снова идти с водой во рту, но каждый раз, когда я отвечаю на один из его вопросов, воду приходится глотать. Когда я заканчиваю говорить — отвечать я стараюсь как можно короче, — я набираю в рот еще пару глотков воды и держу ее там. После полудюжины вопросов я даю Эрику понять, что мне нужно перестать разговаривать и сосредоточиться на ходьбе.

Минут через пять после того, как Моника и Энди уходят от нас во второй раз, мы встречаем еще одного путешественника, мужчину лет сорока с небольшим. Он движется нам навстречу с пожилой женщиной, вероятно с матерью. Мужчина спрашивает,

нужна ли нам какая-нибудь помощь, и я отвечаю вопросом на вопрос: «У вас есть мобильный телефон или спутниковый?» Телефона у него нет, но он, оказывается, медик. Чувствуя облегчение оттого, что встретил человека, чьи познания в медицине превосходят мое скудное самообразование, полученное самотеком во время поисково-спасательных операций, я прошу его присоединиться к нам. Женщина продолжает идти вперед одна; мужчина представляется Уэйном, и я тщательно расспрашиваю его, дабы удостовериться: я делаю все в данный момент возможное, чтобы помочь себе. Мы вместе идем через бесконечные заросли тамариска, которые хлещут меня по руке и лицу, и я задаю вопрос за вопросом, например: «Это ничего, что я ем?» («Если вас от этого не рвет, все в порядке») и «Нужно ли беспокоиться о том, что я пью слишком много воды?» («Если вас от этого не рвет, все будет в порядке»).

Моника и Энди Мейер, должно быть, убежали далеко вперед, чтобы выбраться из каньона и попросить вызвать вертолет, я не вижу их уже минут десять. Когда мы проходим по очередному длинному песчаному наносу, покрытому кустарником и несколькими отдельно стоящими деревьями, мне приходится остановиться, чтобы снова вытряхнуть песок из обуви. Голую левую ногу натирает так сильно, что боль в правой руке отходит на второй план. Кажется нелепым, что натертая нога может отвлечь меня от того факта, что я отрезал себе руку. Вдвойне смешно: когда я говорю Эрику, что собираюсь остановиться, на этот раз протестует он — нет, мол, я должен идти.

— Нет, послушайте, я собираюсь сесть и вытряхнуть песок из кроссовки, а когда закончу, вы поможете мне завязать шнурки.

Когда я устал и мне больно, я веду себя как раскомандовавшийся сукин сын, но Эрик спокойно к этому относится. После того как я нахожу место на поваленном стволе дерева и вываливаю из кроссовки половину песочницы, он завязывает мне шнурки.

Я старался представить себе, через что пришлось пройти Арону за последние несколько дней. Я был поражен его физической и умственной силой. Он точно знал, что делает, чего хочет и где его предел, даже после того, как прошел через все это.

Несмотря на большую кровопотерю, темп его ходьбы был удивительно высок, пока песок не начал натирать ему ногу. Тогда Арон просто остановился в тенистом месте, чтобы вытряхнуть песок, перед тем как двигаться дальше. Он попросил меня завязать ему шнурки.

Начало четвертого, пошла седьмая миля. Солнце жестоко жарит на открытых местах на дне каньона Хорсшу, на глубине более двухсот метров. Эрик, Уэйн и я только что прошли широкий изгиб в открытом каньоне, и я вижу то, что должно быть началом тропы к выходу. Она крутым зигзагом проходит по склонам слева впереди и приводит на парковку. Где-то на кромке каньона, примерно в двухстах метрах надо мной, ждут спасатели. Ах, как бы я хотел быть вороном, я мог бы просто распахнуть крылья и, хрипло каркая, поймать восходящий тепловой поток воздуха; я был бы в начале тропы через две минуты.

Если я попытаюсь выйти из каньона пешком, это меня убьет. Я потерял слишком много крови, я на грани смертельного шока. Я раздумываю о том, не послать ли Эрика наверх, чтобы он тоже позвал на помощь, но не успеваю озвучить свою идею. Мои мысли прерывает быстрое цоканье эха.

Чоп-чоп-чоп-чоп-чоп… В двухстах метрах от нас над стеной каньона поднимается металлическое тело бескрылой черной птицы.

Я замираю, как громом пораженный, а затем меня переполняют эмоции. Не веря своим глазам, я пытаюсь понять, как Моника и Энди успели добраться до начала тропы, а спасатели успели подогнать вертолет. Но потом соображаю, что вертолет уже был здесь. Мое изумление сменяется огромным облегчением. Я больше ничего не могу сделать в эту минуту, просто стою в песке. Также ошеломленные, Уэйн и Эрик начинают махать руками над головой, пытаясь подать сигнал вертолету. Мы на середине каньона, самые высокие, самые темные фигуры на пространстве поперечником сто футов, на ровном песчаном наносе, скудно поросшем короткой травой и чахлыми хризотамнусами, но даже сейчас я не уверен, что из вертолета видят нас. Железная птица закладывает вираж на малой высоте, снова пролетая над нашими головами. Я оглядываюсь в поисках лучшей площадки для посадки и решаю, что это — промоина прямо перед нами. Поспешно преодолеваю пятьдесят метров до края песчаного наноса, вертолет разворачивается на сто восемьдесят градусов и парит в шестидесяти метрах над сухим руслом. Эрик догоняет меня, и мы смотрим, как вертолет начинает снижаться. Я делаю десять коротких шагов по руслу каньона и разворачиваюсь спиной к зоне приземления: струя воздуха от несущего винта наверняка поднимет тучу песка. Приходится собрать все оставшиеся силы, чтобы остаться на ногах: колени дрожат, и все инстинкты требуют упасть на колени и целовать землю в благодарность за свое спасение. Но я четко осознаю, что мозг устал нести груз боли,

устал соблюдать дисциплинарные требования, поддерживавшие меня до сих пор. Мозг хочет выйти из игры, а я не могу позволить ему это до тех пор, пока не окажусь в больнице.

Вой двигателя стихает, и пыльный ветер у меня за спиной превращается в бриз. Обернувшись, я вижу, как из задней дверцы вертолета неуклюже выпрыгивает пассажир и делает мне знак. Я быстро иду к нему по широкой дуге. Он стоит у боковой двери и кричит:

— Вы Арон?

Я киваю и кричу ему в ухо:

— Да! Вы не могли бы меня подвезти?

Внутри салона вижу офицера в незнакомой форме, он сидит на дальнем конце кожаного дивана и таращится на меня. Никаких медработников с капельницами, ни на ком нет латексных перчаток, не видно никакого медицинского оборудования. Я не ожидал, что меня встретит санитарный вертолет, но и полностью кожаной обивки тоже не ожидал.

По какой-то причине экстренность ситуации улетучивается, я честно хочу дать пилоту или офицеру шанс постелить на кожаное сиденье тряпку или куртку, пока я не запачкал его кровью. Ни к кому конкретно не обращаясь, кричу в вертолет:

— У меня кровь течет — я вам тут все испачкаю!

— Лезь давай! — грохочет чей-то голос, и я карабкаюсь через два сложенных рюкзака на середину заднего сиденья.

— Пожалуйста, возьмите мой рюкзак! — кричу я человеку, который подзывал меня жестами, и киваю туда, где метрах в двадцати пяти от вертолета стоит Эрик с моим рюкзаком в руках.

Спасатель бежит к нему, пригибаясь под винтами, и возвращается с почти пустым рюкзаком. Все, что там осталось, — бутылка и кэмелбэк с несколькими унциями грязи в них, налобник, мультитул и две камеры, общим весом каких-нибудь два килограмма. Однако в пути, пока я шел последние две мили перед встречей с семьей Мейер, мне казалось, что он весит впятеро больше. Обидно бросать вещи здесь, думаю я, после того как столько времени их тащил. Все на борту, мы пристегиваем ремни, и пилот запускает двигатели в полную силу, поднимая пыль со дна каньона.

Кто-то передает мне наушники, офицеры помогают мне надеть их поверх синей бейсболки «Арктерикс». Пилот спрашивает, слышно ли его, я отвечаю «да», устраиваясь на кожаном сиденье и поднимая раненую руку над головой. Так чуть легче переносить постоянную пульсацию боли. Я наблюдаю, как капельки крови катятся с моего локтя по свисающей полоске стропы. Одна за другой они достигают конца стропы и падают на

уже пропитанную кровью рубашку.

Мы поднимаемся, и мое внимание переходит от рубашки к каньону. Мы летим все выше и выше. Благодарность, которую я испытываю, снова едва не доводит меня до слез, но обезвоживание запечатало мои слезные каналы. Я сижу между двумя пассажирами на заднем сиденье, но все равно могу смотреть из окон вертолета. Прямо впереди я вижу, как похожие друг на друга черные фигурки Уэйна и Эрика становятся пятнышками на красном холсте гравия в русле Бэрриер-Крик, пока оконная рама вертолета не заслоняет их.

Мы поднимаемся над краем каньона, и я испытываю смятение, пытаясь осознать внезапный сдвиг горизонта. В последние шесть дней линия, ограничивающая край моей вселенной, была клаустрофобически близка, а теперь мир за секунду расширяется на сотню миль, горизонт отступает за великолепный пейзаж Каньонлендс, к дымке, окружающей горы Ла-Сал на востоке.

Рокот вертолетных двигателей переходит в унылый рев, лишь слегка приглушенный наушниками.

— Сколько времени еще до Грин-Ривер? — спрашиваю я, напрасно напрягаясь, чтобы говорить громче.

Будь сильным, Арон. Ты уже почти там. Держись.

Пилот отвечает, я ясно слышу его голос сквозь фоновые помехи:

— Мы летим прямо в Моаб. Это займет минут пятнадцать.

Ого. Круто. Здорово.

— У вас не найдется какой-нибудь воды?

Оба офицера подскакивают, как поднятые по тревоге, будто моя просьба вывела их из ступора. Я не могу их винить. Если бы пропитанный кровью парень вошел и сел рядом со мной, я бы тоже не в первую минуту сообразил предложить ему попить. Мужчина слева от меня находит бутылку воды с отвинчивающейся крышкой и протягивает ее мне. Я держу ее в руках и озадаченно рассматриваю. Тут он понимает, что крышка все еще закрыта, откручивает ее и возвращает мне. Мы меняем позы, и офицер, сидящий справа, подсовывает мне под руку куртку, чтобы та впитала кровь.

Через две минуты мы подлетаем к довольно широкой реке. По цвету и расположению я точно знаю, что это — Грин-Ривер. Пилот говорит в микрофон:

— Не давайте ему молчать.

— Я все еще пью воду, — отвечаю я.

Мне с трудом верится, что желудок все еще вмещает жидкость или что я до сих пор ощущаю жажду. Включая то, что у

меня сейчас в руке, за прошедшие три часа я выпил уже почти десять литров воды.

— Не давайте ему потерять сознание, — предупреждает пилот офицеров.

Я уверен, что в обморок не упаду, поскольку боль не даст мне передышки, но я действительно хочу добраться до больницы как можно скорее.

— Далеко еще? — спрашиваю я, и мой голос звучит, как у ребенка, который посреди долгой семейной поездки ноет, что хочет в туалет.

— Отсюда двенадцать минут, — говорит пилот.

Минуту или две мы в полной тишине летим на север вдоль реки. Я делаю еще три глотка, бутылка пуста. Когда мы закладываем вираж направо, я вижу извилистую грунтовую дорогу, которая спускается со стены каньона к реке.

— Видите эту дорогу? — спрашиваю я.

Мужчина справа от меня смотрит в окно и кивает.

— Да, а что?

— Это начало Уайт-Рим, эту дорогу еще называют… э-э-э… Каменная Задница. Мы с друзьями проехали ее на велосипеде пару лет назад. Больше ста шестидесяти километров.

Похоже, до офицера медленно доходит, что я говорю. Кажется, он не может поверить, что я превращаю этот полет в осмотр достопримечательностей. Мы движемся на северо-восток и пролетаем над районом Каньонлендс, который называется «Остров в облаках». Я достаточно хорошо знаю эти места, чтобы оценить расстояние. Спрашиваю пилота:

— Мы будем пролетать мимо Монитора и Мерримака?

— Я не знаю, что это такое, — говорит пилот.

Офицер справа от меня спрашивает, что со мной случилось, и я пересказываю ему события недели. Извернувшись, достаю карту из левого кармана, показываю, где застрял. Объясняю про каменную пробку, как она сдвинулась, как я оказался в ловушке. Как дрожал пять ночей, как у меня закончилась вода и я пил собственную мочу, как наконец-то догадался отрезать себе руку. Рассказывая все это, я думаю о том, как вовремя оказался там вертолет, как раз в тот самый момент, когда мне это было нужно. Если б он прилетел на час позже, я бы умер в ожидании помощи. Или, если бы я догадался ампутировать себе руку два дня назад, когда сделал первый разрез, вертолета бы не было и я бы истек кровью, добираясь до пикапа, оставленного на берегу Грин-Ривер. Я был прав в воскресенье, когда сказал в камеру, что самостоятельная ампутация — это медленное самоубийство.

Минут через шесть после окончания рассказа я вижу в окно

два холма из песчаника. Под действием эрозии эти каменные формации стали походить на две подводные лодки, столкнувшиеся в бою.

— Смотрите, — говорю я. — Это они, Монитор и Мерримак. [94]

Я знаю, что мы подлетаем все ближе, но, когда я думаю, что город должен быть уже прямо перед нами, мы снова закладываем вираж направо.

— Сколько нам осталось?

— Меньше пяти минут. Мы перелетим через вон ту скалу и окажемся прямо в городе.

Я задаю давно мучающий меня вопрос:

— Как вы нашли мой пикап? Я же мог быть где угодно.

— Твоя мама позвонила нашему диспетчеру и заставила обыскать все стоянки.

Через четыре минуты вертолет с грохотом пролетает над острой скалой, оставляя позади Каньонлендс. За скалой открываются пышная долина, зеленые поля, густые леса и тысячи зданий. Мы пересекаем реку Колорадо и медленно снижаемся на подходе к центру Моаба, под нами ряд за рядом плывут дома и улицы, спортивные площадки, магазины, школы, стоянки и парки.

Мы делаем круг, и я вижу открытую зеленую лужайку, которая, очевидно, послужит нам посадочной площадкой. Вертолет мягко садится на дрожащую зеленую траву, и я замечаю, что здание справа от лужайки — это больница.

О господи. У меня получилось.

На асфальтовой дорожке справа от вертолета стоит мужчина в рейнджерской форме. Рядом с ним две женщины в белых халатах держат носилки на колесах. По сигналу пилота офицер справа от меня распахивает дверь вертолета и выпрыгивает из него, придерживая дверь, чтобы я мог выбраться вслед за ним. Я расстегиваю ремень безопасности, наушники сами слетают с моей головы, я выпрыгиваю на траву. Пригнувшись, делаю полдюжины длинных шагов под винтом, направляясь к асфальту. Я приближаюсь к человеку в форме, которого, кажется, не удивляет мой ужасный внешний вид. Не представляясь, сообщаю ему озабоченным голосом:

— Вы должны знать, что я потерял много крови, что мне пришлось ампутировать себе руку этим утром, потому что шесть дней я просидел в ловушке без пищи и воды, я наложил себе жгут. Он здесь, вокруг руки, под пакетом.

Кажется, впечатленный моей самостоятельностью, мужчина отвечает:

— Давайте доставим вас в здание. — И поворачивается к

женщинам, которые подставляют носилки.

Я сажусь на каталку, затем ложусь на спину и подтягиваю ноги. Счастье, которого мне так не хватало шесть дней. Я сразу же расслабляюсь. Если бы не пульсирующая боль в руке под турникетом, я бы уснул беспробудным сном на семь лет.

Медсестры вталкивают меня через автоматические двери аварийного входа в пустой приемный покой. Еще одна женщина везет какие-то материалы в отделение скорой помощи. Она смотрит на меня с удивлением, как если бы я поймал ее в компрометирующей ситуации. Ее потрясенный взгляд сменяется узнаванием, и я понимаю, почему никого нет ни у стойки администратора, ни в комнате ожидания. Это не главная столичная больница, где серьезно травмированные пациенты входят с улицы каждые несколько минут; это четверг в тихой провинциальной больнице в начале сезона. Эти три женщины, вероятно, составляют основную часть наличного персонала. Команда травматологов, скорее всего, приезжает по особому вызову; надеюсь, они не слишком далеко. Судя по всему, работники больницы поняли, что у них намечается пациент, лишь за несколько минут до того, как вертолет приземлился на лужайку перед входом. Одна из женщин просит рейнджера следовать за нами в отделение скорой помощи. Они везут меня в стерильную комнату и паркуют каталку рядом с операционным столом под большим круглым колпаком лампы в середине комнаты. Медсестра у изголовья спрашивает меня, смогу ли я самостоятельно перебраться на стол. Стол с левой стороны от меня. Я перелезаю на него, неподвижно держа правую руку у груди.

За исключением рейнджера, все остальные исчезают. Одна из женщин возвращается через минуту, чтобы сказать другим, которые принесли дополнительное оборудование, что «анестезиолог будет через пять минут». Медсестры снимают мою обувь, носок и кепку, накрывают меня халатом. Затем мужчина обращается ко мне:

— Арон, я — рейнджер Стив из службы парка. Я могу что-нибудь сделать для вас?

Это не тот вопрос, которого я ждал, но в первую очередь я думаю о маме.

— Вы можете дать знать моей маме, что я в порядке?

Размышления о том, как она, должно быть, была втянута в процесс поисков и чего это ей стоило, приводят к тому, что мой голос падает до дрожащего шепота.

— Да, у меня есть ее номер телефона. Я позвоню ей, как только мы закончим.

— Спасибо. — Я делаю паузу и, собравшись с мыслями, продолжаю: — Я оставил много барахла в каньоне. Веревки, CD-плеер, обвязку, много всего. Вы сможете послать туда кого-нибудь, чтобы прибрать это все?

— Конечно, мы сделаем это, — отвечает Стив.

— Кое-что находится там, где я застрял, что-то под дюльфером. Мой велосипед, — я останавливаюсь, лезу в карман под халатом, — стоит у можжевельника в ста метрах от восточной стороны дороги, полтора километра на юг от перевала Бёрр.

Я вытаскиваю сложенную карту и отдаю ее Стиву. Порывшись в кармане на молнии, достаю оттуда ключ от велосипедного замка. Тем временем Стив ориентируется по карте, испачканной пятнами крови.

— Вот, это ключи, — говорю я и протягиваю Стиву маленькое кольцо с двумя ключами. — Я защелкнул трос вокруг велосипеда, а не вокруг дерева, чтобы в том случае, если ключи потеряются, я все равно мог бы забрать велосипед, но легче будет вытащить велосипед на дорогу, если будет возможность крутить колеса.

— Вы можете показать, где ваш велосипед? — спрашивает Стив, держа карту передо мной.

— Да, конечно. — И я слегка перекатываюсь на бок, чтобы вытянуть левую руку. — Ой, нет, не могу; он за пределами карты. Но он точно там, где я сказал, это последнее дерево на целую милю вперед, полтора километра на юг от перевала Бёрр, это подъем дороги сразу за краем карты.

— Вы можете показать, где вы застряли?

— Ага, это единственная часть каньона, идущая с востока на запад прямо над дюльфером Большого сброса. Видите? — Я показываю на отметку, на которой написано: «Большой сброс, 472, короткая щель».

— Хорошо, что-нибудь еще?

— Если можно, присмотрите за моим рюкзаком, пожалуйста, это очень важно. Он в вертолете. И заберите мой пикап и прочее барахло. Спасибо.

Я встревожен, но полностью лишен сил, хочу закрыть глаза, но знаю, что спать нельзя. Затем в комнату входит женщина в белом халате и в маске, представляется анестезиологом, спрашивает, что случилось. Я пересказываю ей сокращенную версию, и она убегает в боковую дверь операционной, обещая, что сейчас вернется с лекарствами.

Стив говорит:

— Арон, мне нужно, чтобы вы рассказали как можно больше. Насколько велик был булыжник?

— Думаю, он весил килограммов сто. Я немного пошевелил

его сразу после того, как он упал на меня, но не смог поднять с помощью снаряжения, поэтому, думаю, он должен был весить не меньше центнера.

— И когда он упал на вас?

— Это произошло примерно в два сорок пять в субботу днем.

— Как это случилось?

— Я расшатал его. Он застрял там, это была каменная пробка — а я наступил на него, затем полез с него вниз и потянул его. Он подпрыгнул туда-сюда, задел мою левую руку, затем упал на правую. Я пытался оттолкнуть его, и тут руку зажало.

Я ошарашен тем, что рассказываю эту историю. Что вообще лежу на этом столе, притом что пережил шесть дней обезвоживания и гипотермии, пережил ампутацию руки, спуск дюльфером, одиннадцатикилометровое путешествие по пустыне. И еще этот вертолет. Просто чудо.

Стив не успевает спросить меня больше ни о чем: возвращается анестезиолог. На этот раз она несет с собой заряженный шприц и иголку такого размера, словно ею можно привить лошадь. Я понимаю, что она собирается сделать, и останавливаю ее твердым голосом:

— Стоп, стоп, мне нужно вам кое-что сказать. Иногда у меня бывают реакции на иглы. Я падаю в обморок от уколов, однажды упал со стула после анализа крови. Мой врач просил меня всегда предупреждать людей перед уколами. В таком состоянии, как сейчас, я не знаю, что может со мной случиться. У меня может быть шок.

Врач замирает на первых моих словах и слушает то, что я ей говорю, с одеревеневшим взглядом. Все, что я вижу, это ее широко открытые глаза, которые с недоверием смотрят на меня:

— Вы считаете, что сейчас у вас *нет шока?*

— Я не знаю, клинически, возможно, да, но…

Она обрывает мои колебания прямым вопросом:

— У меня наготове морфий. Вы хотите его или нет?

— О да, черт возьми! — восклицаю я. — Делайте укол. Только держите меня на столе, если я начну валиться с него, хорошо?

Я смотрю на рейнджера Стива, а врач вводит иглу. Мягкое жжение разливается по руке, когда наркотик входит в вену, но я не теряю сознания. Мы со Стивом возобновляем беседу, и я описываю предполагавшийся маршрут от начала тропы каньона Хорсшу вниз по дороге в Мейз-Дистрикт, через каньон Блю-Джон, через Большой сброс и назад к моему пикапу через каньон Хорсшу. Говоря о размерах той части щели, где я застрял, еще раз описываю размер валуна и объясняю Стиву, что я застрял в

положении стоя, но приспособил якорь таким образом, что мог снять нагрузку с ног. Я рассказываю об этих шести днях так подробно, как могу, прежде чем усну от морфия. Рассказываю, когда именно у меня закончилась вода, когда иссяк запас пищи и когда я понял, как сломать кости руки и ампутировать ее. Затем я слышу новый голос, мужской баритон, спрашивающий, чем у меня обмотано предплечье. Я чувствую, что кто-то тянет за перевязь, сделанную из кэмелбэка, и слышу, как Стив отвечает:

— Там один или два жгута. Остальное подложка.

Мир проваливается в туннель, мне удается нечленораздельно произнести:

— Тока один, на прплечье…

И марафон из 127 часов непрерывной бессонницы заканчивается в три сорок пять пополудни, в четверг, 1 мая 2003 года.

Рейнджер Стив Сванке берет мою карту и заметки, сделанные во время нашей беседы, и идет в приемный покой. Придя в себя после сюрреалистической двадцатиминутной беседы со мной, первым делом он снимает с пояса служебный сотовый телефон и звонит моей маме. Она отвечает после второго гудка:

— Алло, Донна слушает. — Ее голос звучит увереннее, в нем больше надежды, чем в первый раз, когда она ответила на звонок Стива этими же словами.

— Донна, привет. Это снова рейнджер Стив. У меня есть новости, и хорошие, и плохие. Мы нашли вашего сына; он жив, и он будет жить.

Стив делает паузу и затем выдает более трудную половину:

— Он был вынужден ампутировать себе руку, чтобы выбраться из ловушки, в которую угодил. Сейчас он находится в Моабе, но я уверен, что вскоре его переправят в Гранд-Джанкшн.

Моя мама тяжело выдыхает, как будто сдерживала дыхание в течение двух последних дней:

— Слава Богу.

Она немедленно чувствует, как с ее плеч сваливается огромный груз. Ее молитвы услышаны. Сын жив, и он поправится. Все еще с телефоном в руках она поворачивается к Сью Досс, которая сидит за кухонным столом:

— Сью, они нашли его! Он поправится!

Никогда в своей жизни она не радовалась так, как в этот момент. Для моей мамы даже плохие новости — благословение, ведь они могли бы быть гораздо хуже. Она собирается с мыслями и обрушивает на Стива поток слов:

— О, спасибо, спасибо вам! Спасибо, что вернули его. Мы

немедленно выезжаем.

— Чем еще я могу вам помочь?

— Пожалуйста, сообщите, если узнаете что-то новое.

— Разумеется. Больше ничего?

Вторая просьба формируется в ее сознании медленно, и мама проговаривает ее:

— Возможно, вам придется заполнять официальный отчет или говорить об Ароне с журналистами. Пожалуйста, не судите его строго.

Еще несколько минут Стив просматривает записи и осмысливает факты, изучает причины и сопутствующие факторы. Он и сам опытный турист и вспоминает множество случаев, когда в одиночку уходил в горы или на каяке. «О чем речь вообще? Я тоже хожу один и занимаюсь рискованными вещами, не всегда говоря жене, куда пошел. В Каньонлендс это происходит сплошь и рядом. Люди ездят туда сами по себе, и никто не знает, где они». Он водит пальцем по карте. По моему веб-сайту он знает, что у меня большой опыт хождения в каньоны и что каньон Блю-Джон совсем не сложный. Стив привык к тому, что серьезность несчастного случая пропорциональна рельефу: экстремальные обстоятельства в экстремальных условиях. Но этот случай выглядит катастрофой на фоне предельно простой топографии. «Да, это каньон категории 5.1. Проще не бывает. Я все время двигаю камни, лазая по каньонам, это я могу понять. Мы осторожно ведем себя в этих каньонах, обращаемся с ними как с хрустальными. Все каньонеры делают так. Мы всегда думаем о каждом камне: „Может ли он упасть?“ или: „Вон тот бульник сейчас свалится“».

Сквозь стеклянную дверь операционной Стив видит, как медсестры и врач суетятся вокруг моего бессознательного тела. Он думает о том, чем отличаются друг от друга тысячи решений, принимаемых в каждом походе. «Обычно мы делаем все правильно, а иногда мы ошибаемся, — размышляет он, — и обычно, когда мы ошибаемся, последствия несущественны. И лишь иногда эти последствия оказываются серьезными, — заключает он. — Человек оказался не в то время и не в том месте, крайний случай невезения. Не повезло».

Поговорив с капитаном Кайлом Эккером, моя подруга Рейчел Палвер звонит Элиоту, и ее голос звенит от волнения:

— Они нашли Арона! Ты сидишь?

— Да, конечно, — врет Элиот, вышагивая по гостиной дома на Спрюс-стрит.

— Он жив, но… отрезал себе руку.

Мышцы Элиота застывают, он торчит истуканом посреди комнаты. Все, что он может сказать, это:

— Ёлы-палы, лучше бы я сидел.

Сразу после приземления пилот Терри Мерсер вызывает автоцистерну из поисково-спасательной группы округа Гранд. Вертолет ПСС в районе Моаба летает на достаточное количество вызовов, чтобы у местной команды спасателей был запас горючего в малом танкере. Один из руководителей группы спасателей, Бего Герхарт, ведет заправщик в больницу, поскольку у Терри не хватает топлива, чтобы взлететь и добраться до аэропорта всего в шестнадцати километрах к северу от города. Когда вертолет заправляется, рейнджер Стив просит детектива Фанка и сержанта Ветере забрать из больницы сумку-холодильник и наполнить ее льдом. Врач скорой помощи доктор Бобби Хиггинс хочет знать, нельзя ли спасти мою руку, а потом, может, и приживить. Следующее задание Грега и Митча — вернуться в каньон Блю-Джон, найти место, где я застрял, и забрать оттуда мою отрубленную правую руку. Митч не хочет лететь ни минуты дольше, чем нужно, чтобы вернуться в машину, оставленную в начале тропы, поэтому Терри кричит Бего, который привел автоцистерну:

— Эй, не хочешь прокатиться?

Бего готов к поездке и присоединяется к Грегу на заднем сиденье вертолета для пятнадцатиминутного полета обратно к каньону Хорсшу. Терри высаживает Митча в начале тропы в четыре тридцать пополудни, а затем Терри, Грег и Бего отправляются на поиски щели. У них есть карта, которую я дал Стиву, Бего знает эту область, и им удается приземлиться точно на холмик из песчаника над скрытой щелью. Оказавшись в каньоне, Терри чувствует себя не в своей тарелке, но Бего, у которого больше опыта хождения по каньонам, тренирует его по ходу дела. Они считают, что для подъема булыжника с моей руки понадобятся все трое. Они лезут вниз мимо сброса у входа, бегом преодолевают ряд каменных пробок, протискиваются через извилистую узкую часть и через пять минут подходят к сооружению из веревки и стропы, свисающему с каменного зуба. Похоже, то самое место.

Спустившись вниз с края сброса, троица легко определяет, что они не смогут сдвинуть каменную пробку без серьезной техники. Валун не лежит на земле, как они представляли себе сначала, а заклинен между стенами. По оценкам спасателей, вес пробки ближе к полутонне, чем к описанным мною ста килограммам. В настоящий момент разлагающиеся останки моей

давно уже мертвой руки забрать отсюда невозможно. После того как Грег делает несколько фотографий в качестве доказательства, они собирают желтую стропу, желто-зеленую веревку и другие следы моего шестидневного пребывания в этой дыре и карабкаются назад, вверх по трещине, к вертолету. Внизу, за их спинами, остаются свежие пятна крови на стене каньона, там, где моя рука раздавлена упавшей каменной пробкой.

После бессчетных часов без сознания я прихожу в себя. Я лежу в темной больничной палате, сквозь прозрачные занавески на окне слева от меня светит лампа дневного света с сестринского поста. Мой взгляд затуманен, но я вижу, что один. Перед тем как снова потерять сознание, я успеваю подумать одну-единственную мысль: «Я *жив*».

Через некоторое время я снова просыпаюсь. Медсестра заходит ко мне в комнату и бодрым голосом говорит:

— Мне послышался какой-то шорох.

— Я жив, — выпаливаю я.

Я знаю, что жив, потому что у меня все болит. У меня болит правая рука, ноги болят, левая кисть болит; фактически на моем теле трудно найти участок, который бы не болел.

— Да, вы живы. Ваша мама будет счастлива узнать об этом, когда вернется.

— Мама? — говорю я, и мой голос тонок и слаб, чуть громче шепота.

С этим словом из меня исходит поток любви, который проливается насквозь, переполняя затуманенный наркозом мозг и выпуская на свободу бурные рыдания.

Мамочка.

Мне больно плакать, но я не могу остановиться. Когда слезы отступают, я вижу часы на стене, но не могу разглядеть время. Кто-то вынул мои контактные линзы. Я прищуриваюсь и различаю обе стрелки часов, они указывают куда-то налево вниз. То ли семь тридцать с чем-то, то ли восемь тридцать с чем-то. Всего четыре часа с тех пор, как меня спасли. До Моаба из Денвера ехать по крайней мере часов семь. Несмотря на успокоительные лекарства, голова соображает достаточно хорошо, чтобы видеть математическую оплошность.

— Она вернется. Она была тут всю прошлую ночь после вашей операции. Наверное, она ушла позавтракать и будет через полчаса или около того.

Прошлой ночью? Завтрак? Я надолго задумываюсь над этими понятиями, озадаченный и усталый. Должно быть, сейчас утро.

— Какой сегодня день?

— Сейчас утро пятницы, — объясняет медсестра.

Она заканчивает свои дела, двигаясь точными движениями рядом с моей кроватью.

— А, — говорю я, но это звучит как тихий стон.

Я озадачен тем, что не могу связать вместе какие-либо события с тех пор, как потерял сознание на столе в операционной. Кажется, что я просто моргнул, и тут же очутился в другой комнате. От Денвера до Моаба далеко. Может, мама летела сюда?

— А как она добралась так быстро? — удается мне выдавить из пересохшего горла.

— Откуда приехала?

— Из Денвера.

— Сюда ехать всего четыре с половиной или пять часов.

— Пять часов? Этого не может быть. Пять часов до Моаба?

— А! Так вы, мой дорогой, не в Моабе, вы в Гранд-Джанкшн. Вас перевезли сюда прошлой ночью.

— О господи, — бормочу я, стараясь сориентироваться.

Я не помню этого перелета, только тот удивительный бросок на вертолете. Но Гранд-Джанкшн — это да, это я понял. Я в Колорадо.

Я обездвижен от истощения, что, в общем, неплохо, с учетом того, что меня окружает полный осьминожий набор трубочек, изолированных проводов и прочих неестественных щупалец, они тянутся по простыне к разным частям моих рук и головы. Предпринять дальнейшие исследования окружающего мира я не успеваю и снова теряю сознание.

Когда я прихожу в себя в следующий раз, около меня сидит Сью Досс. При ее виде я испытываю радость и чувство уюта. Сью говорит — со своим техасским выговором:

— Твоя мама снаружи, — и выходит за дверь, чтобы позвать маму.

Мама входит в палату интенсивной терапии. В резком свете дневных ламп, встроенных в потолок, она озарена сиянием. Я не могу различить ее лица, но вижу, как она делает два шага, чтобы встать около меня с левой стороны. Поднимаю левую руку, и она сжимает ее обеими ладонями. У нее прохладные, мягкие и немного дрожащие ладони. Она наклоняется и целует меня в лоб. Вблизи я вижу, сколько беспокойства причинил своей матери, и, хотя едва в состоянии говорить, я выдавливаю из себя:

— Мама, прости, что напугал тебя. Я тебя люблю.

Она качает головой, и в ту же секунду мы оба начинаем

плакать.

Несколько минут спустя, когда хлюпанье носом стихает и способность говорить восстанавливается, мама говорит мне:

— Мы со Сью шутили, что если тебя задержала не сломанная нога, то, когда мы доберемся до тебя, сломаем обе.

Мы оба издаем неуверенный смешок и улыбаемся друг другу. Любовь проходит между нами, достигая той части души, которая может быть затронута только воссоединением сына с матерью, матери с сыном. Я знаю, чего мы оба хотим: чтобы как можно дольше мы друг друга не покидали.

ЭПИЛОГ
Прощай, оружие, прощай, рука!

Люби ту жизнь, которую живешь, и проживай ту жизнь, какую любишь.

Jerry Garcia Band, «(I'm a) Roadrunner»

Дни и недели после моего спасения были, скажем прямо, из ряда вон. Еще до того, как отец приехал в Гранд-Джанкшн, моя история попала в газетные заголовки по всему миру. Я потерял в каньоне двадцать килограммов и полтора литра крови. Впереди меня ожидало долгое восстановление, за ходом которого я мог следить по бегущей строке новостей Си-эн-эн: «Скалолаз из Колорадо, который ампутировал себе руку, находится в критическом состоянии». После трех операций, перенесенных за пять дней, и рекордного количества больничных оладушек, съеденных когда-либо в отделении интенсивной терапии больницы Святой Марии, количество цветов, которые мне присылали, переросло палату интенсивной терапии, и нам пришлось переехать этажом выше. Здесь, в те редкие минуты, когда я приходил в сознание, отец читал мне кучу писем, приходящих и от моих друзей, и от незнакомых людей, и буквально из-за соседнего угла, и со всех концов мира. Одна женщина из Солт-Лейк-Сити прислала мне открытку, в которой сообщила, что смыла в унитаз все запасы снотворного ее умершего мужа. Она писала: «Ваше мужество показало мне пример того, как нужно держаться. Я пообещала себе, что покончу с жизнью, если через год после смерти моего мужа дела не пойдут на лад. Теперь я знаю, что самоубийство — это не ответ. Вы вдохновили меня на то, чтобы оставаться сильной и храброй, чтобы бороться за жизнь». Мы с родителями плакали каждый раз, когда читали это письмо; в трудные времена это было напоминанием о том эффекте расходящихся кругов, который произвели на людей мое спасение и выздоровление.

Всю ту неделю родители от меня почти не отходили. Благодаря их любви, поддержке тысяч тех, кто молился за меня, благодаря тайным визитам многих друзей, которым удавалось ко мне пробраться, и отличной работе докторов и медсестер больницы Святой Марии, я понемногу набрал сил настолько,

чтобы в среду, 7 мая в первый раз с момента моего несчастного случая выйти на улицу. Рекреационный терапевт из больницы хотел погулять со мной и отцом в парке через дорогу, но целая армия журналистов и фотографов караулила нас у дверей госпиталя по двадцать четыре часа в сутки. Поэтому мы наслаждались потрясающим видом зелени Гранд-Джанкшн и обрывами каньонов, сидя на складных стульях на крыше больницы. В эти полчаса воздух и краски пейзажа были особенно нежными; мы обменивались историями о путешествиях и мнениями по поводу бейсбола. Теперь это одно из моих любимых воспоминаний, связанных с отцом.

В тот же день я получил по почте посылку: подарок от моего друга Криса Ши из Портленда. Открыв коробку и развернув упаковку из фольги, я обнаружил внутри шоколадный пирог с толстым слоем сахарной глазури — в форме моей правой руки. Когда несколько моих друзей из Аспена приехали повидать меня в тот вечер, привезя с собой стопку компакт-дисков, чтобы я мог слушать, пока лежу, мама разрезала пирог и подала нам его с молоком из больничной столовой. В этот момент мне было странно и смешно смотреть, как мои друзья улыбаются и смеются. Мы шутили тогда: «Возьми вот, съешь; в память о моей руке». Мы назвали эту встречу «Последний десерт».

В четверг я впервые за неделю надел свою собственную одежду и по такому случаю одолжил у мамы фотоаппарат. Нашпигованный тремя видами лучших наркотиков, я поехал вместе с родителями на больничной машине в другое здание, находившееся в половине квартала от моего, и зашел в комнату, в которой было пять дюжин репортеров и в два раза больше съемочных групп и фотографов. Я не смог удержаться — мне нужно было сделать пару снимков. Вот так меня встретил мир, и думаю, многие первые впечатления были сделаны во время этой двадцатиминутной пресс-конференции. В свое оправдание могу сказать одно: я был настолько под кайфом, что летел выше воздушного змея, унесенного ураганом. Когда репортер попросил меня назвать три вещи, которых мне больше всего не хватает, я сказал: «Поехать домой с родителями, погулять с друзьями и глотнуть соленой и прохладной „Маргариты“ из высокого стакана», и это было правдой. Не знаю, сколько раз я думал про «Маргариту», когда сидел в ловушке, — возможно, не так много, как о моей семье и друзьях, но много.

Сразу после пресс-конференции я поговорил с моим другом-фотографом Дэном Байером, который приехал в Гранд-Джанкшн сделать фотографии для «Аспен таймс». Несколькими днями раньше он поехал в каньон Хорсшу и прошел семь миль до

дюльфера Большого сброса. По пути он нашел мою обвязку и спусковуху там, где я их оставил, и вернул мне. Он сказал, что видел лужу у подножия дюльфера, ту, из которой я пил, и спросил:

— А ты заметил, что там плавает дохлый ворон?

Когда я отделался от самых сильных наркотиков, меня выпустили из больницы Святой Марии. Мы с родителями поехали домой в Денвер, куда уже прилетели мои друзья из шести штатов, чтобы устроить мне неожиданный прием. За одни выходные я выполнил два из трех пунктов моего списка «чего бы я хотел». Осталось только избавиться от восемнадцати таблеток, которые я принимал каждый день, чтобы наконец-то насладиться большой «Маргаритой».

К 15 мая меня снова положили в больницу, на этот раз в Денвере, в Пресвитерианский госпиталь Святого Луки. Двумя днями ранее врачи обнаружили потенциально смертельную инфекцию кости в правой руке — все тот же грязный нож, что спас, теперь убивал меня. После еще одной операции меня посадили на самые сильные из доступных внутривенных антибиотиков (все время иглы), а затем — анализы крови, батарея за батареей (снова иглы), дабы убедиться, что лекарства побеждают инфекцию. На следующий день, в пятницу, должен был быть выпускной моей сестры, она заканчивала Техасский технологический университет. Впереди были анализы и еще одна операция. Мы с родителями плакали вместе: стало очевидно, что я не поеду в Техас и не увижу, как Соня получает диплом. Затем, всего за двадцать часов до церемонии в Лаббоке, врачи и медсестры придумали план, позволяющий мне уехать из больницы на три дня. Получив витиеватые инструкции относительно того, как самостоятельно вводить внутривенные антибиотики, мы с родителями поспешно отправились в десятичасовой ночной бросок до Лаббока, штат Техас. Пока мой папа гнал машину по двухполосным шоссе техасского «полуострова» на скорости больше ста километров в час, мама с заднего сиденья управляла моими капельницами, вешая пакеты на крючок для одежды над боковым окном. К тому времени, как мы приехали в Лаббок, машина выглядела как полевой передвижной госпиталь, замусоренная использованными расходниками и рваными обертками, но мы успели как раз к банкету по поводу вручения наград, где Соню объявили лучшим студентом-технологом года в Техасе. Как только все празднества на выходных были закончены, мы с родителями помогли сестре собрать вещи, а затем, по семейной традиции, сели с моей

бабушкой Ральстон за стол сыграть несколько раундов в юкер.[95] Как в старые добрые времена.

Вернувшись в Денвер, я перенес последнюю операцию, и она была интересной. Мне была нужна ангиограмма,[96] и это вовсе не послание, доставленное лично в руки поющим херувимом, а медицинская процедура, которая началась со странно улыбающейся медсестры. Она сбрила правую половину моих лобковых волос, затем вставила катетер в бедренную артерию, пока тот не дошел до груди. Через катетер медсестры ввели чувствительный к рентгену краситель в мой кровоток, после чего я мог наблюдать вены своей правой руки на экране телевизора. Это был только подготовительный раунд. Когда результаты ангиограммы были готовы, пластический хирург понял, за которую из трех втянутых артерий ему браться. Мой жгут повредил одну из них, но остальные были в хорошем состоянии. Это было важно, потому что позже хирург пересадил сегмент мускула длиной четыре дюйма с внутренней стороны левого бедра на конец моего обрубка, и, выудив артерии из руки, соединил их с пластом сырого мяса, пришитого к предплечью. В качестве последнего штриха хирург вырезал прямоугольник кожи на правом бедре и залатал всю мою культю. Это была небольшая десятичасовая операция, которую я по телевизору не посмотрел. (Ее заменили войной в Ираке.)

Когда отошел наркоз, потянулись часы, оказавшиеся худшим периодом моего выздоровления. В ту ночь я дошел до ручки. Семь трубок входили и выходили из меня, и появилось три новых источника боли — от донорских участков и от левой пятки (давление веса моей ноги во время операции пережало какой-то нерв); я не мог уснуть, мне не разрешали ни есть, ни пить, поэтому я постоянно жаловался. Как могло так получиться, что я отрезал себе руку, ни разу не хныкнув, а теперь все, что я мог делать, — это распускать нюни? Медсестры повышали мне дозу наркотиков час за часом, но боль не стихала. В конце концов я не мог связать трех слов в одно предложение; я хотел попросить у родителей прощения за все это нытье, но мои попытки говорить ни к чему не приводили. Мама сидела рядом все это время, шесть часов до рассвета, не сомкнув глаз, и пыталась успокоить меня, но я страдал постоянно, несмотря на наркотики. Утром, когда свет проник сквозь шторы, ее лицо осветилось святым заревом, и я плакал от ее красоты, пока наконец не потерял сознание.

К 25 мая я провел в больнице семнадцать дней, но в конце концов выписался. Меня починили, я набрал почти весь потерянный вес, и заражение в кости проходило. Однако,

поскольку мне нужно было ставить капельницы с антибиотиками каждые восемь часов, приходилось ложиться и на полчаса подсоединяться к мешку с раствором. Так продолжалось шесть недель. Даже когда это означало, что нужно вставать ночью, мама с папой всегда были рядом, дабы убедиться, что я принимаю лекарство вовремя. Все, что мне нужно было делать, это сидеть спокойно, но я ненавидел капельницы и слабость, которая от них появлялась, и поэтому редко упускал возможность поныть.

Выздоровление давалось мне тяжело. Не только эти капельницы — все, вместе взятое. Я непрерывно страдал и от фантомной, и от реальной боли, даже на наркотиках. Пока меня накачивали лекарствами, я никогда нормально не отдыхал. Обычно я всю ночь лежал в кровати в полукоматозном состоянии — и не бодрствовал, и не спал. Наркотическое оцепенение не позволяет сознанию перезагружаться в штатном режиме. С каждой новой дозой я рефлекторно отрубался — во врачебном кабинете, между сеансами трудотерапии и физиотерапии, на скамеечке в тренажерном зале клиники, в машине, когда мама везла меня домой. Когда я оживал, это было благодаря тому, что действие наркотиков проходило, и тогда начинались мучения. В итоге я превратился в такого эгоистичного и ворчливого хама, что меня самого от себя тошнило.

Мое пребывание дома было непростым для всех нас. Хотя мы все были благодарны Господу за то, что не лишились друг друга, и радовались оттого, что мы вместе и одна семья, нагрузка взяла свое. У каждого из родителей были свои дела, кроме заботы обо мне. Добавьте к этому мои встречи с врачами, наркотики, вопросы со страховкой. А в довершение ко всему — внимание СМИ и общественности. Нам пришлось снять трубку телефона с рычагов почти на два месяца, мы звонили местным властям, чтобы они приструнили телевизионщиков, которые вели наблюдение за нашим домом. Нервы у нас были вконец измотаны.

В первые четыре недели я зависел от родителей, как ребенок, начинающий ходить. Мне быстро надоели все усилия, связанные с моей новой жизнью, в которой отдых, выздоровление и реабилитация заняли место лыж, альпинизма и концертов. Все дела требовали времени; одно посещение клиники, со всей подготовкой, отнимало у нас с мамой целое утро. А встречи назначались мне сотнями, и все должны были быть согласованы с графиком приема лекарств. Не для того я выкарабкивался из каньона Блю-Джон, чтобы провести свою жизнь в дурмане абсолютного одиночества, напичканного страданиями. Однако именно в это превратились мои дни.

Испытания в каньоне были опасными, но прямолинейными. Как только я выбрался, испытания стали более разнообразными, и первое время я не чувствовал в себе готовности адаптироваться к новым обстоятельствам. Я хотел получить назад свою прежнюю жизнь, но это означало, что я должен как-то справиться с болезнью, с разочарованием и заставить себя что-то активно делать. Избавиться от препаратов — вот что было моей первой целью. В июне, когда большая часть болей от операций уже прошла, я стал постепенно отказываться от анальгетиков. Наконец-то я мог наслаждаться некоторыми признаками свободы — водил пикап, гулял с друзьями, пил большую «Маргариту». Я все больше и больше возвращался к своей самостоятельности и снова «рос» в процессе, похожем на второй пубертат. Мама не хотела меня никуда отпускать, и я не мог ее винить в этом, но мне нужно было получить назад свою независимость, ради нас обоих.

Когда я слез с наркотиков, дело пошло на лад. Я научился завязывать шнурки и даже галстук одной рукой. Я быстро совершенствовался, я натренировался писать левой рукой — печатными и курсивом (до несчастного случая я был правшой). Я начал печатать на ноутбуке пятью пальцами. Мой трудотерапевт заказал мне качающийся нож, и я смог резать мясо. Благодаря разным приспособлениям или новым методам я вновь научился делать почти все, что мне было нужно. Я понял, как заводить часы и застегивать эту хитрую пуговицу на левом манжете рубашки зубами. Однако все еще были дела, в которых мне нужна была помощь. Иногда я был слишком независим для того, чтобы просить о помощи. Иногда, несмотря на то что мне предлагали помощь из лучших побуждений, я хотел разобраться в проблеме самостоятельно. Однажды на кухне я заметил, как моя сестра борется со сложными чувствами, видя, как я пытаюсь почистить апельсин.

— Тебе не нужна?.. — Она не договорила.

— Свободная рука, ты хочешь сказать? — закончил я за нее. — Конечно нужна, глупая; у меня же теперь только одна рука.

Я улыбнулся Соне, и она покраснела. Я достал свой качающийся нож и разрезал нечищеный апельсин на восемь частей, так же как я делал во времена Младшей лиги по футболу. Я незаметно вставил дольку в рот, чтобы корка закрыла мои зубы, и стал прыгать вокруг, изображая гориллу. В тот момент, когда сестра уже решила, что я абсолютно лишился рассудка, я продемонстрировал ей свою идиотскую ухмылку, обнажив

апельсиновую корку. Соня поперхнулась от смеха, вода попала в нос и вылетела в стакан, все лицо было мокрым. Это стало нашей коронной шуткой — спрашивать, не нужна ли мне свободная рука, даже если я ничего не делал.

Из-за моего упоминания «Маргариты» на пресс-конференции люди присылали мне различные подарки, как-то с этим связанные: двадцатидолларовые банкноты с желтой наклейкой «На „Маргариту“», подарочные сертификаты в мексиканские рестораны, где делают правильные коктейли. Даже бутылки текилы. Периодически я получал большие посылки, в которых обнаруживались ингредиенты для «Маргариты». Однажды я открыл одну из таких коробок, и ее содержимое буквально вогнало меня в ступор. Я позвал сестру. Помимо бутылок текилы, ликера из апельсиновых корок и смеси «Маргарита», там был аккумуляторный блендер фирмы «Блэк энд Декер». Деваться некуда! Мы с сестрой стали легкомысленно воображать наши возможности — как мы поднимемся на высокую гору, взяв с собой портативный блендер, и будем делать «Маргариту» прямо из снега. Круто, не правда ли? Я крикнул: «Дай пять» — и поднял вверх руки, глядя на сестру. Она тоже подняла вверх руки, готовые уже соприкоснуться с моими, и в самую последнюю секунду, когда мы оба осознали проблему, хлопнула по моей пятерне всеми десятью пальцами.

— Ха-ха! Да ты совсем забыла! — дразнил я ее.

— Нет, ты тоже поднял обе, ты тоже забыл.

Должен сказать, она была права. Мы до сих пор смеемся над этим «дай пять».

Остальные яркие моменты следующих нескольких месяцев совершенно невероятны, даже не могу поверить, что это произошло со мной. Четверо моих друзей и я были приглашены в Денвер на ужин с нашим рок-кумиром Трей Анастасио и восемью ребятами из его группы перед их июньским выступлением в концертном зале Филмор. Еще одна моя любимая группа, *The String Cheese Incident,* провела большую благотворительную акцию с продажей плакатов для сбора средств на лечение пострадавшего Арона. Под моим именем прошел июльский концерт в Санта-Фе, Нью-Мексико. Этот концерт собрал семнадцать тысяч долларов в пользу пяти волонтерских поисково-спасательных групп из Юты, Колорадо и Нью-Мексико, которые помогали меня искать. Кристи и Меган, две девушки из Моаба, которых я встретил в каньоне Блю-Джон, тоже пришли на концерт, как и мои родители с сестрой, и просто умопомрачительное количество моих друзей.

Свое возвращение в горы я начал с визита на лавиноопасный

участок горы Резолюшн. Там мы нашли вещи, которые мы с Чедвиком и Марком потеряли в феврале в лавине пятой категории. Нашелся даже мой цифровой фотоаппарат «Сони», который сразу же после замены батареек начал работать — несмотря на удар лавины и тот факт, что камера протаяла через трехметровый снежный покров, лежала под дождем и солнцем, ее грызли сурки. Она до сих пор делает отличные фотографии. (Молодцы, «Сони».)

В июле я пошел на шоу Дэвида Леттермана, встретил несколько очень известных радио- и тележурналистов, вместе с друзьями посмотрел пять концертов в западных штатах. Совершил восхождение с новым протезом в каньоне Кэстлвуд рядом с Денвером, а также взошел на пять четырнадцатитысячников за тридцать часов в Центральном Колорадо. В августе я занимался скальными восхождениями в каньоне Эль-Дорадо недалеко от Боулдера в связке с моим другом и товарищем по несчастью Малькольмом Дели — у него тоже была ампутирована рука. Кроме того, я шел вслед за моим другом, Ричем Хэфеле, к первому финишу экстремального марафона «Лидвилл трайал 100». Вдобавок в августе я пережил два плотных экстремальных дня фотосессий для журналов *GQ,* выпуск «Мужчина года», и «Вэнити фейр», выпуск «Люди года — 2003».

На свадьбе моей сестры 31 августа я читал речь о том, как любовь похожа на танец. Когда Соня говорила «да» своему мужу, Заку Элдеру, она была невероятно красива — я никогда ее такой не видел. Во время приема мы с Соней танцевали друг с другом под ее любимую песню *The String Cheese Incident,* «Восхождение», смеялись и улыбались, потому что вели себя как фрики прямо на глазах у наших родственников.

Через четыре дня после свадьбы я пролез стандартный маршрут на гору Моран в Вайоминге, с командой из восьми моих друзей. Особенно приятно мне было на наиболее трудных участках маршрута использовать единственное в мире протезное устройство, которое я разрабатывал с помощью трех удивительно щедрых компаний: Hanger Prosthetics, Therapeutic Recreation Systems и Trango (снаряжение для восхождений). Через две недели в Дулуте, штат Миннесота, я участвовал в приключенческой гонке в команде из трех человек. Мы финишировали в общей толпе после двенадцати миль морского каякинга, четырех миль спуска по порогам на каноэ и двадцати километров бега по тропам.

В сентябре мы с мамой смотрели видео, которое я снял в каньоне. Мы оба плакали — маме было тяжело видеть на пленке,

как я страдаю, но это заставило нас еще раз испытать благодарность за то, что мы все еще есть друг у друга. Мы сидели на диване, держась за руки, и снова и снова повторяли друг другу: «Я тебя люблю».

А затем было возвращение в каньон Блю-Джон. Я взял с собой четверых друзей — Марка ван Экхута, Джейсона Хэлладея, Стива Пэтчетта и Кристи Мур. С нами шла также целая команда из телекомпании Эн-би-си. Мы прошли через щель, где я торчал в капкане с субботы, 26 апреля, по четверг, 1 мая 2003 года. Это было одним из странных жизненных синхронов: я стоял на вершине того валуна, который ровно шестью месяцами раньше обрушился на мою руку, и время совпало до минуты. Когда все оставили меня одного, я провел церемонию — развеял пепел сожженной руки в том месте, где произошел несчастный случай, и за два дня до своего двадцать восьмого дня рожденья стер с южной стены все видимые остатки надписи «RIP ОКТ 75 АРОН АПР 03». Позже тем же вечером, вернувшись на вертолетную стоянку, я уронил пластиковый стаканчик с вином на туфлю Тома Брокау.[97]

В течение всего лета мы с сестрой постоянно шутили по поводу моего нового статуса пирата, выкрикивая хором «ррр» и «я — пиррррат». Представьте себе, как мы веселились, когда обнаружилось, что 19 сентября 2003 года официально признано Международным пиратским днем. Через месяц я приехал в Аспен на Хеллоуин в костюме капитана Крюка и был в восторге, когда столкнулся с приятелем-альпинистом, одевшимся под «Арона Ральстона после самоампутации».

Осенью и зимой я снова занялся горным велосипедом, скалолазанием, ледолазанием, бэккантри-телемаркингом,[98] лыжными походами и одиночными зимними восхождениями. Я залез на Вильсон и на пик Эль-Дьенте 17 и 18 марта 2004 года — официально это был еще зимний сезон. Это были первые после несчастного случая восхождения на четырнадцатитысячники — зимой и в одиночку. Теперь на моем счету их стало сорок семь из пятидесяти девяти. В следующие два сезона я планирую завершить проект и стать первым человеком, который в одиночку покорил все пятьдесят девять вершин Колорадо выше четырнадцати тысяч футов зимой. К концу сезона я делал почти то же самое, что до несчастного случая, а иногда лучше своего прежнего уровня. Вместе с другом и соседом по комнате Элиотом Ларсоном мы участвовали в Большом траверсе хребта Элк — в лыжных гонках от Крестед-Батт до Аспена, и сделали это на шесть часов быстрее, чем мы с Гарретом Робертсом в 2003 году, когда у

меня были обе руки. На следующий год я подумываю отрезать себе левую руку и посмотреть, насколько быстрее я стану.

После всего, что произошло, после всех подаренных мне возможностей, после новых горизонтов, которые продолжают открываться передо мной, я чувствую себя очень счастливым человеком. Я был частью чуда, которое коснулось многих в мире, и не променяю его ни на что, даже обратно на руку. Моя травма и спасение из каньона Блю-Джон стали самым прекрасным духовным опытом в моей жизни. Если бы я перенесся назад во времени, зная все это, я бы все равно сказал Меган и Кристи «увидимся позже» и отправился в одиночку в эту узкую трещину. Я многому научился и ни капли не сожалею об этом выборе. Напротив, он подкрепил мою веру в то, что духовная цель живых людей — следовать своему счастью, искать свою страсть и проживать жизнь, вдохновляя друг друга. Все остальное вытекает из этого. Находя вдохновение, мы испытываем потребность действовать на благо себя и окружающих. Даже если для этого нужно сделать тяжелый выбор или отрезать что-то и оставить это в прошлом.

Прощание — смелое и мощное начало.

КРАТКАЯ БИОГРАФИЯ

1987 Переезд в Энглвуд, штат Колорадо; начало учебы в средней школе; первый опыт катания на лыжах.

1988 Первое путешествие с ночевкой в национальный парк Роки-Маунтин.

1990 Первая поездка в Юту; посещение национальных парков и памятников природы Арчес, Кэпитол-Риф, Брюс и Зион.

1993 Окончание старшей школы Черри-Крик; сплав на рафтах по каньону Катаракт в национальном парке Каньонлендс, штат Юта; переезд в Питтсбург, штат Пенсильвания, учеба в университете Карнеги-Меллон.

1994 Восхождение на первый четырнадцатитысячник в Колорадо — пик Лонгс.

1995 Летняя работа гидом на рафт-сплаве по реке Арканзас в Колорадо; переезд в Лозанну, Швейцария, год учебы за границей.

1997 Окончание университета Карнеги-Меллон; нападение медведя в национальном парке Гранд-Тетон; начало работы в компании «Интел» в Финиксе, Аризона.

1998 Первое зимнее восхождение — пик Хамфрис, Аризона; первое альпинистское восхождение — пик Вестал, Колорадо; путешествие с сестрой на День благодарения в каньон Хавасупай; первое зимнее восхождение в одиночку на четырнадцатитысячник — пик Куондэри.

1999 Переезд в Такому, штат Вашингтон; восхождение на горы Райнир и Шуксан в штате Вашингтон; переезд в Альбукерке, Нью-Мексико; вступление в Совет горных спасателей Альбукерке.

2001 Восхождение на Кордильера-Бланка в Перу; окончание путешествия на четырнадцатитысячники в Колорадо в ноябре.

2002 Увольнение из компании «Интел»; восхождение на Денали (Аляска) в июне; переезд в Аспен, штат Колорадо, в ноябре.

2003 Зимние одиночные восхождения на вершины Пирамид, Холи-Кросс, Лонгс, Кэпитол и Марун-Беллз; попадание в лавину пятой категории на пике Резолюшн, Колорадо; посещение каньона Блю-Джон в штате Юта.

notes

Примечания

1

Пер. с др. — гр. В. Вересаева.

2

Робберз-Руст (Robbers Roost, Приют Разбойников) — обширная территория в юго-восточной части штата Юта, служившая приютом для преступников. Чаще всего в Приюте скрывались Бутч Кэссиди и его «Дикая шайка». — *Здесь и далее прим. перев.*

З

Кэмелбэк (от *англ.* Camelback) — название компании, которая производит различные резервуары для воды, как правило мягкие, вставляемые в рюкзак, или рюкзаки-резервуары. Резервуар обычно оснащен трубкой и загубником, позволяющими пить, не снимая рюкзак, не слезая с велосипеда и пр. В русском языке кэмелбэк стало нарицательным именем (по аналогии с ксероксом, джипом и пр.), так называют любой резервуар для воды с трубкой и загубником независимо от фирмы-производителя.

4

Мультитул — название, которое прижилось для особого вида складных ножей с множеством различных приспособлений. Отличительной особенностью именно мультитула является наличие в нем плоскогубцев.

5

Худу (hoodoo — *англ.*) — высокие тонкие остроконечные геологические образования, возвышающиеся над поверхностью безводных бассейнов. Худу состоят из мягких осадочных пород и покрыты сверху слоем более твердой и стойкой к эрозии породы. Чаще всего расположены в пустынях, в безводных и жарких областях.

6

Арройо (arroyo, *исп.*) — сухое русло.

7

Здесь отсыл к известному американскому роману Натаниэля Готорна «Алая буква» (1850), в котором рассматриваются вопросы греха и его искупления, в том числе и прилюдного. Алая буква «А» нашивалась на платье женщины, уличенной в прелюбодеянии (первая буква в слове «adulteress»).

8

Спуск дюльфером — спуск по свободно висящей веревке. Берет свое название от австрийского альпиниста Ганса Дюльфера, первым придумавшего (точнее, подсмотревшего у цирковых артистов) технику спуска, т. н. классический дюльфер. Сейчас для спуска дюльфером используются различные приспособления, но название осталось. Также слово применяется непосредственно к процессу: например, «дюльферять» — спускаться дюльфером; или служит как количественная оценка: «один дюльфер», то есть один спуск дюльфером не более чем на длину стандартной альпинистской веревки.

9

В США весьма популярны детские праздники, где гости (или приглашенные артисты) изображают героев популярного мультфильма «Скуби-ду». Студенты любят устраивать взрослый вариант Скуби-вечеринки — с пивом и пр. Герой мультфильма при этом, как правило, сотворяется из подручных материалов.

10

Как же это — я никогда не видел
Волн, которые приносят ее слова ко мне? *(англ.)*.

11

Если мы бы могли видеть множество волн,
Текущих сквозь облака и затопленные пещеры,
Проливающих смысл на слова, что искали ее
Среди ветра и под водой *(англ.)*.

12

В данном случае — простое дюралевое кольцо, позволяющее протравливать веревку с дозированным усилием. Используется для спуска по свободновисящей веревке или для снижения усилия рывка при страховке.

13

Спусковая стропа — кусок стропы, который оставляют на станции, продергивая веревку снизу.

14

Зацепка — элемент скального (как правило) рельефа, выступ или трещина, позволяющая ухватиться рукой или поставить (заклинить) ногу.

15

Каньон Хорсшу раньше назывался Бэрриер-Каньон (Barrier Canyon), отсюда название стиля в наскальном искусстве. — *Прим. ред.*

16

Золото в моих волосах.
В деревенском пруду
Стоит и шатается
Дождь и ветер на шоссе *(англ.)*.

17

Боюсь, я никогда не рассказывал вам историю призрака,
Которого я знал и с которым говорил, но которым никогда не хвастался *(англ.)*.

18

Норман Бейтс — маньяк, персонаж романа Роберта Блоха «Психоз» (1959), годом позже экранизированного Альфредом Хичкоком; в фильме эту роль исполнил Тони Перкинс.

19

Вальтер Бонатти (р. 1930) — известный, можно сказать даже — легендарный, итальянский альпинист.

20

«America the Beautiful» — известная патриотическая песня США, написана Кэтрин Ли Бейтс в 1893 г. после подъема на Пайкс-Пик.

21

14 000 футов — это 4267 м. Несмотря на то что американские альпинисты в основном оценивают вершины по метрической системе: «пятитысячник», «семитысячник» и пр., для автора именно цифра 14 000 футов имеет магическое значение. Очевидно, что в метрах эта цифра некруглая и не вызывает никакого любопытства. Но для автора это важно, поэтому, переводя все величины из имперских единиц в метрические, название «четырнадцатитысячник» мы в этой книге оставляем. Не стоит путать с аналогичными названиями в других альпинистских книгах: почти наверняка (если это не оговорено заранее) там речь идет о метрах.

22

Хузир (hoosier) — прозвище жителей штата Индиана.

23

Могул — вид лыжного фристайла, состоит в катании на горных лыжах по бугристому склону (по буграм, или могулам) и выполнении прыжков на трамплинах.

24

Хайкер — любитель пешеходных прогулок. Это не совсем то, что у нас принято называть «туристом-пешеходником», но близко к тому.

25

Галлон — 4,5 литра.

26

Рейнджеры в данном случае — смотрители парка (от *англ.* ranger — охотник, лесник, егерь).

27

В национальных парках США строго запрещено кормить животных, особенно хищных. За нарушение налагается ощутимый штраф. На плакатах, поясняющих этот запрет, как правило, изображены именно медведи.

Диаметр мяча для софтбола — 30,4 см. — *Прим. ред.*

29

Имеется в виду четверть доллара (quarter), монета достоинством 25 центов, около 25 мм в диаметре. — *Прим. ред.*

30

Чистая зона — участок производства, где обеспечена повышенная степень чистоты, при входе куда, например, требуется надевать халаты или комбинезоны, обрабатывать себя пылесосом и пр. Термин, принятый в высокотехнологичном производстве.

31

Пер. В. Сервиновского.

32

Флагстафф — самая известная гора на горнолыжном курорте Сноубоул.

33

День труда — официальный праздник в США, первый понедельник сентября.

34

Колючая груша, опунция — вид кактуса.

35

Какомицли — кольцехвостый енот.

36

Ледобур — ледовый крюк, представляющий собой стальную или титановую трубку диаметром около 3 см и длиной около 25 см. На внешнюю часть трубки нанесена крупная резьба, к концу трубки прикреплена проушина. Ледобур ввинчивается в лед, в проушину вщелкивается страховочная веревка.

37

Ледовый инструмент — короткий — не больше полуметра — ледоруб с искривленным древком, сложной формой клюва и часто с молотком вместо лопатки. Предназначен специально для лазания по сложному ледовому рельефу.

При работе первого в связке страховочная точка находится ниже, поэтому в случае срыва альпинист пролетает расстояние до точки и потом столько же (плюс растянувшаяся от рывка веревка) ниже точки. Это требует дополнительной психологической подготовки для работы первым в связке.

39

Ледовый молоток — как правило, то же, что и ледовый инструмент.

Здесь наблюдается некоторое противоречие, поскольку в тексте ясно указано, что для страховки использовался снежный якорь (полуметровый кол, иногда с расширением), но также сказано, что герой поднимался по ледовому склону, где для страховки обычно используются ледобуры (снежный якорь просто-напросто в лед вбить не получается).

41

На самом деле такая трещина называется рантклюфт, а бергшрунд — это трещина в том месте, где ледник, текущий в долину, отделяется от ледника, лежащего на склоне горы. По логике повествования такое определение тоже больше походит на правду, и преодолевать автору пришлось именно бергшрунд, и именно в том месте, где ледник отрывается от склона, а не в том, где лед отрывается от прилегающей скалы.

42

SAR — search and rescue — спасательная служба.

43

Альберт Бирштадт (1830–1902) — один из наиболее известных американских пейзажистов XIX в. Изображал в своих картинах Дикий Запад.

44

Телемарк, телемаркинг — стиль катания на лыжах, получивший название от норвежской провинции Телемарк. Фактически это была первая спортивная лыжная техника, появившаяся во второй половине XIX в., когда Сондре Норхейм систематизировал известные способы катания на лыжах с гор. Благодаря технике в 1868 г. он выиграл первые национальные горнолыжные соревнования. Впоследствии Норхейм эмигрировал в США, а телемарк в XX в. сменили более прогрессивные техники. В 1970-х гг. телемарк возродился и начал приобретать популярность именно в США. Некоторые источники приписывают возрождение телемарка хиппи, поскольку возродился он не только как техника, но еще и как особая «философия свободы». Принципиальное отличие телемарка от техники параллельных лыж и карвинга в том, что он базируется на разножке и естественном для человека движении — шаге. Поворот в телемарке инициируется ведущей (внешней) ногой, при этом оба колена согнуты, а пятка задней ноги приподнята над лыжей. Поэтому крепления для телемарка присоединяют к лыже лишь носок (рант) ботинка, оставляя свободной пятку. Именно это различие, по мнению многих приверженцев, дает преимущество телемарку перед параллельными лыжами при внетрассовом катании, а также при катании с рюкзаком. Это убеждение вкупе с тем, что для усвоения основ телемарка не требуется дорогого снаряжения (хотя топовые модели стоят дорого), и стали основой «философии свободы».

45

Другое название самой высокой вершины Северной Америки — Мак-Кинли.

46

Популярная цитата из книга Уильяма Хатчинсона Мюррея «Шотландская экспедиция в Гималаи» (1951); приводится там как якобы принадлежащая Гёте, но в действительности представляет собой крайне вольный парафраз еще более вольного перевода условно сходных по тематике строк из «Фауста».

47

Узел Прусика (он же схватывающий узел, или просто прусик) — узел, завязанный одной веревкой (более тонкой) вокруг другой, более толстой. (Как правило, 6–8-миллиметровым репшнуром вокруг 10–14-миллиметровой основной веревки.) Особенность этого узла заключается в том, что, если его аккуратно перемещать вдоль основной веревки, он скользит, если же резко рвануть, то он схватывается вокруг основной веревки.

48

Имеется в виду Гражданская война в США 1861–1865 гг.

49

Пик-баггинг — исключительно американское развлечение. Состоит в том, чтобы за определенный период посетить максимальное количество вершин. Иногда участник ставит себе какие-нибудь условия, например только вершины выше определенной высоты. Иногда условия отсутствуют, и тогда, например, в зачет идут даже те вершины, на которые можно заехать на автомобиле.

50

Gatorade — американский напиток для спортсменов.

51

Жандарм — скальный выступ на гребне.

Deadly Bells *(англ.)* — Колокола смерти.

Knife Ridge *(англ.)* — Ножевой гребень.

Ски-тур — лыжи, предназначенные для подъема и спуска по неподготовленным склонам. В режимах катания и ходьбы крепления с ботинками работают по-разному. В режиме ходьбы голенище ботинка свободно колеблется, а крепление не фиксирует пятку. В режиме катания голенище зафиксировано, пятка жестко закреплена. Как правило, ски-туры используются в комплекте с камусами — ворсистой или резиновой лентой, которую надевают на скользящую поверхность пластиковых лыж для уменьшения отдачи и возможности идти вверх по склону.

55

К2 — вторая по высоте вершина в мире, расположена в горной системе Каракорум, на границе Пакистана и КНР. Одна из самых сложных и опасных вершин в мире.

56

Это рассуждение об обморожениях и пузырях целиком на совести автора, равно как и его действия во время восхождения и лечения руки.

57

Хели-ски — вид внетрассового катания, когда лыжника (или сноубордиста) забрасывают на точку старта вертолетом.

58

Бипер — приемо-передающее устройство, служащее одновременно радиомаяком и радиопеленгатором во время поисков попавшего в лавину.

59

Здесь K2 — марка известного в США (и в мире) бренда спортивного снаряжения.

Здесь — игра слов. Название вершины Maroon Bells означает «малиновые колокольчики»; в названии статьи — аллюзия как на крылатую фразу Джона Донна («Не спрашивай, по ком звонит колокол, ибо он звонит по тебе»), так и на взявший от нее заглавие роман Хемингуэя «По ком звонит колокол».

61

Для преодоления сложного ледового рельефа используют жесткие кошки, представляющие собой единую платформу. Для хождения по простому снежно-ледовому рельефу более удобны т. н. мягкие кошки, у которых носовая и пяточные части соединены подвижно.

62

Категория сложности скалы по американской системе YDS. Эта система предусматривает классификацию сложности рельефа от 5.2 до 5.15b.

Достоверность термодинамических выкладок целиком на совести автора.

«Fearless» — песня альбома Pink Floyd «Meddle» (1971).

65

Бивачный мешок — мешок из легкой непромокаемой ткани или фольги, используемый для аварийных ночевок.

Гиповолемия — нарушение объема циркулирующей крови и соотношения ее составных элементов. Часто к гиповолемии приводит именно обезвоживание.

67

В США при выпуске из школы некоторые ученики готовят речь на заданную тему, после чего участвуют в дискуссии на ту же тему. Речь и дебаты определенным образом оцениваются, и выстраивается определенный рейтинг, что дает выпускнику бонусы при поступлении в университет.

68

Бэккантри-лыжи — лыжи, предназначенные для туризма. При этом они отличаются от того, что считается туристскими лыжами на постсоветском пространстве. Бэккантри-лыжи, как правило, широкие, с достаточно ровной геометрией и невыраженной талией, насечкой под грузовой площадкой и металлическим кантом.

69

Колорадо получил такое название, потому что статус штата был присвоен ему в 1876 г. — через сто лет после подписания Декларации независимости США.

То есть начинается сезон активного летнего туризма.

71

Сплитборд — сноуборд, который может быть разделен на две короткие лыжи.

72

Кив — ритуальное индейское сооружение.

73

Аттракцион в Диснейленде; один из немногих работающих до настоящего времени с момента основания парка (1955). Мистер Жаб — персонаж классической детской повести шотландского писателя Кеннета Грэма «Ветер в ивах» (1908).

74

Выпущенный в 1975 г. роман об экотеррористах, культовая классика; в настоящее время готовится экранизация.

75

Доктор Зло — главный злодей в серии фильмов «Остин Пауэрс». — *Прим. ред.*

«Н'Олинс» (N'Awlins) — так туристы произносят название города Новый Орлеан (New Orleans). — *Прим. ред.*

77

«Margaritaville» — песня американского автора и певца Джимми Баффета, написанная в 1977 г. и давшая название стилю жизни, подразумевающего житье в тропическом климате, слушание легкой музыки и употребление коктейлей, в особенности коктейля «Маргарита».

78

Патрик Стюарт (р. 1940) — британский актер. Здесь имеется в виду исполненная им роль капитана Пикарда в сериале «Звездный путь. Новое поколение» (1987–1994).

«Suunto» — марка финских спортивных часов.

80

Румми — настольная игра.

81

«7-UP» — разновидность газированного напитка.

82

Чай, приготовленный на солнце, без добавления кипятка. — *Прим. ред.*

«7-Eleven» *(англ.)* — глобальная сеть продуктовых магазинов шаговой доступности. — *Прим. ред.*

84

«Слёрпи» — замороженный напиток с разными вкусами, продающийся только в «7-Eleven».

85

Пандемониум — место сбора злых духов, царство Сатаны. В аллегорической поэме Джона Мильтона «Потерянный рай» рассказывается история восстания Люцифера против Бога, жизни Адама и Евы в Эдеме и изгнании из него.

«Five-Alive» *(англ.)* — марка фруктового сока.

87

«Улица Сезам» (Sesame Street) — популярнейший американский детский сериал, выходит с 1969 г. — *Прим. ред.*

Requiescat in pace *(лат.)* — «Покойся с миром».

89

Шарлотт (Charlotte) — самый крупный город в штате Северная Каролина.

Цит. по: Паланик Ч. Бойцовский клуб / Пер. И. Кормильцева. М.: АСТ, 2002.

91

Твердая земля *(лат.)*.

92

В США на скальных маршрутах положено не оставлять никакого снаряжения. Альпинист должен, например, выбить и забрать с собой все крючья или закладные элементы. Позволено оставлять только стационарные спусковые крючья и петли. Веревки на маршрутах тоже оставлять не рекомендуется.

93

Air Traffic Controller (ATC) rappel/belay device, он же спусковуха, на самом деле — просто дюралевая пластина с двумя прорезями, через которые пропускается веревка и для трения прощелкивается одним или двумя карабинами. В Европе и России более употребимо название «шайба Штихта».

94

Битва «Монитора» и «Мерримака» (март 1862) — морское сражение в Гражданской войне США. В нем участвовали броненосцы «Монитор» и «Мерримак», это было первое в истории столкновение броненосных судов. — *Прим. ред.*

95

Юкер (*англ.* — euchre) — карточная игра на четверых человек.

96

Ангиограмма — снимок кровеносных сосудов.

97

Том Брокау (р. 1940) — популярный американский телеведущий; в 1982–2004 гг. вел программу «NBC Nightly News».

98

Бэккантри-телемаркинг — путешествие зимой в горы, основная цель которого — спуск по неподготовленному, «дикому» склону стилем «телемарк». Поклонники лыжной техники «телемарк» несколько дистанцируют себя от других видов внетрассового спуска. В России их пока мало, тем более мало людей, которые ради этого готовы пускаться в дальние лыжные путешествия. Поэтому, как правило, в терминологии используются кальки с английского языка.